

Кристина
Юраш
СЕЛФИ
НА ФОНЕ ДРАКОНА
УЧЕНИЦА
ЧАРОДЕЯ

Annotation

Выборы в аду! Что может быть веселее агитации на семи кругах ада за право обладать короной? А все почему? Потому что супруг исчез прямо со свадьбы в процессе идиотского конкурса, на котором я должна была доказать свою профпригодность в качестве невесты Императора. Мы поменялись обликами, и он отправился доказывать со страшной силой. И исчез! Неужели сбежал? Неужели ему на меня плевать? А тут еще эта крыса подвизалась давать свои советы в стиле Бойцовского клуба, действуя на мою расшатанную нервную систему! Ничего, петь мы уже пели, теперь будем баллотироваться, раз мой благоверный попал в ад раньше времени!

- [Кристина Юраш](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Эпилог](#)
-

Кристина Юраш
Селфи на фоне дракона. Ученица чародея

*Двоечник, сдававший экзамен по латыни, случайно
вызвал демона.*

Студенческий фольклор

Глава 1

Предсвадебный переполох

Вы когда-нибудь видели королевскую свадьбу? Я – нет. Если честно, то столь унылые и мегапафосные события меня всегда мало интересовали. Я пропустила свадьбу принца Чарльза и леди Дианы, так как в этот момент мои родители еще не встретились, я пропустила свадьбу наследного принца Уильяма и Кейт Миддлтон, так как мне было лень включать телевизор, а вот теперь я принимаю, так сказать, непосредственное участие в королевской свадьбе. Правда, совсем в другом мире. И в роли невесты. Уточню пару деталей. Она состоится завтра вечером, еще ничего не готово, а мы с моим мужем торчим в нашем мире и направляемся в гости к моей маме, которая узнала о том, что ее дочка вышла замуж, двадцать пять минут назад. Жить мне оставалось от силы час. Меня уже ничего не спасет. Скажу как есть. Мы с ней, к сожалению, не очень-то и близки. Как только я стала самостоятельной и стала зарабатывать себе на жизнь, то наше с ней общение ограничивалось: «Привет, когда замуж собираешься?» И вот, я не просто собралась, я туда вышла. Правда, при очень странных обстоятельствах.

– И что мы ей скажем? – мрачно спросил меня мой уже законный в этом мире, но еще не узаконенный в том супруг.

– Мамочка! Я тут случайно поехала в отпуск, пошла купаться, какая-то незнакомая русалка схватила меня за ноги и утащила в другой мир, где я неудачно загадала желание, резко набрала вес до критической массы сто пятьдесят шесть килограммов, отправилась на поиски того, кто меня расколдует, познакомилась с его императорским величеством, который меня сначала хотел расколдовать, но, узнав поближе, решил убить, чтобы я не мучилась. Но я оказалась упрямой и мало того, что выжила, так еще и победила в местном «Евровидении», дабы исполнилось мое желание похудеть без диет и упражнений. Мне в этом помогал орк, косящий под эльфа, и эльф, который на поверку оказался одной из личин императора... В итоге мне сделали предложение, от которого я не смогла отказаться, и теперь я выхожу замуж, а это – его величество. Прошу любить и жаловать! – выпалила я, а потом с надеждой прибавила: – Думаю, прокатит...

– Сомневаюсь, – закашлялся император, которого в нашем мире зовут

Вадим.

– Ну, хорошо! Вот более правдоподобная версия. Я случайно пошла купаться в море и попала в сказку... Там мне приставили к горлу нож, угрожали магией, пытали, пока я не согласилась выйти замуж вот за этого человека. Не помню, как его зовут... Я, честно-честно, пыталась сбежать аж два раза... Но куда от судьбы убежишь на сломанных ногах с перебитыми руками? – горестно вздохнула я. – Да, у нас не было долгих свиданий, букетов цветов и серенад под окнами. Да, я приняла это решение спонтанно, потому что где я еще встречу человека, который сумел полюбить меня такой, какая я есть, и ради того, чтобы признаться в этом, разыграл такую пьесу, что у меня до сих пор в голове не укладывается.

– Не пойдет... – покачал головой мой два часа как муж.

– А может быть, сказать, что ты меня изнасиловал в темном переулке, а потом, как честный человек, решил жениться? – предложила я, понимая, что больше оправданий для столь скоростижной свадьбы я не могу придумать. – Ты привязал меня к кровати, а потом...

– Сима! – одернул меня мой любимый. – Не нужно сочинять! Я к тебе еще и пальцем не прикасался!

– А поцелуй в парке не в счет? – грустно вздохнула я, вспоминая этот эпический момент.

– Я же не пальцем тебя целовал... – улыбнулся мой муж. – Давай прекращай озвучивать свои планы на первую брачную ночь, оставь их до завтра... Я предлагаю сказать, что мы познакомились с тобой на отдыхе, прямо на пляже, а потом, спустя две недели, решили пожениться, ибо любим друг друга и все такое... Любовь с первого взгляда...

– Ты издеваешься? Ты думаешь, мама в это поверит? – кисло улыбнулась я. – Придется импровизировать... Главное – ничего не бойся... Ешь только то, что ем я. Если еда не лезет, делай вид, что ковыряешь вилкой, только облизывай ее почаше. У меня в детстве прокатывало. Ах да! Упаси бог тебя обидеть Клеопатра. Это кошатушек породы сфинкс. Главное, сдержать первый вопль, когда ты его увидишь, а дальше все будет отлично. И не смотри ему в глаза. Он этого не любит...

– Сима, если ты думаешь, что я не знаю, как вести себя с твоей мамой и с твоим скотом, то ты глубоко заблуждаешься... – покачал головой мой супруг, надевая аккуратные очки, поправляя волосы и пиджак, который мы купили по дороге. Теперь мой супруг выглядел так серьезно, словно приехал на симпозиум светил науки с мировыми именами с докладом по квантовой физике. Не хватало папочки, трибуны и доски с кучей формул, чтобы довершить образ будущего нобелевского лауреата.

– Кстати, я не думала, что ты согласишься жениться на мне в этом мире тоже. Думала, что начнешь вредничать, а я тихонько от тебя сбегу... Жаль, что не вышло, – заметила я, ковыряя пальчиком пластиковую обшивку машины.

– Сбежать в третий раз? Ты в детстве «Ну, погоди!» пересмотрела? – спросил меня Вадим. Черт, никак не могу привыкнуть к его имени. Я узнала его только в загсе, к вящей радости его работников, которые сегодня закатят такой пир, что завтра на работу вряд ли выйдут. И послезавтра тоже. А если и выйдут, то будут включать музыку тихо-тихо, отхлебывая минералочку.

– Приехали. Второй подъезд, третий этаж, железная дверь направо... – сказала я. – Вон окно во двор выходит. С синими шторами.

– Мы что, в окно полезем? Предпочитаю дверь. Маму как зовут?

– Марина Николаевна... – ответила я. – Не вздумай менять облик... Я тебя предупредила! Говорить буду я. Ты просто кивай. Прикинься глухонемым. Помни, каждое слово будет использовано против тебя через пять минут!

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я думала, что еще есть возможность сбежать. Я вообще раньше чем через месяц показываться на глаза маме не собиралась. А тут мне такая эсэмэска пришла, что меня прошиб холодный пот и пришлось срочно менять планы и являться с повинной.

Я сглотнула, вдохнула, выдохнула и собралась уже позвонить в звонок, как дверь сама открылась. На пороге появилась моя мама в домашнем халате.

– Проходите, молодожены... – процедила она, втаскивая нас внутрь. На холодильнике, который стоял в коридоре, сидел прообраз Голлума – серый, морщинистый, лысый и толстый сфинкс. Я сама рефлекторно дернулась, увидев Клеопатра. Я всегда дергаюсь с непривычки. Вообще-то, когда мама его купила, то ей показалось, что это девочка, поэтому назвали ее Клеопатрой. Но по мере взросления и отвисания определенных частей кошачьего тела всем стало понятно, что Клепа – это он. Но мама никак не хотела принять очевидный факт, пока случайно не прищемила кошачье *это* дверцей холодильника.

– Привет, Заклепка, ты по мне соскучился? – протянула я руку к коту. Тот зашипел, и я резко ее отдернула. Да! С реакцией у меня пока все в порядке! Помнит еще, скотинка, как я поддавалась новому течению и завела видеоблог по нанесению макияжа. Поскольку красить саму себя было совсем неинтересно, а мама, как назло, уехала, оставив мне Клепушку на

попечение, то случайный взгляд, упавший на недовольную кошачью морду, натолкнул меня на множество интересных мыслей и свежих идей. Первой проблемой было зафиксировать кошастика так, чтобы он смог продержаться в одном положении десять минут. На помощь пришел скотч и старый зимний сапог. Когда котэ был зафиксирован, я, установив веб-камеру, принялась за дело. Ролик набрал полмиллиона просмотров исключительно потому, что к концу ролика на мне не осталось живого места, ибо кот выбрался из сапога, а словарный запас зрителей пополнился такими словами, что гопники и строители разобрали их на цитаты. А потом на меня нажаловались защитники дикой природы, которые посчитали, что красить котяру дорогой косметикой кощунственно. Мне до сих пор непонятно, кого они пожалели больше? Тюбик тонального крема за штуку рублей или животное? Но в итоге меня с позором забанили. Конечно, я заплатила коту за мучения сосиской, а на сдачу получила ту же сосиску, только в уже несъедобном варианте аккурат в левой тапке.

Заклепка устоялся на меня так, словно целыми днями молился о моем появлении для сведения личных счетов в перерыве между планами о захвате всех холодильников мира. Я все поняла и резко отскочила, ударившись локтем о дверную ручку. Жирная тушка, возомнившая себя белкой-летягой, шлепнулась с холодильника на пол, желая гореть мне в аду. Я загибалась от боли, потирая гудящий локоть, а котяра орал благим матом, проклиная неудачную посадку.

– Моя заюшка ушиблась? Дай мама пожалеет! – нежно сказала моя мама, бросаясь к нам. – Покажи маме, где больно.

– У тебя очень заботливая мама, зря ты так плохо о ней думаешь... – прошептал мне на ухо Вадим.

– Это она не мне... – мрачно ответила я, глядя, как мама подсаживает Клепушку на холодильник.

– Марина Николаевна, – улыбнулся мой супруг, – я рад с вами познакомиться. У вас настолько обаятельная и креативная дочь, что я поначалу решил, что она точная копия мамы... Но теперь я понял, что ошибаюсь... Вы производите впечатление очень серьезного человека... А у меня к вам очень серьезный разговор.

Слово за слово, и через десять минут я почувствовала себя явно лишней. Мне даже захотелось уйти. Пока мама ходила на кухню за булочками, я прошипела:

– Не перегибай палку. Мне уже страшно становится.

Ответить мне не успели, так как мама вернулась с булочками и тут же достала мои детские фотографии. Вот Симочка поет на утреннике в

детском саду, на фоне старого фортепиано, а музработница умилительно плачет... Да, она в детстве очень любила петь. Мы даже подумывали отдать ее в музыкальную школу... А вот Симочка играет в космонавта и запускает кошечку в космос... Кошечка выжила. Правда, через месяц сбежала... А это Сима на пляже с обезьянкой. В платье с бантиком – обезьянка, в шортиках и футболке – Сима. Правда, мило?

Через полчаса я начала зевать, рассматривая цветочный узор на обоях и пыльный хрусталь в серванте.

– Братик твой совсем ходить перестал... Я его по врачам возила, они говорят, что все очень серьезно. Нужно долгое лечение... Сейчас на укольчики ездим, – грустно сказала мама, идя за следующим альбомом.

– У тебя есть брат-инвалид? – тихо и очень грустно спросил меня мой муж, положив свою руку поверх моей, мол, крепись. – Если надо, я сделаю все, чтобы ему помочь... Ты говори, не стесняйся!

В коридоре раздался глухой удар и душераздирающий крик. Боинг совершил аварийную посадку, отбив себе шасси.

– Да, есть. Он только что с холодильника упал, – ядовито заметила я. Мой муж закашлялся, подавившись шестой кружкой чая...

– Симочка, сделай укольчик братику. И обязательно отрежь ему колбаски. Он всегда так переживает, когда ему укольчики делают, – ласково сказала мама, тревожно поглядывая в сторону коридора. – Мне он уже не дается. Может быть, Симочке разрешит...

– Запомните меня такой, как сейчас! Молодой, красивой, с двумя глазами... – тоскливо отозвалась я, нехотя поднимаясь с дивана.

– Ну зачем ты так? – с укором спросила меня мама. – Клепушка так по тебе скучал... Он всегда так оживляется, когда ты приезжаешь. Даже ходить начинает! Бывало, я принесу его сюда, покажу твою фотографию, а он смотрит на нее, смотрит... Я ему говорю, давай, мол, я тебя на холодильник отнесу, а он не хочет...

– Это он порчу наводит... – буркнула я, идя в коридор. Кот валялся на полу и орал благим матом, требуя, чтобы его отнесли к лотку.

Через пять секунд раздался еще один глухой удар и душераздирающий кошачий крик, и кот пулей бросился к маме, а я, как заслуженный мануальный терапевт, прихрамывала следом за ним.

– Вот видите, как укольчики помогают... – вздохнула мама, глядя, как пациент забился под ее кресло.

Н-да... У меня от этого укольчика чуть нога не отвалилась.

– Симочка у нас готовит плохо... – вдохновенно и щедро делилась мама подробностями моей биографии. – Она вообще готовить не любит...

У нее когда-то хомячок был. Маленький комочек шерсти... Друзья подарили... Он продержался ровно два месяца, а потом осенью лег и больше не двигался... Умер... От голода... Сима его похоронила... Нет, я ни на что не намекаю... Может быть, вам повезет больше, чем этому бедолаге.

Опа! Мама – и на вы? У меня такое ощущение, что меня сейчас за ручку забирают из детского садика, а я стала невольным свидетелем разговора воспитательницы и родителей.

– Мама, может, не надо? – Я чувствовала, что маму уже не остановить.

– А потом она узнала, что хомячок не умер, а просто впал в спячку... – продолжила мама, считая своим долгом подготовить своего зятя морально к возможным последствиям столь скоропалительного решения. – И тогда она купила себе нового... Но и тому не повезло. Симочка у нас всегда хотела стать доктором. По биологии у нее была пятерка. В детстве она доставала медицинский справочник и читала вслух... Ее любимыми болезнями были экзема и саркома. И вот однажды она тискала хомячка и обнаружила опухоли. Она позвонила мне, но я была занята, поэтому не могла ответить. У меня как раз были пациенты... Симочка решила действовать самостоятельно. Сначала Сима прижгла опухоли йодом. Потом помазала мазью «Звездочка», а затем разогревающей мазью «Финалгон». Хомяк окончательно занемог. И тогда Сима поняла, что хомячку может помочь только срочное хирургическое вмешательство...

Мой супруг в этот момент превратился в само внимание. Он смотрел на мою маму с таким неподдельным интересом, как Киса Воробьянинов на свою тещу, когда та повествовала о том, как зашивала фамильные драгоценности в фамильный гарнитур.

– Вооружившись маникюрным набором, Симочка взялась за операцию... – продолжила мама, отхлебывая чай. – Она побрила живот хомячка моей бритвой, сумела лезвием надрезать и выдавить одну опухоль. Руки она предварительно продезинфицировала спиртом. Кровь удалось остановить прижиганием. Она раскалила чайную ложку и прижгла вавку. Вторую опухоль она удалить не успела... Пациент скончался... Судя по тому, что на столе остался йод и бинт, Симочка боролась за пациента до последнего!

– А хомячок был самцом или самочкой? – поинтересовался мой муж, протирая запотевшие очки.

– До операции? Или после? – деликатно уточнила мама, показывая фотографию хомячка-покойничка. Он тоскливо смотрел на нас глазками-бусинками, как бы предчувствуя свою безвременную кончину на кухонном

столе.

– Мама! – возмущенно заявила я. – Может, не надо рассказывать такие вещи! Я действительно свято верила, что спасаю хомяку жизнь, а в качестве анестезии дула на вавку!

– Что? Я же не рассказываю, как ты попугайчика от запора клизмой лечила? – обиделась мама, захлопывая семейный фотоальбом. – Или про то, как ты накрутила Клёпушку и надела ему платок на голову на ночь глядя, я вообще молчу... Я чуть разрыв сердца не схватила... Думала, что бабушка-покойница с того света вернулась, а что чувствовал бедный котик, я вообще представить боюсь. А после того, как Сима посмотрела «Властелин колец», бедный котик при словах «Моя прелесть» вообще боялся из-под кровати вылезать... У меня как раз тогда было старое обручальное кольцо...

– Ты просто преувеличиваешь, – торопливо перебила я, вспоминая, с какого конкретно места и как с кота снимали злополучное кольцо. Кот эту процедуру запомнил на всю жизнь...

– Так что болеть, Вадим, я вам не советую... – вздохнула мама, пряча альбом в сервант. – А поскольку я хочу еще внуков понянчить, то категорически запрещаю!

Я сделала вид, что обиделась, в надежде, что мама не вспомнит о том, как я, первый и единственный раз, отдыхала в детском оздоровительном концентрационном лагере строгого режима «Улыбка». Я сделала на мыльницу кучу фотографий с оторванным дорожным указателем «ДОЛ «Улыбка» 5 км», а потом притащила ее в лагерь, чтобы каждый мог сделать классное фото за скромное вознаграждение. В итоге вся смена уехала, имея штук пять-шесть незабываемых фотографий. Прокат таблички работал ровно сутки, пока ее не нашла и не отобрала у меня администрация. Хоть я и клялась, что дорожный знак не отрывала, а нашла на обочине, когда решила прогуляться во время тихого часа, мне никто не поверил. Или как в университете я вынуждена была рисовать стенд в качестве наказания за прогул. Вместо «Обитель знаний», у меня получилось «Обитель зла», поскольку деканат зажал краску, а фраза требовала логического завершения. Можно было бы еще вспомнить много чего забавного, но мама ограничилась страданиями бедных домашних животных. За что ей большое человеческое спасибо.

– Ну ладно, мы пойдем. У нас через два часа рейс... Мы улетаем на медовый месяц, а если понравится, то останемся там навсегда, – соврала я, ибо мы никуда улетать не собирались. Мы просто перенесемся в другой мир, где нас уже ждут.

Расставшись с мамой, которая смотрела на моего мужа скорбным взглядом, мол, крепись, друг, я понимала, что после визита к моей мамочке шансы выйти замуж у меня ползут к критической отметке ноль. На прощание мама подарила нам две пары вязаных носков в знак признания заслуг моего мужа перед нашей семьей.

– Ура! Теперь Добби свободен! – заметила я, разглядывая жесткие, как валенки, жгучие, как крапива, носки, которые были связаны на случай внезапного наступления ядерной зимы. Как только она наступит, я надену эти носки и умру спокойно.

Мы попрощались и экстренно рванули ко мне домой. Я пока что не сильно разбираюсь в магии. Но кое-что уже поняла. Переход между мирами похож на рекламу концентрированных химикалий и красителей в пакетике «Инвайт», которую транслировали по телевизору с задорной песенкой «Просто добавь воды». Магия и вода. Для процедуры переноса подойдет любой водоем, будь то озеро или море. Мой город не зря прозвали Жемчужиной без моря, поэтому идею с морем можно отместить сразу. Оставшиеся водоемы, при упоминании которых санэпидстанция делала жалобные глаза и прикрывала лицо рукой, для этой цели явно не подходили. У меня есть подозрение, что большинство героев комиксов, упавших в различные химикаты, после чего внезапно ставшие супергероями или суперзлодеями, некогда имели прописку в моем городе, а теперь они могут рассчитывать лишь на льготный проезд в общественном транспорте и возможность покупать в аптеке лекарства без очереди.

Поскольку в льготники мы записываться не собирались, то отправились ко мне домой, где тут же наполнили водой ванну, бросили туда светящуюся ракушку – и вуаля! Мы вернулись в тот мир, где нас ждал роскошный дворец со всеми удобствами, фонтанами и...

– Ты это тоже видишь? – тихо спросил меня мой супруг, замирая от неожиданности.

– Когда закрываю глаза – нет... – простонала я, зажмурившись как следует. – Закрой глазки, и все будет хорошо... Это тля?

– Нет, это мля... Я сейчас кому-то уши накладные оторву!

Весь парк был украшен какой-то розовой паутиной. Для полной картины не хватало бабушки с опрыскивателем и пакета медного купороса, разведенного в пропорции сто граммов на литр воды. «Все поел долгоносик», – мрачно заявила совесть, вместе со мной разглядывая абсолютно голые деревья, с веток которых уныло свисали розовые бумажные шары, создавая впечатление Хеллоуина, плавно переходящего в День святого Валентина, захватывая новогодние праздники, с наложением

декораций друг на друга.

Навстречу нам по аллее шло чудо в розовых перьях, неся в руках рулон туалетной бумаги и мурлыкая от переизбытка чувств какую-то задорную песенку. Белый парик, накладные эльфийские уши, зеленая морда, как у французского бульдога, и накрашенные глаза с накладными ресницами... Да, зрелище не для слабонервных! Тут трудно ошибиться! Это Джио. Собственной гламурной персоной.

– Я убью тебя! – крикнула я, собираясь снять с ноги туфельку и метко швырнуть ее в орка, косящего под эльфа. Но мой муж жестом меня остановил.

– Я тебя тоже люблю, моя дорогая! – крикнул мне орк, махая рукой. – Ваше величество, вы уже вернулись? Так скоро? А я тут совсем замотался! Целый день на ногах! Почти всю ночь не спал, – радостно заявил невозмутимый Джио. – Сейчас дракона докрасим, и все!

– Заметь, я даже не спрашиваю, в какой цвет... – мрачно сказал император. – Сима, придумай ему какое-нибудь наказание. Ужасное, но не смертельное...

– Давай подарим ему мамины носки и заставим надеть прямо сейчас? – улыбнулась я, доставая пакет с негнущимися носками из сумки.

«Мы не правые, мы не левые. Мы ва-а-а-аленки!» – вздохнула совесть.

– По-моему, это слишком жестоко. Прибереги их для особого случая... – вздохнул мой муж, глядя на пакетик.

– А если сразу две пары одновременно? Твою и мою? Или мы с тобой вместо колец обменяемся носками? – спросила я, пытаюсь согнуть носки и снова затолкать их обратно в сумку.

И тут в траве возле меня что-то зашевелилось. Что-то розовое, пушистое, с длинным чешуйчатым хвостом! Я осторожно подошла взглянуть на это и увидела злобную крысиную морду. К хвосту крысы было привязано картонное сердечко. Теперь я понимаю, почему крыса злая. Не знаю, как вы, но я была бы явно не в восторге, если бы мой хвост завязали бантиком.

– Крыса? – поинтересовалась я, показывая пальцем на хвостатую гадость, которая исчезла в траве.

– Самая настоящая! Она еще и в темноте светится! Мы выпустили в парк сто двадцать одну крысу, к которым весь день привязывали пожелания. Представьте себе, идет гость, видит крысу с сердечком на хвосте, что ему захочется сделать? – радостно спросил Джио, явно не предвидя наш ответ.

Я сглотнула, на секунду представив себя на месте гостя, но озвучить

свои соображения не успела.

«Убить упрямую тварь!» – вздохнула совесть.

– Сорвать сердечко и прочесть, что там написано! – Орк сделал характерный жест руками, словно срывает сердечко и с восторгом читает пожелание. – Я все продумал! Магия этих крыс не берет! Это для того, чтобы гости не халтурили... Согласитесь, очень интересный конкурс! Детям он очень понравится... Взрослые тоже будут пищать от восторга!

– А почему не хомячки? – тихо спросила я, вспоминая безвременно почивших по моей вине Огрызка и Шушпанчика.

– Мы думали по поводу хомяков, но в процессе столкнулись с определенными трудностями... Приколоть сердечко иголкой получалось не с первого раза... – начал Джо, но, переведя взгляд на моего супруга, который смотрел таким понимающим взглядом, орк поспешил добавить: – Ладно, тут еще столько дел... Я пошел проверять, достроили ли башню любви из печенья и карамели. Я как раз туда поставил слугу, чтобы он веткой отгонял мух...

– Джо, можно тебя пригласить на голубой огонек? – тихо произнес его величество, и в руке его загорелось синее пламя. – Или ты сам похорошему уберешь все немедленно? Особенно крыс! Пока у меня в руках не будет сто двадцать одно сердечко, я не успокоюсь.

– Сейчас выпишу сто двадцать одну кошку... – записал себе в блокнотик орк, поскрипывая самописным пером. – Кошек тоже покрасить в розовый цвет! Готово!

– А потом сто двадцать одну собаку? – поинтересовалась я, наслаждаясь логической цепочкой. Интересно, дойдет ли дело до розового слона? Или слоны здесь не водятся?

В итоге после споров и пререканий парк удалось откатить до первоначального состояния. Разумеется, при помощи магии. Обида Джо длилась ровно пять минут, после чего он заявил, что желает утвердить свадебные конкурсы собственного сочинения.

– А мы не можем просто в торжественной обстановке напиться и забыться? – устало поинтересовался мой супруг, предчувствуя худшее.

– Ваше величество, свадьба – это очень ответственное мероприятие! Конкурсы должны быть обязательно! Это же традиция! – заявил Джо, доставая длинный, как рулон туалетной бумаги, список конкурсов. Рулон поскакал по траве, с каждым метром убивая во мне надежду на благополучный исход.

– Я не доживу и до середины... – простонала я, краем глаза глядя на мелькнувшее в траве сердечко, прикрепленное к хвосту грызуна. Это же

надо было сидеть и крысам хвосты крутить...

– С конкурсами пока повременим, – сказал император, потирая переносицу. – Как насчет платья?

– Оу! Сейчас покажу! Я заказал его у известного дизайнера Че Занаха! Оно просто великолепно! – Джио направился в сторону дворца, приглашая нас следовать за ним. – По задумке сорок человек будут нести двадцатиметровый шлейф невесты...

Я сглотнула, вспоминая фильм «Человеческая многоножка», который от нечего делать решила посмотреть в процессе поглощения пищи, предварительно, разумеется, не прочитав рецензий и отзывов. Фильмец впечатлил меня, что называется, до глубины желудка. А теперь Джио предлагает, чтобы за мной весь вечер ходило сорок человек впритирку, дыша в затылок и наступая друг другу на пятки?

– Сима, лучше не смотри... – сказал его величество, увидев платье первым.

Ага, размечтался. После такой рецензии мне определенно зачесалось взглянуть! Так, для себя, поржать... Мама дорогая! Это трудно было назвать платьем. Верх его напоминал майку-алкоголичку, а юбка была похожа на тюль, неряшливо заправленный в трусы. «Это тебе не шубу в трусы заправлять!» – глубокомысленно выдала совесть. Нормальненько. Хочу – поглубже заправляю, хочу – нет... Можно складочками, а можно комочком... Платье – трансформер... Ничего вы не понимаете в высокой моде! К такому платью не хватает только пакета на голову... И можно смело выходить замуж. Если возьмут.

– Джио, – с глубоким вздохом обратился мой супруг к нашему свадебному распорядителю. – Платье заменить на что-то более традиционное. Вместо розовой тли – гирлянды из белых цветов.

Смеркалось. Гирлянды еще развешивали по деревьям, а башню из печенья и карамели пришлось скармливать слугам. Мы объявили конкурс, в качестве приза выставили... носки. Два победителя получают с царской ноги по паре вязаных носков, связанных мамой будущей императрицы лично. За носки разгорелась нешуточная борьба. В итоге два счастлиwicka были госпитализированы к целителю, прижимая к груди вождеденный колючий приз. В этот момент я поняла, что выхожу замуж очень удачно.

Глава 2

Покемон гоу, или Самсла ты крысла!

Я проснулась среди ночи оттого, что меня кто-то гладит по щеке. Мне как раз снился кошмарный сон, где я вместе со своим двадцатиметровым шлейфом в платье от Че Занаха направляюсь в туалет. Во сне я не могла его снять с головы, поэтому сорока несчастным пришлось втискиваться вместе со мной в уборную. Пока я пыталась вытащить из трусов занавеску, сорок человек стояли и держали мою фату, во сне смахивающую на марлю. Для меня это было равносильно сходить в туалет на сцене Большого театра. При столь пристальном внимании у меня никак не получалось. Я открыла один глаз и увидела сидящую на моей кровати черную тень... Я уже была готова заорать, но мой рот моментально прикрыли. Немного придя в себя, я увидела белокурого эльфа в черном плаще.

– Спокуха, Маша, я Дубровский! – заявил эльф, улыбаясь незабываемой улыбкой Тома Круза.

– Андоримэль... – выдохнула я, но тут же спохватилась. Никак не могу привыкнуть к тому, что этот эльф 80-го левела – одна из ипостасей моего супруга, благодаря которой он сумел втереться ко мне в доверие.

– Сима, не хочешь прогуляться по парку? – очень деликатно предложил Андоримэль, вставая с моей кровати с кошачьей грацией и присаживаясь в кресло.

– А если муж узнает? – испуганно спросила я, глядя в честные эльфийские глаза. – Он же меня убьет!

– Ха-ха... Шутка не смешная... У меня для тебя новость. Хорошая и плохая... – улыбнулся эльф, грациозно закидывая ногу на ногу. Черные сапоги с кучей застежек – это, похоже, его любимая обувь в любом облике.

– Начни с хорошей... – сказала я, подавляя зевок. Я свесила с кровати ногу и нашарила тапочку. Осталось только встать. Но диспетчер не дал разрешения на взлет, поэтому самолет вернулся на взлетно-посадочную полосу.

Эльф молча достал из кармана пачку сердечек и шлепнул их на стол.

– А плохая? – поинтересовалась я, приоткрывая глаз.

– Девяносто девять... – мрачно ответил Андоримэль. – Я пересчитал... Два раза...

Судя по моим подсчетам, где-то по парку шарятся двадцать две

розовые крысы с сердечками на хвостах, создавая свадебный антураж и романтическую атмосферу.

– И мы сейчас с тобой отправляемся ловить покемонов... Вот твой покебол, – вздохнул эльф, протягивая мне обычный мешок.

– А если покемоны не поместятся? – спросила я, понимая, что идею с крысами Джио явно слизал с какого-то журнала, которые иногда контрабандой проникают из того мира в этот. У меня сложилось такое впечатление, что некоторые издания появляются у нас только после того, как кто-то смочит их в унитаз. Как, например, журнал со статьей про покемонов.

– Будем трамбовать ногами... – вздохнул Андоримэль. – Один держит, другой трамбуется.

– Удачной охоты, Каа! – зевнула я, падая лицом в подушку. – Ко мне сейчас должен волчок прийти и укусить за бочок...

– Слышь, человеческий детеныш, сейчас к тебе придет вся стая и на тебе живого места не оставит! – с улыбкой сказал эльф, вставая с кресла и пытаясь ущипнуть меня за попу. Но я успела увернуться.

– Акела промахнулся, Акела промахнулся... – гнусаво заявила я из-под одеяла, но тут же почувствовала, как меня за ногу стягивают с кровати. Когда я медленно скользила носом по подушке вниз, в моей голове играла песня: «Прощай, мы расстаемся навсегда под этим небом января...»

– Сима, главное правило этого мира: «Если хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам!» Если бы пять лет своего правления я сидел бы на троне, закинув ногу на ногу, империя давно уже развалилась бы на части. Так что не вредничай и одевайся! – зевнул мой супруг. – Стража и слуги предупреждены. Нам никто не помешает заниматься этим благородным делом.

На улице было зябко. В небе светила одна полная луна, а две другие уже шли на убыль. Мы медленно двинулись вдоль аллеи. Конечно, не царское это дело – крыс в мешочек собирать. Если бы мне кто-то сказал, что я ночью перед свадьбой буду ловить крыс с пожеланиями, то я бы расстреляла тамаду из реактивного говномета.

– Послушай, Труффальдино из Бергамо, – повисла я на руке у эльфа. – Тебе как удастся быть в двух местах почти одновременно?

– Иллюзия, – улыбнулся Андоримэль, делая взмах рукой.

Прямо перед нами материализовалась фигура его величества.

– И что это вы тут делаете на ночь глядя? – спросил он голосом, который, судя по моему горькому опыту, ничего хорошего не предвещал. Я рефлексивно дернулась, побледнела, мои колени прогнулись, а во рту

пересохло. – Сима! Если я еще раз увижу тебя с этим эльфом, я вам обоим головы поотрываю!

Я медленно стала сползать вниз, чувствуя, что ком застрял в горле. Так вот что такое условный рефлекс.

– Ну ты даешь... Мне кажется, что я где-то переборщил... – выдохнул эльф, щелкая пальцами. Его величество растворился в темноте.

– Блин, я только что чуть не стала заводом по серийному производству кирпичей биологически инновационным способом! И... и сколько раз я общалась с иллюзией? – спросила я, понимая, что игра в наперсточки – это моя любимая игра, хотя я раньше об этом не догадывалась.

– С тобой я всегда общался лично. Так или иначе, – улыбнулся эльф. Черт, в этом облике мой супруг мне действительно больше нравится. Что-то мы отвлеклись... Судя по уверениям нашего зеленого друга, покемоны должны светиться в темноте!

– Слушай! – Меня осенила гениальная мысль. – А у тебя есть дудочка?

– С собой точно нет! Тебе она срочно нужна? – спросил Андоримэль, очаровательно улыбаясь. – Любой каприз, дорогая моя, любой каприз...

– Да! – радостно заявила я, глядя, как эльф растворяется в воздухе. Ничего, сейчас мы быстро с крысами справимся! Ха-ха-ха!

Буквально через полторы минуты он снова появился передо мной, в руках у него была куча музыкальных инструментов.

– Итак, труба, свирель, флейта. Что выбираешь? – спросил меня мой супруг, раскладывая вышеупомянутые инструменты на траве. – Я думал захватить гобой и валторну, но подумал, что это будет немного лишним.

– Мм... Я даже не знаю... – растерялась я, понимая, что спонсором моего каприза стала Эльфийская филармония. Труба не пойдет, флейта тоже выглядит как-то сложно, свирель... Я взяла в руки свирель, но выдуть ничего приличного из нее не получилось.

Я расстроилась... Ни на одном из вышеперечисленных инструментов играть я не умела. Я с грустью подумала о том, что меня когда-то хотели отдать в музыкальную школу по классу трубы. Именно это направление порекомендовала приемная комиссия, услышав мое пение. Сейчас бы я не отказалась! Меня всегда тянуло к музыке...

– И как на этом играть? – спросила я, делая все-таки ставку на свирель.

– Дунул, зажал произвольную дырочку, сморкнулся, перевернул страничку партитуры и снова дуешь, зажимая дырочки дальше... В конце слюни вылил – и на поклон! – пояснил мой супруг. – Ты определяйся быстрее, там репетиция стоит! Духовой оркестр всю ночь репетирует свадебный марш к завтрашнему меропрятию.

– Всю ночь? – с ужасом спросила я. – Да ты просто садист какой-то!

– Я предупредил их, что те, кто не явится на репетицию, в следующий раз будут играть пять часов подряд на главной площади столицы в сорокоградусный мороз, – заявил Андоримэль. – Живы еще те, кто помнит, как это делается...

«В городском саду играет духовой оркестр... Но в мороз под минус тридцать нет свободных мест!» – нараспев выдала совесть. «Ты еще про долгий поцелуй на ночь вспомни!» – обиделась я на совесть. «Но не я же в минус двадцать решила зубами застегнуть молнию на капюшоне!» – огрызнулась совесть.

– А есть что-то попроще? Вуузела, например... – жалобно сказала я, глядя, как мой супруг в эльфийском облике растворяется в воздухе, прихватив инструментарий.

– Вот, держи! – Мне в руку прилетел свисток. – Удобен, универсален, прост в обслуживании, правда, играет все в одной тональности, но я думаю, что это как раз то, что нужно. Давай, Гамельнский Крысолов, играй свою дьявольскую музыку.

Я посмотрела на свисток, потом на мужа. Вздохнула и свистнула.

– Что-то я не вижу, как полчища крыс, увлекаемых чарующими звуками твоей мелодии, помчались тебе навстречу, выстроились в линейку, встали на задние лапки и отправились за тобой в пучины моря... – заметил Андоримэль, делая вид, что всматривается в окрестности. – Но я не теряю надежды, что они еще подойдут! Может быть, тебе нужен манок для уток или охотничий рожок?

– Тут чего-то явно не хватает! Магии, например, – заявила я, намекая на некое магическое вмешательство в свисток.

– Ты права... – спохватился мой супруг. – Я сам как раз об этом подумал. Держи! Вот твоя волшебная палочка.

Он дал мне полосатую палку.

– Теперь, когда крысы будут бежать на тебя, ты можешь смело штрафовать их за превышение скорости и выписывать протоколы на открытках, привязанных к хвосту. Если будут предлагать взятку – не отказывайся. Все в семью, все в дом...

Я разочарованно повесила свисток на шею. Палку я оставила при себе. Вдруг мне придется от крыс отбиваться?

– А у нас, а в ДПС, а служит мало стюардесс! Ну вот одно ее лицо – на все Садовое кольцо! – аккомпанируя себе щелчками пальцев, пропел мой супруг. – Короче, увидишь крысу – свисти!

О! Первая пошла! Я даже свистнуть не успела. Крыса, мелькнувшая

между деревьями, тут же очутилась в руке эльфа.

– Двадцать одна... – сказала я, сдирая сердечко с хвоста, – осталась... Позвони скорей врачу, мы поймали Пикачу! – Сердечко, привязанное к ее хвосту, уже было потрепанным и части его не хватало. Видать, бедный зверек пытался его отгрызть...

Я решила зачитать написанное на сердечке вслух:

– Ты с любимой потанцуй, и тогда вдруг встанет...

– А ну, дай сюда! – Андоримэль вырвал у меня сердечко и тут же выдохнул: – Надеюсь, тут было не в рифму!

– Увы, этого мы уже никогда не узнаем... Здесь могло быть все, что угодно! – страшным голосом сказала я, раскрывая мешок. – Только ты не убивай крысок, ладно? Мы потом их выпустим на волю!

– В море... В их естественную среду обитания... – закивал мой муж, пихая крысу в мешок.

– Если бы это были морские свинки, то, конечно, мы бы их выпустили в море... – сказала я, стараясь казаться в этот момент как можно более серьезной. Мы же тут не фигней страдаем, а покемонов ловим! Дело государственной важности!

«У крысы четыре ноги, позади у нее длинный хвост. Но трогать ее не могли за ее малый рост, малый рост!» – воззвала ко мне совесть звонким голосом одноглазого беспризорника с балалайкой.

– Какая светлая мысль посетила светлую голову! – рассмеялся эльф, потрепав меня по волосам. – Мы представим, что это морские свинки, и выпустим их в море!

– Сам-то ты сейчас блондин, между прочим... И вообще, это была... Вон еще одна! Лови ее! – взвизгнула я и запрыгала на месте от волнения. Нетерпеливо оторвав уже истрепанное сердечко от хвоста, я торжественно прочитала:

– Пусть жизнь пройдет без слез! Вас неумный ждет...

– Сима, не буди во мне поэта... – покачал головой Андоримэль. – Дочитывай до конца...

– Восторг... – радостно прошептала я после мхатовской паузы.

– Кто бы мог подумать! – разочарованно выдохнул мой муж. – О! Вот еще одна! Есть! Подставляй мешок! Теперь моя очередь читать пожелание! Ты готова? «В жизненном калейдоскопе место есть огромной...» Сима? Твои варианты?

– Любви? – спросила я, наивно хлопая ресницами.

– Тю! С тобой вообще играть неинтересно! – сделал вид, что обиделся, эльф. – Умер в тебе поэт!

– Неправда! – фыркнула я, отрицая столь бессовестное обвинение в мой адрес. Под деревом светились сразу две крысы... Потянулся к кирпичу, значит, рядом Пикачу! – Ой! По-моему, у них любовь! – радостно воскликнула я, показывая пальцем. – Давай не будем им мешать! Это так романтично!

– Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте... – возразил Андоримэль, запихивая в мешок сладкую парочку. – Чума! На оба ваши дома!

– Кстати, а ты знаешь, что крысы являются переносчиками очень многих болезней? Чумы, например... – задумчиво сказала я, вспоминая то, с каким упоением читала про пандемии, бушевавшие в Средневековье, примеряя к себе все возможные симптомы.

– Зараза к заразе не прилипает!

Наш мешочек пополнялся все новыми и новыми покемонами. «Девушка ловит пять покемонов в лесу за ночь. Парень ловит семь. Но не факт, что если они вместе отправятся ловить покемонов, то поймают четырнадцать!»

В кустах зашелестела крыса. Эльф метнулся за ней, а потом с довольным видом вернулся ко мне:

– Не домой, не на суп, а к любимой в гости крысу жирную несую прям за лысый хвостик! Открывай покебол. Сейчас грузить будем.

Я достала телефон и посветила на добычу. На морде крысы было написано: «Товарищ сержант, два часа до рассвета. Ну что ж ты, зараза, мне светишь в лицо!» Но я же не только светить могу. Я могу еще и свистнуть!

– Вы имеете право хранить молчание! Все, что вы скажете, будет использовано против вас в суде! – заявила я гундосым голосом переводчика 90-х, завязывая мешок.

– И сколько их там? Ты считаешь? – спросил меня мой благоверный. – Или сейчас будем вытряхивать и пересчитывать?

«Цыплят по осени считают...» – запротестовала совесть, глядя на мешок.

– Еще одна! – Я показала пальцем на фонтан, где сидела огромная крыса.

– Отлично! – сказал мой муж, хватая ее за хвост.

– Я буду ласково называть тебя Котя, ты не против? – поинтересовалась я, полагая, что влюбленные заранее договариваются о том, как друг друга называть.

– А я буду ласково называть тебя Свистулька! – передразнил мою

интонацию муж.

– Ну хоть не Сосулька... – обиделась я.

– Это мы еще проверим! Ночью... – ехидно ответил мне эльф.

– Ты это на что намекаешь? – возмутилась я столь откровенной пошлости.

– В битве за одеяло побеждает сильнейший! – ответили мне.

Пока мы обменивались любезностями, я мельком глянула на крысу, которую вот-вот погрузим в мешок, и поняла, что с ней что-то не то...

– Она какая-то странная... – протянула я, всматриваясь в добычу. – Тебе так не кажется?

– Я что, ее разглядывать должен? – спросил Андоримэль, пытаясь запихнуть ее в мешок. – Крыса как крыса!

– Самсла ты крысла! – обиженно заявила крыса, пытаясь вырваться. – Пустисла менясла! А не тосла я укушусла!

Я включила фонарик и увидела, что эта крыса раза в два крупнее всех остальных. Ах да, еще один маленький нюанс! У нее было три головы и три хвоста...

«Пам-парарарам-пара-пам! Просто Щелкунчик!» – пропела совесть.

– Интересно, она за одну считается или за трех? – поинтересовалась я, срывая три сердечка с трех хвостов.

– Я будусла жаловатсла на вас императорусла! – заявила одна крысиная голова. – За хвостысла вы намсла ответитесла!

– В письменном виде, пожалуйста. Приемная работает с девяти до десяти, выходной – воскресенье, – деловым голосом заявил эльф, опуская крысу на землю. – Вам ответят компетентные специалисты. В целях обеспечения качества оказания услуг все разговоры записываются.

– Да ясла сейчассла тебясла в Щелкунчикасла превращусла! – заорала крысиная голова. Остальные головы молчали. Я так понимаю, они несли чисто декоративную функцию или просто решили не вмешиваться в разговор.

– Я сейчас тебе такого Щелкунчика отвешу, что мало не покажется! – сказал мой супруг, возвращаясь в свой истинный облик. Такого поворота событий крыса явно не ожидала!

– Мы дикосла извиняемсла... Мы отрядилисла делигациюсла! Дипломатическуюсла! Дипломатысла и членысла их семейсла! Я – министрсла внешнейсла политикисла! – сказала самая разговорчивая из голов. – Насла неправильносла понялисла и привязалисла этусла дрянсла!

Н-да... С такими дефектами речи, можно быть только министром внешней политики. Пусть переводчик повесится, а оппоненты на дебатах

застрелятся.

– С вамисла хочетсла поговоритьсла министрсла оборонысла... – заявила голова, передавая слово другой. Средняя голова пока молчала. Крайняя справа взяла слово, чихнула и тут же выдала:

– Фаше феличефтфо... Мы прибыли ф миром, уфидеф в каналификации пфиглафение... Его кто-то фмыл... – заявила крысиная голова. Я пригляделась к ней и увидела, что один зуб выбит, поэтому голова отчаянно шепелявила.

– А третий у вас кто? – поинтересовалась я, чувствуя, что тут передо мной предстал весь крысиный кабинет министров.

– Ефо феличефтво, крыфиный король Фунтик Фто Тридфать Фофьмой! – гордо сказал министр крысиной обороны. – Я от имени ефо феличефтфа, профу отпугнуть нафих подданыф. Ф протифном флуфае мы объявляем фойну! Нафтоятельно профу отпугнуть ффех нафих!

– Сима, развяжи мешок и выпусти всех «нафих» крыс, – произнес мой муж. Я вытряхнула крыс из мешка.

– Ваше величество Фунтик Сто Тридцать Восьмой, просим извинения, – сказала я, умиляясь этому миниатюрному змею горынычу. Врач, который умер во мне еще в детстве, сразу прикинул, как разделить этих сиамских тройняшек. Но при мысленной операции пока что выживал только один.

– Не Фунтик, а Фунтик! – возмутился министр обороны. – Фунтик! По флогам Фун-тик!

– Проститесла егосла... Онсла потерялсла зубсла на войнесла... Лунтиксла Стосла Тридцатьсла Восьмойсла... – вмешался министр внешней политики.

Легче мне от этого не стало... Одной голове явно нужен стоматолог, другой – логопед. Что нужно третьей, я еще не знаю. А мне явно нужно баиньки...

– Рафнейсь! Фмирна-а-а! – закричал министр крысиной обороны, глядя на вялых крыс, которых мы пару минут назад собирались депортировать на родину. – Чефо рафляглифь, фофунки? Где офтальные? А фсе марф фюда!

И тут со всего парка к нам стали сбегаться крысы.

«Давно бы их всех надо собрать в большое стадо и бомбою стереть с лица земли!» – сглотнула совесть, с завистью глядя на тех, у кого больше шансов пережить ядерный взрыв, чем у меня.

– Котя, тут их чуть больше, чем двадцать две... – сказала я, дергая мужа за рукав и глядя на полчища крыс, устремившихся к фонтану.

– Вот сволочи, они не крыс ловили, а сердечки отрывали! А крыс на волю выпускали... – простонал мой супруг. – Тут работы был бы непочатый край... Тут в покебол не просто с ноги трамбовать пришлось бы, тут танком всех не передавишь...

Крысы собрались в кучу, окружив нас со всех сторон. Засада, однако.

– На перфый-фторой раффитайсь! – выкрикнул крысиный главнокомандующий.

– О! Это будет до утра! – закатил глаза император. – Но мы ведь, Сима, никуда не торопимся?

Крысы встали на задние лапы и построились в шеренги.

– Фагом марф в ногу! Раф-два-три! – скомандовал крысиный министр обороны.

И крысы пошли! Прямо как на параде. У меня возникло такое «офуфение», что я случайно заглянула в сон упоротого наркомана. Сто двадцать розовых крыс радостно маршируют в ногу, то есть в лапу, потом разворачиваются и маршируют в другую сторону.

– Фаль, муфыки нет! У наф под муфыку луфе полуфялофь! – вздохнул министр обороны.

– Сима, твое соло! Спой нам что-нибудь эдакое! Военно-патриотическое! – заявил мой муж, просто тая от восторга.

– Ты в этом уверен? – спросила я, зная, как относится супруг к моему пению.

– На все сто процентов! – ответили мне. – Тут только твоей чудесной песни не хватает! Не стесняйся, я разрешаю...

«Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!» – выдала совесть, пока я быстро перебрала внутреннюю дискотеку в поисках подходящей музыки.

– Вместе весело шагать по просторам! По просторам! По просторам! И, конечно, припевать лучше хором! Лучше хором! Лучше хором! – задорно пропела я, но дальше слов не знала, поэтому пришлось вспоминать еще какую-нибудь песенку. – Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо, вперед продвигались отряды спартаковцев смелых бойцов! А на границе тучи ходят хмуро. Край суровый тишиной объят! У высоких берегов Амура часовые родины стоят!

– Отряд, фтой! Раф-дфа! Прифягаем на ферность ефо крыфиному феличефтву Фунтику Фто Тридфать Фофьмому и его императорскому феличефтву!

– Ура! Ура! Ура! – запищали крысы.

Все. Это конец...

«А я сошла с ума! Какая досада!» – голосом фрекен Бок заявила совесть.

– Сима, ты мне как недодоктор скажи, пожалуйста: с ума поодиночке сходят? – спросил меня мой муж.

Пока мы выясняли состояние нашего психического здоровья, мою песню крысы тут же утвердили в качестве гимна, посоветовавшись ровно пару минут. Как удобно, когда весь правительственный аппарат крепится к одной попе.

– Я смотрю, твой авторитет растет не по дням, а по часам... – шепнула я мужу. – Когда хомячки будут присягать тебе на верность, ты мне обязательно сообщи...

– Простите великодушно за то, что вас покрасили в розовый цвет, а на хвосты нацепили это безобразие... – сказала я, обращаясь к крысиному королю.

– Намсла сначаласла не понравилосьсла, но сейчассла мысла считаеmysла этосла честьюсла! Мысла как разсла думалисла надсла новойсла униформойсла для армиисла! – ответил министр внешней политики.

– Теферь дефиция нафыфаетфя «Круфенные хфоты»! – гордо ответил министр обороны.

– Простите, а король умеет разговаривать? – поинтересовалась я. – Ну очень бы хотелось услышать его величество. За весь вечер он не произнес ни одного слова.

Все почему-то посмотрели на среднюю голову, которая сама, судя по всему офигела от такой чести.

– Мне точно можно говорить? – спросила голова, подозрительно косясь на своих соседок. – Неужели мне дали вставить хоть слово! Я благодарен вам за то, что уделили нам минуту внимания. Для нас это очень важно. Еще раз поздравляем вас с бракосочетанием и присягаем на верность империи. Если что, вы можете на нас рассчитывать! Мы сделали то, что собирались сделать, и покидаем дворец, оставляя вам в качестве официального представителя вот эту крысу...

Одна из розовых крыс с сердечком на хвосте сделала шаг вперед и поклонилась.

– Уточните сразу, – деликатно спросил крысиного короля мой супруг, – вопрос очень важный. Это самец или самочка?.. Это очень важно для ее величества.

– Самец! – произнес крысиный король. – Вы можете называть его как хотите!

– Мм... Пусть тогда будет Огрызок... – сказала я. Иногда мне хочется верить в переселение душ.

– Сима, я потом тебе объясню, чем самец отличается от самочки... – шепнул мне мой супруг, явно вспоминая судьбу его тезки. Крысы, за исключением Огрызка, удалились.

– Я сплю, ущипни меня... – простонала я, толкая локтем своего супруга. – Ай! Мог бы и за руку...

– У меня к тебе есть ма-а-аленькая просьба... – нежно сказал мой супруг, глядя на меня большими и честными эльфийскими глазами. – Сделай мне массажик, а?

Глава 3

Свадебный картель

– Сима, имей совесть... У меня уже рука устала... – простонал мой муж. – Я так больше не могу...

– У меня голова болит, но я же терплю... – ответила я, чувствуя, что страсти накаляются. Если я сдамся сейчас, то все усилия пойдут насмарку.

– Сима, я понял. Ты решила мне отомстить... – вздохнул мой супруг. – Я терплю уже слишком долго... Моему терпению приходит конец! Я сейчас просто возьму тебя и...

– Потерпи немного, мы должны немного привыкнуть друг к другу... – перебила я, чувствуя, что силы мои тоже на исходе. Кто бы мог подумать, что спать вместе так сложно? И вот уже примерно полчаса назад я решила прикорнуть на плече любимого. Теперь, судя по воплям, у него затекла рука, а у меня дико болят шея и голова. Но я мужественно держусь. Мы слиплись, как два пельменя, и тщетно пытаемся уснуть.

«Засыпай, на руках у меня засыпай...» – пела совесть голосом Кипелова. Но вместо того чтобы найти потерянный рай, я чувствовала, что на каком-то кругу ада сто процентов есть пытка под названием «спать в обнимку».

– Милый, но все же спят в обнимку... – промурлыкала я, стараясь не шевелиться, потому что, как только я пошевелюсь, моя несчастная шея будет болеть еще сильнее.

– В рекламе средства от комаров – да, – простонал мой супруг, пытаюсь как-то сдвинуть меня со своей онемевшей конечности. – Я уже минут десять пальцев не чувствую... Ты мне как недоврач скажи, через сколько наступает некроз от передавливания? Надеюсь, что у меня хватит сил продержаться до полного омертвления тканей.

– Давай поменяем позу, – сдалась я. Перспектива сделать мужа инвалидом еще до свадьбы меня явно не радовала.

– Отличная мысль. Предлагаю следующую позу: ты ползешь в свой угол, я ползу в свой... – Муж опять принял эльфийский облик. Вся скорбь эльфийского народа застыла в суженных зрачках. – Я тебя умоляю... Мы так не уснем... Тут спать осталось всего ничего...

Я молча поползла на свою половину кровати. Самое интересное, что уснуть удалось почти сразу, стоило лишь голове соприкоснуться с

подушкой.

Мне снилось, что я Золушка. И мне срочно нужно ехать на бал, но у меня, кроме дырявого домашнего халата и дешевых резиновых шлепанцев, купленных у цыган возле метро, нет ничего. И тогда мне на глаза попадает визитка ООО «Крестная фея»: «Решаем любую проблему. Оплата сделочно-премиальная. Официальный договор». Я звоню туда, а там вместо радостного голоса секретаря или офис-менеджера раздается: «Здравствуйте, вы позвонили в ООО «Крестная фея». Внимание – акция! Крестный фей для кровавых разборок со злыми родственниками. Чтобы узнать подробности нажмите «звездочку». Если вам немного за тридцать и вы мечтаете выйти замуж за принца, нажмите «1». Если вас постоянно клонит в сон, нажмите «2». Если вы целовали, лизали и надували лягушку, но она никак не хочет превращаться в принца, нажмите «3». Если вы безрезультатно переспали с чудовищем, нажмите «4». Если вас превратили в какое-то чудовище, нажмите лапой (клювом, щупальцем) «5». Если хрустальная туфелька мала, нажмите «6». Если вы случайно убили заколдованного принца и вам нужна консультация адвоката, нажмите «7». Если вас похитил дракон и запер в башне, нажмите «решетку». Для соединения с оператором нажмите «9». Ваш звонок очень важен для нас. Оставайтесь на линии». А дальше шла музыка «В гостях у сказки». Я психовала, но трубку никто не брал... И вот я слышу, как меня зовут по имени! Надо же, они даже знают, как меня зовут!

– Я попала в сказку? – пробурчала я спросонья, пытаюсь понять, кто меня схватил за руку.

– Нет, ты попала рукой мне в лицо, а ногой – в то, чем я планировал воспользоваться завтра во время первой брачной ночи, – заявил возмущенный голос. – Дэдшот, однако.

– Так чего ты подполз ко мне? Полз бы в свой угол и там бы... Ой! – Я увидела, что сплю не на своей части кровати, а мой муж, частично свесившись, спит почти на полу. Отползая с подушкой обратно, я прихватила еще и одеяло.

– Сима, ты – чудовище... – сказал мой муж, обиженно глядя, как я тяну за собой его одеяло. Мое валялось на полу. Не царское это дело лезть за ним!

– Я знаю... – пробурчала я. И тут мне в голову пришла замечательная мысль! Почему бы в качестве искупления своей вины не спеть мужу колыбельную? – Баю-баюшки-баю, колыбельную пою... Спи глазочек, спи другой... – начала я тихонько.

– Сима, на ухо не пой! – мелодично простонал мой супруг, затыкая

эльфийские уши подушкой. Менять облик он не стал. Бьет на жалость...
Понятно...

Я зевнула и решила, что пора спать. Невыспавшаяся невеста хуже пьяного тамады-извращенца с кучей убойных и упоротых конкурсов.

* * *

Нас разбудил настойчивый стук в дверь.

«Кто здесь?» – спросила моя совесть, встrepенувшись спросонья.

– Поднимите мне веки... – простонала я, чувствуя духовное родство с известным персонажем Гоголя.

Рядом распластался мой супруг в эльфийском обличье, заняв большую часть кровати и оградившись от меня подушками. Судя по размерам баррикады, больше смахивающей на Великую Китайскую стену, он ожидал нападения в любой момент.

– Миледи, просыпайтесь... – сказали за дверью. – Вам пора к парикмахеру и на примерку платья... С вами все в порядке? Либо ответьте, либо мы вынуждены будем сломать дверь... Мы уже полчаса пытаемся до вас достучаться!

– Да-да-да. Все в порядке! Я просто переодеваюсь! – крикнула я приторно-слащавым голосом, перелезая через китайскую стену подушек.

– Подъем! – прошипела я, теребя за плечо супруга. – Вставай! Вставай! Постельку заправляй!

Муж что-то промычал и снова зарылся лицом в подушку. Я почувствовала себя котом Саймона. Я немного походила по нему сверху, потом попыталась пощекотать, потом решила проверить, как устроены эльфийские уши. Ноль эмоций. Оставался один, проверенный толстым пучеглазым котярой способ, но ничего похожего на бейсбольную битку рядом не оказалось.

– Подъем, подъем! Кто спит, того убьем! – пропела я пионерским голосом, пытаясь ухватить мужа за ногу и пощекотать.

– Совесть у тебя нет! – простонал он, обнимая подушку. В итоге с третьей попытки мне удалось ухватить его за ногу и потащить в сторону пола. Перед неминуемым падением муж открыл глаза и завис в воздухе, нехорошо выругавшись.

Пришлось вставать. Через пару секунд моего суженого и след простыл, а мне на помощь спешила служанка, дабы придать мне товарный вид.

«У вас – товар, у нас – купец, собою знатный молодец!» – выдала совесть, вспоминая выкуп Катюхи, когда мама Катьки и родители Славы обменивались любезностями. «А ну, купец, гони навар и забирай скорей товар!» – это вышел из комнаты Катькин папа, вытаскивая Катюху в свадебном платье. «Согласно закону о защите прав потребителей живой товар обмену и возврату не подлежит! Проверяйте качество прямо здесь, до вскрытия упаковки!» – заявил Катькин младший брат, выглядывая из кухни. Да, такого быстрого выкупа я еще никогда не видела.

В своей короткой, но очень бурной жизни мне удалось побывать на трех свадьбах. Первая запомнилась мне замечательными конкурсами. У всех конкурсов была одна общая черта. Туалетная бумага. Судя по тому, сколько туалетной бумаги было использовано не по назначению, смею предположить, что тамада работает на заводе по ее производству и получает зарплату исключительно пипифаксом. В процессе празднования дешевая туалетная бумага успела побывать дорожкой для молодых, икебаной, одеждой для свидетелей в конкурсе «Мумия», листочками для пожелания, бумажкой для поцелуев и закуской. Последний конкурс впечатлил меня до слез, наверное, потому, что я была трезвая. В качестве основного приза в каждом конкурсе было что? Правильно, бусы из рулонов туалетной бумаги. С учетом полной антисанитарии на кухне, откуда доносились свежие запахи канализации, подарок был не только вкусным, но и полезным.

Вторая свадьба тоже запомнилась конкурсами. Но здесь уже все конкурсы носили исключительно сексуальный характер. Что ни конкурс, то раздевание. Маленький нюанс. Свадьба была зимой, в неотопливаемом помещении старой столовки, а раздеваться бедолагам приходилось до трусов. На улице минус двадцать, а в помещении около нуля. И вот стоят такие околевшие мужички, в одних трусах, а женщины, по задумке тамады, должны чистить бананы, которые мерзлики сжимают между синих волосатых ног. Если вы думаете, что это – все, то вы глубоко ошибаетесь. Апогеем свадебного безобразия было «строгание» морковки, зажатой между ног мужчины, на терке, зажатой между ног женщины. Опять-таки в нижнем белье. Тамада, между прочим, стоял в праздничной телогрейке с блестками и в зимних сапогах, периодически согревая свои озябшие пальцы дыханием, пританцовывая на месте и подбадривая участников «строгать» активнее.

Третья свадьба претендовала на звание аристократичной. Был арендован красивый зал, всем разослали приглашения с требованием одеться под старину. В итоге все пришли чуть ли не в бальных платьях и

смокингах, чтобы поучаствовать в конкурсе по перекачиванию сырого яйца из одной штанины в другую и танцев с бутылкой между ног. Апогеем безудержного веселья стал гармонист, которого где-то раздобыл тамада. Если вы думаете, что он играл французский шансон «Под небом Парижа», то вы глубоко ошибаетесь. Еще одним немаловажным фактом было отсутствие туалета. Ближайший сортир типа «ЭМ-ЖО» находился через два квартала и выглядел так, словно вчера пережил бомбежку со всеми вытекающими последствиями. Конкурс с похищением невесты получился как-то сам собой. Пока жених выдвигал кренделя, читал стишки на стуле, ползал на животе по паркету, отжимался и вспоминал все ласковые слова на заданные буквы, невеста спокойно вернулась сама, матерясь на вышеперечисленные буквы алфавита, вытирая ноги о красную ковровую дорожку. Следующим заданием для жениха, разумеется, было «выпить из туфельки невесты». На чем бедняга и сломался.

Пока я вспоминала чужие свадьбы, мне сделали красивую прическу и нанесли макияж. Настало время надевать платье, которое какой-то храбрый портняжка сшил за одну ночь. Платье мне было немного велико, очевидно, шилось на глазок и на вырост, потому как не помню, когда с меня успели снять мерки. В итоге меня затянули в корсет так, что мне показалось, что глаза сейчас полезут из орбит. Мое лицо сразу приобрело кроткое страдальческое выражение.

Тут ко мне вошел слуга, неся в руках газету «Вечерняя империя». Эта газетка выходит два раза в неделю, печатается огромным тиражом в гномьей типографии, где, по моим подозрениям, сидят слепые, но очень озабоченные наборщики текста. На первой странице красовался огромный заголовок: «Император вступает в мрак. Программа мероприятия».

«Энакин! Перешел на силы темную сторону ты!» – сказала совесть, превращаясь в мастера Йоду. «С этим надо что-то делать! Нужно принимать меры! Это говорю я, Принцесса Падла Амидала!» – согласилась я, читая программу «мероприятия».

Бракосочетание – говно в 2 часа пополудни.

Торжественный обет – говно в 3 часа пополудни.

Торжественный обед – говно в 4 часа пополудни.

Я, конечно, понимаю, что хорошее дело браком не назовут... Вот тебе и программа, и превентивная критика в одном флаконе.

Новости, которые обычно размещаются на первой странице, вынуждены были сместиться на вторую.

Длинно... уие жители империи требуют уважать их достоинство! Эльфы требуют, чтобы их перестали называть длинноухими, в честь чего собрали подписи под петицией, которую планируют отправить императору.

Если бы не корсет, затянутый так, что мои внутренности чувствуют себя не лучше, чем пассажиры единственного автобуса, идущего из отдаленного района города в сторону центра в час пик, я бы смогла посмеяться. А так я просто похрюкала и простонала, и сразу зауважала эльфов.

Известный писатель-сортирик решил трахнуть стариной и издал новую книгу «Все в ... ад». Книга имела бешеный успех в книжных магазинах.

Еще бы! После такой рекламы...

После долгой и продолжительной болезни скончался генитальный художник Элиорт, унеся секрет своего мастерства в могилу. Он прославился своей картиной «Кузнечик», которая находится в частной коллекции.

Не донес до могилы свой секрет мастерства... Подлые журналисты...

Лот, который был выставлен на аукционе этой ночью, побил все рекорды. Носки императора ушли за рекордную сумму – 10000 золотых. По... битель аукциона пожелал остаться неизвестным. Носки будущей императрицы ушли за 5000 золотых. Их приобрел известный дизайнер Че Занах, обещая наладить серийное производство и включить их в новую коллекцию во что бы то ни встало... В прошлый раз он обещал порадовать своих покойников новой коллекцией носков. Прошел год, а носками так и не пахнет!

Что-то меня явно недооценивают!

Я нашла на последней странице «душепищательную» рубрику, посвященную опечаткам из предыдущих выпусков, под названием «Мы дико извиняемся».

В статье про долгожданную книгу «В полу... раке» в названии книги

должна присутствовать буква «м», которая в спешке случайно превратилась в букву «с». Просим извинения перед читателями и работниками книжного магазина!

В статье про любительницу кошек и ее питомцев, в предложении «когда они увидели нас, то сразу за... чали» вместо случайно закравшейся буквы «ж» следует читать букву «м».

На том замеченные опечатки закончились. Плохо, товарищи, плохо! Дальше шел небольшой информационный блок.

Журналист, написавший статью про ремонт городской канализации под названием «Любимый город может с... ать спокойно», откликнись, пожалуйста. Мы не можем пустить Вашу статью в печать из-за отсутствия одной буквы в заголовке! Типография потерялась в догадках!

Самый больной в мире человек, ведущий рубрики «Прогноз погоды», чувствует себя намного лучше. Улучшение его самочувствия ухудшило качество прогнозов, поэтому приносим извинения за неточности.

Сегодня нам обещают солнце. Сейчас проверим. Я подошла к окну, раздвинула шторы и увидела пасмурное, серое небо. Судя по тому, какой на улице был ветер, Мэри Поппинс уже улетела с первым же порывом, не успев попрощаться и раскрыть зонтик. Я стала перебирать все известные мне приметы и суеверия, но wi-fi здесь отродясь не было, поэтому пополнить свои запасы поводов для раздумий свежим поводом для беспокойства я не смогла.

«Какой чудесный день, а-а!» – пропела совесть мультяшным голосом. Я бы ее убила, честное слово!

Внезапно посреди комнаты появился мой муж с длинным рулоном туалетной бумаги.

– Котя, ты дверью, случайно, не ошибся? – спросила я, немного недоумевая.

– Давай доставай перо, будем конкурсы вычеркивать! – заявил он. – Этот же зеленый гад тут целую шоу-программу решил устроить! Итак, первый конкурс. Невеста должна приготовить любимое блюдо его величества и накормить гостей... Оставляем?

О! Я всегда мечтала почувствовать себя Юлией Высоцкой! Я прямо представила себе! Здравствуйте, меня зовут Серафима, в эфире программа «Ешь быстрее, а то добавки положу!». Сегодня мы будем готовить любимое блюдо моего мужа. После того, как мы посолили и поперчили содержимое

нашей кастрюльки, его можно смело выливать в унитаз...

– Ну? – Супруг взял перо и вопросительно взглянул на меня. Даже помечтать не дал!

– Интуиция подсказывает мне, что твое любимое блюдо – «Фигня на постном масле»! Я угадала? – радостно заявила я. – Больше ничего я готовить не умею. Я уверена, ты его полюбишь... У тебя еще есть немного времени...

– Ты еще рецепт цыганского борща вспомни! Вычеркиваю. Мне гостей жаль... Хоть они и сволочи, но такой смерти явно не заслужили. Так, второй конкурс. Невеста должна спе... Вычеркиваю. Сразу.

– Ну почему же? – возмутилась я, но, увидев взгляд мужа, мне стало понятно, что сольному концерту не бывать.

– Следующий конкурс. Невеста должна... Сима, у тебя сколько по физкультуре было? Судя по твоему лицу, не больше тройки. Вычеркиваем. По труду тоже тройка была? Четверка? Не верю! Вычеркиваем...

«Куда, интересно знать, делась нормальная свадьба и откуда, интересно знать, взялись эти конкурсы?» – вздохнула совесть.

– Что-то у нас и конкурсов не осталось, – заметила я, глядя на исчерканный список. – Может, все-таки кулинарный оставим? А?

– Я боюсь, что гости не выживут... – заявил супруг, глядя, как список полыхает синим пламенем в его руке.

– Да ладно, я же пошутила. Все, кто ел мою стряпню, еще живы. Остальные тоже, как живые... смотрят... с фотографии... – вздохнула я, глядя на то, как силуэт моего мужа растворяется в воздухе.

– Смею тебя огорчить, но это только половина конкурсов... – сказал он, перед тем как дверь открылась и в комнату вошла служанка.

– Вам пора! – торжественно произнесла девушка и помогла мне пристегнуть шлейф и фату. Ну все, церемонию бракосочетания объявляем открытой.

Стоило мне выйти на улицу, как мои зубы отбили чечетку. Судя по тому, что мои пальцы посинели от холода, теперь я была похожа на труп невесты, разве что только глаз не выпадал. Но ничего, большая, а может быть, даже лучшая часть конкурсов еще впереди, авось наверстаем.

Мой супруг стоял в парадном белоснежном камзоле в самом начале алой ковровой дорожки.

– Т-т-ты тоже жалеешь, что отдал свои носки в качестве приза? – пролепетала я.

Мой муж взял меня за руку.

– Теп-п-п-пленый... Еще теп-п-п-пленый... – простонала я,

понимая, что мы тут впопыхах что-то не учли. И это «что-то» было погодой.

– Ты замерзла? – спросил муж, глядя на мои голые плечи.

– Т-т-т-твоя любовь меня не греет-т-т-т!.. – заявила я, пританцовывая на месте. – А есть ли зимний вариант-т-т-т свад-д-д-дебного плат-т-т-т-тя? Чт-т-т-тобы фат-т-та крепилась к ушанке? Я согласна и на валенки на босу ногу...

Тут же мне принесли какую-то белую накидку с длинными рукавами, в которой я начала потихоньку согреваться. Но не тут-то было.

– Кажется, дождь собирается... – грустным голосом Пятачка произнесла я, чувствуя, как первая холодная капля упала мне на лицо. Тут же над площадкой, где должна была проходить свадьба, появился едва различимый магический купол.

Гостей была тьма-тьмущая. Все ждали начала церемонии. Над головами гостей высилась гора подарков, которые нам надарили «с наилучшими пожеланиями». Если бы мы были бедными студентами, которые решили быстренько справить свадьбу в общежитском холле, то максимум, на что бы мы могли рассчитывать, так это на банку соленых огурцов из чьих-то запасов и набор китайских сковородок, купленный в складчину. А тут прямо целая гора красивых свертков.

– Сима, – тихо прошептал мне на ухо муж, – будь предельно внимательна и осторожна. Все эти люди уже ненавидят тебя так, словно ты только что намотала их любимого кота на колеса своей машины.

Тут на сцену вышел наш зеленый друг Джо, одежду которого описывать – дело неблагодарное. Ограничусь тем, что одет он был в оранжевый костюм с зеленой бахромой и в какие-то рыбацкие бахилы.

– Я приветствую всех вас, дорогие гости, на этом замечательном празднике. В этот ясный и солнечный день...

Все посмотрели на небо и промолчали.

– ...состоится торжественное бракосочетание его императорского величества. Ясное солнце нас согревает, счастье и радость в сердцах пребывают, радостно листья висят на ветру. Примите в подарок всю... – Джо прокашлялся, очевидно, нервничая, – нашу любовь!

– Сима, – тихо шепнул мне супруг, – я тут краем уха слышал, что наш дорогой зеленый друг собирается выпустить сборник стихов собственного сочинения. Ты будешь не против, если я сожгу его?

– А сборник куда потом? – шепнула я в ожидании следующего стихотворения. – Мы тут кое-что упустили. Нужно было вчера не крыс ловить, а сценарий читать и конкурсы утверждать.

– Хорошая мысль приходит опосля, – мрачно заметил муж, глядя на Джио.

– Подойдите к алтарю, ваше величество! – заявил Джио.

Мы медленно двинулись по красной ковровой дорожке.

– Итак, сегодня, в этот радостный и светлый день, я с радостью хочу объявить вас мужем и женой. Если кто-то что-то хочет сказать, то пусть скажет сейчас или умолкнет навеки... – торжественно произнес орк.

– Мне есть что сказать... Я, с позволения всех присутствующих на столь радостном событии, решил напомнить его величеству про некий обычай, который практиковался в землях, ныне объединенных империей. Поскольку в законах империи он не отменяется, то думаю, что он будет вполне уместным. – По ковровой дорожке шел красивый эльф в сверкающей короне, с холодными глазами Люциуса Малфоя.

Все присутствующие смотрели на него и ждали, что будет дальше. Судя по гаденьким улыбкам некоторых, про обычай они были прекрасно осведомлены. Просто надеялись, что найдется отважный смертник, который его озвучит.

– Надеюсь, не право первой брачной ночи... – прошептала я, чувствуя, что лучше бы я готовила и пела. Это было бы меньшее зло...

– Смею напомнить, и многие со мной согласятся, что когда его величество берет себе в жены девушку неблагородных кровей, ей пристало бы доказать, что она достойна стать императрицей. – Ледяные серые глаза смотрели на меня в упор.

«Пятачок! Неси ружье!» – закричала совесть. «Нет, тут не ружье нужно, а Авада Кедавра!» – вздохнула я, пытаюсь нащупать рукой несуществующую волшебную палочку.

– И мы хотим, чтобы она доказала это прямо сейчас! – закончил свою мысль «длино... уий», по уверениям газеты, гад. Нет, под петицией я явно подписываться не буду!

Глава 4

«Коламбия пикчерз» не представляет...

В этот момент я поняла, что меня действительно уже успели полюбить, причем не на жизнь, а на смерть. Остальные гости радостно поддержали инициативу. Вот сволочи! Ничего, я им еще припомню... А если забуду, что припомнила, то снова припомню. Надеюсь, что это будет кулинарный конкурс. Я мысленно составила меню. Первое блюдо – суп-харчок. На второе – салат «Греческая сморковница», а на третье – капучино с пеночкой. Высота пены зависит от обилия моего слюноотделения.

Мой супруг посмотрел на эльфийского короля таким взглядом, от которого мне почему-то захотелось отойти в сторонку, чтобы меня не забрызгало кровушкой.

– О каком обычае идет речь, Гаэль? – спросил мой муж, улыбаясь недоброй улыбкой. Его желтые глаза встретились с холодными серыми глазами, но эльф оказался не робкого десятка. Мне знаком этот взгляд. Беги, остро...уйй или длинно... уий. И не просто беги...

– Вы наверняка забыли, но я могу напомнить... – тихо произнес король эльфов с неприятной улыбкой. – Невеста, если она не является особой королевских кровей и не относится к знатному роду, должна пройти испытание Подземельем. Если невеста не проходит его, то, увы, его величество будет вынужден присмотреть себе другую красавицу в надежде, что ей повезет больше. Вы согласны со мной, господа?

Сытый народ, который еще до конца не отошел от позорной гибели гномьего цирка по вине голодного дракона и которому, судя по всему, для полного счастья не хватало только кровавых зрелищ, радостно закивал и одобрительно захлопал. Вот зря я смеялась над некоторыми конкурсами. Сейчас бы я с удовольствием перекатила бы яйца по штанине этой эльфийской гадины при помощи прицельного удара коленкой.

«С криком «ки-я-я» ударом ноги...» – начала совесть, но закончить так и не успела.

Я почувствовала, что кто-то дергает меня за подол платья. Я обернулась и увидела тощенького старичка в мантии, похожей на мантию звездочета. То, что на первый взгляд показалось звездами, оказалось неряшливыми заплатками.

– Извините, пожалуйста. Я тут собираюсь вызвать в этот мир древнего

демона Хаоса и Разрушения... У меня не хватает крови нецелованной венценосной девственницы. Понимаю, что сейчас не самый удачный момент, но не могли бы вы поделиться капелькой своей крови... Я дико извиняюсь, что подхожу к вам с таким вопросом... Боюсь, что если вам придется сейчас отправиться в Подземелье, то у меня такой возможности уже не будет... – вздохнул дедушка, доставая какой-то ритуальный кинжал и склянку.

– Ты опоздал... – мрачно выдала я, глядя на острое лезвие.

– Нечестивица, – тихо и спокойно сказал святой человек, который решил устроить апокалипсис всемирного масштаба, растворяясь среди гостей.

Мало того, что меня хотят отправить в незабываемое путешествие по местным достопримечательностям без экскурсовода, так еще и собираются растащить на ингредиенты. Может быть, сразу завещание написать... А что? Правый глаз, если таковой останется цел, я завещаю... Но ход моих суицидальных мыслей перебил голос моего дражайшего супруга.

– Хорошо, если вам необходимо убедиться в том, что моя избранница достойна стать императрицей, то она участвует в этом представлении. Правда, ей необходимо некоторое время на подготовку. Примерно полчаса. И я хочу с ней попрощаться... Мало ли что... – улыбнулся мой супруг как ни в чем не бывало.

Смысл его слов дошел до меня не сразу. Я ожидала, что он тут же вызовет наглеца на дуэль и эльфийская сволочь умрет от переизбытка свинца в организме или упадет на нож «всэ восэм раз», но меня спокойно отдадут на растерзание неведомым тварям в отмеченном крестиком на карте Подземелье на потеху скучающей публике. Похоронный ансамбль «Веселые нотки» выдул торжественный марш, а собственные зубы выстучали тревожную барабанную дробь.

– Ну разумеется... Это так трогательно... – вкрадчиво произнес эльфийский король, впиваясь в меня холодным взглядом. – Согласитесь, было бы обидно, если влюбленные не смогли бы уединиться напоследок.

«Пасть порву, моргалы выколю...» – Моя совесть сделала «козу», косясь в сторону эльфа. Но мой супруг абсолютно спокойно повел меня в сторону дворца.

– Ты че, офигел? – прошипела я. – Я на такие конкурсы не подписывалась! Мог бы меня спросить, хочу я или не хочу лезть в какую-то дыру! Хотя зачем спрашивать? Ответ очевиден и лежит на поверхности! Да лучше я пройду все конкурсы Джио, пусть даже мне придется обгрызать огурец, зажатый у тебя между ног, и надувать шарик ягодицами! Я даже

готова попой порвать газетку у тебя на коленях, если предыдущих конкурсов окажется мало...

– Успокойся! – Мой муж прижал меня к себе. – Все будет хорошо... Тебе вообще не о чем волноваться!

– То есть я так, прогулочным шагом, с задорной песенкой, размахивая корзинкой с пирожками и нюхая цветочек, прогуляюсь по каким-то катакомбам? – истеричным голосом заявила я, чувствуя, что у меня глаз начинает дергаться от нервных переживаний. Еще бы, не каждый день тебе пытаются сорвать свадьбу!

Мы вошли в мою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Зашторив окна и проверив защелку на двери, мой дорогой супруг коротко сказал:

– Раздевайся!

Я встала как вкопанная, с удивлением и легкой издевкой глядя в глаза своему суженому.

– Супружеский долг. Исполняется в первый и последний раз! – торжественно объявила я. – Погоди, я сейчас найду какой-нибудь жалостливый медляк на телефоне, чтобы там обязательно присутствовали слова «В последний раз», порыдаю немножко, а потом приступим... Если я буду иногда сморкаться в простыню, ты не обращай внимания. Это от переизбытка чувств...

– Снимай платье! Быстро! И туфли! И фату! Все с себя снимай! – прошипел мой супруг, больно схватив меня за руку. – У нас мало времени!

– Так что, обойдемся без прелюдии? – Я вскинула бровь. – Ну что ж... Тоже вариант... Мне сейчас начинать стонать или позже, имитируя безудержный порыв страсти? Ай... ай... оу... оу... о да... о да...

На меня посмотрели таким взглядом, что сразу стало понятно, что мои шутки неуместны.

Я, шмыгнув носом, медленно начала откреплять фату, разуваться и пытаться расшнуровать корсет. Императору пришлось помогать мне, поскольку перетянули меня, как вареную колбасу. Ну слава богу! Я снова могу вздохнуть полной грудью. Осталось только нижнее белье. Я помялась босыми ногами на полу, чувствуя, что не так я представляла себе первую брачную ночь с любимым человеком. Его величество тоже стал быстро стягивать с себя камзол, сапоги, штаны... Почему-то столь демонстративное и отнюдь не романтическое раздевание пусть даже законного супруга меня смущало.

– Стой смирно! – заявил мой благоверный, глядя мне в глаза.

– Супер! Не знала, что ты любишь ролевые игры. Ладно, представим, что я – бревно. Давай, гимнаст, отработывай свою программу-минимум! –

выдала я, скрестив руки на груди. – Только, чур, без допинга, а то я тебя дисквалифицирую! Если бревно тебя не возбуждает, то давай я прикинусь деревом. Ну что, мой дорогой дятел, вперед...

– Не ёрничай! – спокойно сказал мой муж, рассматривая меня, словно пытаюсь запомнить напоследок. – А теперь повернись ко мне спиной.

«Избушка, изба, изба! Встань к лесу передом, а ко мне задом!»

– Ты что там, мерки снимаешь? – спросила я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Только я прошу, чтобы программу моих похорон составлял Джио. И конкурсы туда включить обязательно! Чтобы живые позавидовали мертвой!

– Платье давай сюда! – сказал за моей спиной недовольный женский голос. Я вздрогнула от неожиданности. Я медленно повернулась и увидела... девушку. Блондинку. Кого-то она мне напоминает... Мельком взглянув в зеркало, я поняла, что это я.

«Заяц – волк, заяц – волк... За-а-а-яц... Во-о-о-олк!» – выдала совесть, недоумевающая от подобного расклада. «Копипа-а-а-аст», – ответила я.

И где это он умудрился взять мое нижнее белье? Ах да, шкафчик-то открыт. Понятно... Правда, трусы задом наперед надел, но ничего страшного. Так тоже можно...

А грудь у меня ничего... А вот над прессом нужно поработать... Конкурс двойников Симы объявляется открытым и тут же закрывается. Ура! У нас есть однозначный победитель, который получает в награду свадебное платье с плеча оригинала.

Я молча протянула платье. Она бросила его на пол и стала натягивать снизу, как штаны.

– Шнуруй! Только не сильно, чтобы я дышать мог... ла... – заявил мой двойник, поправляя светлые волосы. – Отлично!

Туфли подошли идеально. Фату мы прикололи наспех.

– Теперь твоя очередь, – заявила моя сестра-близнец с милой улыбкой, бросая мне мужскую одежду.

– Что значит, моя очередь? – произнесла я, недоуменно глядя на белый камзол.

– А вот что значит! – заявил мой двойник и щелкнул пальцами.

Я почувствовала, что мое тело начинает немного видоизменяться... Ну как немного... Как в страшном сне, на ногах полезли волосы, грудь уменьшилась до минус первого размера, не говоря о некотором дискомфорте ниже пояса. Я посмотрела на себя в зеркало и увидела точную копию своего мужа в женском нижнем белье, с крайне обескураженным выражением лица.

– Ты не говорил, что у тебя шрам от аппендицита... – простонала я, не узнавая своего голоса. – Это заклинание? Его можно снять, если что? Понимаешь, у меня уже паранойя на почве видоизменения облика наблюдается. Все симптомы налицо...

Я почесала гладко выбритый подбородок.

– Заклинание действует до тех пор, пока его не снимут, – покачала головой моя сестра-близнец. – А снять его кому-то, кроме меня, практически невозможно. Главное – веди себя хорошо. Никто... Я еще раз повторяю, никто не должен знать о том, что я – это ты, а ты – это я. От этого зависит наше будущее... И будущее империи. Будь хорошим мальчиком... И жди моего возвращения. Я быстренько...

– Ты что, собираешься устраивать мясорубку в моем свадебном платье? – в ужасе спросила я, вспоминая, чем отстирывается кровь. И отстирывается ли она вообще...

– Да по фигу! – отмахнулась моя близняшка, поправляя грудь. – Могу голым! Это будет гораздо интереснее! Да ладно, не делай такое лицо. Я пошутил.

Через пять минут я была одета или одет. Я еще не поняла, как правильнее... В зеркале отражалась красивая пара. Теперь у меня сложилось ощущение, что наконец-то мы выйдем как классическая пара, томящаяся в коридоре провинциального загса, под неусыпным взглядом счастливых родственников с говнозеркалками.

Жених с потерянными и офигевшим лицом и невеста с суровым и жестким взглядом волчицы, мол: «Куда ты, милый, с подводной-то лодки деваться собрался на девятом месяце плавания?»

Невеста подняла руку, и в ней появился меч в ножнах, которые она пристегнула к поясу. Сима, это дурной сон... Сима! Проснись! Сима-а-а-а! Ты посмотрела комедию, где парочка поменялась телами, и решила вздремнуть. Теперь тебе снится полная бредятина, рэндомно сгенерированная воспаленным мозгом и богатым воображением.

– На выход. – Меня пихнул в бок острый локоток. Господа подкаблучники, ваши стройные ряды временно пополнились новой особью. Я поплелась вслед за своим дублем, понимая весь глубинный смысл поговорки о плохом танцоре.

Мы вышли в парк, где гости ждали нас с нетерпением. Вид невесты в свадебном платье с мечом сильно воодушевил зрителей. Эльфийский король подошел к моей копии, а потом надел на шею амулет.

– Это для того, чтобы мы могли насладиться твоими подвигами. Ваше величество, – сказал он, обращаясь ко мне, – не могли бы вы приказать

принести самое большое зеркало!

Ага, тебе плазму на сколько дюймов? Может быть, тебе потом на флешку сбросить наше хоум-видео? Для личного пользования...

– Принесите зеркало, – как можно спокойнее сказала я, делая взмах рукой. Мой двойник едва заметно кивнул мне.

И вот четверо слуг тащат огромное зеркало в вызолоченной раме. Легким движением руки превращается зеркало в огромную плазму, транслирующую онлайн прохождение увлекательной игры «Подземелье».

– Поставить здесь, – приказала я, указывая место. – Итак, всем видно? Повтора не будет.

Внезапно мой двойник, заливаясь слезами, бросилась мне на шею. Я неловко ее обняла, чувствуя, что это явно не просто так.

– Не перегибай палку... – прошептала она мне на ухо, делая вид, что целует. – Здесь друзей нет... Лучше сиди и молчи...

Как бы трагично со стороны это ни выглядело, на моей душе было спокойно. По крайней мере, отдуваться буду не я. Мне принесли кресло, в которое я уселась, широко расставив ноги. Все-таки сейчас я выгляжу как мужчина, поэтому и сидеть мне нужно соответственно. Эльфийский король подошел к моей «невесте» и положил руку на ее медальон.

– Ты там с руками поосторожнее, если запасных в комплекте нет... – заметила я, представляя, что бы я произнесла на месте супруга, чью жену прямо на свадьбе пытается облапать свидетель.

Медальон на шее дернулся вверх, преодолевая законы гравитации, и после ослепительной вспышки мой двойник исчез здесь, чтобы появиться в зеркале.

«“Коламбия пикчерз” представляет... Просим отойти от экрана беременных животных и нервных детей. Фильм основан на реальных событиях. Режиссер – Гаэль Ушастая Сволочь... В главной роли – Сима, будущая императрица... Триллер «Подземелье»... Все деньги, полученные путем кассовых сборов, пойдут на возможное лечение режиссера или оплату пенсии по инвалидности...» – прогундосила совесть, предвкушая незабываемое зрелище с моим участием. «Эльф-инвалид, живущий тысячу лет, получающий ежемесячное пособие от государства? – возмутилась я. – Да мы тут всю жизнь ему на пособие работать будем! Вот это понимаю – проклятие до седьмого колена!» «Тогда на торжественные похороны...» – вздохнула совесть. «Это мы мигом! Я еще и спою на похоронах...» – радостно закивала я. «На похоронах не поют!» – строго сказала совесть. «На этих можно!» – твердо сказала я, наблюдая за собственными похождениями со стороны.

Виртуальная Сима тем временем очутилась на каких-то развалинах. Поправив грудь, достав меч, невеста двинулась в сторону входа. Какой-то голос, похожий на гроулинг, а в простонародье именуемый «голосом из прямой кишки», пафосно и грозно заявил:

«Смертная, осмелившаяся нарушить мой покой, я загадаю тебе загадку, которую ты должна отгадать. Если ты ее не отгадаешь, то...»

«Сима» сплюнула на землю, а потом с ноги открыла дверь, так и не дослушав ни о возможном наказании, ни загадку, ни подсказку, ни отгадку. Зрители пришли в полный восторг, краем глаза посматривая на меня, мол, крепись мужик. Тем временем «Сима» достаточно резво стала спускаться по торчащей откуда-то из-под земли лестнице без перил, снова поправляя грудь. Все-таки корсет нужно было затянуть чуть потуже, а то такими темпами я стану «Свободой, ведущей народ на баррикады», а на съемку топлес я не соглашалась. Первая приятная неожиданность ждала «Симу» прямо на спуске. Откуда-то сверху упал огромный камень, отломав кусок лестницы прямо перед носом героини. Облако пыли рассеялось. «Сима», успевшая отскочить в сторону, прокашлялась и трубно высморкалась. Теперь я знаю, что значит «бить соплю оземь». Мою репутацию уже не спасти... Перепрыгнув через пропасть и продолжив спуск, белая фигура очутилась в большом зале, увешанном паутиной. Прямо как свадебные декорации, порожденные извращенной фантазией Джио. Из всех щелей стали выползать пауки размером с откормленного добермана. Их было около двух десятков. Радостно чавкая челюстями (видать, оголодали с момента последнего мезальянса), они направились в сторону «свежей девчатинки». В этот момент я поняла, что на этом уровне я бы зависла надолго. Если не навсегда. Максимум, на что я была бы способна, – с криком «Ёпрст!» героически сдать стометровку и торжественно умереть под грустную музыку. Но мой супруг, который временно исполнял мои обязанности, пока я исполняла его, щедро награждая пинками пауков, которые явно не ожидали такой наглости, спокойно двинулся дальше. В следующем зале на «Симу» навалилась груда костей, на поверку оказавшаяся толпой скелетов. К такой унылой игре, как эта, я бы даже не стала ключ искать на просторах Интернета, а снесла бы ее с последующей чисткой реестра. Удары мечом следовали один за другим. Теперь противникам оставалось только собраться если не с духом, то, по крайней мере, с мыслями, ибо сложиться снова в ходячее пособие по анатомии у них просто не было шансов. Одноногий, костлявый и очень несчастный бедолага, прыгая среди запчастей, тщетно искал свою ногу, примеряя первые попавшиеся косточки. Душераздирающее зрелище. «Сима»

медленно подошла к нему и с одного удара отрубила ему вторую ногу. Надеюсь, пособие по инвалидности ему платить не придется! Подув на прядь волос, прилипшую к лицу, мой двойник двинулся дальше. Третий зал напоминал декорации к фильму «Чужой». По всем стенам висели неаппетитные коконы, которые тут же зашевелились, стоило моей героине войти. Как только первый кокон, истекая слизью, надумал лопаться, сразу стало понятно, что вылупиться он уже не успеет. Весь родильный дом неведомых чудовищ был объят синим пламенем.

– Ваше величество, – тихо сказал мне эльфийский король, – вы не говорили мне, что ваша супруга знакома с магией...

– Она у меня еще та затейница... – ответила я, решив не давать поводов для продолжения разговора.

После третьего зала последовал четвертый, где в крошечной темноте, освещаемой лишь тусклым светом амулета, к моему двойнику потянулись какие-то мохнатые лапы. Одной из них, перед тем как навсегда получить автономию от невидимого зрителя тела, удалось немного стянуть корсет, обнажив правую грудь. А ну быстро заправил все на место! Мы тут не порнофильм снимаем! А вдруг его будут смотреть дети?

Обтерев кровь с меча белоснежным подолом, «Сима» поправила корсет, натянув его почти под горло. Вот! Так намного лучше! Вперед! Подойдя к двери, на которой было изображено выпуклое лицо какого-то демона, «Сима» остановилась. Лицо стало медленно вытягиваться, разрабатывая свой челюстной аппарат. Открыв рот, чтобы выдать какую-то хитроумную загадку или задачку для пятого класса, оно тут же получило удар коленкой в челюсть, и теперь в следующий раз, когда ему захочется с кем-то поговорить, ему придется для начала посетить стоматолога, а возможно даже и травматолога. Никогда я еще не видела столь универсальной отгадки! Дверь со скрипом открылась, и моя героиня очутилась в пятом зале.

– Сколько еще залов там осталось? – нетерпеливо спросила я, обращаясь к садисту-тамаде, который стоял рядом, разинув рот от изумления.

– Мм... По-моему, это последний! – с некоторым сожалением выдохнул эльфийский король. – Ваша будущая супруга неплохо справляется...

Ага, ушастый, еще скажи, что она побила рекорд по скоростному прохождению данжона. И по очкам...

В пятом зале на моего двойника навалилась куча всякой разнокалиберной нечисти, разглядеть которую было почти невозможно. Но

как навалилась, так и слезла. Причем за считанные минуты. Перешагивая через обезображенные тела и добивая мечом тех, кто еще подавал какие-то признаки жизни, мой двойник взглянула по сторонам и, не обнаружив перехода на следующий уровень, достала амулет. Амулет засветился, и все застыли в ожидании, когда прямо здесь материализуется та, о которой еще минимум три дня будут складывать легенды. Мы прождали минуту, потом вторую, но никто так и не появился. Одного взгляда на зеркало стало понятно, что тело успешно покинуло полосу препятствий, но при этом его точное местонахождение определить не удалось.

– Это так задумано? – спросила я, сощутив глаза, обращаясь к побледневшему эльфийскому королю. Судя по выражению его лица, ответ был очевиден. Белка из «Ледникового периода» с поникшим взором и дрожащим веком после потери желудка выглядела намного более жизнерадостно и оптимистично, чем мой оппонент. – Хорошо, сформулирую иначе... Кто-нибудь ранее проходил это испытание? – спросила я, чувствуя, что теряю над собой контроль.

«Я бы этому дяде с большими ушами уши-то пооткрутил!» – выдала совесть, и я тут же с ней согласилась.

– Я не располагаю подобной информацией... – прошептал тамада-самоучка, пятясь в сторону растерянных гостей.

– Слушай, мой дорогой друг, – сказала я, обращаясь к эльфу, просто выходя из себя, – если в течение тридцати минут ее здесь не будет, то в первую брачную ночь тебе придется ее подменить! Усек?

Угроза подействовала так, словно я пообещала ему пытки каленым железом.

Офигеть! Надеюсь, что с моим супругом все хорошо... Да лучше бы я туда пошла, а он бы меня потом спасал... Мне же теперь ничего не остается, как ждать его возвращения. Сразу перед глазами земельками кадры из фильма «Хатико».

«Как Пенелопа – Одиссея», – выдала совесть, крайне обеспокоенная текущим положением дел и тел. «Как Кончита – Резанова», – мрачно ответила ей я. «Кончита ждала Резанова тридцать пять лет!» – драматическим голосом заметила совесть. Вот тебе и похищение невесты...

Монитор внезапно потух и превратился в обычное зеркало, в котором отражался сидящий на кресле император с таким выражением лица, что все присутствующие поспешили сделать несколько шагов назад. Вот это я вляпалась!

Глава 5

Тому, кто меня найдет, или Карательная кулинария

Сразу вспомнился мультик про Винни-Пуха, особенно фраза: «И они посидели еще, и еще...» Время тикало, но лимит чудес на сегодняшний день, очевидно, был исчерпан, а добрая крестная фея, изначально предназначенная для разругивания подобных проблем, судя по всему, взяла отпуск за свой счет, а то и вовсе уволилась по собственному желанию.

– Торт выносить? – тихо прошелестел мне на ухо слуга. – Он уже почти испортился...

– Пока нет... – машинально ответила я, втайне надеясь, что прямо сейчас перед нами предстанет рассерженная невеста в окровавленном и порванном платье, но увы...

Я молча посмотрела на инициатора всего этого безобразия, который сделал вид, что он тут вообще не при делах, и вспомнила свою подругу Машку, которая где-то в том мире занимается юридической практикой по брачным вопросам. Настало время «Часа суда», и я, ее ведущая, Серафима Тимчик. По-моему, я осталась при своей фамилии, если память мне не изменяет.

– Итак, – выдала я, нарушая затянувшуюся тишину, – де факто и де юре моя избранница прошла испытание. Вы с этим согласны?

Гости поспешно закивали. Ага, попробуй тут не согласиться...

– То, что по окончании испытания в момент перехода случилось что-то непредвиденное, – я злобно зыркнула на эльфийского короля, – вы тоже прекрасно видели? Отлично. Эта девушка юридически продолжает считаться моей невестой, ибо выполнила все условия, поэтому объявляю награду...

– За ее голову? – как-то совсем невежливо перебил меня какой-то вусмерть пьяный гость в шляпе а-ля Безумный Шляпник и в костюмчике от Че Занаха, опрокидывая в себя бокал. Все посмотрели на него так, словно мысленно уже попрощались с ним и в уме подсчитали, по сколько придется скидываться на похороны и на поминки.

– Нет, за все тело целиком. Живое и здоровое... – терпеливо уточнила я, глядя на себя в зеркало.

– А полцарства и руку в придачу? – не отступал нахальный гость,

наливая себе следующий бокал «с горкой». Вокруг особо дотошного товарища образовалась зона отчуждения, приблизительно равная радиусу поражения. Я поняла, что авторитет местной монархии начинает медленно, но верно падать в пропасть. Запахло революционными настроениями и общегосударственной смутой. А инициатор этого безобразия потом еще в учебник истории войдет, если мятеж окончится удачей. Да и тамада-самоучка эльфийской наружности тоже заслуживает наказания. Тюрьма и пытки в таком случае могли бы вызвать нежелательные осложнения с капризным, злопамятным народом... Но наказания они заслуживали определенно...

– Торт выбрасывать? – прошептал слуга, понимая, что сейчас за такой вопрос, особенно при сложившихся обстоятельствах, он может легко променять этот свет на тот, по крайне хреновому курсу.

– Внести шедевр карательной кулинарии! – с гаденькой улыбочкой приказала я слугам, которые тут же вкатили торт, который, согласно инструкции, должен был быть съеден несколько часов назад. Как по мне, так лучшее средство от депрессии – тортик. Не верите? Записывайте. В период глубокого личного кризиса идете в магазин и покупаете самый старый и поникший тортик по уценке с уже истекшим сроком годности, тащите это чудо домой. Помолвившись перед едой... Хотя нет! Это же не грибы, купленные у бабушки вдоль трассы? Вдохнув и тут же выдохнув, начинаете его поглощать... Я вас уверяю, что скоро все ваши проблемы, которые до первого урчания в животе казались вам неразрешимыми и глобальными, уйдут на задний план. Переосмысление всех ранее существовавших ценностей гарантировано. Я посмотрела на эльфа, у которого, судя по его выражению лица, очень много проблем, и решила ему помочь немного отвлечься.

На тележке, впрягшись, словно бурлаки на Волге, несчастные слуги тащили оплывший многоярусный торт на последнем издыхании, который приготовили из расчета на сотню гостей. Не пропадать же добру? Я девушка экономная, поэтому за неимением свинки на убой решила скормить торт в добровольно-принудительном порядке двум «отважным и бесстрашным» гостям, которых иначе как свиньями не назовешь.

– Итак, господа, не желаете ли отведать? – поинтересовалась я. – Это я к вам обращаюсь, мой не в меру разговорчивый друг, и к вам, мой дорогой массовик-затейник. Приступайте.

– Нет! Я категорически отказываюсь! – гордо сказал ушастенький, сложив лапки в позе Наполеона. – Я буду сопротивляться...

– Сопротивление приравнивается к государственной измене. Или ты

рассказываешь все как есть, или будешь кушать тортик, – сказала я, жестом подзывая стражу.

– Я ничего не знаю! – с видом оскорбленной добродетели заявил мой ушастый оппонент. – Мой народ поднимет восстание, если со мной что-то случится!

– Восстание за то, что гости не ушли голодными с несостоявшейся свадьбы? – улыбнулась я. – Ты сам-то понял, что только что сказал?

По моему знаку стража оцепила место проведения конкурса, поэтому беднягам ничего не оставалось, как есть. Теперь я понимаю, что означает «сладкая месть».

Первые четыре куска ушли, как дети в школу. На пятом куске на лицах участников конкурса появилась некоторая степень отвращения. На шестом куске появились едва скрываемые рвотные рефлексy, седьмой кусок норовил вернуться обратно в тарелку, но его усиленно пропихивали в сторону желудка, морщась и надувая щеки. Темп поедания сладкого заметно снизился, что меня, как радушную хозяйку, очень огорчило...

– Ну что ж вы сидите и ничего не едите? – Мне вспомнилась моя мама, принимающая гостей. Я никогда не понимала, почему мама спешит накормить гостей до состояния «ты заходи, если что...», теперь, кажется, начинаю понимать...

На восьмом куске особо разговорчивый вмиг протрезвел, взмолился о пощаде и упал на колени, обливаясь слезами и размазывая крем по лицу, но я была неумолима. Судя по моим наблюдениям, до конца пытки оставалось около десяти – пятнадцати кило, а участникам конкурса оставалось только сблевывать в рукав.

– Ну как же так? Неужели со свадьбы гости должны уйти голодные? Непорядок! Кушайте, гости, кушайте всласть... – заявила я, откидываясь на спинку кресла. – А что не доедите сегодня, всегда можно доесть завтра...

Н-да... Мой супруг за такое меня по головке не погладил бы... Ну а что мне оставалось делать? Не казнить же и не пытаться их? Я тут, как могу, поддерживаю авторитет местной диктатуры, поэтому пусть не обижается!

Мое предложение выдавило скупую эльфийскую слезу. Пусть радуется, что торт готовила не я. А то есть у меня предчувствие, что моя кулинарная книга будет автоматически внесена в местный уголовный кодекс.

«Мышки плакали, кололись, но ели кактус», – равнодушно выдала совесть, созерцая мучения сладкоежек. «Эльф мучился и стонал, но проталкивал в себя тортик!» – злорадно заметила я.

Размазывая крем по тарелке, со скорбным лицом, как веган на

шашлыках, эльфийский король, бросая на меня взгляды, исполненные ненависти, но с еще большей ненавистью глядя на торт, лениво ковырял его ложечкой. До конца пытки оставалось приблизительно девять килограммов. Его помощник старательно ел, надув щеки, как хомяк.

«Там бедный эльф над тортом чахнет, там странный дух, просрочкой пахнет...» – заметила совесть, принимаясь.

– Если уже так получилось, – выдавил из себя Гаэль, расстегивая камзол, потому как пуговицы на животе стали отрываться по одной. – Я осознаю, что сам не ожидал такого конца испытания... Мы все заинтересованы в сильной империи... А жениться на какой-то мутной певичке – это, на мой взгляд, слишком опрометчиво... Вот и решил проверить, могу ли я назвать ее своей императрицей.

– Ты кушай, кушай... Все, что не доедите, я заверну с собой, – заявила я, крайне оскорбленная подобными высказываниями, – и проконтролирую, чтобы вы его съели в обязательном порядке. Правда, торт будет уже не совсем торт, но ничего страшного. Вам-то какая разница?

Пока избранные гости усиленно дегустировали шедевр кулинарного искусства, вызывая животный ужас у всех присутствующих, у меня появилось немного времени поразмыслить над произошедшим. Особо любопытный и разговорчивый сошел с дистанции прямо под стол, корчась в адских муках. Его унесли, оставив бедного эльфа наедине с приблизительно семью килограммами бисквита и «подгулявшего» масляного крема. Эльф кончился раньше, чем тортик... Нет, он вроде бы и не умер, но в то же время признаки жизни, которые он подавал, многими эскулапами могли быть сочтены за предсмертные конвульсии. Обмазанный кремом, схватившийся за живот, он уже не выглядел столь пафосно и отважно, как раньше.

– Если я узнаю, что твоей вины, Гаэль, тут нет, то я лично пришлю извинения и тортик в качества моральной компенсации... – вздохнула я, глядя на посеревшее лицо оппонента. – Не этот, а другой... Чутьочку посвежее... Хотя пока он до тебя доедет...

Смотрю, что Джио что-то усердно записывает. Очевидно, в коллекции его конкурсов прибавился еще как минимум один.

– Джио, – обратилась я к орку, который тут же встрепенулся и краем глаза взглянул на торт. – Ты там конкурсы придумываешь?

– Да, ваше величество, – радостно ответил зеленый. – Мне очень понравилась идея...

– Записывай еще один! Конкурс на терпение, смекалку, скорость и, возможно, даже силу воли... Накормить всех гостей испорченным тортом,

перекрыть все туалеты, оставить работающим только один... Записал? Отлично! – кивнула я, глядя, как эльфа грузят на носилки.

«Теперь на всех свадьбах страны!» – сделала анонс совесть. «Вот так рождаются традиции!» – вздохнула я, чувствуя, что тоже внесла лепту в культурную жизнь этого мира.

Пока я изображала гостеприимство, мне самой захотелось в туалет. Раньше этот вопрос не вызвал бы у меня такого острого чувства глубокого стыда, но в моем нынешнем облике это было сродни подглядыванию в замочную скважину с последующим разоблачением.

– Веселитесь, господа! – заявила я, шустро направляясь в сторону дворца. Где находятся покои моего супруга, я не знала, поэтому решила отправиться в свои. На подлете к собственной двери меня тормознули слуги, осторожно интересуясь, убирать ли свадебные декорации или нет. Я промычала что-то невразумительное, открывая дверь.

– Это же надо, невеста пропала прямо на свадьбе... – услышала я приглушенный голос за дверью. – А может быть, она сбежала? Как в тот раз и в позапрошлый... Она вообще склонна к побегам...

Ага, мне тут доморощенные психиатры уже диагноз поставили заочно...

Я подлетела к горшочку и, стараясь не смотреть вниз, неловко сделала свое мокрое дело, частично в горшок, а частично на пол.

«Журчат ручьи, спят лучи, и тает лед...» – пропела моя совесть, понимая, что в тир со мной ходить не только бессмысленно, но и опасно. Теперь я знаю, что когда мужчине сильно хочется в туалет, тут не просто бег на скорость, тут еще и элементы биатлона. Бежишь, бежишь, а потом еще и прицеливаться придется! Господи, как же мне стыдно! Зря я согласилась на эту авантюру.

Подойдя к зеркалу, я взглянула на свой новый облик, чувствуя, что хуже ситуации и не придумаешь. Главное, что рассказать никому об этом не могу, ибо посыплется монархия ко всем чертям.

«Все, что нажито непосильным трудом...» – голосом господина Шпака заявила совесть, перечисляя достижения моего невеста где пропавшего супруга, за которого я, кстати, очень волнуюсь...

– Ваше недовеличество! Вам корона не жмет? Хотите фокус с разоблачением? – раздался голос откуда-то снизу. Я посмотрела под стул и увидела розовую крысу. Огрызок!

– Ты все видел... Не так ли, хвостатое чудовище? – скривилась я.

– Ну разумеется... Я целиком и полностью оправдываю название биологического вида... И могу всем рассказать о том, что произошло на

самом деле. Согласись, это будет очень интересно! – заявила крыса, потешно потирая лапки.

– А ты знаешь, что бывает со свидетелями? Особенно с теми, которые тебя шантажируют? – зловеще поинтересовалась я, понимая, что если эта крыса меня еще не сдала с потрохами, то у нее есть причина, поэтому забивать ее насмерть тапочками было бы негуманно. А вот живительная клизма могла бы и помочь следствию...

– Я уже бегу рассказывать... Раз... Два... Два на хвостике... – начал финальный отсчет грызун, глядя на меня глазками-бусинками.

– Вперед и с песенкой! – отвернулась я, понимая, что куда этот засранец сейчас не побежит. Ему от меня что-то нужно...

– Глупая девочка, тебе не удержаться у власти. Ну протянешь день, два, три... Неделью от силы. И у людей начнут закрадываться подозрения... А дальше что? Что дальше? Революция? Мятеж? Обезглавливание... – Огрызок провел лапкой в районе шеи.

– Я так понимаю, что ты не свой гражданский долг тут собираешься выполнить, а выторговать что-то для себя в обмен за помощь и молчание, не так ли? – спросила я, наученная горьким опытом киногороев.

Благодаря голливудским фильмам и тупым злодеям, которые за три минуты до ужасной кончины начинают щедро делиться планами на будущее, объясняя недоходчивым зрителям, что, мол, хотел как лучше, а вся та бяка, что сотворил, – единственное средство достижения благородной цели, я была прекрасно осведомлена, что для начала стоит выслушать, а уж потом убивать...

– Валяй! – ответила я, присаживаясь в кресло. – Не стесняйся!

– Отлично, значит, слушай меня внимательно. Я помогаю тебе, а взамен ты просишь его величество снять с меня это проклятие! – заявил Огрызок. – Я специально вызвался добровольцем во дворец, дабы лично переговорить с императором.

– Ути бозецьки ты мой... – просюсюкала я, наклоняясь к животному. – Ты у нас, оказывается, не крыса... И кто же ты у нас? Злой дракон? Великий ученый-мазохист, который любил проводить эксперименты на себе? Супергерой, случайно укушенный крысой после того, как принял ванну из химикатов? Наследный принц? Румпельштильцхен? Древний демон? Кто же ты, мой розовый друг?

– Это секрет. Я на самом деле ничуть не крыса, хотя в этом облике пробыл уже достаточно долго... Итак, сделка? – спросил меня грызун, протягивая маленькую лапку. – Я помогаю тебе, ты помогаешь мне?

Несмотря на то что с крысами водить дружбу мне еще не доводилось,

а этот экземпляр явно отличался «умом и са-а-а-образительностью», я скрепя сердце пожала розовую лапку.

– А теперь сиди здесь и молчи. У тебя траур. Это вполне сойдет за объяснение. Назначь награду для приличия, но особо на нее не надейся! Я пойду в библиотеку, чтобы проверить кое-какую информацию об этой полосе препятствий... И не вздумай никого впускать, – заявил Огрызок.

– А если какое-то срочное и неотложное дело государственной важности? – поинтересовалась я.

– Я тебя умоляю, – закатил глаза и хмыкнул зверек. – Какое такое неотложное дело? Если будет сидеть под дверью и умолять об аудиенции, то скажи, что отказываешься принимать сегодня по вполне понятной причине. Если и завтра придут с тем же вопросом, то скажи, что эта проблема может потерпеть. Если послезавтра тоже подкатят с этим вопросом, то тогда придется принять. Главное правило – никому не говори и не намекай о том, что произошло, поняла меня? – сказала крыса, устремляясь в маленькую щель.

«Первое правило бойцовского клуба – не упоминать о бойцовском клубе!» – заявила совесть голосом Тайлера Дердена. Да, с именем Огрызок я слегка погорячилась...

Через двадцать минут моего нервного ожидания из щели появилась розовая крыса, таща за собой вырванный лист из какой-то книги. Да за такое любой библиотекарь отрывает сначала голову, потом руки, а в качестве особого наказания, не сравнимого по жестокости ни с чем иным, – отбирает потрепанную корочку читательского билета! А вот что приходится выслушать в этот момент от этих высококультурных людей интеллигентной профессии, можно потом смело использовать в «терках» со шпаной, засевавшей на вечерний «сходняк» под твоим балконом на лавочке или уютно разместившейся на корточках в давно не мытом подъезде.

– А теперь слушай меня внимательно! Я облазил все стеллажи, перелопатил кучу макулатуры, пока не наткнулся на пару учебников по истории и сборник детских сказок. Расскажу по порядку, – сказал Огрызок. – Жил-был один король, у которого было трое сыновей...

– Класс! Младший – разгильдяй, оптимист и просто хороший человек, без вариантов... – заметила я, понимая, что речь идет о знакомом сюжете.

– Не перебивай! – грозно сказал крыс, встав на задние лапки. – Так вот, на чем я остановился? Ах да... Старшему сыну зачесалось жениться. И вместо того чтобы порадовать папика невестой благородных кровей, он выбирает какую-то крестьянку. За это он был лишен титула и званий, сослан туда, где волки срать боятся, где и помер в скором времени.

Оставалось две попытки. Второй сынуля, недолго думая, решил жениться на какой-то дочке торговца по очень большой любви. За что его тоже вычеркнули из генеалогического древа и отправили навстречу приключениям, где он благополучно стал героем. Посмертно. Оставалась третья попытка. Был созван бал, дабы последний соплежуй смог определиться с выбором. На бал были приглашены принцессы и прочая знать в порядке убывания, поэтому ассортимент девушек на выданье порадовал бы любого, даже самого разборчивого ловеласа. Но не судьба... На этом балу он встречает красавицу, которая впоследствии оказалась нищей сиротинкой, без приданого и с кучей злобных некровных родственниц, которая, не иначе как чудом, раздобыла себе атрибуты успешности. Не выдержав троекратного позора, король отправился к колдуну. Мол, так и так, есть проблема. Требуется решение. Повадились отпрыски жениться на простолюдинках. Тут государство спасать надо, денег не хватает, военные связи укрепить бы не мешало, а эти оболтусы явно не головами думают, а чем-то другим. Колдун почесал бороду и тут же выдал гениальное решение. Мол, это не принцы виноваты, а прелестницы всякие, которые на голубую кровушку да на титул особо падкие. Дескать, надо уменьшить предложение, дабы не провоцировать спрос. А как это сделать? Каждая ведь мечтает примерить корону. В итоге думали-думали и придумали. Создали, так сказать, полигон, где будущая невеста неблагородных кровей покажет чудеса прыти и ловкости и в полной мере проявит свои таланты. Если выживет, то свадебка, а коли помрет ненароком – красивые похороны за государственный счет. И вправду, желающих стать принцессами заметно поубавилось. Сиротинка, узнав о предстоящем забеге, тоже куда-то смоталась даже не попрощавшись, прихватив, правда, все подарочки влюбленного идиота и парочку украшений, ей явно не принадлежавших. В итоге ее простили, а в городе после этого открылся центр помощи девушкам, которые хотят стать принцессой, который возглавила та самая сиротинка. Но благотворительность была явно нерентабельной, поэтому в скором времени оное заведение благополучно переквалифицировалось в бордель. Вот и сказочке конец, а кто слушал и не записывал, тот будет сдавать экзамен мне лично, без права пересдачи.

Я слушала, разинув рот от удивления. Такой увлекательной сказки, сознаюсь честно, я давно не слышала.

– Так ты был преподавателем? А что преподавал? – хитро сощурившись, поинтересовалась я, сторяя от любопытства.

– Да, я был преподавателем. Предмет имеет посредственное отношение к нашей проблеме, – недовольно воскликнул Огрызок,

пошевелив усами. – Итак, какой вывод сделан?

– Мм... Есть полигон для испытаний, которые, по идее, должны были остановить меркантильных девушек. Это раз. Его разработал какой-то колдун. Это два. Принцы – молодцы, а папашка-король – идиот, это три. Он явно не слышал про гемофилию и прочие приятные наследственные заболевания, несовместимые с жизнью... – заявила я, гордясь своими познаниями в медицине.

– А вот теперь послушай продолжение сказки... – улыбнулся крыс, разворачивая прихваченный листок из книги. – Как только этот премилый обычай, смахивающий на естественный отбор, вступил в силу, число желающих стать невестой принца или короля резко уменьшилось по вполне очевидным причинам. Но... Не до конца. Уже прапрапраправнук того соплежуха из первой части решил порадовать своих родных «невестой из народа». Девочке быстро, в общих чертах, обрисовали главный свадебный конкурс, на что она согласилась без возражений. В итоге в назначенный день, в назначенный час красавица надела на себя амулет, очутилась там, откуда до нее никто не возвращался, но благодаря смекалке и хорошо развитой интуиции сумела пройти все испытания. О как! Когда она снова надела амулет на шею и появилась перед побледневшим от переживаний принцем, его венценосная родня, отдирая челюсти с пола, вынуждена была согласиться на этот мезальянс. «Значит, это возможно!» – именно с таким лозунгом толпа умниц и красавиц стала тренировать тело и дух ради вожделенной короны. Это немного смутило королевский род, ибо от желающих попробовать свои силы не было отбоя. Правда, история с той красавицей кончилась драматично. Ее отравили прямо на свадьбе, а принц, недолго погоревав, сделал правильный выбор, но это уже мало кого интересовало. И какой вывод следует?

– Если хотят отравить – отравят, это раз, а второй... Стоп! Ты же не хочешь сказать, что это место немного усовершенствовали, сделав так, чтобы невеста ну ни при каких обстоятельствах не вернулась обратно? – поделилась я вполне обоснованными предположениями.

– Чудесно. Твоя догадливость меня просто поражает! – сказал Огрызок, передавая мне в руки листочек. Пробежав глазами план-схему, увидев все залы с начертанными символами и отметками, я тяжело вздохнула.

– То есть чтобы найти своего мужа, мне придется самой отправиться туда и пройти все эти круги ада? – кисло сказала я, понимая, что от судьбы не уйдешь... Форт Буаяр мрачно закрылся на реконструкцию, выпустив на волю по требованию Гринписа весь членистоногий и хладнокровный

реквизит на все четыре стороны без выходного пособия. Осталось только трусы поверх колготок надеть, простыню завязать, и мы полетим восстанавливать справедливость. В лучшем случае – обделаюсь легким испугом... Нужно сразу предупредить возможных противников, что у меня была тройка по физкультуре... Чтобы помедленнее за мной бежали.

Глава 6

Запах измены, или Мальчики по вызову

– Ладно, мой мохнатый сообщник, что ты предлагаешь? Я вижу несколько вариантов приблизить свой неизбежный конец... – выдохнула я. – Но у тебя, я так понимаю, есть план, как сделать это красиво и героически-пафосно?

– Было бы смешно, если бы у меня его не было! – обиделся Огрызок. – Для начала я сбегаяю в город по делам, заодно попробую раздобыть то, что нам нужно... А ты пока иди на второй этаж, третья дверь налево. Это твои покои.

Крыс исчез, снова оставив меня на растерзание совести и наедине с мрачными мыслями. Пока я брела на второй этаж, моя продажная совесть, которая еще недавно подначивала меня на гадости, теперь запела совсем иначе:

«Сима, ты бессердечная и жестокая девочка. А вдруг бедный эльфик умрет?»

«Что значит вдруг?» – пожалала плечами я, чувствуя себя исчадьем ада.

«Понимаешь, он отмучается, а потом, поскольку смерть была насильственной, станет привидением и будет бродить по замку, гремя цепями!» – возмутилась совесть.

«Скорее, стуча ложкой...» – хмыкнула я.

«Он будет приходить к тебе каждую ночь, сжимая в прозрачных руках тарелочку с тортиком, и жалобным голосом просить...» – грустным голосом начала совесть, явно вспоминая мультик «Кентервильское привидение».

«Добавки...» – перебила я, чувствуя, что подобными маневрами меня не пронять.

«А вот когда он будет рисовать пятна на полу красной краской...» – все так же вдохновенно продолжала совесть, но я ее немного поправила: «Коричневой краской... Много коричневых пятен, основная концентрация которых будет увеличиваться по мере приближения к санузелу...»

«...Тебе будет стыдно... Его смерть будет на мне! Молчаливый свидетель равносителен сообщнику...» – трагичным голосом подытожила совесть.

Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи, понимая, что так ему и

надо!

Третья дверь налево открылась, и я почувствовала, что вхожу в святая святых. В комнате царил абсолютный порядок. На полке стояли книги, а на столе лежала стопка документов с пометкой: «На подпись». Я уже была здесь однажды, но после моего визита это уютное место требовало капитального ремонта... О! И стекло вставили... Молодцы! Из кабинета дверь вела во вторую комнату, где стояли кровать и два кресла у камина. Прямо обои для рабочего стола. Я проверила наличие санузла и, успокоившись, вернулась в кабинет, присев в кресло и закинув ноги на стол.

Время шло, а крыс все не появлялся. Да, плакала моя героическая идея отправиться на поиски супруга. В дверь постучали. Причем так неожиданно, что я невольно вздрогнула.

– Кто там? – автоматически спросила я, понимая, что сейчас я не очень готова к посетителям.

– Я! – тихо ответил голос. Под определение «я» подходит любой житель империи вне зависимости от пола, расы и возраста. Поскольку проводить мысленную перепись населения империи я не собиралась, то открыла рот, чтобы уточнить конкретнее. Не дожидаясь моей реакции, дверь открылась и на пороге возникла красавица брюнетка в белоснежном платье, распространяя запах духов «Красная Москва», который я сразу узнала, ведь точно такие же духи были у моей бабушки. Это оружие массового поражения воняло так, что даже бомжи выходили на следующей остановке, зажав носы руками, если в салон заходила бабулька, благоухающая «Красной Москвой». У меня невольно заслезились глаза... Мужчины не плачут! Но предательские слезы сами текли по моим щекам...

Красавица плавно подошла и положила руку мне на плечо. Опачки! Вот это номер! Я уже видела ее раньше при крайне странных обстоятельствах, в сопровождении моего дражайшего супруга, поэтому мои подозрения усилились стократно.

«Я даже не удивлюсь, если выяснится, что ваш муж тайно посещает любо-о-овницу!» – низким женским голосом управдома – друга человека заметила моя совесть. Мсье знает толк в извращениях... Неизвестно откуда появившийся внутри меня кошатущек стал использовать мое бедное сердце как когтеточку.

Рука, лежащая на моем плече, недвусмысленно намекала на то, что отношения между этой красавицей и моим пропавшим супругом явно не деловые...

– Мне очень жаль... – прошептала она. – Бедненький...

Меня словно громом поразило. Пока я, наивная, летая на крыльях любви, устремилась под венец, тут, оказывается, кто-то давно уже греет вторую половину кровати моего мужа, оставляя отпечатки своего макияжа и запах «Красной Москвы» на подушечке рядом. Я сразу представила картинку, где мой суженый и эта красотка спят в обнимку, прямо как на рекламе двуспальной кровати, похожей на аэродром, по 9999 рублей, которая висит рядом с офисом, где я работала уже минимум года три. За это время у «мужа» появились ветвистые рога, нарисованные маркером, сигарета во рту, а у «жены» большая грудь, нос, как у Бабы-Яги, и повязка на левом глазу. А судя по последнему апгрейду семейного счастья, у них явно не все в порядке, ибо мужик положил на жену свое, похожее на дубинку австралопитека, пушистое достоинство, прорисованное до мельчайших деталей...

В горле стоял ком, словно не запитая водичкой таблетка от головной боли. Воспаленное женское воображение начало работать на полную катушку. Внутренний браузер открыл сразу сто вкладок, завис и выдал знакомую всем надпись «Не отвечает» на странице «Мой муж мне изменяет». Эти голубки, очевидно, поругались, и он назло ей решил жениться на мне, чтобы отомстить, а потом осознал, что допустил страшную ошибку, и решил сбежать! Тогда на какой икс я тут поисково-спасательную экспедицию снаряжать собираюсь? Пусть бегаёт сколько влезет. А эту красавицу пора бы обломать, пока судьба посылает мне такую возможность!

– Оставь меня, старушка, я в печали! – ответила я, понимая, что у меня появился шанс положить... нет, не то, что смущало прохожих на картинке, а конец всем их шашням. Господи, да сколько этих духов она на себя вылила! Если бы у меня был хронический гайморит, то сейчас бы вы стали свидетелями чудесного исцеления... Минимум половину флакона! За что? Мои обонятельные рецепторы уже молили о пощаде и противогазе. Да она просто бактериологическое оружие массового поражения!

Брюнетка убрала руку с плеча и прижала мою голову к своей груди, которая больше моей на два полных размера! С таким ароматом это не измена. Это настоящий подвиг... Слезы безудержным потоком текли из моих глаз... Я была уже согласна за неимением противогаза и респиратора на прищепку для носа... Чего она добивается? Или она ждет, что я начну раздеваться? Ага, сейчас, сапоги сниму, и посмотрим, кто кого...

– Я же сказал, что я не в настроении... – прошептала я, понимая, что еще одна доза «Красной Москвы» – и я займу место в лазарете рядом с эльфийским королем. Мы будем скидываться, кто чем может, в одно

ведерко... Когда-то в юности, отдыхая в пионерском лагере, мы всем отрядом дружно отравились помидорами. Вместо купания и прочих развлечений мы страдали в позе эмбрионов. Наш «холерный барак» совсем затих, и лишь отдельные стоны напоминали, что в нем есть еще живые. Нас бы уложили в лазарет, но столько мест не нашлось, поэтому карантин объявили прямо на месте. Не хватало только заградительной ленты и людей в белых костюмах и противогазах, и можно было снимать очередную серию «Секретных материалов». Я оклемалась раньше всех и откровенно страдала от скуки. Гениальная мысль пришла ко мне после случайного взгляда на ведро. С этим ведерком, шоркая тапочками по гулким коридорам корпуса, я радостно вломилась в первую комнату, где на меня посмотрели десять бледно-зеленых лиц. Я подняла ведро, потрясая им, и заявила: «Скидываемся. Не стесняемся. Соседняя комната уже скинулась, теперь ваша очередь!» И люди действительно скинулись. Правда, до ведра не успел добежать никто...

Брюнетка оказалась понятливей, чем я думала, поэтому развернулась и медленно пошла в сторону двери. Выражение ее прекрасного лица ничуть не изменилось. Когда дверь захлопнулась, мне пришлось открыть окно, чтобы проветрить помещение. «Легкий шлейф изысканных духов» казался «вонючей дорогой смерти».

Я бросилась к кровати мужа. Сдернув одеяло, я стала, словно пылесос, втягивать в себя воздух в поисках намека на измену, но мне везде чудился этот убойный аромат.

Результаты обнюхивания получились неоднозначными. Я внимательно изучила подушки на наличие длинных черных волос и нашла. Неся добычу двумя пальцами, я чувствовала, что от подобной улики отмазаться новобрачному будет очень сложно! Ха! Теперь мне точно есть что ему предъявить! Больше улик я не обнаружила, поэтому, взяв со стола чистую бумажку, завернула добычу и спрятала в карман. Ему конец! Я готова была сейчас же броситься к эльфийскому королю, дабы поблагодарить его за то, что спас меня от столь неудачного и скоропалительного брака, но боюсь, что он еще не оклемался. Теперь мне было очень стыдно перед ним. Сам того не ведая, он попытался уберечь меня от этого ужаса, а я поступила с ним крайне несправедливо и жестоко.

От нечего делать я стала представлять себе семейную сцену, которая будет иметь место, как только мне удастся найти своего неблаговерного. Это было проще простого. Нужно было только подойти к зеркалу.

«Я знаю, что ты мне изменяешь!» – говорю я дрожащим от слез голосом. «Нет, что ты, я люблю только тебя...» – восклицает мой

благоверный. «Не ври мне! Начинать семейную жизнь со столь наглой лжи, это просто ужасно! – отвечаю я, едва сдерживая слезы. – Я знаю о ней!» «Нет, дорогая, ты все неправильно поняла... – начинает выкручиваться мой муж. – Мы просто коллеги по работе!»

«Сима, ты веришь, что он действительно так ответит?» – скептически спросила моя совесть, слушая этот монолог в лицах в стиле Голлума. Ха! А она права! Лучшая защита – это нападение! Мое отражение нахмурило брови. О! Так намного лучше!

«Я все знаю про тебя и про нее! Не нужно мне ничего объяснять!» – заявляю я, срывая с пальца обручальное кольцо. Оно со звоном летит на пол и укатывается под кровать. «А ты думала, что я тут десять лет как дал обет второй девственности?» – заявляет мой супруг, поднимая бровь. Разговор зашел в тупик. Аргументов не нашлось.

Чтобы избежать подобной неловкой ситуации, я решила написать ему прощальное письмо. Вот спасу его и уйду в закат. Пусть он нюхает свою «Красную Москву»...

«Слышь ты, козел!» – написала я, но потом поняла, что это звучит как-то по-детски. Тем более слово «козел» намекает на то, что у него уже выросли рога... Нет, нужно начать как-нибудь ласково... «Привет, скотинка!» Ласково, тут ничего не скажешь. Пойдет! Пусть знает, что на момент написания письма в моей душе еще теплятся чувства. «Я знаю и про тебя, и про нее! Ты – говнюк...» Нет, нужно ласково! «Ты – говняшка, мерзавчик, ублюдושка...» Нет! Как-то слишком много любви получается... Пришлось зачеркнуть. «Я узнала, что ты мне изменяешь, и ухожу. Мне от тебя, негодяй, ничего не нужно! Подавись ты своей короной! Я не хочу тебя больше видеть! Иди с миром, но в задницу!» О как! Пронимает до глубины души! Я поставила жирную точку и подписалась: «Твоя БЫВШАЯ жена». А теперь осталось засунуть его в пачку бумаг на подпись. Берет он такой пачку, начинает подписывать документы государственной важности, а тут мое письмо лежит! Сюрприз!

И тут я услышала, как где-то в углу комнаты что-то зашуршало.

– Ты уже здесь? Похвально! – пропищал крыс, бочком вползая в щель. Он снова пришел не с пустыми лапами. – Ознакомься...

Я подняла крыса и посадила его себе на плечо, а бумаги, которые он принес, развернула и стала читать очень внимательно. Это были объявления! Первое объявление было от БО «ЗвездопАД».

Желание за пять минут! Без документов, без поручителей. Исполнение в день обращения! Как с нами связаться? Начертите круг (как

указанный на схеме), расставьте свечи в указанном порядке и произнесите три раза название нашего предприятия. Наш сотрудник свяжется с Вами в любое удобное для Вас время...

Я взяла второе объявление, которое принадлежало БО «ЗагАДка».

Все еще ждете крестную фею? Пора брать судьбу в свои руки! Начертите круг (см. рис.), расставьте свечи, произнесите три раза «ВекторАД плюс», и мы выполним любое Ваше желание! Официальный договор и чек предоставляются! Рассрочка и отложенный платеж. Круглосуточно!

Третье объявление было более лаконичным. БО «Ты не АДин!» предлагало вот что:

У Вас проблемы? Срочно нужна помощь? Исполняем любое желание! Гарантия качества. Первым десяти обратившимся – второе желание в подарок! Нарисуйте круг (рядом нарисована какая-то пентаграмма), расставьте свечи в нужном порядке...

– И три раза произнесите название предприятия, – выдохнула я. – Ты меня что тут, на сделку с дьяволом склоняешь? В обмен на бессмертную душу?

– У тебя есть варианты получше? – пропищал мне на ухо Огрызок, щекоча шею своими усищами.

– Круто! И что мне просить? Верните мне моего мужа? – Я снова взглянула на пентаграммы, нарисованные в объявлениях.

– Нет, на такое они не пойдут. Пойми меня правильно, чем сложнее желание, тем меньше отсрочка платежа! – пояснил Огрызок. – Выбирай...

– А что означает БО? Благотворительная организация? – спросила я, понимая, что более бредового плана я еще не слышала...

– Держи карман шире! БО – это безответственное общество! – пояснил крыс. – Недавно закон вышел, что подобные фирмы, регистрируясь на территории империи, должны обязательно содержать слово «АД», дабы наивные дурачки знали, на что идут. Правда, желающих это не останавливает... Кстати, у тебя до полуночи еще есть время!

Я, не знакомая с особенностями заключения сделки с дьяволом, согласилась подождать до полуночи. Ну не приходилось мне раньше продавать душу!

– Может, лучше почку? У меня их, по крайней мере, две... – буркнула я, прикидывая, насколько потянет мой суповой набор.

– Я бы на твоём месте почками не разбрасывался, – заметил Огрызок. – Они тебе ещё очень пригодятся...

– Конечно пригодятся... Я уже краем глаза видела, что ждёт меня в Подземелье... – мрачно заметила я.

– Ты уже выбрала? – поинтересовался крыс, щекоча длинным хвостом мою спину.

– А где вызывать-то будем? – спросила я, поежившись, вспоминая все виденные фильмы с вызовом демона.

– Прямо здесь! – ответил Огрызок. – Но ты успокойся. Все будет отлично. Там есть парочка юридических тонкостей, которые очень понравятся юристу-экзорцисту. Так что за душу свою не переживай. Найдём и на них управу. Нам главное, чтобы желание выполнили, а потом будем судиться с ними до конца света...

– Перспективы радужные... Нам нужны свечи и мел... – заметила я, понимая, что добром это дело явно не кончится. – Слушай, а может, найдём какого-нибудь колдуна? Ну, чтобы душу не закладывать? Или к русалке обратимся... Есть у меня одна знакомая...

– Колдун будет тебя мурыжить несколько месяцев, отправит за каким-то артефактом, потом потребует, чтобы ты сама собрала ингредиенты, потом ещё что-нибудь придумает... – заявил Огрызок. – А вот насчёт русалки я не знаю. Никогда не пользовался их услугами.

– Давай попробуем, – предложила я, краем глаза поглядывая на объявления. – Совесть я ещё могу продать, а вот душу как-то жалко... Вот как потом буду жить без души?

– Обычно. Живут же люди... – пропищал мой сообщник.

Мы спустились к морю, я провела рукой по воде и тихо позвала:

– Сафира...

Через пару секунд вынырнула голова с неудачным зелёным омбре. Только на этот раз у неё на голове были... хм... типа бигуди из спиралевидных раковин неведомого мне моллюска. Зубастый рот некрасиво улыбнулся:

– Кого я вижу! Ваше величество собственной персоной! А мне приглашение почему не прислали? Я, между прочим, такое платье с утопленницы сняла, что все бы закачались! И зелье у ведьмы прикупила, чтобы хвост в ноги превратить! А приглашение мне так и не дошло! Некрасиво как-то получается. Я, значит, выловила вам невесту, заколдовала, чтобы никто другой на неё не позарился, спасала её по вашему

приказу, а вы мне даже приглашение отправить не удосужились! Водоросли ей на уши вешала, мол, и то нельзя, и это нельзя... А вы мне так решили отплатить? Знаете ли, мне сейчас так хочется вам леща дать, что еле сдерживаюсь!

– Свадьба сорвалась... А за приглашения отвечал Джо... – вздохнула я. – Тут такое дело... Короче, я снова заколдована!

– Стерлядь... Сима, ты, что ли? – прищурив глаза, спросила Сафира. – Да чтоб меня снова в морской капусте нашли!

– Я... Только я тебя умоляю, никому ничего не рассказывай, – вздохнула я. Мое повествование заняло около двух минут.

– Тунец! – вынесла вердикт красавица. – А я-то думаю, почему такая тишина. Кстати, хотела попросить у тебя прощения за прошлый раз... До сих пор так неловко... Тут такое дело. Насчет трех желаний я сказала правду. А у нас строгий закон – три желания на одного человека в рамках программы «Оказание магических услуг населению». Раньше у нас была Золотая Рыбка. Вот она могла сколько угодно желаний выполнять... Правда, после того случая с наглыми и недовольными клиентами, когда пришлось пять раз все переделывать, она больше не практикует магию. Ее еще долго эти пенсионеры по судам таскали в корыте, мол, моральная компенсация им нужна за то, что разорвала устный договор в одностороннем порядке. Суд постановил, что заказчиком был дед, а поскольку желания исполнялись не его, а бабкины, старики сами изначально нарушили условия договора. В итоге решили пойти на мировую. Деду полагалось одно желание. В итоге он загадал: «Да чтоб я больше эту бабку не видел! Заколебала!» И ослеп. Суд посчитал, что желание выполнено, правда, Рыбку лишили лицензии и поставили всем «Исполнителям желаний» лимит. Недавно видела ее – чешуи на ней нет. Все никак отойти не может. Так что ничем, кроме совета, помочь не могу... А совет мой прост – делай как знаешь... Если хочешь, могу Годвина подключить...

– Нет! – хором заорали мы с крысой.

– Сима, делай что хочешь, но только не Годвина! Я тебя умоляю! – запищал Огрызок, но тут же зажал себе рот лапкой, словно только что сболтнул лишнего.

«Его пример – другим наука, но, боже мой, какая...» – красивым голосом продекларировала совесть. Если дело касалось этого ушлого старикашки недомага, то слово «скука» у меня сразу лишалось второй буквы и приобретало совсем другой смысл. Так сказать, с легким негативным подтекстом.

Я вздохнула, почувствовав себя пресловутым стариком, который затаскал по судам бедную, несчастную Рыбку.

– А как насчет того, что с последним желанием у нас с тобой проблемки вышли? – хитро улыбнулась я в надежде, что мне удастся раскатать красавицу еще на одно желание...

– Желание исполнилось. Пусть даже не так, как предполагалось изначально, но исполнилось. Так что твой лимит исчерпан... Увы, мне очень жаль... – вздохнула русалка, идя на погружение.

– Пойдем, уже темнеет, – пропищал на ухо Огрызок. – Нам еще круг рисовать... А он обычно с первого раза мало у кого выходит.

Через час я, измазанная мелом, ползая на коленях, матерясь на все буквы алфавита, мечтала о гигантском циркуле, которым можно провести ровную окружность.

«Я рисую на асфальте белым мелом слово...» – пропела совесть звонким голосом. «На фиг!» – допела я, откровенно задолбавшись малевать этот круг. Все руки у меня были в мелу, ибо неудачные грани приходилось стирать вручную.

– Ладно, пойдет... – смилостивился надо мной Огрызок. – Теперь еще один внутренний круг... И звезду внутри его. Только смотри не ошибись...

Поплевав на руки, сдув с лица прядь волос, я снова стала ползать по полу, вырисовывая каждую грань.

– Нормально. А теперь давай перерисовывай знаки. Смотри не ошибись. А то мало ли кто тут явится на наш зов... – зловецким голосом заявил крыс. – Ты вообще когда-нибудь кого-нибудь вызывала?

– Конечно! – ответила я, чихая. – Такси, диспетчера задач, врача и стриптизера на Машкин день рождения.

Правда, последнего вызывала всего один раз. Машка мне тогда говорит, мол, хочу такого, ну прямо как Веня Дизель. Я позвонила по объявлению, где был изображен мускулистый красавец, и изложила наши скромные требования. Через час к нам приехал Женя Бензин, который сразу сказал, что у него такое «погоняло» после того, как отработал на СТО пять лет. Женя Бенз походил на Веню Дизеля только лысиной. Коренастый, низкорослый, с татуировкой на правой руке и золотым передним зубом. К нам на помощь пришел любимый ЖЭК, который в тот вечер, решил провести внеплановые ремонтные работы на местной ЛЭП, предварительно обесточив весь район на три часа. Но мы не растерялись, откопав в столе фонарик. Свечек у Машки отродясь не было. С музыкой тоже было туго. Слава богу, у меня на телефоне была парочка подходящих треков. Это было просто феерическое шоу. Я помню, как блестел его зуб в

свете фонарика, как Машка силилась прочесть надпись, выбитую безграмотным татуировщиком, а бедный мужик пытался станцевать нам стриптиз под «Энигму». Н-да... Классно тогда посидели... Разделся товарищ до носков и трусов. Дальше мы ему просто не позволили. Зато напоили чаем и угостили тортиком. Он даже деньги брать с нас не хотел, но мы их ему в носки засунули... Он так обрадовался. Теперь, когда видимся с ним, обязательно здороваемся...

– Сойдет для первого раза... – перебил поток моих воспоминаний крыс, осматривая мои художества. – Расставляй свечи... Отлично! Теперь давай, вызывай...

«А теперь все дружно позовем Деда Мороза! Три-четыре!» – слащавым голосом ведущей детского утренника выдала совесть.

Ладно, поехали...

Глава 7

Два по цене одного, или Как пройти в библиотеку в полпервого ночи?

В горле критически пересохло, ноги предательски дрожали, свечи уже частично оплыли, а я все не могла выбрать, кого вызываем. До полуночи оставалось минут пятнадцать. Я глазами шарила по объявлениям, пытаюсь найти несуществующие отличия в предложениях. Примерно то же самое я чувствовала на местечковых выборах, увидев бюллетень со списком незнакомых мне фамилий. Да какая разница, кому продавать душу? Пусть будет БО «ЗагАдка». Произнеся название фирмы три раза, я увидела, как мое художество засветилось. В центре круга появилась красивая полупрозрачная девушка.

– Здравствуйте! Вас приветствует БО «ЗагАдка». Если вы знаете внутреннюю пиктограмму специалиста, впишите ее сюда. Внимание – акция! Одно желание в подарок! Загадайте желание в обмен на душу – и получите второе желание бесплатно! Акция действует с... (далее тихо и неразборчиво). Подробности акции – впишите «0». Новые услуги – впишите в свободное поле «1». Новые возможности – впишите в свободное поле «2». Внимание! Программа лояльности! Приведи друга – получи отсрочку! Узнать подробности – нажмите «3». Для обращения к специалисту – не тушите свечи и не стирайте круг. Приблизительное время ожидания – 20 минут. В целях улучшения качества оказываемых услуг все разговоры записываются.

Раздалась музыка, в которой я узнала русскую версию «Belle», особый акцент делался на «и после смерти мне не обрести покой... Я душу дьяволу продам за ночь с тобой». Медленная, как шарманка, изрядно поднадоевшая за время ее бесконечной ротации на радио, она вызвала у меня сонливость. Я даже зевнула, чувствуя, как мои веки начинают слипаться. Я ожидала минимум саундтрека к «Омену» или классику, а тут – нет, «твой покой я страстью не нарушу...». Внезапно музыка стихла. Неужели я достучалась?

Не меняясь в лице, прозрачная девушка-автоответчик сообщила, что свободных специалистов нет, поэтому нужно подождать. Приблизительное время ожидания – один год, пять месяцев, десять дней и сорок одна минута... Недавний сон про крестную фею оказался пророческим. Время тикало, но специалисты были либо ужасно заняты, либо моя жалкая

душонка не представляла для них абсолютно никакой ценности. В итоге я потушила свечи, а потом зажгла их снова. Минус одна фирма.

«Возьмите лучших из лучших! – У лучших из лучших сегодня сокращенный рабочий день... – Тогда возьмите лучших из худших...» – протяжно и лениво заметила моя совесть, зевая.

Я взяла объявление БО «ЗвездопАД» и, немного подправив круг, зажгла свечи снова. БО «ЗвездопАД» зажал деньги даже на приличный автоответчик. Вместо автоответчика мне прокрутили «Ты погасила свечи, загадала желание и пентаграмму нарисовала заранее...» и сообщили, что «данный вид связи недоступен для абонента», в связи с чем предложили «зажечь свечи попозже». Ага, сейчас эсэмэска придет «абонент снова на связи».

– Сразу видно, шарашкина контора... – буркнула я, выбрасывая второе объявление.

Количество желающих принять мою бессмертную душу по текущему курсу уменьшилось до одного кандидата. Попробуем счастья в БО «Ты не АДин!».

После недолго ожидания мне точно так же не удалось избежать разговора с автоответчиком. Зато я прослушала: «Смотри с надеждой в ночную синь и крепче ладонь сжимай! И все, о чем мечталось, проси, загадывай и желай!» И так все восемь раз. Я уже собиралась тушить свечи и идти спать, как вдруг в центре круга появился специалист.

Это был высокий, красивый, почему-то не моргающий молодой человек с белоснежной улыбкой. С такой улыбкой ему нужно сниматься в рекламе зубной пасты: «Одно яйцо мы намажем нашей новой зубной пастой и поместим в серную кислоту, а второе яйцо просто оторвем, если вы не купите нашу новую пасту. Чистите зубы (и тут появляется наш улыбчивый друг, делающий «ы-ы-ы») нашей новой пастой, и с яйцами будет все в порядке! Международная ассоциация стоматологов и проктологов рекомендует чистить зубы новой пастой... Так сказать, во избежание эксцессов!»

Менеджер из ада был одет в некое подобие делового костюма, а на груди у него висел тяжелый амулет с выгравированным символом. Все бы было ничего, если бы на его рубашке не красовалось красное пятно, а вывернутый наизнанку пиджак не был щедро сдобрен разноцветным конфетти из хлопушки.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? Подскажите, как мне к вам обращаться? – произнес он, улыбаясь белоснежными зубами.

– Мм... Сима... А что вы так неохотно являетесь? У вас там что?

Новый год, что ли? – промямлила я, чувствуя, что если меня снова занесет в родной мир, то плюну в лицо всем, кто снимает фильмы про демонов. Я-то думала, что сейчас прямо сюда под раскаты грома явится рогатая, неведомая науке тварь, которая будет чинить беспредел в рамках отведенного ей круга, сопровождая свое появление покачиванием люстры и летанием предметов по комнате. А тут – среднестатистический демон с закосом под офисный планктон. В очечках и с папочкой в руках.

– Очень приятно, Сима. У нас сегодня официальный выходной в связи со сменой власти и корпоратив в связи с двухсотлетним юбилеем фирмы. Вы, я так понимаю, хотите загадать желание? – спросил мой собеседник, стряхивая с себя конфетти. Теперь я понимаю, кого он мне напоминает. Кена из коллекции кукол Барби. Вообще-то я никогда не любила Кена. Муж Барби должен иметь пивное брюшко, майку-алкоголичку с каплями супа и синие, с пузырями на коленках и заплаткой на причинном месте, треники с петельками для ног, небрежно заправленные в носки. В комплекте к нему обязательно должны продаваться диван и телевизор. Чтобы, так сказать, морально подготовить девочек ко всем прелестям будущей семейной жизни.

– Так вы хотите загадать желание? – повторил демон, повернувшись ко мне задом, пытаясь отряхнуть отпечаток чьей-то ноги сорок пятого размера чуть ниже спины.

– Да нет, просто труп Колобка обводила... Я вижу, что вы очень ценный кадр, раз вас сюда послали. Вы пользуетесь уважением в своем коллективе! Так сказать, передовик производства! – буркнула я, крайне разочарованная столь неэффективным появлением посланца ада. – Могу ли я ознакомиться с условиями договора?

– Разумеется! Вот типовой договор. Прошу! – снова улыбнулся менеджер из ада, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Его, конечно, можно понять, там же наливают без него.

Я взяла у него бумаги и стала читать. «БО «Ты не Адин!» в лице повелителя Тьмы (прочерк), действующее на основании Доктрины с одной стороны, и гр. ФИ, действующий (ая) с другой стороны, заключили договор о следующем...» Дальше шли определения «Желания» и «Душа». «Срок действия договора» – не заполнен, графа «Желание» – тоже. На второй странице была форма оплаты «с отсрочкой платежа», «в момент исполнения желания», «в течение 13 дней с момента заключения договора». Нужно подчеркнуть. Дальше шла информация про акцию. Причем рядом со словом «акция» стояла маленькая сноска. В самом низу, явно нечитабельным шрифтом для слепых было написано: «Под словом

«Акция» подразумевается покупка второго желания за счет уменьшения отсрочки платежа прямо пропорционально сложности второго желания».

И вот к чему тут придаться юристу-экзорцисту? Раздел «форс-мажор» занимает двадцать шесть листов мелкого убористого шрифта. Видать, в аду с бумагой напряг. Караул! Учли все. От наводнения до падения кирпича на голову. Причем еще на целую страницу идет список того, что может произойти с клиентом по вине пресловутого кирпича, но, судя по последнему предложению, все вышеперечисленное не является обстоятельством непреодолимой силы.

«Неправильные пчелы делают неправильным мед!» – с опаской выдала совесть, представляя все вышеизложенные ситуации и сравнивая их с обычными договорами, где не учтена даже треть пунктов.

– Огрызок, что делать? – спросила я, понимая, что «продам душу недорого» – это про меня.

– Загадывай желание. Загадай, чтобы тебе всегда сопутствовала удача, – сказал крыс, щекоча мне ухо усами.

Да с везеньем у меня явно проблем никогда не было. Особенно при трудоустройстве. Взяли же меня в ООО «Промстройторгсервис» системным администратором, хотя, как мне объяснил мой муж, он бы меня никогда не взял на работу, даже секретарем. А потом нежно добавил: «Моя ты эникейщица». И даже по голове погладил. Стоп! Тогда получается, что он действительно не сбежал... Как он мог оставить свой плод многолетних трудов в моих «корявых» ручках? Да не в жисть!

– Ладно, загадываю. Я хочу, чтобы мне во всем сопутствовала удача. Какова отсрочка платежа? – выпалила я, чувствуя, что в данный момент у меня нет другого шанса извлечь моего супруга на свет божий ради дальнейшего выяснения отношений и разбора полетов с легким, но удушающим запахом «Красной Москвы».

– Одну секундочку. Сейчас я посчитаю вам, – улыбнулся менеджер, доставая некое подобие калькулятора. – Мы можем дать вам отсрочку в тринадцать дней. Вы согласны?

– Соглашайся! Я думал, за твою душу вообще час от силы дадут, а тут тринадцать дней! Тринадцати дней нам должно хватить с головой! – запищала крыса на ухо. Н-да... Негусто... Вот только что мне смачно плюнули прямо в объект торгов.

– Где подписать? – выдохнула я, глядя на то, как напротив меня появляется перо.

– Одну секундочку, сейчас я проткну вам руку, и сможете подписать контракт своей кровью. Будьте так любезны отвернуться... – сказал

менеджер, доставая длинную иглу.

«СПИД не спит!» – страшным голосом заорала совесть, вспоминая плакат. А вместе с ним не дремлет и куча других заболеваний, которые передаются через кровь. «Ты умрешь на больничной подушке, кое-как похоронят тебя... И покончишь свой век одинокий... никого никогда не любя», – продекламовала совесть стихи из больничного плаката, висевшего у мамы на работе.

– А не могли бы вы при мне достать новую иголку, распаковать ее при мне, разумеется, а то я не знаю, кого вы ею уже кололи до меня! – обиженным голосом заправского ипохондрика заявила я.

– Как пожелаете! – сказал демон. На его лице появилось подобие медицинской маски, на руках перчатки, а на ногах медицинские бахилы. Осторожно, словно биолог-вирусолог, работающий со штаммом нового бактериологического оружия, демон распаковал новую иглу. Если бы все ученые-вирусологи действовали с такой точностью, то кинематограф лишился бы лучших фильмов про зомби-апокалипсис. Я протянула ему левую руку, которую он обеззаразил ваткой с каким-то раствором, по запаху напоминающим спирт, и проткнул кожу. На моих глазах появилась первая капля крови. Я набрала кровь в перо и поставила свою подпись.

– А как же проверка? Вдруг желание не работает? У вас в договоре стоит, что все претензии по поводу работы желания считаются недействительными при повторном обращении! – заявила я, потрясая своим экземпляром. – Пункт озвучить или наизусть помните?

– Ну, разумеется! – Демон взмахнул рукой, и в его руках появилась колода игральных карт. Развернув их веером рубашкой ко мне он произнес: – Достаньте короля ада!

– Если вы его сейчас позовете, то я его мигом достану! – завредничала я. – Можете сразу засекайте время.

– Опознайте короля ада! – исправился посланец ада, тыкая мне в лицо картами.

– Это что, очная ставка? Слышь, фраерок, я тут за всех мазу тянуть не буду! – пожала плечами я, вспоминая сериал «Менты».

– Вытащите короля ада! – заявил менеджер, теряя спокойствие.

– У вас там что, все так плохо, что мне еще и его придется вытаскивать? – шмыгнула носом я. Нет, мне определенно еще не приходилось издеваться над демоном.

– ВЫТЯНИТЕ короля ада, мать его! – заорал демон, подавившись слюной, и тут же осекся. Вот так вот идеальные работники года, украшающие стенд, после общения со мной становятся на биржу труда.

Я посмотрела на карты, чувствуя, что битва экстрасенсов как-то прошла без меня, протянула руку и вытащила первую попавшуюся карту. С карты на меня смотрел красивый темноволосый демон в маске, с короной на голове.

– Отлично! Могу ли я чем-нибудь еще вам помочь? – дежурно улыбнулся демон, стараясь не отходить от скрипта.

– Мне кажется, что такой проверки недостаточно... – заявила крыса. Демон вздохнул, закатив глаза, понимая, что еще не скоро промочит горло. – Карту ты мог подложить. Поэтому я предлагаю проверку поинтереснее. Одну минуту...

Огрызок исчез. Мы с менеджером стояли и переглядывались. Где-то в аду уже разливают шампанское, а бухгалтерша «со столетним стажем» уже начинает танцевать стриптиз на рабочем столе, изящным движением толстой волосатой ноги, обтянутой в черные колготы, раскидывая папки с отчетами, которые завтра утром она будет со слезами собирать, прижимая к необъятной груди. И тут внезапно я почувствовала, что на что-то наступила. Причем такое острое, что, кажется, проткнула подошву. Я сделала шаг назад, подняла ногу, чтобы посмотреть, что же меня так колет, и через несколько мгновений на то место, где я только что стояла, с грохотом упала люстра.

– Работает! – заявил Огрызок, приземляясь на мое плечо откуда-то сверху.

«Вы мыши? – Летучие, сэр!» – заметила совесть, чувствуя, как по моему камзолу скребутся коготки в поисках надежной опоры.

– Я свободен? – теряя терпение, взмолился демон. А где-то в аду уже катались наперегонки на стульях, делая салют из содержимого дырокола.

– Нет, теперь мне нужен чек и гарантийный талон, – улыбнулась я, потирая руки. Демон посмотрел на меня такими глазами, сто раз пожалев, что решил поработать сверхурочно. Правильно говорят, что на праздники работают либо самые жадные, либо самые бедные.

Демон исчез.

– Вот ваш чек, вот ваш гарантийный талон, – сказал менеджер ада, появляясь в центре круга и протягивая мне две бумажки, которые я тут же стала внимательно изучать.

– А почему печать не поставили? – возмутилась я, размахивая бумажками. – Без печати данный документ недействителен!

– Одну секунду... – замогильным голосом сообщил сотрудник БО «Ты не АДин!», исчезая в светящемся круге. Ждать его пришлось около пятнадцати минут. Наконец-то он явился злой как черт, протягивая мне

гарантийный талон с мокрой печатью. Причем печать была действительно мокрой, как и сама бумажка, словно на нее только что что-то разлили. Судя по запаху, это был коньяк. Градус корпоратива повышался...

– Это все?! – спросил демон, переминаясь с ноги на ногу, словно стоял пятидесятый в очереди в общественный туалет. Хотя нет, в таком случае, оценивая реальные шансы на успех, еще и по сторонам оглядываются...

– А что так долго? Печать найти не могли? – поинтересовалась я, любуясь документами.

– Директор запер дела в сейф вместе с печатью... – злобно скороговоркой ответил менеджер по продажам желаний. – А то мало ли, потеряются... Мы тут на каждого клиента дело заводим...

– Директор запердела в сейф? Фу! А ты ждал, когда сейф проветрится? Похвально! Вот это сервис, я понимаю! Несите книгу отзывов! Сейчас благодарность писать буду! – сказала я, засучив рукава.

– А может быть, без отзывов обойдемся? – взмолился демон, рывкая кому-то невидимому через плечо: «Да иду я, без меня не наливайте!»

– Нет, у вас такой замечательный сервис, что прямо-таки горю желанием оставить вам отзыв! Мало того, что работаете без выходных и проходных, так еще и настолько оперативно! Кстати, у вас там сколько страниц в книге отзывов осталось? Двадцать наберется? Мне минимум двадцать надо, чтобы описать ваш профессионализм! – очень серьезно сказала я. – Я буду писать отзыв, пока не умру от потери крови...

– Послушайте... – сглотнул демон. – Я... я... я могу вам второе желание в подарок сделать. В настоящий подарок, без пересчета срока отсрочки... Лично от себя... Так сказать, в честь юбилея фирмы...

– Проси амулет для входа в Подземелье невест! – пропищал на ухо Огрызок, дергая меня за волосы.

– Ну... если вы настаиваете... – пожала плечами я и тут же озвучила просьбу крысы: – А можно мне амулетик для входа в Подземелье невест?

Демон выдохнул, оглянулся по сторонам, и в одно мгновение у меня в руке оказался точно такой же амулет, какой еще сегодня утром стал виновником всех неприятностей.

– Ладно, было очень приятно с вами работать! Поздравляю вас с юбилеем фирмы! Всех благ! – улыбнулась я, помахав бедняге на прощание рукой и потушив свечи.

– И где это ты так училась торговаться? – с некоторым ехидством, но в то же время с чувством глубокого уважения заявил Огрызок, почесывая задней лапой ухо.

– Ты явно никогда не покупал себе восьмой по счету смартфон в

крупной торговой сети, размахивая законом по защите прав потребителей! Первые семь я покупала только для того, чтобы торжественно на следующий день отнести их в сервис-центр и забыть о них почти навсегда... Так что умные люди, как видишь, учатся на своих ошибках! – гордо ответила я.

Огрызок продолжал чесаться, причем так усердно, что мне показалось, что он сейчас свалится.

– Эй! Не вздумай чесаться на мне, фабрика блох! Не хватало, чтобы по мне всякая дрянь прыгала! – возмутилась я, пытаюсь стряхнуть крысу со своего плеча.

– Я не чешусь, я лапшу с ушей снимаю... – огрызнулся крыс, с остервенением расчесывая ухо. – Тоже мне, умный человек нашелся... Если бы ты была такой умной, то смогла бы решить вопрос сама, не прибегая к моей помощи! Ладно, что-то я отвлекся. Тебе нужно вернуть женский облик и хорошенько подготовиться! Кстати, у тебя есть высокие сапоги и плащ? И тряпку желательнее найти, чтобы на лице завязать, а то там очень дурно пахнет! Готовься, нас ждет незабываемая встреча с неприятностями!

Господи, да что ты знаешь, про «пахнет». Ты еще «Красную Москву» или «Тройной» одеколон не нюхал в концентрации, которую следовало бы приравнять по силе к оружию массового поражения и запретить Конвенцией по правам человека.

– Место встречи с неприятностями изменить нельзя? – спросила я, предчувствуя, что волею судеб я стану первооткрывателем той самой загадочной локации, куда каждый хоть раз в своей жизни получал путевку с примерной формулировкой, содержащей предлог «в» или «на». – А ты, мой ласковый и нежный зверь, решил туда на попутке доехать? Смеею заметить, что еще один чес на моем плече – и пойдешь пешком. Помни, мой любезный друг, там, где мне по щиколотку, тебе – по уши! Так куда ты меня хочешь послать на этот раз? Учти, я спать хочу...

– Ха! Там, куда я тебя мысленно послал уже раз пять, ты уже право прописки получила! Между прочим, сейчас мы с тобой направляемся в библиотеку! И никаких «спать»! – Крыс сел мне на шею, свесив лапки.

– И как пройти в библиотеку? – задала вполне резонный вопрос я.

«В полпервого ночи!» – дополнила совесть, сверяя часы. Оставалось достать платочек с хлороформом и потренироваться на кошечках. Или на той живности, которая под рукой.

– Через подземный ход... – ответил мне Огрызок.

Я вздохнула, представляя уютные залы, стеллажи с книгами и тетю-

библиотекаршу в сером пуховом платке и в очках «минус пять – справа, плюс один – слева», с неизменным узелком с торчащими из него шпильками на рано поседевших от нервной работы волосах. В аккуратных ящичках лежат карточки книг, а ты, протягивая свой читательский, получаешь доступ к великому хранилищу знаний, потому что Интернет у тебя отключили за неуплату, а реферат на завтра нужен «кровь из носу». Поэтому ты, как Нестор-летописец, садишься переписывать все, что можно найти по теме, проклиная тот день, когда решил получить высшее образование.

– И как туда попасть? – спросила я, понимая, что рыться среди пыльных стеллажей в поисках заветной книги мне ужасно неохота. Тем более не мешало бы вздремнуть... И покушать...

– Очень просто! Библиотека располагается под землей. Нам нужно просто спуститься в подземелье и пройти по тайному коридору! Когда-то давным-давно, лет двести-триста назад, в столице работал Университет магии, но потом его развалили...

«И потом на развалинах часовни...» – продолжила совесть, как будто прекрасно знала, о чем идет речь. «Помедленнее! Я записываю!» – вздохнула я, понимая, что сейчас мой хвостатый сэнсэй займется просветительской деятельностью среди умственно отсталого и малограмотного, по его мнению, населения, то есть среди меня.

– Осталась только библиотека, которая находилась под землей. Но библиотека пустовала недолго. И теперь она снова работает. Короче, хватит тут демагогию разводить! Сама все увидишь! Вперед, в подземелья дворца, – заявил крыс, встав на задние лапы. Одной рукой он вцепился мне в волосы, а другой, словно Владимир Ильич, указал на верное направление к светлому будущему. Если он еще раз так сделает, то сразу же займет место у Кремлевской стены.

* * *

Мы уже полчаса шлепали по темному подземелью, подсвечивая себе фонариком на телефоне, точнее, шлепала я, а Огрызок сидел у меня на голове. Вонь стояла такая, что «Красная Москва» показалась мне верхом парфюмерного совершенства, а освежитель «Сирень» – мечтой всей моей жизни.

– Налево, потом направо, а потом снова налево, немного прямо – и пришли! – скомандовала крыса, которая стояла на задних лапах на моем

плече в позе капитана Джека Воробья. Грязи было уже по пояс. В голове играла музыка из «Пиратов Карибского моря», только в этом случае я была отнюдь не бравым пиратом, а скорее «Черной Жемчужиной», которая еле-еле держится на плаву.

– Полный вперед! – скомандовал крыс. – Команды идти на погружение не было! Смотри, куда ступаешь!

– Не пищи на ухо! А не то сейчас мы пойдем ко дну! Я и так тут по самую ватерлинию... – едко заметила я. – Помни, настоящий капитан покидает корабль самым последним и чаще всего тонет вместе с ним.

– А крысы сматываются самыми первыми. Даже раньше женщин и детей! – парировал грызун.

– Ты, случайно, не капитан «Коста Конкордии»? – спросила я, понимая, что вряд ли Огрызок слышал про таковую.

– Я не знаю, кто такая Конкордия и при чем здесь ее кости, но я авторитетно утверждаю, что тонуть ты будешь в одиночестве... – ухмыльнулся крыс.

Мимо нас по выступу стены пробежали другие крысы. Обычные – серые и очень недружелюбные.

– Ты чего с родственниками и друзьями не здороваешься? – ехидно поинтересовалась я, чувствуя, что еще немного – и окунусь по самый подбородок.

– Откуда мне знать, что это твоя родня? – парировала крыса. – Бросай якорь. Мы уже приплыли.

Я выбралась на мель. Чувствую, что фейс контроль в это культурное заведение мне не пройти. Перед глазами предстали массивная дверь и маленький коврик «вытирайте ноги».

– Тут как, стучать надо или звонить? – спросила я, чувствуя, что вытереть ноги при такой степени загрязнения примерно то же самое, что лечить стригуций лишай аскорбинкой.

– Толкай дверь! – махнула лапой крыса. – Тут все просто!

Глава 8

Какафтор, или Не читал, но осуждаю!

Двери с душераздирающим скрипом отворились, и перед моими глазами предстал хорошо освещенный круглый зал с пестрыми стенами и высоким потолком. По спиральной лестнице, которая расположилась вдоль стен, можно было подняться под самый свод. То, что поначалу показалось мне плодом извращенной дизайнерской фантазии, на самом деле оказалось цветными переплетами всевозможных книг.

Прямо над входом висела табличка, которая, очевидно, изменялась по мере пополнения библиотеки. Сначала здесь красовалось слово «Нипуста», что, очевидно, свидетельствовало о незначительном пополнении библиотечного фонда. Потом надпись была перечеркнута, а сверху было нацарапано: «Нигуста», но и эта надпись, судя по всему, не удовлетворила взыскательных хозяев, поэтому сверху коричневой краской было выведено: «Всёгрусна». Даже эта надпись не избежала правок, поэтому буква «р» была зачеркнута, а сверху была выведена буква «н». На этом война правок закончилась. Но, как мне показалось, это временное перемирие. Так сказать, затишье перед бурей.

– Кхе-кхе... А ноги вытирать и двери закрывать вас не научили? Или вы у себя дома, в свинарнике, ноги не вытираете? Конечно, зачем стирать навоз, если вокруг колхоз? Что на ногах принес, то и удобрение! Хотя нет, я ошибся, вы в пещере живете, а грязь на ногах – это новый писк моды? Или думаете, раз мы поменяли название библиотеки, так сразу можно срать где хочется, закрыв глазки, чтобы было не стыдно перед приличными читателями? – раздался неприятный голос откуда-то сбоку. Передо мной предстал неизвестный науке зверь. Представьте себе смешарика, но только коричневого, с большими стоячими, как у овчарки, ушами, маленькими черными глазками-пуговками и поросячьим рыльцем. Из мохнатого тела росли ручки-спички и ножки-палочки.

– Что это за рахит? – поинтересовалась я у крысы, сидящей на моем плече.

– Это тролль, причем толстый! Не вздумай вступать с ним в дебаты! – очень тихо прошептал Огрызок прямо мне на ухо. – Иначе мы тут до утра просидим!

– Эй! Я к кому обращаюсь! У нас тут новые правила! Перед тем как

пользоваться библиотекой, нужно написать три отзыва к трем книгам! – не выдержал столь откровенной непочтительности тролль, перегородив нам дорогу всем своим мохнатым тельцем.

– Хорошо, я сделаю это, – согласилась я. – Объясните, как писать отзывы к книгам, которые не читал?

– Легко! Объясняю для особо одаренных. Судя по всему, вас в детстве семь раз подкинули и один раз поймали! Берете в левую руку книгу, открываете ее, и тут же в воздухе появляется кружочек. Ткните пальцем в кружочек и увидите отзывы. Берете перо правой рукой и пишете свой отзыв! Что тут непонятного? Могу объяснить по слогам! Три комментария дают вам право пройти на третий уровень. Чтобы получить доступ к другим книгам, вы должны написать не меньше ста комментариев, двадцать рецензий и выдержать испытательный срок в течение года! Тогда вы сможете подняться на шестой уровень. А если вы принесете в библиотеку более десяти новых книг, то получите доступ ко всем уровням! – заявил тролль, моргая пуговками.

Третий уровень – тоже неплохо... Я подошла к первой попавшейся полке и вытащила наугад три книги. Словарь эльфийского языка, атлас мира и кулинарную книгу. Открыв словарь, дождавшись, когда над ним появится светящийся шарик, я ткнула в него пальцем и увидела нечто похожее на длинный пергамент, где уже красовались комментарии. Авторская орфография сохранена!

Никакого художественного стиля, никакого сюжета, никакой кульминации, завязки и развязки! Просто набор слов! Нерекомендую! Гавно! Тем более, что это автор этого словаря никогда не слышал слова правописание! Автор, Вам должно быть стыдно!

Ну, я так понимаю, что правописание – это дело сугубо индивидуальное. Что ж... Не будем спорить с умными людьми... Пусть тот, кто пишет сто процентов грамотно, первым бросит в меня камень... Ай! Больно же! Ну, я же пошутила...

Сначала я обратил внимание на обложку, которая меня заинтриговала, и на название, которое вызвало у меня желание открыть этот опус. Каким же было мое разочарование, когда я прочитал первые две страницы! Более тупой книги я за всю жизнь не читал! Это просто кошмар какой-то! Я ожидал приключений, а здесь какая-то муть! Еще

«Словарь» называется!

Какой словарь без приключений? Это же моветон! Я полностью согласна с предыдущим оратором!

Автор, не умеешь – не берись! Взял читать исключительно из-за обложки! Ниасилил! Автор, я бы тебе советовал сломать перо и не тратить время читателей! Я ожидал счастливый конец, но мои ожидания не оправдались! Ящур! Да какой ящур? Вы хоть понимаете, что вы пишете какой-то бред, многоуважаемый?

Многоуважаемый вагоновожатый... Ах, какие изящные словесности и какое разочарование! Неужели «я» – действительно последняя буква алфавита? Не может такого быть! Автора слова к стенке и расстрелять из реактивного говномета!

Это были три последних комментария. Остальные комментарии я даже побоялась читать. Ну что сказать, сюжет в словаре – это самое важное! Какой же словарь без сюжета и приключений?

Я взяла полупрозрачное перо и написала:

Это действительно умная и полезная книга для тех, кто желает изучать эльфийский язык. Очень четко изложена транскрипция и очень грамотно написан перевод.

Троль, стоящий рядом и заглядывающий мне через плечо, заорал:

– Смею поинтересоваться, сколько вам заплатил автор этой книги за столь лестный отзыв? Я понимаю, что с вашим уровнем образования на достойную работу рассчитывать не приходится, но унижаться и писать проплаченные комментарии – это уже слишком. Вы так не считаете? – противным голоском спросил троль-библиотекарь.

Я, понимая, что если я сейчас открою рот, то каждое сказанное мною слово обернется против меня, молча взяла атлас мира и открыла его, чтобы почитать комментарии к нему.

Толстая струя рвоты, ударяя о цинковое ведро, издает тонкий звенящий звук. Именно так я хочу охарактеризовать данный «шедевр». Ничего более бредового я в жизни не читал! Автор, я рекомендую тебе завязать с литературой и больше не публиковаться. Не думайте, что Вы умнее других, раз используете столь трудновыговариваемые названия и

знаете много умных слов!

Да, гения обидеть может каждый. Особенно того, кто составлял и рисовал этот атлас. Как же так он, бедненький, не догадался, что столь утонченный читатель не заценит столь вычурных географических названий? Ну мог бы назвать города и села по-другому... Это же так просто!

Автор, я обращаюсь именно к Вам! Кто Вы такой, чтобы судить о мире? С точки зрения Вашего скудоумия и общего интеллектуального развития на уровне огра, я бы на Вашем месте не рискнул в следующий раз хвататься за перо, когда приспичит поделиться своими мыслями о мирозданье! Лучше сходите в туалет и там излейте свою философию!

А это вообще глобалист какой-то обиженный целую петицию накатал. Сидит такой читатель, все о мире думает. О том, насколько оный многогранен и бесконечен. А тут подлый автор возьми да и просвети его о реальных границах! Всю жизнь человеку испортил!

А где драконы и принцессы? Почему любовная линия выглядит плоско и уныло, словно ее написал подросток правой рукой, держа левую руку под столом? Жуть и мрак! Автор, учи орфографию! Ничего более тупого я в жизни не читал. После Вашей книги мне хочется вымыть руки с мылом! Книгу не спасают даже красочные иллюстрации!

Я пролистала атлас в надежде, что кроме картинок в ней найдется хоть капля текста, но кроме вступительного слова, занимающего ровно два коротеньких абзаца, я не увидела ничего, что бы намекало на любовь, кроме двух слов после вступления: «С любовью, автор». Ндя... Действительно, автор развил любовную линию плоско и уныло, особенно если дело касается географии! А народ жаждал шекспировских страстей!

Я взяла перо и написала:

Мне нравится, как красиво выглядит наш мир на страницах этого атласа. Как продуманно и изящно изображены мельчайшие детали. Многие земли для меня были настоящим открытием! Спасибо Вам большое за то, что Вы потратили столько времени, чтобы проделать этот титанический труд!

Троль позади меня хмыкнул, выражая свое негодование! Он тут же схватил перо и написал следующий отзыв:

Худшее, что мне удалось прочитать! Не читайте! Не стоит тратить время на столь бездарное произведение, абсолютно лишённое художественной ценности! Предыдущий оратор вообще не разбирается в литературе. Он даже не читал эту книгу, но уже судит о ней как о шедевре! А может, это и есть автор?

Комментарий тролля я проигнорировала. Развернув книгу по кулинарии, я решила мельком перечитать, чем именно эта книга не угодила читателям!

Очень плохо прописаны герои! Курица – так вообще образ не раскрытый! Зачем вводить курицу, если она в дальнейшем особой роли не играет? У меня такое чувство, что автор писал эту книгу на коленке, не уделяя должного внимания внутреннему миру героев!

Вот здесь вот комментатор очень ошибается. На двадцать восьмой странице в деталях, достойных добротного пособия по биологии, была показана курица в разрезе, так что не надо грешить на автора. Внутренний мир курицы раскрыт, я бы даже сказала, полностью...

Ну что сказать... Такую книгу я бы не порекомендовала друзьям! Это просто жуть какая-то! Одни сплошные убийства, причем настолько изощренные и жестокие, что просто кошмар! Сварить! Коптить! Жарить! Я понимаю, что если автор так и не сумел раскрыть героя, то он его просто-напросто убивает! Ему невдомек, что за те два абзаца, где он его описывал, читатели успели к нему привязаться!

Птичку жалко... Цыпленок жа-а-ареный, цыпленок ва-а-ареный. Цыпленок тоже хочет жить!

Книга мне откровенно не понравилась. Сначала она меня заинтриговала первым словом, а потом я понял, что зря потерял столько времени, читая его! Никакого стиля! Абсолютно! У меня такое чувство, что книгу писал слабоумный детеныш огра!

Веский аргумент! Любовь с первого слова, которое (сейчас пролистаю

и посмотрю, что за слово, а то самой интересно), как ни странно, оказалось «Уважаемый», не состоялась. Встречу читателя с книгой просьба считать ошибкой!

Я всегда была уверена, что книга о еде должна писаться вкусным языком! А у Вас «возьмите то», «возьмите это», «перемешайте». Не нужно мне указывать, что мне делать! Единственный рецепт, который заслуживает внимания, – «Каша из топора», но и для ее приготовления нужна кастрюля! Так что я не рекомендую ее тем, кто любит и умеет готовить!

«Вкусный язык» для меня – ливерная колбаса. А вот насчет кастрюли, то это – да. Миссия невыполнима. Нет, ну можно топор есть сырым. Железячку лизать, деревяшку грызть. Тут все дело вкуса, а о вкусах не спорят.

Пока я старательно выводила хвалебные отзывы, дверь открылась и в библиотеку ввалилась пара троллей. Самец и самка. Самка была толстой, словно вот-вот лопнет, а самец был настолько тонок, что легко бы мог спрятаться за шваброй. Одеты они были по последнему писку моды. На голове самца была шляпа, а в глазу торчал монокль. Самочка была одета в изысканное платье из радужной ткани, а на плечах ее, на манер горжетки, лежала дохлая рыжая кошка. Тролль, который внимательно следил за процессом написания моих отзывов, тут же метнулся навстречу вошедшим, расшаркиваясь и раскланиваясь.

– О, сударь! О, сударыня! Я так рад приветствовать вас! У нас тут недавно было большое пополнение! Возможно, оно вас заинтересует! – Тролль-библиотекарь метнулся к своему столу и положил на него десяток рукописей. – Свежие! Только что написанные! Еще чернила не просохли! Автор даже вычитать не успел, а наши агенты уже тут как тут! Прямо из-под носа увели!

– Они что, книги воруют? – тихо спросила я у Огрызка.

– Нет, библиотека пополняется за счет благотворительности! Ну, ты даешь! Конечно, воруют! Тащат отовсюду! Иногда на жалость бьют, мол, многоуважаемый автор, дайте почитать, я большой ценитель вашего творчества, и бла-бла-бла... Вы такой замечательный, такой талантливый... А мне просто не терпится получить черновик новой книги! Я умру от горя, если вы не окажете любезность дать мне его прочитать первым! И все! Как только рукопись попадает в лапы к троллю, можно засекаать время. В считанные минуты от читателя и след простыл, а книжка уже здесь, на

полочке, оставлена на растерзание троллям. Иногда авторы сами приносят сюда книги, надеясь, что именно так завоюют любовь публики и популярность. В последний раз, когда я здесь был, бедолага-автор, устав доказывать троллям, что он непризнанный гений, удавился прямо на моих глазах под дружные аплодисменты неблагодарных читателей. Кстати, я прочитал его книгу. И я скажу честно, что она действительно интересная и остроумная. Такая глупая и нелепая смерть... Ты не расслабляйся. Сделай вид, что читаешь, а сама держи ухо востро!

Тем временем я, схватив с полки первую попавшуюся книгу, изображая вдумчивое чтение, краем глаза поглядывала на семейку троллей.

Тролли двинулись целенаправленно к какой-то полке. Достав книгу, вызвав отзывы, они пробежали глазами, но не нашли ничего нового. В тишине раздался вздох разочарования.

– Я думал, что автор ответит нам... – вздохнул тролль, протирая стеклышко монокля о пушистую грудь.

– Как некультурно! – заявила троллиха, поглаживая лысеющий кошачий хвост. – Не умеют авторы принимать здоровую критику...

Троль-библиотекарь, который был уже тут как тут, показал пальчиком на скелет, поросший паутиной, сидевший в углу библиотеки.

– Он? – спросил библиотекарь.

– Вроде он... Я помню его еще живым! Он так замечательно оправдывался, так спорил, так аргументировал... Эх, были времена... – снова вздохнул тонкий гость. – Пойдем, дорогая, тут нам новинки предлагают!

Тем временем чета троллей безгласно рассматривала какой-то листочек, заляпанный чернилами.

– Какое убожество! – томно произнесла троллиха. – «Учебник по военной стратегии и тактике на примере великих сражений древности» меня крайне разочаровал! Написано скучным языком. Нет чтобы добавить любовную линию! Могу ли я написать отзыв прямо сейчас? У меня просто руки чешутся объяснить автору, что он просто бездарь!

– К сожалению, нет! Мы еще не присвоили ему инвентарный номер! Как только присвоим, то будьте так любезны, хоть всей семьей приходите! – Библиотекарь бережно складывал листочки. – Оу! Для вас, и только для вас есть свежие отзывы...

А потом, понизив голос до шепота, осмотревшись по сторонам, словно боясь, что его кто-нибудь да услышит, добавил:

– Хвалебные!

– Где?! – хором завопила чета троллей.

– Тсс! Пройдемте, я вам покажу... – Тролль-библиотекарь повел читателей прямо к той полке, где еще недавно я корпела над отзывами.

– Ты чего стоишь? – прошипел мне на ухо Огрызок. – Или тоже хочешь принять участие в священной войне отзывов? Помни, мы сюда не за тем пришли, чтобы с троллями спорить! Отступаем потихоньку.

Осторожно пятясь назад, я стала подниматься по винтовой лестнице. Сколько здесь было книг! И любовные романы! И фантастика! И сказки! И учебники! Это настоящая сокровищница знаний.

– Тормози... Дальше четвертый уровень, а нам туда вход строжайше запрещен! Подождем удобного случая и попробуем прорваться... А пока возьми какую-нибудь книжку и делай вид, что читаешь! – прошептал крыс.

– Слушай, – прошептала я Огрызку, раскрыв «Культуру огров. Обычаи и обряды». – Я так понимаю, что мы не первые, кто пользуется этой библиотекой не с целью написания комментариев и получения морального удовольствия от мучений автора?

– Ну, разумеется! Многие приходят сюда в поисках чего-то особенного. И им плевать на комментарии! – заявила крыса, почему-то тяжело вздыхая.

– А почему тролли не входят в состав империи? – спросила я, ранее не догадываясь о столь просвещенной цивилизации, засевавшей прямо под ногами. – Если бы они входили в состав империи, их можно было бы призвать к ответу за воровство чужой интеллектуальной собственности...

– Раньше была такая идея – включить троллей в империю, но в нее могут входить исключительно государства, а тролли уже лет пять не могут выбрать себе правительство. Или не хотят... Пока что застряли на дебатах. Сначала они действительно пытались избрать достойных представителей, а сейчас этот процесс превратился у них в народную забаву. В итоге получается, что законы империи на троллей не распространяются, поэтому они могут свободно воровать чужой труд с целью его дальнейшего уничтожения. Кстати, выносить книги из библиотеки строжайше запрещено. Точно так же уничтожать книги, даже ты являешься их автором...

И тут мы услышали детский визг. В библиотеку ввалилась многодетная семейка троллей. Малыши, вереща и радуясь, словно их отвели не в библиотеку, а как минимум в аквапарк или в Диснейленд, тянули тоненькие ручки к книжкам. Такой тяги к знаниям я еще не видела.

– О! Давненько вас не было! Смотрю, отощали... Ничего, насладитесь духовной пищей высочайшего качества! – поприветствовал гостей тролль-библиотекарь.

– Папа! А как правильно пишется слово «говно», через «а» или через

«о»? – раздавались радостные возгласы. Под шумок я продвинулась к красной черте, отделяющей третий уровень от четвертого.

Крошка-тролль к отцу пришел,
И спросила кроха:
– Троллить – это хорошо?
– Если только лоха... —

прочитала совесть, вспоминая скелетика, который пытался доказать, что он хороший автор. Мир его праху!

– Слушай, мой ласковый и нежный зверь, что мы ищем? – шепотом поинтересовалась я, понимая, что «иди туда, не знаю куда. Ищи то, не знаю что» – это наш основной план. Я пробежала глазами по корешкам и поняла, что некоторые книги я обязательно прочитаю. Ну что ж... Дорогу знаю, доступ заработала...

– Мы ищем «Черную книгу зельевара». Она существует в единственном экземпляре! – пояснил крыс, свешиваясь с моего плеча, чтобы получше рассмотреть названия. – Хм... Если бы книги нормально расставили, а не абы как, то шансы найти ее были бы гораздо выше.

Где-то внизу раздались звонкая оплеуха и надрывный детский визг! Я, сгорая от любопытства, посмотрела вниз. Толстая троллиха стояла в позе самовара, а рядом с ней вопил как резаный маленький худенький тролль.

– Ты что такое написал, я тебя спрашиваю? Я тебя спрашиваю, ТЫ ЧТО НАПИСАЛ? – Мамашка пыталась переорать визги ребенка. – А ну быстро исправил! Пиши следующий отзыв!

– Дорогая, что случилось? – поинтересовался папаша-тролль, дописывая комментарий к какому-то опусу.

– Ты полюбуйся! – взвизгнула мамаша, одной лапой таща за ухо упирающегося сына, а в другой сжимая книгу, которой воинственно размахивала. – Читай! Читай вслух. Пусть все знают, какой у нас сын! Позор! Это просто позор! Интересно, в кого он у нас такой?

Тролль-отец поправил очки и прочитал вслух: «Это очень хорошая книга!» Малец тем временем орал белугой и даже умудрился упасть на пол, колотя чохлыми ручками и ножками в знак протеста против такого обращения.

– Ваш сын просто ошибся, – к ним тут же подлетел библиотекарь. – Он просто перепутал буквы «о» и «е». Это достаточно распространенная ошибка. Тут можно легко исправить! Я считаю это верхом остроумия... для

первого отзыва...

– Нет, он перепутал буквы «в» и «ш»! – не унималась мамашка. Спор разгорелся со страшной силой. К нему подключилась и чета троллей, которая пришла раньше. Далеко пойдет малец!

Мы тем временем еще немного подвинулись в сторону заветной полосы.

– Слушай, а что будет, если пересечь черту? – спросила я, понимая, что столь редкая книга вряд ли будет мирно стоять на полочке первых трех уровней.

– Я не знаю... – вздохнул Огрызок. – Вот бы отвлечь их чем-то, а потом попробовать. Авось ничего не случится! С твоим-то везением...

И тут в библиотеку с криком вбежал маленький пузатый тролль, неся в руках какую-то рукопись, теряя по пути часть листов.

– Десятая! – заорал он, шлепая рукопись на стол и переводя дух. – Прямо с руками оторвал! Руки можно выбросить!

– Ну как можно выбрасывать руки, которые нас кормят? – возмутилась троллиха с кошачьей горжеткой, но ее слова пролетели мимо мохнатых ушей остальных присутствующих. Конечно, тут такое событие!

– А теперь попрошу минуточку внимания! – заявил тролль-библиотекарь, прочищая горло. – Властью, данной мне, открываю вам доступ на все уровни! Ура, господа! Поприветствуйте почетного читателя нашей библиотеки!

– Кормилец!!! – завизжала мамашка-троллиха. – Смотрите, дети, и учитесь! Папа у нас только одну книжку слямзил, а этот герой – целых десять! Берите с него пример!

– Я завтра с супругой приду и с тещей! Можете повторить то же самое, но только в их присутствии? – поинтересовался герой. – Для тещи нужно повторить раза два-три, а то она глуховата...

– Разумеется! В вашем сопровождении они также могут пользоваться всей библиотекой, – расплылся в улыбке библиотекарь.

Мы с крысой переглянулись и стали спускаться. Такой шанс упускать нельзя! Сама судьба посылает нам возможность получить халявный доступ с чужого профиля.

– О! Неужели это вы? Не может быть! – закричала я, бросаясь к герою дня, активно тряся его за лапу. – Я... мм... для меня это такая честь – встретиться с вами лично! Вы просто мастер словесности. Какие едкие замечания, какие язвительные комментарии, как метко вы указываете автору на его никчемность, что я просто горю желанием пообщаться с вами!

Троль смутился, но комплимент принял.

– Скажи, что ты автор «Черной книги зельевара» и тебя зовут Годфрид Винсент! – прошептал на ухо крыс.

– Я автор «Черной книги зельевара», – сказала я, а вот теперь главное – не ошибиться, – Годри...

– Годфрид Винсент! – прошипела мне на ухо крыса. – Неужели трудно запомнить?

– Годфрид Винсент! – выпалила я, и в зале воцарилась гробовая тишина. Троль-отец, который уже занес перо для того, чтобы разгромить очередную книгу в пух и прах, замер на месте. Мамашка-троллиха выронила из рук любовный роман. Троль в цилиндре чуть не уронил монокль, а троллиха в горжетке случайно оторвала кошачий хвост. Даже дети прекратили играть, уставившись на меня.

– Автор... – зашептали тролли, глядя на меня во все глаза. Троль-библиотекарь даже сел на колченогий стул. – Живой автор!

И тут маленький троль бросил огромную книгу на землю и заорал так, что у меня заложило уши: «Еда-а-а-а-а!»

Глава 9

Тихо стырил и ушел, называется «нашел»!

Не знаю, как вы, но я никогда не мечтала о лаврах писателя. Правда, иногда подмывало описать мои приключения, однако насчет спроса на подобную литературу я сомневаюсь. Скорее всего, читать ее будут только в том случае, если текст моей книги будет напечатан в рулонах на очень мягкой бумаге, и сразу после прочтения оставлять однообразные, но вполне заслуженные отзывы. Тем более что я очень самокритичный человек. Когда начинаю смотреть на свою работу со стороны, то это плавно переходит в самокопание с последующим самобичеванием. Копать я начинаю так, что бригада экскаваторщиков с отвисшими челюстями может спокойно выполнять копательные работы без использования спецтехники. А вот теперь я почувствовала себя настоящим писателем, правда, место для этого я выбрала не самое лучшее, да и время тоже... В целом, я еще не совсем готова к столь сомнительной славе, но у каждого в этой жизни есть право на ошибку. В моем случае работает тариф «Безлимит». Тариф «Безлимит» – лажай уверенно, даже при минусовом балансе!

– Повезло же тебе... – вздохнул папашка-тролль, обращаясь к удачливому охотнику за книгами. – И доступ, и автор... И какашка, и ложка...

– Па-а-апа! Я тоже хочу автора! Хочу! – выл один из многочисленного выводка троллят. – Хочу! Па-а-ап!

– Нет, сынок... Мы пока себе не можем позволить автора, – ответил счастливый отец семейства, бросая виноватые взгляды на жену.

– Ма-а-ам! Скажи па-а-апе, чтобы он привел автора!!! – гнусаво выл тролленок.

– Помолчи! – одернула его мама-троллиха, с негодованием посматривая на своего муженька-неудачника. – Не дорос еще до автора! Лулзы на губах не обсохли, а ему уже автора подавай!

Малец, сообразив, что никто не станет потакать его капризам, стал кататься по полу, вопя, что пожалуется на родителей и их за это лишат родительских прав, а его передадут в другую семью, где ему принесут автора на блюдечке!

– Я расскажу всем, как вы издеваетесь над бедным ребенком... Как не разрешаете мне троллить! И бьете за это! Все расскажу! Вот прямо сейчас

пойду и расскажу! – вопила маленькая дрянь, ударяясь головой об пол. Его примеру последовали другие братья и сестры. В итоге весь выводок валялся и орал, угрожая родителям анальными карами от ювенальной юстиции. Децибелы нарастали. Один, особо резвый, умудрился пнуть мать ногой, что добавило треша и угара во всю эту безобразную семейную сцену.

В этот момент мне показалось, что очередной представитель «онижедети», который корчится в истерических муках возле прилавка с игрушками за сто пятьсот рублей, требуя купить им все это, и немедленно, просто ангел, сошедший с небес прямо на грязный пол торгового зала. Точно так же херувимчиком показалось мне чадо дошкольного возраста, которое на одной из остановок в сопровождении невозмутимой мамы вваливается в переполненную маршрутку и не замолкает до конца пути, задыхаясь, крича до хрипоты на потеху публике. Особую радость можно разглядеть в глазах водителя, который, судя по отражению в зеркале заднего вида, сожалеет о том, что работает водителем «газели», а не «газенвагена», и что на приборной панели нет волшебной кнопочки «пустить газ в салон». Так вот, я вам авторитетно утверждаю, что лучше проехать десять остановок с юным неумолкающим «террористом», выдвигающим свои нехитрые требования всей маршрутке, чем слушать вой десятка троллят. В моей ситуации оставалось только дирижировать. Да с ними можно в гастрольный тур отправляться, уж больно слаженно они орут, очевидно, делая это не в первый раз. Представляю, какой оазис психологического комфорта у этой семейки дома! Впервые в жизни я не завидую черной завистью Анджелине Джоли, которой почему-то завидует весь мир. Недавно в новостях проскользнула новость, что, мол, Брэд Питт не выдержал «многодетного отцовства» и решил дезертировать. Его тоже можно понять... Сломался мужик... И я сейчас сломаюсь, если эта шайка спиногрызов не заткнется. Так и захотелось крикнуть самую бородатую шутку КВН страшным голосом: «Потому что тишина должна быть в библиотеке!» – но я этого не сделала, потому что голос подала мама-тролль, обращаясь к троллю-отцу:

– Да когда они уже нажалуются и нас лишат родительских прав? А то все угрожают и угрожают... Ты им адрес давал, куда нужно обратиться?

– Давал, раз десять... – вздохнул папа-тролль. – Даже за руку водил! Упираются, орут... В последний момент отказываются от своих слов...

«У меня тут как раз песенка есть... – подала голос совесть, – про ювенальную юстицию». «Валяй! – разрешила я. – Так, чтобы душа развернулась и свернулась!»

Мальчишки и девчонки,
Не ценят вас родители?
Вы в органы опеки
Явиться не хотите ли?
Веселые истории про угол и ремень...
И бедные родители запомнят этот день! —

спела совесть задорным голоском.

«Пара-пара-пам! Фьють!» – закончила я, решив не вмешиваться в этот душевный семейный конфликт поколений. Вместо этого я слащаво улыбнулась и обратилась к троллю-везунчику, пытаюсь переорать весь этот цирк.

– Я бы хотел, чтобы вы, мой уважаемый критик, – начала я, но тролль тут же меня поправил.

– Господин Анонимус, – гордо сказал он.

– Мм... Господин Анонимус, я мечтаю о том, чтобы вы написали мне свой непревзойденный отзыв! Я готов даже с вами поспорить на тему художественной ценности моего опуса! Правда, я тут впервые, но мои друзья-писатели, – авторитетным голосом заявила я, словно у меня в друзьях как минимум половина компиздата и пара маститых авторов, зарабатывающих в месяц литературным творчеством не на три коробка спичек, а на четыре, – вас очень рекомендуют... Вот я и решил, что вы можете мне помочь!

– Ну, разумеется! Я с радостью разнесу вашу книгу в пух и прах, потому что, даже не читая ее, я уверен, что она не стоит и ломаного гроша! Такой человек, как вы, просто не способен написать что-то стоящее. Посмотрите на себя, как вы выглядите, как разговариваете. А ваша манера одеваться? Да как только таких авторов земля носит! – надулся от собственной важности тролль.

– Правда, есть один нюанс... – грустно заметила я, поглядывая на своего собеседника. – Нашу с вами дуэль придется отложить... Увы, я не имею доступа к тому уровню, где находится моя книга. Поэтому при всем желании я не смогу сделать попытки оправдаться в ваших глазах...

Я еще раз картинно вздохнула, внимательно изучая реакцию собеседника. Крыс на моем плече тихонько пропищал мне на ухо:

– Только что мне показалось, что демон случайно перепутал и вместо везения дал тебе мозги! Очень ценное приобретение, смею заметить, если ты умеешь ими пользоваться.

Я с наслаждением дернула Огрызка за покалеченный хвост, заставив вцепиться лапками в мой камзол, чтобы не шлепнуться на пол. Дилинь-дилинь! Кто там? Сиди, я сама открою... Между ног болтается, на «х» называется... Хвост... Мм...

– Ты что себе позволяешь! – возмутился крыс, снова забираясь на свое любимое место. – Мужа будешь дергать!

О да! Я не просто дерну... В свете последних открытий я оторву его флеш-накопитель генетической информации. Или отформатирую прицельным ударом. А потом полученную в результате зверских манипуляций болямбу залью «ароматом, что внушает любовь», а именно «Красной Москвой».

Наслаждаясь виртуальными разборками с применением карательной ароматерапии со своим неверным-благоверным, я снова дернула хвост несчастной крысы: «Джингл белл, джингл белл...» Из меня получился бы классный звонарь собора Парижской Богоматери. «Вечерний звон! Вечерний звон... Как много дум... Ай, скотинка, не кусайся! Наводит он!»

– А где, собственно, находится это убожество от литературы? – поинтересовался господин Анонимус, потирая лапки. – Мне уже не терпится познакомиться с ним поближе...

– Увы, мне неизвестно... – вздохнула я, краем глаза глядя на тролля-библиотекаря, который достал огромный гроссбух и стал внимательно водить пальцем сверху вниз.

– Шестой уровень, шестая полка снизу, шестая слева! – заявил он, захлопывая каталог. – Вы можете провести туда автора, пользуясь своим правом доступа. Если вы этого захотите, разумеется...

О! Это просто музыка для моих ушей! Вип-аккаунт, приват доступ. Без регистрации и смс. И притом абсолютно бесплатно! И даже капчу вводить не надо! Уи-ха!

– Конечно, должен же я проверить свои новые возможности? – заявил герой дня, раздуваясь от чувства собственной значимости. – Пойдемте, автор!

И мы стали бодренько подниматься вверх. Я решила чуть-чуть отстать после того, как мы прошли красный рубеж, и уточнить у Огрызка детали нашего гениального плана, которого нет.

– Эй, крыс, ты думал, как мы отсюда будем выбираться? – спросила я, заглядывая вниз, где все еще вопили троллята. – Это я просто так интересуюсь, ибо повторный заплыв по сточным водам меня ничуть не привлекает...

– Легко! Ты, главное, не суетись... – заявил мой розовый спутник, а

потом внезапно укусил меня за руку.

– Эй, скотинка, ты чего? – возмутилась я столь неожиданному нападению без явно видимых причин.

– Как вспомню, что ты меня за хвост дергала, аж противно становится! – заявил Огрызок, поежившись. Крыса, что с него возьмешь? – Кстати, у тебя карманы есть?

– Ты еще у меня в карманах не шарился! – возмутилась я, но тут же сменила гнев на милость. – Если что, полезай в левый.

«У меня в кармане крыса. Я нашел ее в лесу. Она дохлая и лысая. Я домой ее нес!» – восторженно прочитала совесть мой любимый детский стишок, который я однажды имела счастье прочитать Деду Морозу в детском саду, когда он зашел в нашу группу, чтобы вручить подарки. Пока все читали про елочку и зайчиков, я радостно вспорхнула на стульчик и выдала стишок, однажды услышанный по телевизору. Дед Мороз просто сел от неожиданности на мешок с конфетами. Потом мы всей группой ели давленные конфеты, пока воспитательница ненавязчиво интересовалась у моих родителей, откуда у меня такие глубокие познания.

– А в правый почему нельзя? – поинтересовался крыс, выводя меня из уютных воспоминаний детства.

– В правом я планирую унести книгу! К тому же там дырка... – ответила я, проверяя глубину правого кармана. Небольшая книжечка должна в ней поместиться. Если обложка мягкая, то можно свернуть ее трубочкой.

– Какая же ты предусмотрительная... – ехидно заявил Огрызок и зловеще потер лапки.

И вот она, заветная полка. На полке, слипшись переплетами, под внушительным слоем пыли стояли книги по магии и магическим искусствам вперемешку с какими-то автобиографиями особо выдающихся колдунов и колдуний.

Книга, которая нас интересовала, была настолько огромной, что я пожалела, что не являюсь чемпионкой мира по тяжелой атлетике. Я с опаской отношусь к книгам, чья толщина многократно превышает высоту...

«Да чтоб ты в школу пошел и первого сентября тебе выдали такие учебники и тебе приходилось носить их каждый день!» – проклинала я автора. «Да чтоб ты был библиотекарем, а у тебя эту книгу спрашивали каждый день, а ты каждый раз доставал ее с верхней полки!» – добавила совесть. Я сразу представила мускулистого библиотекаря, который по вечерам, в свободное от читателей время, тренирует бицепсы и трицепсы

при помощи этого опуса. «Да чтоб тебе ее отксерить нужно было!» – краснея от натуги, подумала я. «Да чтоб тебе ее переписывать задали!» – выдала совесть. «Да чтоб она тебе на голову упала!» – ахнула я, стаскивая этот литературный труд с полки. «А тебе еще с ней убежать отсюда...» – вздохнула совесть. «Мля...» – захныкала я, вспоминая про свою идею с карманом.

Когда мне удалось стащить ее с полки, я почувствовала, что жим стоя чуть не превратился в жим лежа.

– Ну что ж... Приступим-с! – сказал тролль, глядя, как я кладу ее на пол, открыв на первой попавшейся странице. Он вызвал отзвывы и стал что-то долго и усиленно царапать. Что он там писал, мне было глубоко по тангенсу, по синусу, косинусу и по параболе.

Я медленно прошлась вдоль стеллажа, разглядывая названия и авторов. Какие люди! Кого я вижу! Неужели Великий и Блистательный Годвин собственной персоной? «Как я победил дракона, или Как открыть свой собственный магобизнес!» – гласила надпись на переплете.

– Не читай! Я тебя умоляю! – завопил Огрызок. – У меня сейчас глаза вытекут.

Я открыла ее на первой попавшейся странице и прочитала первый абзац: «Дракон бросился на меня, но я устоял! Огромный зверь, ревя от злости, брызнул на меня своей ядовитой слюной, но я утерся и продолжил готовить заклинание. Потом дракон полыхнул на меня пламенем, но я увернулся и продолжил готовить заклинание. Потом дракон, видя, что меня ничто не пронимает, повернулся ко мне спиной и, задрвав хвост, выплеснул на меня весь страх и ужас, который я внушал ему. Я стоял с ног до головы перемазанный ценным ингредиентом, который нужен мне, чтобы начать свое дело безо всяких вложений. Облизнув пересохшие от напряжения губы, я продолжал готовить заклинание...»

Мои глаза впивались в каждую строчку, а в горле стоял ком.

«Когда поверженный дракон валялся у моих ног, а я голыми руками собирал в мешок тот ценный ингредиент, за которым, собственно, и отправился в далекие горы, прямо передо мной появилась красавица. Она робко приблизилась ко мне, а потом запечатлела сочный поцелуй на моих губах... Она хотела что-то мне сказать, но я прижал свой палец к ее губам и прошептал: “Не нужно благодарить меня... Я вовсе не собирался тебя спасать!”»

«Несите ведро!» – заорал мой несчастный желудок. «Не ори, ты пустой!» – напомнила ему я, с наслаждением переворачивая страницу.

«По дороге домой мне повстречался нищий и убогий калека, который

просил милостыню у всех прохожих... Как вы уже неоднократно убедились, а я неоднократно упоминал, слюна, как, впрочем, и все другие жидкости великого волшебника всех времен и народов, обладает целительными свойствами, поэтому я плюнул на него. Чудо исцеления не заставило долго ждать...»

«Встань и иди!» – громогласным голосом гаркнула совесть, сама балдея от столь нетрадиционной медицины. Выражение «плюнь и разотри» стало приобретать глубинный смысл, уходящий корнями в древнюю целительскую магию. Пролистав еще несколько страниц, чтобы понять, зачем ему нужна драконья какашка, раз ради нее пришлось лишиться жизни дракона, я увидела сам процесс производства.

«Я высушил мою добычу, немного обжарил ее и измельчил. Ее хватило ровно на двадцать мешочков удивительного порошка, который я тут же окрестил «Феко». Чайную ложку этого порошка хорошо заваривать по утрам, чтобы придать организму бодрости. По моим подсчетам, одного мешочка должно было хватить на двести чашек».

Нескафе... Опен ап, опен ап!

«Собранный вручную с высокогорных плантаций, обжаренный на огне, наш молотый кофе отличается тонким ароматом...» – проскулила совесть, вспоминая, имела ли я счастье попробовать растворимый кофе местного производства. Желудок просто бился в конвульсиях, требуя, чтобы с этого момента я перешла исключительно на зеленый чай. Но, судя по следующей главе, раскрывающей секреты добычи зеленого чая в условиях этого мира, я твердо решила пить только воду.

– Я закончил! Можете ознакомиться! – гордо произнес тролль, показывая огромный, словно простыня, отзыв.

Я нехотя оторвалась от увлекательных приключений столь предприимчивого колдуна, устроившего кулинарную революцию в этом мире и локальный конфликт в отдельно взятом, но, слава богу, пустом желудке. Мне ничего не оставалось, как отправиться делать вид, что читаю мнение, высказанное по поводу книги, к которой я не имела ровно никакого отношения, но которую я собираюсь стибрить.

– Как только книга будет в твоих руках, – прошептал Огрызок свои исчерпывающие инструкции, – попробуй вынести ее из библиотеки. Поскольку раньше библиотека принадлежала Академии, то здесь заклинания не сработают.

– Мне что, ее перед собой толкать? – возмутилась я, прикидывая, сколько весит сей труд. – Почему ты не сказал мне, что нужно взять с собой тележку? Я бы впряглась, как ослик, и дотащила бы ее до входа. Эх, жаль,

Шныря нет с нами... Мы бы его тут же запрягли, и он мигом довез бы нас до выхода.

– А кто такой этот Шнырь? – поинтересовался крыс.

– Мой, точнее, уже не мой пони... Теперь он живет у Джо... – вздохнула я. – Сначала сбежал понь, потом принц... А я, как настоящая Золушка, осталась вместе с крысой...

Пока мы тихонько переговаривались, я уже подошла к книге и сделала вид, что читаю отзыв, сопровождающийся едкими замечаниями из уст великого критика. У каждого, наверное, в жизни была ситуация, когда монолог его собеседника затягивается, а уши уже начинают вянуть от обилия информации, которую мозг упрямо отказывается переваривать. И тогда, чтобы избежать обиженного: «Ты меня вообще слушаешь?» – можно спокойно обойтись тремя фразами: «Не, ну это, конечно, полный капец!», «Ну нельзя же так!», «Мне кажется, что ты преувеличиваешь!», рандомно вставленные в редкие минуты затишья.

– Нет, ну это полный капец! – вздохнула я, мысленно прикидывая, как вынести эту чертову книгу.

Через минуту я выдала поочередно оставшиеся две фразы, но ничего хоть отдаленно похожего на план побега мне в голову не приходило. Оставалось надеяться на удачу. И она меня не подвела. Дверь библиотеки отворилась, и на пороге появился взмыленный, заляпанный грязью мужик. Посмотрев вокруг осоловевшим взглядом, напрочь игнорируя замечания библиотекаря, он бросился к первому попавшемуся троллю и заорал: «Ты куда ее дел?» Судя по воплям, которые последовали за этим нехитрым вопросом, я поняла, что речь шла о какой-то свежестыренной рукописи.

– Я требую вернуть мне этот экземпляр немедленно! – заорал автор, размахивая перевязанными культиями. – Вы не имеете права! Я потратил на эту книгу тридцать лет своей жизни!

– А чем докажете, что вы автор? А? – ехидно спросил тролль-библиотекарь. Господин Анонимус, он же виновник переполоха, медленно стал пятиться в сторону седьмого яруса, прекрасно понимая, что его будут бить.

«И возможно, даже ногами...» – радостно заметила совесть. «Не возможно, а точно!» – заметила я.

Я решила воспользоваться моментом и попыталась поднять книгу. Сделав три неуверенных шага, чувствуя, что еще немного – и стану обладательницей одного миллиона долларов от одного усатого дядьки из немого кино, я попыталась положить книгу на перила лестницы. Однако либо перила были слишком узкими и скользкими, либо руки у меня были

слабыми, но, повинаясь законам гравитации, сей опус устремился вниз. «Энд а-а-а-а-й!» – запела в голове Уитни Хьюстон. Тыдышь! Я сглотнула и посмотрела вниз. Где-то внизу, судя по звуку, должна была образоваться воронка, как от артиллерийского снаряда, и «четыре трупа возле танка дополнить утренний пейзаж». И таки да! Масса тела, помноженная на че-то там, при падении дала потрясающий эффект. Эх, физика, жаль, мы с тобой были друзьями по переписке! Особенно контрольных у соседа! Но беру свои слова назад. Ты мне очень помогла!

– Чего любишься? Давай спускайся, пока тролли не оклемались! – прошипел Огрызок.

Я рванула вниз со скоростью пули. Схватив книгу, я потащила ее нараскоряку в сторону двери. Слабый голос тролля-библиотекаря нарушил гробовую тишину.

– Что это было? – простонал он, не приходя в себя.

– Великая сила искусства! – натужно простонала я, бочком открывая дверь.

Дверь закрылась. Теперь оставалось либо бежать в сторону сточных вод и нырять вместе с этой книгой, или перевести дух и подпереть дверь! Я бы предпочла второе, но обстоятельства мне подсказывали, что купания не избежать. Я подперла дверь книгой и решила немного передохнуть перед марш-броском.

«На тело, погруженное в жидкость, действует сила...» – не к месту вспомнила совесть единственный закон, который я помню со школьной скамьи. Я еще физику не вспоминала в критической ситуации! Надо же, зацепило как!

– Чего сидим? Кого ждем? – поинтересовался Огрызок, вылезая из кармана.

«Лариска! В сумку!» – голосом старухи Шапокляк возмутилась совесть.

– Жду дальнейших указаний и вспоминаю закон Ома! – задумчиво брякнула я, немного растерявшись.

– Закон Ома – что стырил, то дома! Открывай книгу на сорок девятой странице! Быстро! – скомандовал крыс. Я тут же начала листать книгу, чувствуя, что выжившие все-таки имелись, ибо дверь, которую подпирали сей громадный опус, задергалась.

Книга лежала вверх ногами. На сорок девятой странице я не увидела ничего, что могло бы мне помочь.

– Третий абзац. Переверни книгу. Здесь написано заклинание, которое нужно прочитать, положив руку на обложку.

– Ага, щас... вот возьму и переверну, – заявила я, выворачивая шею. – Абракадабра? Ты шутишь? Это заклинание, которое нас спасет? А может, «сим-салабим»? Или «фокус-покус»?

– Давай, – простонал Огрызок, – закрывай книгу, клади на обложку руку и произноси три раза!

– Абракадабра! Абракадабра! Абракадабра! – всхлипнула я от смеха, прижав ладонь к обложке. И тут я как бы увидела себя со стороны, невольно вздрогнув оттого, что забыла, что сейчас нахожусь явно не в своем обличье. Меня потянуло куда-то вверх, словно засасывая в огромный пылесос.

«Если увидишь черный туннель – беги к свету!» – прокричала совесть. Мои уши заложило, из глаз брызнули слезы, а во рту образовалось целое озеро слюней. Хлоп! И я падаю вниз, надеясь на то, что книга не упадет на меня сверху. Уже лежа на чем-то твердом, я попыталась отползти подальше, вспоминая, был ли записан в договоре с демоном случай смертоубийства по вине книги как форс-мажор, или можно сразу вставить в очередь на премию Дарвина.

Глава 10

Не будем говорить о плохом... Лучше сделаем!

Когда я открыла глаза, то поняла, что место, куда я попала, иначе чем кунсткамерой не назовешь. Сверху надо мной нависал скелет дракона, а на полках, вперемишку с книгами, стояли колбы с заспиртованными уродцами непонятного происхождения и далеко не аппетитными субстанциями. Ха! Вы еще мой холодильник не видели! Обычно я шарилась в нем, не углубляясь в недра, но однажды мне приспичило разморозить его... Я чувствовала себя сумрачным гением, извлекая баночки с ужасающим содержимым, вспоминая, когда я их туда положила. Некоторые находки были датированы прошлым годом, а одна банка позапрошлым. В итоге на столе собралась целая коллекция, достойная кунсткамеры. Открывать и нюхать содержимое почему-то не хотелось. Было у меня такое предчувствие, что из баночки с консервированными огурчиками раздастся голос: «Мама!» – и ко мне потянутся склизкие зеленые щупальца. Я почувствовала себя лейтенантом Элен Рипли на подлете к Земле. Тварь с грустными глазками убила весь экипаж и теперь тоскливо смотрит на свою «маму». «Чем тебя породил, тем тебя и убью!» – под таким девизом мама высаживает по частям свое чадо в открытый космос. А вон в той баночке, первоначальное содержимое которой угадать уже невозможно, как мне показалось, уже вполне сформировалась цивилизация, рассуждающая, есть ли жизнь в других банках или нет? Представляю, что там уже царит культ Меня! Они молятся на неведомого создателя в надежде отсрочить неизбежный апокалипсис... На мои глаза навернулись слезы. Я почувствовала себя Творцом, вершащим судьбы миров. Моя рука дрогнула... Часть баночек я все же выбросила, а эту оставила, тем самым перенеся срок апокалипсиса, который, вполне возможно, предсказывали ученые внутрибаночного мира. Я не удивлюсь, если когда-нибудь, вернувшись в свой мир, я узнаю, что обитатели баночки из моего холодильника не просто вышли на контакт, а еще и поработили Землю.

– Не фиг придуриваться... – гаркнул Огрызок мне прямо на ухо. – Я знаю, что ты уже очнулась!

– Наверное, я сейчас задам самый тупой вопрос из всех вопросов, которые обычно задают в такой ситуации. Где мы? – спросила я, потирая

ушибленный бок. – И где эта книга, которая чуть не стала моим могильным камнем?

– Зачем она тебе? – поинтересовался мой розовый друг. – Она всего лишь один из способов попасть в мою башню. Я ответил тебе сразу на два вопроса.

– Знала бы, стырила бы парочку книг по магии... – буркнула я, приподнимаясь. – Они бы мне сейчас оченьгодились!

– Исключительно для растопки, – буркнул крыс, забираясь на стол. – Зажигай свечи!

Я подошла к оплывшим огарочкам, тоскливо думая о том, что я не курю. Если бы я курила, то у меня в кармане была бы зажигалка. Осмотревшись, я нашла два каких-то камня и начала усердно бить их друг об друга, как это показывали в фильмах про доисторических людей. Однако искры не было, а руки уже устали. Крыс притих и с интересом наблюдал за моими потугами развести огонь. Эх! Погибла бы я в лесу. Мой замерзший и обглоданный дикими зверюшками труп можно было бы опознать по мозолям на руках от камней и палочек, а ход событий, предшествующий моей безвременной кончине, по кучке хвороста.

– Чего смотришь! – возмутилась я, еще интенсивнее стуча камнями друг об друга. – Где эта чертова искра?

– Еще никому не удавалось развести огонь каловыми камнями дракона. Но возможно, прямо сейчас на моих глазах произойдет чудо и этот случай войдет в магическую практику как беспрецедентный... – произнес Огрызок, подложив лапки под голову. – Ты продолжай, продолжай двигаться в сторону великого научного открытия.

Смысл слова «каловые» дошел до меня не сразу. Я брезгливо бросила их на стол, вытирая руки об себя. Мне еще столько предстоит узнать!

– А может, магией? – хитро спросила я. – Ты уже сдал себя с потрохами! Я всегда мечтала научиться магии... Видишь, нас судьба свела с тобой явно неспроста. Это знак свыше!

– А ну-ка, давай попробуем... – зевнул грызун, прикрывая маленькой лапочкой пасть. – Протяни руку и сожми кулак. Отлично. Только переверни... А теперь выстави средний палец вперед... Вот. Универсальное заклинание посылы. Есть еще заклинание отказа. Но я уверен, что ты его знаешь. Вот и все обучение. Тебе диплом когда выписывать? Сейчас или позже?

– Ну ты и крыса, – разочарованно вздохнула я, констатируя очевидный факт. У меня целых два знакомых чародея, но ни один из них не хочет научить меня даже простейшему магическому фокусу. Так нечестно!

– Я принципиально не беру в ученики особой женского пола и прочих людей с неустойчивой психикой. Критические дни – и замку нужен капитальный ремонт! ПМС – и вокруг валяются горы трупов, а она сидит и плачет, жуя шоколадку. Нет, спасибо, сыт я досыта дамочками, которые мечтают стать великими волшебницами. Я уже преподавал магию в Академии. Хватило с головой. Человек сорок самок я завалил на первом же экзамене, и их благополучно отчислили... А оставшиеся сдавали мне экзамен до тех пор, пока не бросили учебу, – гордясь прежними заслугами, ответил грызун.

«Импотент!» – вздохнула совесть. «Вэри импотент пёрсон», – согласилась я. Лунный свет осветил большой портрет, где был изображен красивый брюнет лет сорока, с проседью на висках и с дьявольской улыбкой на тонких губах. Если это его настоящий облик, то это невосполнимая потеря для женского населения! Как только тучи скрыли луну, в комнате снова воцарилась почти кромешная темнота.

– Ха, это было давно и неправда! – ядовито заметила я, немного оскорбленная столь явным мужским шовинизмом. – Если ты не хочешь учить меня магии из-за своих убеждений, то мы будем сидеть в темноте.

– И то верно, – вздохнул крыс. – Будем сидеть в темноте! Почувствуй глубину своей никчемности. Сидишь ты в четырех стенах, а вокруг гнетущая тишина и темнота. Пусть это послужит для тебя уроком! Если ты думаешь о том, что ты – особенная и исключительная, то глубоко ошибаешься. Таких, как ты, тысячи. Самонадеянных, глупых баб, которые мечтают стать ведьмами ради того, чтобы потешить свое самолюбие.

– Ой! Как будто ты занимался магией исключительно из-за любви к искусству! – буркнула я, доставая свой телефон, который я уже подумываю назвать Дунканом Маклаудом.

Фонарик осветил комнату, и перед моими глазами предстало то, что я мечтала увидеть ближайшие несколько часов. Кровать.

– Если занятия отменяются, а план спасения моего мужа откладывается, я ложусь спать! – радостно заявила я, топая к кровати и снимая с себя грязную одежду и обувь.

– Чтобы какая-то женщина спала в моей кровати! – возмутился бывший учитель, пытаясь перегородить мне дорогу. А фигушки! После того как я увидела подушку, я влюбилась без памяти! И теперь только утро способно разлучить нас!

– В данный момент я в мужском облике. А если ты сомневаешься, то могу предъявить аргумент. Тебе на стол его выкладывать или в руках повертеть? – раздраженно заметила я, стряхивая пыль с одеяла.

Бухнувшись на кровать, я почувствовала, как проворный Огрызок вознамерился укусить меня за нос. И тут не вынесла душа поэта! Каюсь! Схватив неугомонного грызуна за шкурку, я поволокла его в сторону ржавой клетки, которую заприметила на столе.

«Сижу за решеткой в темнице сырой...» – как-то протяжно и грустно выдала совесть, когда я впихивала извивающегося грызуна прямо внутрь. Нащупав на столе ржавый замок, я молча закрыла дверцу. Замок защелкнулся, а я побрела навстречу счастливым сновидениям. Но попробуй тут усни! Огрызок, оскорбленный до глубины души, стал орать, словно у меня в клетке сидит не крыса, а говорящий попугай, который до этого проплавал лет десять на пиратском корабле и присутствовал в процессе дележа добычи и на последующих разборках.

– А теперь, мой маленький пушистик, я спою тебе колыбельную... – сонно произнесла я, накрывая клетку первой попавшейся тряпчочкой. Попугайчики, которые жили у меня давным-давно, всегда после этого успокаивались, думая, что наступила ночь и пора баиньки. В остальное время они занимались тем, что орали дурными голосами, выдергивали друг другу перья или трепыхались в клетке, раскидывая шелуху, помет и прочие продукты жизнедеятельности по всей кухне. Как только мы их принесли домой, у нас с родителями возникло ощущение, что это у них соревнование такое, сродни специальной олимпиаде. Больше, выше, дальше. Ни зеркальце, ни ванночка, ни игрушки, ничто так не радовало пернатых, как это нехитрое действо. Именно в тот момент, еще до выхода всемирно известной игры, я уже имела представление о «злых птичках», вылавливая перья из супа и глядя на то, как папа ложечкой достает овсяную шелуху из чая.

– Только не это! – простонал Огрызок. – Только не пой!

– Ну, тогда я поставлю тебе музыку, – зевнула я, включая мощность телефона на максимум. Где-то у меня была замечательная песня, под которую я всегда засыпаю. Особенно прикольно, когда она начинает играть в маршрутке. Мои веки тут же начинают слипаться, а вывих челюсти от непрекращающейся зевоты гарантирован. Поставим-ка эту песенку на бесконечную прокрутку. Все равно аккумулятор не сядет. «Всё-ё-ё-ё-ё пройдет, и печаль, и радость...» – раздавалось из динамика. Я легла, и как только голова соприкоснулась с подушкой, мои глаза закрылись и я уснула.

Мне снилось, что я в своем настоящем облике, в костюме Белоснежки, радостно вприпрыжку гуляю по мультяшному лесу и пою. Я останавливаюсь на полянке, и тут же на веточку огромного дерева садятся птички, привлеченные чарующими звуками моего пения. Из кустов

появляется доверчивый олененок, а следом мама-олень. Пушистые зайчата, лисята и прочая милота смотрят на меня огромными жалобными глазками, красивая ярко-рыжая белочка прижалась к стволу дерева. Маленькие бельчата высыпали из дупла и жмутся друг к дружке. А вот на полянку выкатился ежик. Я прямо расцвела от столь потрясающего эффекта.

И тут маленький белый кролик доверчиво подходит ко мне и прокуренным голосом с интонациями, словно он только что по амнистии откинулся на волю после семи лет колонии строгого режима за убийство с отягчающими обстоятельствами, начинает орать:

– Да заткнешься ли ты когда-нибудь?! Или я тебе пасть порву и моргалы выколю!

Я аж вздрогнула от изумления! Я уставилась на крольчонка, который стал подходить ко мне все ближе и ближе, перекачивая во рту на манер сигареты стебелек травы.

– Это просто капец какой-то! – заорал малютка с меховым сердечком на груди, обращаясь к другим зверям. – Я ей сейчас быстро хлебальник закрою.

– Я всеми лапами за! – истерично заорала белка, прицеливаясь в меня орехом.

– Интересно, когда я успела так обидеть природу? – возмутилась я. – Я, может, вообще в животных души не чаю!

– Это говорит та, кто зажал сто рублей в Фонд защиты дикой природы? – заорал ежик.

– Да, зажала! Потому что не представляю, как мой стольник защитит дикую природу! Особенно когда нужно отправить эсэмэску с текстом «Я люблю зверей» на сомнительный номер телефона! – оправдывалась я.

– И отклонила приглашения «ВКонтакте» от группы «Спасение амурских тигров»! – заорал внезапно вышедший из кустов амурский тигр.

– Как будто из-за моих лайков вы станете активнее размножаться! – обиделась я. – Судя по государственным программам и финансированию, которое на вас выделяется, вы должны прямо как кролики плодиться!

Разумеется, слушать меня никто не стал. Вся свора бросилась на меня, обнажая зубы и когти. Те, кого природа изначально обделила вышеперечисленным, ограничились рогами и копытами. Кирпич в царстве сновидений сразу подешевел из-за сработавшего эффекта масштаба производства.

«Алиса, следуй за белым кроликом!» – непонятно откуда раздался голос совести. Ага, сейчас, разбежалась! Я побежала, чувствуя, что сейчас меня точно догонят и растерзают, а потом, споткнувшись о нарисованную

корягу, упала лицом вниз и... проснулась.

Из резного окна в комнату проникал солнечный свет. Я сглотнула и села на кровати, находясь под впечатлением от увиденного сна. «Но любовь... не проходит, нет!» – раздавалось из динамика телефона, который я положила на деревянный стол рядом с клеткой, накрытой грязной тряпкой.

Прошлепав босыми ногами к столу, я вырубил телефон и сдернула ткань, чтобы узнать, как провел ночь мой узник. Крыс сидел в углу, свернувшись клубочком. Он посмотрел на меня глазками-бусинками и абсолютно неадекватным голосом со странными интонациями умалишенного прошептал: «Все пройдет... И печаль, и радость...»

– Эй, ты чего? – удивилась я, пытаюсь снять проржавевший замок.

– Это все бессмысленно и бесполезно... Суть жизни такова, что все со временем проходит... Даже светлые и прекрасные мгновения, которых не так много на нашем веку, проходят, оставляя горькие воспоминания. Но как насчет любви? Любовь тоже проходит... Но в таком случае назвать ее истинной любовью нельзя. С точки зрения философии экзистенциализма. Но с точки зрения философии гедонизма... – бедный Огрызок бубнил себе под нос, глядя своими бусинками в одну точку.

Я снова попыталась сломать замок руками, но потом вспомнила, что раз есть замок, то где-то поблизости должен лежать ключ. Я обшарила весь стол в поисках ключа, но увы!

Крыс даже не дернулся. Он сидел в позе арестанта, выщипывая мех на груди.

– Ты что делаешь? – поинтересовалась я, приподнимая стопку книг. Может, ключик туда закатился?

– Освобождаю место для наколки... – вздохнул крыс, с остервенением выдергивая розовую шерсть. – Всем пожизненно осужденным арестантам полагается наколка...

– Да брось! Я сейчас тебя освобожу! – оптимистично заявила я, снова дергая замок.

– Свобода? Да что такое свобода в понимании обывателя! – вздохнул Огрызок, покачиваясь. – Ключ от этой клетки я потерял еще лет пятьдесят назад. Но ты не переживай... Все пройдет – и печаль, и радость... Все пройдет, так устроен свет...

И тут меня осенила гениальная идея! А что, если раздвинуть прутья клетки при помощи подручных средств? Или распилить их?

Я попыталась руками разжать проржавевшие прутья, но они лишь слегка согнулись. Я стащила клетку со стола, поставила ее на бок и зажала

между ногами, приговаривая, мол, потерпи, дружок, скоро все закончится...

«Оковы тяжкие падут, темницы рухнут – и свобода вас примет радостно у входа...» – пафосно процитировала совесть бессмертные строки великого поэта. «И справку на руки дадут!» – закончила я основную мысль стихотворения. А дальше – проблемы с трудоустройством, соседями и бабушками у подъезда. Тебе даже ипотечный кредит не дадут, потому как посчитают, что судьба уже достаточно поглумилась над тобой.

Я сейчас тебя освобожу, мой розовый друг! Потерпи еще немного! Мне удалось сделать небольшое отверстие, которое не мешало бы протестировать. Поскольку крыс добровольно не собирался покидать свою тюрьму, предаваясь философско-пессимистическим настроениям, мне пришлось засунуть туда руку, чтобы попытаться вытащить его. Не сразу, разумеется, но рука туда влезла. Это было хорошо. Была и плохая новость. Обрато она ну никак не хотела вылезать!

– Ну, здравствуй, товарищ по несчастью. Твои нары справа. Вон в том углу. Возле моей уборной, – мрачно заявил Огрызок, глядя на мою руку. – Хотя после переворота клетки уборная стекла в левый угол...

Я попыталась ухватить сопротивляющегося Огрызка, чтобы вытянуть его из клетки.

В итоге, после долгих мучений, мне пришлось его выпустить и снова вернуться к попыткам освободить руку. Огрызок вылезать не хотел, аргументируя, что в клетке намного безопаснее, чем рядом со мной. В отчаянии я попыталась вытряхнуть его из клетки, и он, словно дохлая морская свинка, упал на прутья. Я схватила его за хвост и потащила наружу. Правильнее было бы начинать с головы, ведь если голова пролезет, пролезет все. Но в моем случае под руку попался именно изувеченный лысый хвост.

Вытащив крысу до половины, я услышала голос совести: «Все понятно. Он застрял!» Я согласилась с констатацией факта. «Будем ждать, когда он похудеет!» – заявила совесть голосом очень интеллигентного Кролика.

– Тебе пора бы похудеть... – заметила я, пытаясь вытащить Огрызка. И желательно целиком. Но целиком пока что не получалось.

– Я похудел минут сорок назад и сейчас худеть мне совсем не хочется! – простонал крыс. – Я тут недавно рассуждал на тему, что может быть хуже, чем сидеть в клетке. А теперь благодаря тебе я узнал, что хуже всего застрять между ее прутьями!

Так! Что бы придумать? Думай, Сима, думай! Но путного в голову

ничего не приходило, кроме...

– А ну-ка, глубоко вдохни и полностью выдохни... Глубокий вдох! Выдох! – Я тянула грызуна за хвост. Интересно, Огрызок сильно обидится, если я случайно оторву ему хвост?

– Какая глупая и нелепая смерть... Тяни давай! – мрачно заметил крыс, выдыхая.

О! Смотрите-ка, пришел в себя! Еще один рывок, и Огрызок лежал у меня на ладони. Вид у него, конечно, был не ахти, но, судя по его крикам, он вполне здоров.

– Я мечтаю о том моменте, когда меня расколдуют и я собственноручно удушу тебя на месте! – проворчал Огрызок. – Не переживай. Я буду делать это медленно и с наслаждением.

– Прости, пожалуйста, я, честно, не знала, что ключ в порыве старческого маразма ты посеял пятьдесят лет назад... – выдохнула я, глядя на отвернувшуюся от меня крысу. – Мог бы и предупредить!

Мы сидели молча несколько минут. Я чувствовала, что мы теряем драгоценное время, но Огрызок, судя по его позе, прощать меня не собирался.

– Эй, я уже попросила прощения! – возмутилась я. – Хватит дуться! Нам нужно действовать!

– Ты знаешь, что нервные клетки не восстанавливаются? А поскольку тебе придется просить прощения у каждой моей нервной клеточки, пострадавшей по твоей вине, то лучше начинать прямо сейчас! Только в этом случае у тебя появляется шанс вымолить мое прощение к тому моменту, как ты будешь писать завещание и просить стакан воды! – бросил крыс.

– А крестики им на могилки сейчас начинать стругать? – злобно ответила я. – Теперь я, кажется, догадываюсь, почему тебя превратили в крысу! Наверняка это был кто-то из твоих учеников, не так ли, об которых ты вытирал ноги? А может быть, это была ученица? А?

– Какая же ты умная, когда не надо. Но, смею тебя разочаровать, все твои предположения далеки от истины! Скажем так, эксперимент прошел крайне неудачно, – заявил грызун.

– Если ты думаешь, что после этих слов я от тебя отстану, то глубоко ошибаешься! – ехидно заметила я, чувствуя, что перед фазой активных действий стоит уточнить некоторые факты биографии своего соучастника.

Огрызок вздохнул и повернулся ко мне:

– Ты, надеюсь, готовить умеешь?

– Ну, смотря что... Смотря из чего... Смотря на чем... – уклончиво

ответила я, чувствуя, что вымалывать прощение у миллиарда нервных клеток слабонервного грызуна мне не придется.

– Значит, не умеешь! – безапелляционно заявил Огрызок. – Помнится, однажды мы поругались с одним моим учеником и я в сердцах выдал ему, чтобы он женился на круглой дуре, которая к тому же не умеет готовить! Сбылись мои худшие опасения. Проклятие сработало! И теперь его страдания будут на моей совести!

Мой процессор заработал на полную катушку. Мой супруг, невесть где пропавший, учился у некоего Годвина. С Годвином я знакома лично. Самовлюбленный и жадный старикашка, который ничего не умеет, кроме как рисовать себе грамоты и изображать бурную магическую деятельность, пытаюсь заработать как можно больше денег на доверчивых обывателях.

– Постой-ка! Получается, что ты учил моего мужа магии? – хитро выдала я в надежде вывести врунишку на чистую воду. – Но я знаю, что его учителем был Годвин, который живет на необитаемом острове и занимается всякой ерундой, присваивая себе чужие заслуги. В последний раз я видела, как он использовал «универсальное заклинание посылы» перед открытой пастью дракона. После чего позорно исчез с поля боя, оставив моего супруга самолично разбираться с огнедышащим змеем.

– Я же говорю, что мои худшие опасения сбылись. Бедный мужик, как же его судьба-то наказала... – задумчиво вздохнул Огрызок, показывая лапой на портрет, где внизу было написано: «Годфрид Винсент». – Я ему ой как не завидую...

Да, это был очень неловкий момент. Но я тут же пришла в себя после нокаутирующего удара по моему самолюбию и нанесла ответный удар, который по чистой случайности пришелся под дых!

– На себя посмотри! Бегаешь уже несколько лет в облике крысы, пока твою репутацию окончательно втаптывает в землю какой-то самозванец! Пока ты ловишь блох, он пользуется твоим именем и обманывает людей! Ха! Я в тебе разочаровалась! Я бы ни в жисть не стала учиться магии у такого лузера, как ты! Даже если мне за это будут доплачивать!

«Даже за сто тысяч миллионов?» – детским голоском спросила совесть, испытывая мою жадность на прочность. «Мм...» – замялась я, представляя себя дядюшкой Скруджем, который купается в золоте.

– Ладно, – скрепя сердце сказал Огрызок. – Я попробую научить тебя парочке магических фокусов.

– Отлично! Я очень терпеливая!

Глава 11

Королева бензоколонки, или Пей, пока тепленькое...

Почему-то я очнулась на мягкой травке оттого, что мне в ухо пытался залезть муравей. Рядом со мной кто-то что-то копал, фыркал и тихо ругался. Я принялась. Откуда-то доносился запах гари. Такое чувство, будто я только что кинула полуфабрикаты на сковородку, а потом решила на минутку заглянуть в Интернет. Обычно после такого оставалось отковырять пригоревшие угольки от поверхности посуды, открыть настежь окна и торжественно отправить все содержимое сковородки в мусорное ведро. Но я что-то не помню, чтобы ставила котлеты на плиту и открывала ноутбук.

Открыв один глаз полностью, а второй оставив в блаженном неведении, я увидела почерневший факел башни. Судя по тому, что вокруг окон образовались отчетливые черные круги от копоти, а в районе крыши все еще полыхало пламя, мои худшие предчувствия подтвердились. Вдохнув полной грудью... Стоп! У меня теперь есть грудь? Ура-а-а!!! Я снова влилась в ряды «самых обаятельных и привлекательных»! Огрызок что-то интенсивно рыл, а я лежала и пыталась воспроизвести события в хронологическом порядке.

Итак, что я помню. Я помню, как научилась зажигать ма-а-аленький огонечек на кончике пальца. Глядя на пепелище башни, я невольно вздрогнула, смутно улавливая возможную причинно-следственную взаимосвязь между маленьким огоньком и догорающим пожаром. Но пока прямых улик не было, заниматься самобичеванием было рано.

– Эй, ты что там копаешь? – поинтересовалась я у маленького розового экскаватора.

«Я хочу быть кисою, быть хочу собакою. Где хочу пописаю... Где хочу пока-а-а-а...» – зевнула совесть. Мне кажется, или она неплохо выпалась во время пожара? «На чем я остановилась? А! Вспомнила! Вырою я ямочку, положу...» – продолжила совесть, но я так и не дослушала про особенности кошачье-собачьего туалета, ибо крыс подал голос.

– Могилу... – сиплым голосом ответил Огрызок, еще интенсивнее перелопачивая комья земли.

– А кто умер? – поинтересовалась я, оглядываясь вокруг себя в

надежде не увидеть чей-то свежий труп. Еще тепленький, так сказать, или уже изрядно окоченевший, без разницы. Совесть съежилась, ведь на убийства, даже по неосторожности, она не подписывалась.

Крыс промолчал, но тут же достал две палочки и вбил их в землю. Одну – в районе моей головы, другую – в районе моих ног, мол, «от сих до сих». Ширину он прикинул на глаз.

– Слышь, веселый могильщик, не торопи события, я еще живая! Ты пульс у меня проверял? Искусственное дыхание делал? Так какого черта ты меня тут закапывать решил?

– Ключевое слово «еще», – злобно ответил крыс, интенсивнее перебирая землю маленькими лапками. – Радуйся, что у меня лапы слабые и я тебя придушить не смог!

А что, были попытки? Странно, я их не почувствовала. И вообще, что у меня с памятью? Вроде бы и не пила, а чувство такое, будто первого января в пять утра меня разбудил звонок с требованием вспомнить, какого числа я последний раз видела накладную, которую выписывали шесть месяцев назад «дядьке с большими усами», который «приезжал на фирму забрать документы по пластиковой водосточной системе коричневого цвета».

– А не проще было бы меня земелькой присыпать сверху? – предложила я более легкий путь решения проблемы моего внезапного и досрочного погребения. – Воздвигнуть, так сказать, курган над моей могилой, пустить коней, чтобы затоптать все следы.

Крыша башни рухнула внутрь с характерным звуком, вздымая в небо сноп искр.

«Тили-тили-тили-бом! Загорелся крыскин дом!» – радостно воскликнула совесть, но тут же почему-то призадумалась. А не на ней ли лежит этот прискорбный инцидент?

– Не дожدهшься. Только могила. Два на полтора и еще два в глубину! И осиновый кол в сердце! Вот. Я его уже приготовил. Я думаю заказать памятник с нарисованной свечкой и выгравировать эпитафию, – пробухтел Огрызок, вытирая грязной лапой нос. – Эпитафию я пока тебе не придумал.

– Дорогой мученице от любимого мучителя? – предложила я свой вариант, хотя те, кто читал или смотрел «Пятьдесят оттенков серого», могут ее неправильно понять. – Есть еще вариант про «зажигательную женщину», но я переживаю, что будет слишком нескромно и двусмысленно...

– А я переживаю, что мой вариант эпитафии просто не влезет на стандартное надгробие! – возмутился крыс, шевеля грязными усами. –

Триста лет стояла эта башня, и никто ее не трогал! Триста лет! Здесь было столько учеников! Но только ты единственная сумела сжечь ее дотла... в первый день учебы...

– Вот так и напиши на моем надгробии: «Единственной и неповторимой!» – предложила я. – Я на сто процентов уверена, что повторить этот фокус ни у кого больше не выйдет. Хотя желающих будет много. Особенно если сделать хорошую рекламу.

Крыс тем временем копал не покладая лап. Получившуюся ямку можно было бы использовать для посадки маленького деревца, но уж никак не для могилы. Хотя лет через пять на этом месте вполне может быть некрополь на триста персон.

«Неправильно ты, дядя Федор, могилу роешь! Тут нужно экскаватор вызвать, так быстрее будет!» – радостно предложила совесть, убедившись, что именно я, а не она виновата в случившемся.

Память возвращалась понемногу, осторожно дозируя информацию, дабы я не умерла от стыда.

Я помню, как Огрызок учил меня зажигать голубой огонек. Через час интенсивных занятий я почему-то поймала себя на мысли, что великий чародей очень плохо разбирается в анатомии курицы, приписывая ей рост несуществующих в ее изначальной куриной комплектации конечностей из конечной точки пищеварительного тракта. Также он предположил некоторую степень моего недалекого родства с капитаном Крюком.

На пару мгновений мне показалось, что магия – это не мое. Особенно магия, связанная с огнем. Я с горечью осознала, что где-то в генеалогическом древе у меня присутствует один очень невезучий парень по имени Гай Фокс, поэтому мой удел – чиркать спичками о потертый коробок в надежде, что из всего коробок я смогу зажечь хотя бы одну. Эх, пора переключиться на идею «научиться водить машину».

«Тогда тебе сразу нужно было выходить замуж за начальника ГИБДД! – выдала совесть. – Поздно пить боржоми, когда загс услышал твое “да”».

Если долго мучиться, что-нибудь получится. И у меня случайно получилось! Я помню этот дикий восторг! Еще бы! Не каждый день силой мысли тебе удастся зажечь маленький голубой огонек на кончике указательного пальца. Неся его, словно олимпийский огонь в Олимпийскую деревню, в сторону сложенных стопкой дров, я чувствовала себя королевой бензоколонки. Гордо расправив плечи, я знала, что теперь на вопрос: «Закурить не найдется?» – можно сразу же продемонстрировать свои магические умения. А в дремучем лесу, если туда меня занесет

нелегкая, я сумею развести костер одним прикосновением. Или сжечь этот чертов лес. Тут уж как повезет.

Разведя огонь под огромным котлом, достав толстенную книгу с какими-то рецептами, мы с Огрызком принялись готовить. Думаю, многие из вас смотрели мультик «Рататуй». Так вот, в процессе приготовления архисложного зелья по снятию заклинания изменения внешности я вспомнила его раза три. Если бы какой-либо режиссер решил снять римейк этой кулинарной истории, взяв за основу наши с Огрызком диалоги, то возрастной ценз мультика резко подскочил бы вверх, достигнув отметки «18+», а беременным животным и особо впечатлительным детям министерство культуры рекомендовало бы его просмотр исключительно с закрытыми глазами и выключенным звуком. Я также выяснила, что мой сообщник обладает определенными познаниями в области стихосложения и рифмы, после того как я нарекла наше неаппетитное варево «Рататуем».

В процессе приготовления этой бурды я предположила, что если в том мире уже изобрели мультиварку, то в этом, по-любому, кто-то должен был изобрести зельеварку и продавать ее в каждом магазине. Вонича стояла такая, что мне пришлось завязать на лице платок. Содержимое некоторых баночек-скляночек плавно переключивалось в котел с противным хлюпом.

– А теперь пей... – приказал Огрызок, когда над зельем пошел ядовитого цвета дымок. В огромном котле булькало варево коричнево-зеленого цвета и явно неоднородной консистенции. Я, зажимая нос, набрала его в какую-то колбу. В голове промелькнули ненужные ассоциации. Сразу почему-то вспомнилось, как сантехник при мне снимал колено засорившейся раковины и демонстрировал его содержимое. В моем прилипшем к позвоночнику желудке произошла революция. Одна особо агрессивная бифидобактерия орала другим бифидобактериям: «Сохраняйте спокойствие! Враг не пройдет! Мозг не допустит того, чтобы это попало к нам!» Я даже конвульсивно дернулась, поднеся это варево к своему рту.

– Я тебе настоятельно рекомендую выпить его тепленьким, потому что, когда оно станет холодненьким, будет только хуже... – подозрительно ласково произнес мой учитель, сидя на моем плече. Но я не могла разжать губы, чтобы хотя бы набрать в рот это зелье, пахнущее как выстиранное, но забытое на неделю в закрытой стиральной машинке полотенце. Хотя если принюхаться, то, скорее, пахло грязной и затхлой кухонной тряпкой.

– Да что ты над ним трясешься? Зажала нос, закрыла глаза и выпила залпом! – возмущался Огрызок. – Ты что? Зелья никогда не пила?

– А какие у него побочные эффекты? – Я пошла на хитрость в надежде отсрочить неизбежную дегустацию.

– Ты мне зубы не заговаривай! Пей и сама все узнаешь! – возмутился Огрызок. – Я тебе сейчас ухо откушу, если не выпьешь! Раз... два...

И я, закрыв глаза, представляя, что пью молочный коктейль с ванильным наполнителем, сделала большой глоток. Тонкие оттенки вкуса оценить мне не удалось, зато весь букет запаха я оценила сразу.

– Мало, – сказал розовый садист на моем плече. – Давай до дна!

Я помялась, а потом сделала еще один глоток, но мой желудок, уже наученный горьким опытом, намекнул мне, что если я проглочу еще и это, то он за себя не отвечает. Я застыла с полным ртом и надутыми, как у хомяка, щеками, напряженным взглядом ища, куда бы это сплунуть. Усилием воли я сумела заставить желудок принять еще одну порцию этого варева. Третий глоток чуть не стал роковым, когда я почувствовала легкое головокружение, явно не от успеха.

– Если будешь хорошей девочкой и допьешь все это до конца, то я научу тебя еще одному магическому фокусу, – очень нежно и ласково, словно демон-искуситель, произнес мой компаньон.

«Не пей, козленочком станешь!» – жалобным голосом запротестовала совесть. «Бе-бе-бе!» – поежилась я, поднося остатки зелья ко рту и задерживая дыхание.

Тяга к знаниям оказалась настолько сильной, что я умудрилась допить содержимое колбы без остатка, ощущая скрежет этого остатка на зубах. Подождав минут пять, вопросительно глядя на крысу, я не почувствовала никаких изменений. И тут у меня резко скрутило живот и подкосились ноги. Сейчас активированного уголька бы! И все... Дальше провал в памяти.

– Эй, может, хватит рыть некрополь, а? Подскажи, что произошло после того, как я выпила это зелье? – обратилась я к Огрызку.

– Я просто горю желанием поделиться с тобой наболевшим! – возмутился крыс, присаживаясь рядом. – Если в двух словах, то это был кошмар. Ты выпила зелье, согнулась в три погибели, причитая и охая, словно собралась рожать. Ну, я тебе скажу, что это вполне нормальная реакция. Как и кратковременная потеря памяти. А вот то, что произошло дальше, я даже в страшном сне представить не мог. События развивались стремительно. Судя по всему, ты собралась в туалет, потому как решила вырвать страницу из старинной книги по черной магии, существовавшей на тот момент в единственном экземпляре. А потом раздалось испуганное: «Ой! Я случайно! Я не хотела! Оно само!» Через пять секунд огонь с одной книги перекинулся на соседние. Но ты не растерялась. Бросившись к котлу с остатками варева, ты решила потушить огонь его содержимым, плеснув

мутную юшку прямо на огонь. Я пытался тебя остановить, но ты меня не слушала. После того как ты вылила зелье прямо на старинные фолианты, огонь разгорелся с утроенной силой. Прыгая и грызя ногти, ты, очевидно, соображала, как еще ускорить процесс распространения огня. Идея пришла внезапно. Тебя словно осенило! Руководствуясь принципом: «Горит сарай, гори и хата», ты тут же схватила одеяло и стала тушить пожар, размахивая им над очагом возгорания, но, вместо того чтобы потухнуть, огонь перекинулся на одеяло. Ты бросила горящее одеяло на кровать. А потом твой взгляд упал на мой запас ингредиентов, зелий и мою коллекцию заспиртованных уродцев. Когда я попытался тебя остановить, ты обиженно заорала: «Тебе жалко, что ли?» Я хотел предупредить, что жидкость в банках – это спирт, но было уже поздно. Горело уже так, что оставалось только бежать. В итоге нам удалось спастись. Ты тут же вырубилась, оставив меня в одиночестве наблюдать за пожаром. И вот теперь я очень хочу задать тебе вопрос: «Где ты так научилась тушить пожары?»

– Нигде... Это был экспромт... – смутилась я. – Не переживай, мой муж, когда мы его найдем, возместит тебе все убытки. Я надеюсь...

Воцарилась тишина.

– Мы должны попасть в столицу, – вздохнул Огрызок, беря себя в лапы.

– В приют для погорельцев «Уголек»? – брякнула я, но была укушена за руку и решила перевести тему разговора в более безопасное русло: – А почему ты не выпил зелье, чтобы расколдовать самого себя? А вдруг бы помогло?

– Это не простое заклинание... – сказал Огрызок. – Ты лучше думай о том, где взять деньги на необходимые покупки...

– Мм... Может, кого-нибудь ограбим по дороге? – предложила я.

– Ты смотри, чтобы нас по дороге не ограбили! – хмыкнул крыс. – Идти нам нужно на север, через лес.

– Да ладно тебе паниковать раньше времени. Где наша не пропадала! – обрадовалась я, чувствуя, что если нужно будет развести костер, я это сделаю за считанные секунды.

Крыс залез по руке на мое плечо, и мы двинулись в сторону дремучего леса. Лес и вправду выглядел немного зловеще, но я ведь теперь не просто обычная девушка, а без пяти минут ведьма. Тем более что с моим-то везением вопрос с прохождением леса даже не стоял. Но я ошиблась. Через десять минут ходьбы я услышала странный звук, а потом прямо передо мной пролетела стрела и улетела куда-то в лес. Следующая стрела пролетела у меня над головой и тоже устремилась в лесную чащу. Еще одна

стрела не долетела до меня пару метров, впившись в землю.

– Ни шагу дальше! – заорал какой-то мужик, прицеливаясь в меня из лука. – Вы вторгаетесь во владения Робин Гада!

«Какая прелесть!» – восхитилась я, предвкушая встречу с легендарным разбойником. «С луком и с яйцами, но не пирожок! – вздохнула совесть, глядя, как следующая стрела летит вверх. – Очевидно, инструкция к луку не прилагалась», – заметила она. «Нет, она была на китайском языке», – предположила я, понимая, что луком бедолага пользоваться явно не умеет. Две стрелы упали на землю под ноги великому разбойнику, а третья, пролетев три метра, врезалась в пень.

– Не подскажите, куда я попал? – спросил Робин Гад, приложив руку козырьком.

– Мухе в бровь! Взяли бы чуточку ниже, то попали бы в глаз... – весело ответила я.

– Я тут мух убиваю, шкуры сдаю. Но чтобы не портить шкуру – целюсь прямо в глаз! – выкрутился разбойник.

Секрет меткости легендарного разбойника был раскрыт, когда он подошел поближе.

– Неужели двум близняшкам захотелось примкнуть к лихим разбойникам, не платящим налоги императору? – заявил косоглазый мужчина в трико, почесывая луком спину.

Я шепотом поинтересовалась у Огрызка, как называется этот лес. Подозрения у меня, разумеется, были.

– А я тебе разве не говорил? Оффшорвуд. Насколько мне известно, здесь прячутся те, кто не хочет платить налоги, – выдал географическую справку мой розовый пассажир. – А еще здесь сердце игорного мира империи.

Тем временем Робин Гад подошел поближе и уставился на меня. Росточком он явно не вышел. Мелковат он для разбойника.

– Как вас зовут? – спросил он, судя по направлению взгляда правого глаза, у моей груди.

– Леди Мэриан, – подавляя смехок, ответила я.

– А вторую? – не успокаивался косоглазый.

– Шериф Ноттингемский, – выдала я, затаив дыхание.

– О! Шэри и Мэри, добро пожаловать! – расцвел щербатой улыбкой легендарный разбойник. – Добро пожаловать в Оффшорвуд! Вы тоже бежите от грабительских налогов?

– Ну да... Я вообще никогда не платила здесь налогов императору! – гордо сказала я чистую правду. Мой розовый пассажир прыснул, а потом

ехидно заметил:

– В отличие от бедных крестьян свой долг государству тебе придется отдавать натурой! Вряд ли бы кто-то захотел поменяться с тобой местами!

Я проигнорировала крысиный юмор, двинувшись вслед за разбойником. Метров через триста мы вышли на широкую дорогу, которая вела к некоторому подобию Лас-Вегаса. Что-то явно не так я представляла себе логово лесных разбойников.

– А вы, дорогой Робин Гад, чем занимаетесь? – поинтересовалась я. – Ну, кроме охоты на мух?

– Забираю деньги у богатых, отдаю бедным, – вздохнул Робин Гад, а потом тихо добавил: – Под проценты. Может, вам кредит нужен? Кредит без поручителей на любые цели! У нас тут недавно открылась программа «Непотек». Рассрочка на сто лет. Бери кредит ты, а отдавать будут твои внуки! Очень выгодная программа! Пенсионеры ее особо ценят! Еще бы, такую память после себя оставить! Мы планируем ввести программу «До седьмого колена», но пока что прописываем условия.

– Слышишь, крыса, у тебя внуки есть? – поинтересовалась я у своего пассажира. – Может, кредит возьмешь на реконструкцию башни? Да такого дедушку они всю жизнь помнить будут!

– Только если ты выступишь поручителем! – ехидно ответил Огрызок. – Я бы лучше обратил внимание на казино!

Мы прошли мимо яркой вывески с надписью: «Казино “Рояль в Кустах”». Робин Гад чуть притормозил рядом с двухметровым детиной, который, судя по его суровому виду, работал вышибалой и секьюрити. Поравнявшись с пряжкой на поясе молчаливого мордоворота, Робин Гад заорал:

– Привет тебе, малыш Джо! – Затем легендарный разбойник поднял голову и добавил: – И тебе, Джо, тоже привет!

Я тут же выпала в осадок. Мы прошли еще немного, пока я наконец-то перестала давиться от хохота и решила уточнить судьбу остальных знакомых героев.

– А как поживает братец Тук? – пристала я к Робин Гаду. После его слов относительно ссуды под процент для бедных сомнений относительно его прозвища уже не оставалось.

– Нет больше Братца Стука... Мы-то думаем, неужели крыса у нас завелась? Всех перебрали, кто бы мог сдать нас. Для профилактики повесили братца Стука. Я еще тогда его заподозрил, когда в столице рекламу клеил, – отозвался мой провожатый, косясь на меня. – Он у нас тут раньше браки регистрировал на ночь или на две по законам Оффшорвуда, а

теперь приходится закрывать свадебный салон. Там сейчас распродают последние свадебные платья.

Достучался бедолага... Интересно, а с чего они взяли, что он стукач?

– Я вот думаю кредит у вас взять. Небольшой. На день. С возвратом в этот же день... У вас такой имеется? – перевела я тему разговора.

– А как же! Кредит «Последний шанс». Специально для любителей казино! – Робин Гад потащил меня в свой «офис». Деревянный домик стоял на отшибе, но, судя по протоптанной дороге, наведывались сюда часто.

– Страховку делать будете? – спросил Робин Гад, заполняя сразу два экземпляра кредитного договора. Одновременно.

– А где у вас страховка делается? – из чистого любопытства поинтересовалась я.

– Домик на дереве со скользкими ступенями и без перил. На рекламе экономят, – вздохнул косоглазый коротышка. – У нас большинство страхуются на случай последствий внезапного выигрыша.

– Эх, сейчас бы сыграть в картишки, – заявил Огрызок, потирая лапы. – Спроси у него про Годфрида Винсента! Меня здесь должны помнить! Я тут целое состояние выиграл!

– Ладно, спрошу... – прошептала я и тут же обратилась к Робин Гаду: – А знаете Годфрида Винсента? Он здесь, говорят, целое состояние выиграл...

– Ну, во первых, не выиграл, а проиграл. А во-вторых, не состояние, а последние штаны. Как же, помним! Я помню, он у нас тут листиком прикрывался! – радостно сообщил Робин Гад. – Так он еще должен остался... Вы знаете его?

– Нет, в первый раз о нем слышу, – быстро ответила я, косясь на Огрызка. Тот закашлялся и тут же начал что-то лепетать, что после этого отыгрался и выиграл целый миллион.

Кредит под триста процентов мне оформили быстро. И уже с мешочком денег я радостно отправилась искать место, где бы попытать удачу.

– Ну что, картишки или рулетка? А? – потирая лапки, поинтересовался крыс.

– Я знаю только две карточные игры... «Дурак» и «Пьяница». Тем более учить правила мне лень. Я думаю, что стоит попробовать рулетку! – заявила я, помня, что удача на моей стороне. Смотрю, Огрызок тоже взбодрился. Хотелось бы мне видеть, как великий чародей с дьявольской улыбкой прикрывался фиговым листком.

Перед нами промелькнула вывеска: «Казино “Удача”». Отлично.

Сейчас мы сорвем большой куш!

Глава 12

И жили они долго и счастливо, или О чем говорят женщины

– Перед тем как ты сделаешь первую ставку, я расскажу тебе секрет игры в рулетку, – таинственным голосом начал Огрызок. О да! Я этих секретов наслушалась за свою жизнь столько, что, если бы они работали, я бы давно уже летела в личном самолете на Майами, где прислуга уже кипятила мне джакузи. Что ни вкладка в Интернете, то секрет успеха и гарантия стопроцентного выигрыша в казино и альтруист-победитель, которому просто не терпится поделиться простенькой задачкой из курса «Теория вероятностей».

– Смотри, тут все просто! Ставишь, допустим, на красное один золотой. Потом снова на красное, но уже два золотых, потом снова на красное, но уже четыре... – самозабвенно заливал крыс. – Каждая последующая ставка должна быть в два раза больше предыдущей!

– А в итоге выпадает зеро, и ты хватаешь самое дорогое и прикрываешь его листочком. Спасибо за совет! – заметила я. – У меня сейчас головокружение от успехов начнется!

Казино выглядело вполне прилично. Прямо на входе висели два мешочка, содержимое которых мне очень захотелось изучить. Над одним мешочком был нарисован мальчик, а над вторым – девочка. Содержимое мешочков было одинаковым – какие – то листья лопуха. Но в женском мешочке их почему-то было больше. Прямо над игральным залом висела табличка: «Антимагическая зона».

За столом уже сидели трое. Тощая нервная дама с вычурной прической и глубоким декольте и лысая дама размером с трехстворчатый шифоньер, занимающая сразу два стула. Третьим, как ни странно, был мужчина, смахивающий на постаревшего Джастина Бибера.

– Пока всех не перепробуешь, не ведись! – поучала худосочная дама, опрокидывая в себя бокал. – Количество должно всегда переходить в качество!

– Белоснежка, ты, как всегда, права... – сказала лысая толстуха, требуя еще бокал. – Я тут из башни на вечерок отпросилась. С горя чуть не удавилась. Вчера чувствую, дергает за волосы какой-то мужик. Ну все, думаю, прынц! Попался! Говорит: «Можно воспользуюсь вашими

волосами?» Я ему нежно: мол, конечно. Лезет, лезет, лезет... Час лезет, два лезет, три лезет. Вроде бы и окно мое невысоко, а он все лезет и лезет. Я уже вся извелась. А это, оказывается, солдатики из папкиной казармы физподготовку сдавали. У них, видите ли, канат порвался...

– Я вообще не понимаю! Вот мужики пошли! Я тебе рассказывала, как мы с принцем познакомились? Еще раз рассказать? Ну, Рапунцель, я же, по моему, ее тебе раз пять уже рассказывала! Не запомнила? Ладно, слушай... Натрескалась я тогда яблок. На яблочной диете сидела. О! Я за пять минут тогда два килограмма сбросила. Гномы потом жаловались, что туалет засорился... Ладно, о чем это я? А, да! Чувствую, что все, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Лежу такая и думаю, ну все, я похудела, теперь точно от принцев отбоя не будет. Потом от недоедания вырубилась. Очнулась в каком-то аквариуме, а вокруг меня куча народу стоит и пальцем показывают, мол, тысячелетняя мумия глаза открыла! Сенсация. Оказывается, эти гномы быстро смекнули, как на мне и моей диете бизнес сделать. Быстренько какой-то сарай в мавзолей превратили, вывеску прибили: «Тысячелетняя мумия принцессы, найденная в штольнях! Вход – 1 золотой». Я, оказывается, там три дня пролежала. Представляешь, сколько бабла они на мне подняли, если в день у них было не меньше ста посетителей? Так вот... Мы с ними потом душевно переговорили, они согласились мне отстегивать одну восьмую заработка за то, что я молча лежу в аквариуме. Вот и лежала я. Неделью лежала... И тут один какой-то мужик возьми да и поскользнься на свежeweымытом полу! Аккурат на меня упал. Денег у него с собой, разумеется, не было. А гномы как начни рассказывать, что, мол, две тысячи за хрустальный гроб, шесть тысяч за порчу достопримечательности... Он прикинул, что ему дешевле на мне жениться, чем выплачивать эти деньги, и...

– Что и?.. – заволновалась лысая Рапунцель.

– Женился! Как видишь! – Белоснежка показала обручальное кольцо на тощей руке. – А с гномами пришлось подвязывать.

– Вот бы мне так! – завистливо проворчала толстушка, вливая в себя спиртное. – А то однажды лежу ночью, о принце мечтаю... Чувствую, что по моим волосам кто-то лезет! Ну все, думаю, любовь пришла! Сначала по волосам лез, потом, чувствую, по мне карабкается... Срывается, но карабкается. Я его как прижму к себе... Потом утром проснулась, а он уже того... Снулый... Оказалось, что известный грабитель... Мне даже орден дали за поимку и задержание до смерти опасного домушника. А до этого двое шею сломали... Чувствую, что кто-то лезет, сразу же свешиваюсь из окошка, спрашиваю: «Кто там?» – прямо как мама учила. У них сразу руки

разжимаются, и все... Ик! Травмы, несовместимые с семейной жизнью. Сразу летальный исход.

– Я вот смотрю и думаю, зря ты подстриглась... Так тебе не идет! И с такой прической в твоём-то положении замуж ну никак не выйдешь! – покачала головой Белоснежка, критично оглядывая золотистую щетину на голове подруги.

– Так я лестницу заказала. С перилами и антискользящим покрытием! – возмутилась Рапунцель, приглаживая свою стрижку под машинку. – А то папик мой знаешь что удумал? Деньги на мне зарабатывать! Прибил, типа, ступеньки и аттракцион открыл, мол, стенка для скалолазов. Тому, кто доверху долезет, обещал, мол, полцарства, полкороны и дочку в придачу. Так альпинисты альтруистами оказались. Никто доверху не долезал. На последнем этапе срываются. Все как один. Один, правда, долез. И говорит, мол, а полдочки можно? Не всю целиком, а половину?

«Э нет, дорогая... – подумала я. – Тут эскалатор нужен. Пока народ диковинку осваивает, авось кто-то и попадет!»

– Девушки! – возмутился одноглазый крупье, чувствуя себя явно лишним в столь изысканном обществе. – Вы будете ставки делать?

– Будем! – хором заорали красавицы. – Трубадур, ты играешь или опять тесть денег не дал? Ты же вроде бы недавно его к дереву привязывал? Не помогло?

«Вуаля, вуаля, завтра грабим короля!» – залихватским голосом пропела моя совесть.

– Нет, этот осел, которого я сделал министром финансов, отказался мне деньги из бюджета выделять! Осел! Представляете! Они с Котом и Петухом быстро все перетерли и сказали, что я очень дорого обхожусь нашему королевству. Пес вообще меня облаял и выгнал из своего кабинета, мол, ты еще тот долг не вернул... А как тут вернешь, если отыграть не дают? – заявил постаревший Джастин Бибер.

– А жена-то как? – поинтересовалась Белоснежка.

– Как с кибитки вниз головой упала, так сразу стала Трубадурочкой. Доктора говорят, что надежды нет... А тесть все заладил: «Скоро будут здесь врачи заграничные! Выбирай любого, все оплачу!» А она сидит и пускает слюни, мол, ничего я не хочу, – вздохнул Трубадур, доставая мешочек с деньгами. – Вот, заначка моя! По кабакам напел... Если что, займете, я распоюсь... тьфу ты... расплачусь!

– Да не вопрос, играем! – потеряла пухлые ладошки Рапунцель. – Пора бы мне самой на приданое заработать! Так сказать, повесить свою

себестоимость на рынке невест!

– А можно, я с вами? – вмешалась я. – Я тоже хочу сыграть. Правда, делаю это в первый раз...

Одноглазый крупье тут же наметил первую ставку. Я положила золотой, чувствуя, что еще не совсем уверена в своей удаче.

– На что ставите? – спросил меня крупье, прикидывая, из какой я сказки.

– На зеро! – радостно заявила я, занимая свободный стул. Огрызок тут же шлепнул лапой по мордочке и простонал: «Дура! Лучше бы ставила на красное!»

Пока рулетка вертелась, ко мне пристали с расспросами, мол, кто я и что это за живность у меня на плече?

– Ой, девочки, понимаете, сейчас это последний писк моды! Розовая крыса! Мужчинам, знаете ли, нравится, когда девушка любит животных, мол, это очень мило. Поэтому я ношу с собой эту розовую крысу, чтобы все мужчины знали, что я очень люблю животных! – почему-то растягивая букву «а», пояснила я. Конечно, я же теперь столичная штучка. Без пяти минут первая леди империи!

– Класс! А маленькая собачка подойдет? Мне ее недавно в башню закинули со словами: «Жри, ненасытное чудовище!» Пусть все мужчины подходят и спрашивают, как песика зовут? Лишний предлог познакомиться! – быстро сообразила, что к чему, Рапунцель. – Кстати, тут новый коктейль подают! Хочешь попробовать? «Плевок Купидона». Просто шик! Я угощаю!

Я посмотрела на антисанитарию, царящую вокруг, и мне почему-то перехотелось коктейля.

«Не плюй в коктейль, там бармен ноги моет!» – не выдержала совесть, забываясь о моем здоровье. «Вообще-то изначально речь шла о компоте и других биологических жидкостях...» – осторожно заметила я, вспоминая детскую шутку. Хотя после того, что я пару часов назад влила в себя, мне и коктейль с интригующим названием не страшен.

– Я бы чего-нибудь перекусила! – вздохнула я, чувствуя, что не ела уже почти сутки. – Официант! Закуску!

Авось повезет и не отравлюсь...

Шарик, который радостно скакал по барабану, передумал падать на красное и упал на зелененькое. Зеро!

Я радостно загребла свой выигрыш и тут же получила тарелку с какими-то неаккуратными бутербродами. Такое чувство, будто я взяла обед на работу, завернула в пакетик и проехала через весь город, стоя в автобусе,

как селедка в бочке. А потом в час икс я извлекла пакетик из сумки и, как космонавт на орбите, проковыряв в нем дырочку, стала давить его содержимое в рот!

– Я тут недавно Белль встретила в столице! – сообщила Белоснежка, доставая деньги на следующую ставку. – Она, вся в черном, ошейник и цепь выбирала... Говорит, мол, собачку завели...

– Ага! – громко захихикала Рапунцель. – Знаю я ее собачку. Там поди разберись, кто чудовище! Слушай, а ты замужем?

Вопрос явно адресовался мне.

– И да, и нет. Слиял мой принц в горизонт. Расколдовал меня и слиял. Вот теперь ищу его... – поделилась я наболевшим, но тут же перевела тему разговора в знакомое любой женщине русло: – Вот я и думаю, чего мужикам-то не хватает?

– Тишины! – влез в женский разговор Трубадур, за что тут же был обвинен во всех смертных грехах, заклеен позором и объявлен «женоненавистником». Правильно, нечего мужчине вмешиваться в женский разговор! Особенно когда мы, женщины, рассуждаем о них, родимых.

– Неужели? – удивилась Рапунцель.

– Возьми, например, Эльзу. Молчала семь лет! Семь лет! Королю уже надоело ее молчание. Даже развестись хотел. Но не судьба. У нее двенадцать братьев. Сразу сказали зятю, что быстро его «петухом» сделают, если на развод подаст. У них там целая банда «Лебеди». Целый район держат! – авторитетно заявила Белоснежка. – А вообще, Эльза молодец! Свой бизнес открыла. Свою линию одежды выпускает. Из крапивы. Поговаривают, что мужские трусы из крапивы – ее изобретение. Мол, при помощи них можно легко узнать, изменяет муж или нет. Если чешется и молчит, то изменяет. А если пришел и стал болямбы показывать, то верен.

Хм... Возьму на заметку... Нужно уточнить, где можно приобрести столь полезную в хозяйстве вещь! Правда, боюсь, что мне потом эти трусы на голову наденут... Но попробовать стоит! Пострадаю, так сказать, за правду!

– На черное! – воскликнула Рапунцель, протягивая деньги крупье.

– На красное! – хором заорали Белоснежка и Трубадур, подозрительно переглянувшись.

– На зеро! – улыбнулась я, чувствуя, что сейчас останусь без уха.

Пока барабан вертелся, снова зашел разговор о мужьях и семейных проблемах.

– Ты Бдящую красавицу давно видела? – спросила Рапунцель у

Белоснежка, которая снова опрокидывала в себя бокал. Как можно столько пить?

– Давненько... Но слышала, что развелись они! Говорят, что бдит она постоянно. Спит и бдит. Прямо под одеялом. Решили спать отдельно. В разных комнатах. А потом развелись. Так что, девочки, как только муж стал спать отдельно – дело идет к разводу! – со знанием дела заявила Белоснежка, стаскивая у меня с тарелки бутерброд.

– И на сколько она его развела? – поинтересовался Трубадур, которому в женской компании слова не давали.

– На полкоролевства. Сейчас, правда, плоховаты у нее дела... Говорят, что колетса и тут же засыпает. Но ведь и полкоролевства на дороге не валяется! – сообщила Белоснежка, жуя мой бутерброд.

– Иногда лучше перебдеть, чем недобдеть! – подытожила Рапунцель, поглядывая на мои бутерброды. Шарик прыгал-прыгал, скакал-скакал и упал на зеро. Я снова собрала выигрыш. Как здорово! И компания подобралась, надо сказать, просто замечательная.

– Молодец! Ведь всего женщина добилась сама! Вот таких я уважаю! – воскликнула Рапунцель. – Правда, потом рядом всегда какой-нибудь альфонс появляется...

– Ой, девочки, а вы слышали, что, мол, невеста императора сбежала прямо со свадьбы? – поинтересовался Трубадур, переводя тему в безопасное русло.

– Нет, ее украли! Конкурс был такой. До сих пор ищут! Говорят, что император уже отчаялся. Заперся у себя в покоях, никого к себе не пускает! Мне птичка на хвосте принесла! – похвасталась Белоснежка. – Мыши подтвердили!

– Ничего, оклемается... Если честно, то я горжусь ею! Вот что значит баба! Не все же нам за мужиками бегать. Пусть и они за нами побегают! – порадовала меня своими выводами Рапунцель. Я прямо-таки загордилась. Хотя тут гордиться нечем. Знали бы они правду...

– Ха! Такой мужик – и один останется? Держи карман шире! Тут свое чмо стоит на пять минут оставить, как тут же за каждой юбкой бегать начнет! – выдала Белоснежка. – А тут император!

– Как говорила Золушка... Между прочим, очень мудрая и одинокая женщина... Если принц бегаёт с туфлей, то не факт, что он женится на той, кому она подойдет! Кстати, какой у нее размер? – облизала пальцы Белоснежка.

– Ноги? Сорок седьмой! Грудь – пятый, – заявил осведомленный Трубадур, делая в воздухе странный, щупающий жест руками, который мне

доводилось видеть в магазине женского нижнего белья в преддверии Восьмого марта. Я сразу представила лицо принца, когда он поднимает со ступенек туфлю сорок седьмого размера. Мне бы тоже жениться перехотелось. Вот если бы она бюстгальтер потеряла, ее шансы бы сразу возросли!

– Зеро! – сказал удивленный крупье, поднимая повязку на втором глазу. – Точно! Зеро!

Я с удовольствием загребла весь выигрыш. Ставки повышались, а я уже заработала проценты. Интересно, а чего Огрызок молчит? Ладно, молчит, и слава богу! Тем временем Рапунцель потянулась еще за одним бутербродом.

– Эй! – одернула ее Белоснежка, забирая бутерброд себе. – Ты ешь так, словно уже вышла замуж!

– И что с того? – возмутилась Рапунцель, проводя рукой по лысине. – Победительница «Империовидения» уже всем доказала, что хорошего человека должно быть много! И что полнота личной жизни не помеха! Даже если вам немного за сто тридцать, есть надежда выйти замуж за принца!

Ни дать ни взять – солдат Джейн.

– Так она была заколдована! – снова влез в разговор Трубадур, пересчитывая оставшуюся наличность. Судя по его расстроенному лицу, на такой поворот событий он явно не рассчитывал.

– Я, может быть, тоже заколдована! – обиделась Рапунцель, тоскливо глядя, как костлявая Белоснежка доедает последний бутерброд.

– Ага! Тебя расколдуют только диета и упражнения! – снова вмешался Трубадур, злясь на свои скудные финансы. – И вообще, не люблю толстух. Да какой нормальный мужик на толстуху клюнет?

Ой, мужик, зря ты это сказал... Сейчас на тебя обрушатся тонны женской ненависти. Можешь пойти и сам удавиться. Так будет менее болезненно и страшно.

– Император, между прочим, полюбил толстуху! Так что если невеста не найдется, то у меня есть все шансы! – гордо сказала Рапунцель, потрясая своим жирком.

– Ха! Как только будет новый кастинг, я сразу разведусь! – мечтательно заявила Белоснежка. – Королевство у меня маленькое... Разгуляться мне негде.

– На зеро! – хитро сказал Трубадур, протягивая все деньги, что у него были. Решил отыграть? Отлично!

– На зеро! – воскликнула Белоснежка, доставая из декольте мешочек.

То, что я изначально посчитала грудью, оказалось заначкой. Судя по тому, что правая грудь еще выпирала, денежки у нее оставались.

– На зеро! – сказала Рапунцель, высыпая содержимое карманов.

– На красное! – сказала я, поставив почти все деньги, что у меня были.

– Не рискуй! – завопил Огрызок прямо на ухо. Но я была неумолима. К тому же уже вошла в раж.

Барабан вертелся, шарик прыгал, а мы все молча следили за его перемещениями, затаив дыхание.

– Красное! – заявил крупье, подозрительно глядя на меня.

– Отлично! Новичкам всегда везет! – пояснила я свою удачу всем остальным, загребая деньги. Неудача не расстроила Белоснежку. Она молча достала второй мешочек и расплатилась за напитки. Судя по тому, какой ей принесли счет, ее печень можно занести в Книгу рекордов Гиннеса и сразу же выдать ей медаль ветерана-долгожителя. Рапунцель тоже особо убиваться не стала. А вот на Трубадура смотреть было страшно. Судя по его выражению лица, он только что проиграл годовой бюджет своего карликового государства. Мне даже стало жаль его, но потом я вспомнила, как он нелестно отзывался о толстущках. Жалость моментально испарилась.

«Куда ты, тропинка, меня привела... Без денег и риска мне жизнь не мила! Ах, если б, ах, если бы славный король открыл бы мне к сейфу принцессы пароль!» – пропела совесть. Да, определенно, замечательный мультик.

– И вот что мне теперь тестю говорить? А? – жалобным голосом заявил Трубадур, падая лицом на игральный стол. Совсем отчаялся бедняга.

– Скажи, что тебя, как обычно, ограбили... – предложила Белоснежка. – Я вот, допустим, скажу, что пожертвовала деньги в Фонд защиты дикой природы от более дикой природы.

– А я скажу маме с папой, что потратила деньги на салон красоты! – радостно заявила Рапунцель, но тут же погрустнела. – Эх! Плакали мои носки от Че Занаха! А то в башне, знаете ли, отопления нет... Так купить хотела...

– О! Я скажу, что раздал деньги бедным бродячим музыкантам! – обрадовался Трубадур внезапно осенившей его идее. – На поддержку молодых талантов!

На том мы и разошлись. Я почувствовала всю тяжесть свалившейся на меня удачи.

– После того, что я тут краем уха слышал, я никогда не женюсь! – категорично заявил мой розовый пассажир.

– А тебя никто силой под венец не тянет! – ответила я, понимая, что мнение крысы по этому поводу меня мало волнует.

– Ситуация просто изумительная! Дома она тебе мозги выедает мелкой чайной ложечкой, а потом еще с подружайками косточки тебе перемывает! – возмутился Огрызок, впечатленный до глубины мужской души.

– Ты лучше скажи мне, что с деньгами делаем? Нужно ли пилить пешкарусом в столицу, или все можно купить здесь? Что нам вообще нужно купить? – поинтересовалась я, вспоминая, как вырос мой авторитет в глазах женского населения империи.

«И как упал в глазах мужского!» – напомнила совесть.

– Сначала деньги с процентами верни, а потом пойдем по магазинам! Я тут уже давненько не был! – Крыс снова занял свое почетное место на моем плече.

Мы дошли до «офиса» Робин Гада. Пересчитав наличность, косоглазый разбойник довольно крикнул. Я тоже пересчитала оставшиеся финансы. Триста золотых. Вполне недурно. Интересно, что задумал Огрызок?

– Теперь нам нужны меч и свадебное платье! – пропищал на ухо крыс.

– Мы что, с тобой жениться собираемся? – удивилась я столь странному списку покупок.

– Да я лучше всю жизнь крысой буду! – возмутился Огрызок. – А! Вон, смотри, свадебные платья! Скидки! Вперед!

Или я что-то недопонимаю, или крыс что-то задумал. Свадебный салон назывался «Перед свадьбой не надьшишься!», о чем свидетельствовала красивая вывеска. Когда я ввалилась внутрь, ко мне тут же подлетел какой-то пижон. Я еще даже рот открыть не успела, как он тут же пристал ко мне с моими любимыми вопросами:

– Вас что-то интересует? Вам что-то подсказать? Примерка – бесплатно! Есть платья из последней коллекции! Огромные скидки для постоянных клиентов! Если у вас есть какие-то вопросы, то не стесняйтесь! Аксессуары? Фата? Туфли? Букеты для невесты на заказ?

Кстати, про букет. Спасибо, что напомнил. Я тут как раз подумываю букетик себе прикупить. Если поиски мужа пройдут удачно, то на нашей повторной свадьбе я положу в него гранату, а перед броском – выдерну чеку. Сразу запахло «Красной Москвой».

– Меня интересует платье моего размера. Любое, – отрезала я. – Например, вот это. С цветочками.

– Отличный выбор, тонкий вкус! Жених будет счастлив! Ах! Какая

очаровательная будет невеста! – Словесная диарея продавца-консультанта все никак не прекращалась. – Вы собираетесь второй раз замуж? Если да, то мы тут же оформим вам скидку! Вы сможете вернуть платье, если оно не понравится жениху!

– Если платье жениху не понравится, то я скажу, что на следующей моей свадьбе платье будет лучше! – ответила я, поглядывая на классический вариант свадебного платья. А что? Вполне симпатично! Какая разница, что кровью обляпать?

Платье на меня не нашлось. На Белоснежку оно было бы в самый раз. Я разочарованно протянула его продавцу и попросила принести мне другое. И даже пальчиком из-за занавески показала. Во второе платье я сразу поместилась. Выглядела я, конечно, не ахти, но я же не на свадьбу собираюсь. Дисконт мне выписали, деньги приняли, а я, задирая подол платья, отправилась на улицу. Поискав глазами магазин оружия, я ничего подходящего не увидела. Одни казино и какие-то сомнительные финансовые организации. И тут мой взгляд зацепил слово «Ломбард». Судя по тому, что некоторые уходят отсюда голыми, то, вполне возможно, здесь я найду то, что мне нужно.

В ломбарде, кроме меня, стояло еще человек пять. Над нами висел список того, что НЕ принимается в качестве залога, и примерные расценки. Внимательно изучив полки и их содержимое, я увидела вполне симпатичный меч. Передо мной какой-то мужик снимал последние трусы. Я даже отвернулась.

– Скажу жене, что меня ограбил Робин Гад! – оправдывался он, прикрывая ладошкой самое ценное.

Потом на стол к оценщику лег слюнявый золотой зуб. Повертев его в руках, взвесив на специальных весах, оценщик бросил его в ящик с надписью: «Зубы». Класс! Если отыграется, то поди найди свой! Это они, конечно, здорово придумали!

«Из рта в рот получается микроб!» – поморщилась моя совесть, будучи ипохондриком даже похлеще, чем я.

Наконец-то очередь дошла до меня. Я сразу же заинтересовалась стоимостью оружия. Учтивый ломбардчик и оценщик по совместительству сразу же снял меч и положил его мне на протянутые руки. Единственное, что я могла оценить в мече, так это красивая ручка или нет. Ладно, за неимением ничего другого, беру! Потащив свою добычу на улицу, я поняла, что ножны к нему в комплекте не шли! Очевидно, они продавались отдельно! Я взглянула на очередь и поняла, что придется эту железяку таскать в руках.

– Ну вот. Все купили! – заявила я Огрызку, который подозрительно приумолк. – Дальше что?

Ответить крыс не успел, ибо в мою сторону как-то совсем не подоброму зыркнули несколько накачанных товарищей с татуировками разной степени сложности.

– Ну что, красавица, позабавиться не хочешь? – спросил один из них, подходя ко мне поближе.

– Конечно, хочу! – бодро ответила я. – А что вы можете предложить?

Мой ответ немного обескуражил желающих развлечься, но они тут же нашлись, что ответить.

– Сеновал, например! – заржал второй. – Коней все равно мало, а сена зато хоть отбавляй!

– Да там же неудобно! – возмутилась я, пытаюсь сообразить, как выкрутиться из сложившейся ситуации. – Хотя пройдемте на сеновал.

Эй! Вы не подумайте, что я тут изменять своему супругу собралась! Во мне еще горел синий огонечек надежды, что сейчас мы мирно разойдемся. Или разбежимся... Тут как получится! Как говорил Кутузов: «Гори оно все синим пламенем!» Или не говорил. Но думал об этом наверняка!

Огрызок, который и сам обалдел от такого ответа, только что пришел в себя и стал орать, как бабка у подъезда, обвиняя меня в безнравственности и приписывая мне отсутствие образования и работу по древнейшей специальности, чем невероятно сильно обидел мою ранимую душу.

Дальше было совсем неинтересно. «Раз, два, три! Елочка, гори!» – с кокетливой улыбкой успела продекламировать я, поджигая годовой запас сена! Через пять секунд я уже бежала в сторону леса, оставляя за собой зарево от разгорающегося пожара.

– Этот день вы запомните как день, когда чуть не поймали Серафиму Тимчик! – заявила я, подув на палец, чтоб потушить огонь. Капитан Джек Воробей снял бы передо мной свою шляпу! Йо-хо-хо!

Глава 13

Розовая «фапотька» и крепкие орешки Золушки

Отойдя на безопасное расстояние, я села на пенек передохнуть. Нет, ну меч все-таки тяжеленький. Я его даже поднять как следует не могу, а не то что махать им. Огрызок перебрался ко мне на голову и молчал. Я тоже молчала, потому как обиделась на крысу. Да как он мог усомниться в моей честности? Да я тут ради мужа в Подземелье отправлюсь! И пусть меня там растерзают! Пока я думала, как я с этой железякой пойду монстров в Подземелье кромсать в капусту, из кустов выскочил серый, перебинтованный в районе живота волк. Охая и ахая так, словно только что пережил операцию по удалению аппендикса без наркоза, он бросился ко мне.

– Ну, здлафтвуй, Лозовая Фапотька! – прошепелявил волк, причмокивая.

– Ну, здравствуй, Серый Волк, – вежливо поздоровалась я. – Вообще-то это не фапотька, а крыса на голову залезла.

– Как нафтет того, фтобы раффитаться за офвободивфуося недфжимофт? Мы как ф тобой догофарифались? Я ем бабку, ты мне бабки за это! Трефка в лефу! Экологичефки чифтый район. Огород шефть фоток! Фавефяние я унифтофыл! Так фто фвою чафть фделки я фыполнил! Где бабки за бабку?

– Мм... Вы меня с кем-то перепутали... – осторожно начала я, положив для убедительности руку на меч. Вроде бы я убийства бабушек не заказывала...

«Жилищный вопрос испортил имперцев!» – грустно заметила совесть. Я даже почувствовала, что она, как настоящая совесть, сравнивает себя с чужими совестями. И в этот раз сравнение было явно в ее пользу!

– Как так, перефутал? Дровофеки фкафали, фто ты фдефь будеф фдать! – возмутился шепелявый волк. – Они тоже ф деле. Бабки фдут! Меня уфе на фетчик поштафили! Да! И пофему ты не предупредила, фто бабка кофтявая! Я фше жубы переломал! Так что гони бабки на фтоматолога!

– Да нет у меня с собой никаких бабок! И вообще, какого черта ты ко мне пристал? – возмутилась я, чувствуя себя неким студентом, на чьей

совести лежит убийство старушки-процентщицы.

«Ты, главное, никаких документов не подписывай! Если что, говори, мол, и я не я, и бабка не моя!» – подсказала совесть.

– Бабки гони, гофору! – заорал волк, но тут же осекся. По тропинке с корзиной шла белокурая девушка в розовой шапочке. Судя по ее ангельской внешности, соверши она хоть тройное убийство с отягчающими обстоятельствами, это был бы стопроцентный глухарь. Волк посмотрел сначала на меня, потом на нее и тут же извинился, мол, обознался и все такое.

Девушка посмотрела по сторонам, увидев меня, отошла на безопасное расстояние и передала волку корзину. Ну, правильно! Утром бабка – вечером бабки! Совесть в курсе? Совесть в доле!

– Мало! – заявил волк, поднимая платочек, прикрывающий содержимое корзины.

– Что значит мало? Я аванс давала! – возмутилась красавица. – Можешь сразу пересчитать. Кстати, ключики сюда давай! Мать их уже обыскала! А бабка тоже молодец! Я тут с детства ей через лес пирожки таскаю, жизнью, можно сказать, рискую, а она в завещании меня даже не упомянула! Тоже мне, родственница! Кстати, на кого завещание было?

– На какой-то кукловод хлеба! Ефо Лифа фьела! До фих пор болеет! – заявил волк. – Я тебе как фанитар лефа гофору, что она не жилеф!

– На одного свидетеля меньше! – улыбнулась Розовая Шапочка.

– Ты ефе доплафить дожна! Работа фложная. Юфелирная! – стал торговаться волчара.

– Это что же получается? – нехорошим голосом заявила красавица. – За безоружную бабку, которая даже не трепыхнулась, я тебе должна платить, будто ты половину моей родни на тот свет отправил? Э! Не! Так не пойдет! Вот! Все как мы и договаривались! С дровосеками сам считаешься! Надеюсь, работа чистая?

– Фиштая! К бабушке как раф ее фофедка прифла, так мне прифлофь в кровать лечь и бабушкой прикинуться. Фроде нифего не жаподожрила! Тьфу! Три фяса слуфал про то, как яйфа на рынке подорожали, прямо золотыми штала! – пожаловался волк.

– Ладно, я пошла... Обрадую родных! И ты не теряйся! У меня еще много родственников есть! И вот как при нынешних ценах на недвижимость можно молодой девушке честно заработать на приличное жилье? – вздохнула красавица, ставя на пенек корзину.

– И не гофори! – согласился волк.

Девушка тотчас же вывернула «фапотьку» наизнанку и залилась

горючими слезами, мол, все... Траур. В черной шапочке она медленно поковыляла по лесу, поигрывая ключами от свежеприобретенной недвижимости. Моя челюсть медленно подгробала землю.

– Ты фаходи, ефли фто! Мало ли, нафледники другие объяфятфя! – сказал волк, хватая корзину в зубы.

Я сидела молча, с ужасом глядя на всю эту картину. Ничего себе, добрая сказочка! Хотя, судя по счастливым лицам ее участников, все закончилось хеппи-эндом. Только не для бедной бабушки.

– Что это было? – спросил изумленный Огрызок, провожая волка взглядом.

– Черный риелтор... – пожала плечами я. – Санитар рынка недвижимости! Ладно, фиг с ними, с чужими проблемами. Нужно о своих думать... Ну, что дальше делать будем? Куда теперь?

– Теперь активируй амулет! – скомандовал крыс, все еще отходя от увиденной сцены.

– Чего? – немного офигела я. – Ты смерти моей хочешь? Я думала, что мы сейчас за каким-нибудь убойным артефактом отправимся, дабы врагов с одного удара на тот свет отправлять... А ты мне предлагаешь мечом махать! Ты как это видишь? Ой! Простите, пожалуйста. А не могли бы вы не вертеться, пока я тут мечом машу. А постараюсь аккуратненько снести вам голову!

– Активируй, и точка! Дальше разберемся! – Огрызок быстро слез мне в декольте. – А я тут пока место в первом ряду займу!

– Ты что?! А ну, быстро вылез оттуда! Нашел себе место! – попыталась я вытряхнуть грызуна. – Чем тебя плечо не устраивало?

– Я могу вывалиться при переносе. А тут я вполне неплохо устроился! – хитро заявил Огрызок, явно не собираясь покидать мою грудь. – Я ведь тоже заинтересован в успешности данного предприятия, поэтому вперед! Навстречу Подземелью!

Я нехотя достала из кармана амулет, надела его на шею и прикоснулась к драгоценному камню. Опять мой желудок свернулся в трубочку, а в ушах зазвенело. Через мгновение я очутилась у входа в лабиринт.

– Ты помнишь, как делал муж? – спросил меня крыс. – Давай повторяй!

Я медленно поковыляла в сторону двери, подняла ногу, чтобы ее пнуть, но делать этого мне не пришлось. Дверь сама распахнулась, ну прямо как в супермаркете!

– Проходите-проходите! Не стесняйтесь! Чувствуйте себя как дома! Ноги можете не вытирать! – пропищала дверь. – Не переживайте, я сама

закроюсь!

– Это что такое было? А где загадка? Где, черт подери, зубодробительная загадка? Мне, между прочим, еще с того раза было интересно, что загадывает дверь! – поинтересовалась я у своего пассажира.

– Ну, ты тупая! – схватился лапами за голову Огрызок. – Я же тебе схему показывал! Там черным по белому написано! Подземелье учится на своих ошибках! Так вот, оно запоминает девушку, в него входящую, оценивает ее возможности и свои шансы на успех. После того как они тебя увидели, сразу же все поняли. И сейчас они четко уверены, что шансов у них нет. Так что иди спокойно.

Ага, прямо сейчас меня там с караваем ждут. Уже даже речь отрепетировали и ковровую дорожку постелили.

На спуске я терпеливо подождала, когда упадет камень, и спокойно перепрыгнула на уцелевшие ступеньки, ведущие вниз. Если бы здесь был Ютуб, то я бы уже снимала свое прохождение. Еще бы, столько Золушек потом побежит краситься в блондинку, делать пластическую операцию и доставать мечи, чтобы наконец-то осуществить свою мечту и выйти замуж за принца. После того как здесь побывал мой дорогой супруг, сюда можно смело водить экскурсии по местам боевой славы.

Теперь понятно, для чего мы покупали свадебное платье и меч, которым я пользоваться не умею. А что, идея гениальная! Надо отдать крысе должное! Сама бы я до такого не додумалась!

Пауки в первом зале, увидев меня, бросились врассыпную. Откуда-то раздалось сиплое:

– Шо? Опять?

– Не опять, а снова! – торжественно ответила я. – И снова здравствуйте!

Я даже ногу заносить не стала, чтобы пнуть пауков, ибо они уже расползлись по углам. Красота! Один, правда, замешкался и тут же получил прицельное ускорение. Выходим один на один с вратарем! Удар! Го-о-ол! Дверь, увидев мою занесенную для очередного пинка ногу, тут же сама распахнулась, но, правда, молча. О! Здесь должны быть скелетики? Ау, ребята, где вы?

«Крикну, а в ответ тишина! Снова я осталась одна!» – пропела совесть. Ха! Никогда не думала, что она умеет так ловко подражать Примадонне.

Я дошла до середины комнаты, оглядываясь по сторонам. Нападать на меня явно никто не собирался. Меч, который я тащила за собой, издавал противный скрежет о каменные плиты. Я сразу почувствовала себя Пирамидоголовым из Сайлент-Хилла. Сейчас штукатурка облазить будет

под душераздирающую музыку.

– Здесь кто-нибудь есть? – поинтересовалась я, вслушиваясь в свое гулкое эхо.

– Нету... – произнес жалобный голос, но тут же раздался неприятный хрустящий звук, словно какой-то особо разговорчивый скелет только что получил чем-то тяжелым по кумполу.

Я пожала плечами и двинулась к входу в следующий зал. По пути я наступила на чью-то костлявую ногу.

– Чья нога? – поинтересовалась я, потрясая находкой. – Эй! Я спрашиваю, чья нога валяется на проходе? Ну-ка, соберитесь, ребята! Что вы, в самом деле!

– Моя... Но вы ее положите обратно... Я потом подползу и ее заберу... – раздался жалобный голос из другого угла.

Почти перед самой дверью мне попались два черепа. Видать, еще с прошлого раза остались. Уползти они с прохода не смогли из – за отсутствия конечностей. И тут меня посетила хулиганская мысль. Черт! Всегда мечтала так сделать! Я положила меч, взяла два черепа. Каждый из них надела на руку.

– Это лето кастаньет! Клац-клац-клац! На Лазурном побережье! Клац-клац-клац! Лето, где встречал рассвет! Клац-клац-клац! Ты со мной, мой самый нежный! Клац-клац-клац! – пропела я, двигаясь в ритме фламенко. Раньше с пустыми степлерами это получалось менее эффектно. Перед припевом у одной из черепушек вылетели передние зубы. Зато там, в темноте, по углам раздалось ритмичное клац-клац-клац...

– Упс! Извиняюсь, – растерянно пожала плечами я, кладя черепушки на место и переходя в третий зал. Насколько память мне не изменяет, в отличие от мужа, здесь должны быть декорации к фильму «Чужой». Ну и темно же здесь, хоть глаз выколи. Я услышала крайне неаппетитные звуки, словно где-то кто-то чем-то чавкает. Бр-р-р-р...

– Зажги огонек, а то ничегошеньки не видно! – прошептал Огрызок, высовывая нос из моего декольте.

Сказано – сделано! Стоило мне силой мысли зажечь малюсенький огонек на пальце, как все содержимое коконов тут же замерло на месте. Было слышно, как капает слизь. Кап-кап! О! Воды отошли! Кокон по соседству уже лопнул, но чьи-то когтистые лапки, вылезшие оттуда, задернули ткань, как будто шторку. Теперь я точно знаю, что означает фраза: «Мама, роди меня обратно!»

Побродив среди коконов, я усиленно пыталась вспомнить, где находится дверь в следующий зал.

– И где тут выход? – поинтересовалась я у Огрызка. Крыс задумался, вспоминая схему. Тут кокон справа осторожно зашевелился, оттуда вылезла когтистая лапка, хлопнула меня по плечу и указала направление.

– Спасибо! – обрадовалась я. – С днем рождения! Желаю тебе крепкого здоровья! Оно тебе еще пригодится!

Мне ничего не ответили, но, как только дверь передо мной открылась, позади себя я услышала многочисленные вздохи облегчения. А! Я помню этот зал. Здесь из темноты тянутся какие-то лапы и щупальца. Огонек все еще горел на моем пальце, а меч с противным скрежетом тащился за мной по полу. Никого! Тишина! И тут я увидела при тусклом свете, как ко мне со всех сторон устремляются черные когтистые лапы.

– Не протягивай руки, а то протянешь ноги! – грозно сказала я, поднимая меч.

Лапа тут же отдернулась, но потом снова появилась. Этот монстр что? Особо одаренный? Мы так не договаривались!

Лапа медленно ползла ко мне. Я даже напряглась от неожиданности. Лапа легла мне на грудь и тут же подтянула мне корсет, который все норовил упасть раньше времени. Ага! Еще прическу поправь! Еще две лапы меня отряхнули, поправили уродливый бантик на поясе, и я двинулась дальше. Да, правильно говорят, что «возвращаться – плохая примета». Но не для тех, кто возвращается, а для тех, кто ждет.

– Ты жди меня, и я вернусь... Только очень жди! – растрогалась я, подумывая о том, как бы извлечь это милое чудовище отсюда и перетащить в замок. Цены бы ему не было! Если найду своего мужа, то попрошу его такую же лапочку домой забрать! Он обещал мне завести зверюшку, а поскольку Огрызок не считается домашним любимцем, то эта неведомая тварь вполне сойдет!

Дверь передо мной открылась, но я обернулась и бросила тоскливый взгляд в темноту. Я вернусь за тобой! Обещаю! Но мне пора идти дальше.

В последнем зале стояла тишина. И тут, когда дверь захлопнулась за мной, я услышала характерный звук внезапного испуга, от которого сразу же теплеет и тяжелеет в штанах, и топот улепетывающих ног.

Пройдя пару метров, я поняла, что этот звук был явно неспроста и я определенно вляпалась. Какая гадость!

– Кто это сделал? – спросила я, пытаюсь вытереть сапог об пол. – Я еще раз спрашиваю, кто это сделал?

Где-то в темноте клацали зубы, и я пошла на звук, искать эту тварь со слабым желудком. В итоге никто из нечисти не сознался, и я молча вытерла сапог об какой-то мохнатый шар с клешнями. Он был совсем не против.

Остальные с ужасом отползали от меня подальше.

Ну все! Кажись, прошла! Теперь нужно узнать, где здесь переход на следующий уровень. Где наша не пропадала!

Я сняла с себя амулет, который тут же загорелся ярким светом, и приготовилась попасть туда, откуда не смог или не захотел возвращаться мой суженый. Амулет засветился, и я почувствовала знакомый кульбит желудка.

Хлоп! И я лежу на земле лицом вниз.

– Ты меня придавила... – простонал Огрызок. – Но эту смерть можно назвать приятной... Умереть в таком месте – мечта любого мужчины! Кстати, у тебя правая грудь чуть больше левой! Да ладно... Шучу я... Левая больше правой!

– Скотина! – выругалась я, вытряхивая крысу из декольте.

Я поднялась, отряхнулась и по привычке осмотрелась. Небо было багровым, земля была красной, листья на деревьях уже опали или еще не появились... Где-то рядом со мной тек кроваво-красный ручеек. Неужели?.. Неужели это?.. Нет, на горизонте не видно дымящего завода, значит, я все-таки ошибаюсь.

– Это ад! – изумленно воскликнул Огрызок, карабкаясь мне на плечо.

Я медленно пошла по протоптанной дорожке, которая вывела меня к воротам. «Добро пожаловать в... ад!» – красовалась мрачная вывеска. Какой-то хулиган уже успел поглумиться над вывеской, дописав букву «з». Почти как дома. Я молча открыла ворота и пошла по дороге дальше. Красивые здания, словно сошедшие с буклетов строительных контор, пестрили рекламой. У меня даже глаза заслезились от умиления. Все как дома! Мне прямо-таки захотелось заглянуть в первый попавшийся магазин, чтобы оценить, так сказать, сходство. Я рванула на себя стеклянную дверь и зашла в торговый зал, где прямо перед моим носом висела куча табличек: с животными, на роликах, на скейтах, велосипедах, с колясками, со своей едой, без денег, в грязной обуви и одежде, с большими сумками, ценными вещами вход воспрещен! Воспрещен, и точка! А я-то думаю, чего здесь так пусто? Я молча закрыла дверь и решила пройти по улице. На тротуарах почти никого не было, зато на проезжей части велся активный ремонт дороги. Все было перерыто вдоль и поперек. Судя по табличке, которая висела на предупредительном знаке, ремонт был временно приостановлен из-за отсутствия финансирования. Судя по первой дате, тут должны были все сделать еще тысячу лет назад... Точно. Ад.

Я прошла мимо какого-то учебного, судя по вывеске, центра. Прямо на стекле были наклеены анонсы грядущих мероприятий: «Тренинг

личностного роста», «Тренинг безличностного роста», «Тренинг надличностного роста» и «Как стать успешным за две недели». Где-то неподалеку ремонтники дороги засыпали бездонную яму щебнем. Я присмотрелась, и мне они показались знакомыми. Не они ли ремонтировали дорогу возле моего дома в ноябре прошлого года под проливным дождем? Я имею в виду ту дорогу, где весной снег сошел вместе с асфальтом! Может быть, и они, а может быть, и нет...

Тут ко мне подошел какой-то мужчина в деловом костюме и сурово поинтересовался, почему я не на работе? Как выяснилось из его гневной речи, все, кто попадает сюда, обязаны трудоустроиться в течение пяти часов с момента прибытия. Рабочий день здесь с двадцати четырех ноль-ноль до двадцати трех пятидесяти девяти. Так что я должна пройти с ним в службу занятости для дальнейшего трудоустройства и получения документов. Я молча проследовала за ним в какое-то огромное здание со скучной надписью: «администрация Ада».

В холле стояли огромные очереди и не было ни одного свободного стула. Выйдя из одного кабинета с какой-то бумажечкой, народ занимал очередь в другой кабинет, и так по кругу. Параллельно в очереди шла ругань относительно того, кто за кем стоял, кто когда занимал, кто сколько сидел и когда пришел.

– Занимай очередь и жди! – приказал мне этот странный тип и удалился. Я стояла в духоте, чувствуя, что очередь движется в час по чайной ложке. За час прошел всего один человек... Некоторые даже спать укладывались, сжимая в руках свои документы. У кого-то это были парочка каких-то справок, а у кого-то целые папки. От нечего делать я стала читать стенды. Я так всегда делаю, когда мне скучно. Ближайший стенд назывался: «Наши услуги стали еще доступнее!»

Чтобы получить направление на трудоустройство, пройдите в кабинет № 13б. После этого вместе с направлением Вам нужно попасть на девятый этаж и получить справку по форме № 666а, где будет указано, что Вы получили направление. Проверьте Ваши данные еще раз и направляйтесь в кабинет № 100, где Вы должны предъявить справку и направление, чтобы получить удостоверение о том, что Вы получили справку и направление. Внимание! Справка действует один день с момента получения! После этого Вам нужно заверить печатью справку в кабинете № 35в и направление – в кабинете № 1. После того как Вы поставите печати, Вам нужно попасть в кабинет № 78х/11, где специалист проверит правильность указанных Вами данных и выдаст Вам

ИКР, который Вы должны предъявить в кабинете № 5/87, где Вам оформят СТИ, который Вам нужно в течение одного дня предъявить в кабинете...

Дальше я не осилила. Судя по следующим инструкциям, я прочитала только про первый этап. И то не до конца. Черти с вилами и бурлящие котлы со смолой показались мне просто санаторием, а Данте Алигьери – обычным фантазером. Если это первый круг ада, то мне уже страшно.

– Что будем делать? – спросила я у Огрызка, чувствуя, что у меня от обилия столь важной информации начинает дико болеть голова.

– Может быть, твой муж стоит где-то здесь, в очереди? Не думаю, что за двое суток он успел получить хотя бы одну справку... – предположил крыс.

– Конечно! Прямо-таки стоит... Я с уверенностью говорю, что его здесь нет! Иначе бы мы тут не торчали. Так, погуляли бы по пепелищу... – заметила я, напрочь отрицая идею стояния в очереди моего дражайшего супруга.

Я услышала, как дверь открывается, и оттуда выходит тетя с какими-то папками:

– А ну-ка! Дверь не подпирайте! Я кому говорю! Выйти не дают!

– Женщина! А можно побыстрее как-то? А? – заволновалась толпа.

– Я одна – вас много! – привела веский аргумент сотрудница данного учреждения, закрывая дверь ключом. – Ни перерывов, ни выходных!

– Женщина, а можно спросить? – поинтересовался кто-то из толпы. – У вас тут прием по талонам или в порядке живой очереди?

Кто именно задал этот вопрос, мне разглядеть не удалось. Но я мысленно поддержала отважного товарища, задавшего такой провокационный вопрос госслужащему!

– Я вам что? Справочная? Читайте! На стенде все написано! В порядке живой очереди по талонам предварительной записи! – отрезала дама и пошла со стопкой каких-то папок в соседний кабинет. У меня невольно задергался глаз. Я снова уткнулась в стенд, но на этот раз попала на вакансии: «Администрации требуется уборщица».

Я посмотрела на густую толпу и сглотнула. Не дай бог! И тут произошло чудо! Пока я вчитывалась в выдержки из законопроектов, регламентирующих оказание услуг населению, я увидела абзац:

Те, чьи души находятся в залоге за исполненное желание, должны явиться по месту первоначального обращения и получить справку на

временное трудоустройство до дня окончательного расчета по условиям договора.

Господи! Какое счастье! Я пулей вылетела из душного помещения, радуясь тому, что мне не пришлось стоять в очереди за очередной справкой к справке.

Итак, где здесь находится ООО «Ты не Адин!»? Я брела по улицам, вспоминая, какой юридический адрес был прописан в договоре. Кажись, улица Уныния, а вот дом не помню. Я обратилась со своим вопросом в первый попавшийся офис, где мне долго и нудно объясняли, как туда добраться. Даже карту нарисовали. Вот какие замечательные люди работают здесь... В аду...

Глава 14

Адская работа в сплоченном коллективе

Вскоре я поняла, что либо карта безбожно врет, либо работники безвестной фирмы слукавили. Улица Уныния никак не попадалась, а терпение мое близилось к концу. Я стала приставать к прохожим, которые долго пытались мне объяснить, где находится пресловутая улица, причем каждый последующий показывал совершенно противоположное направление. В итоге я в расстроенных чувствах села на ступеньки какого-то офисного здания и тут же услышала голос Огрызка.

– Смотри! Улица Уныния, дом 13! – заверещал крыс, дергая меня за ухо. – Давай спросим там!

Это был огромный офисный центр. Прямо на входе сидела консьержка с ключами. Вид у нее был такой, что сторожевой пес Цербер по сравнению с ней кажется трясущимся чихуахуа на руках гламурной кисы.

«Убей меня... Прикончи меня... Неужели тебе меня не жалко?.. Я больше не хочу мучиться на этом свете... Прикончи меня, или я прокушу тебе силиконовую грудь!» – моя совесть сразу превратилась в маленькую собачку, которая трясется на руках пышногрудой красавицы с перекачанными частями тела. «Да не вопрос!» – радостно сказала я, протягивая к ней руки. Совесть тут же вышла из роли и обиделась.

Консьержка, вахтерша, бабушка-на-проходной, или как ее еще можно назвать, развалилась на стуле, прикрытом старым ковром, и закуталась в серый пушистый платок. Прямо к платку был прикреплен бейджик, на котором значилось: «А. П. Изергиль». На столе лежал журнал входящих и выходящих тел, а сверху валялось самописное перо или ручка. Но самой удивительной во всей этой обыденной для многих картине была якорная цепь, которая намертво приковывала ручку к столу.

«Шоб не воровали! А то ручек не напасёс-с-си-и-и!» – заорала совесть истерическим голосом тетки на почте или мадам из паспортного стола.

– Вы к кому? – недружелюбно заорала вахтерша, отложив книгу в потрепанной обложке с многообещающим названием «Похотливая блудница», которую старушка Изергиль читала с таким сосредоточенным и серьезным видом, словно это был курс лекций по геополитике. Судя по обложке, развитие сюжета предсказать несложно. И завязку. И кульминацию. И развязку. «И жили они долго и счастливо и кончили

одновременно!» – вот и весь краткий пересказ.

– А здесь находится БО «Ты не АДин!»? – спросила я, стараясь не краснеть. Вид подобной литературы смущал меня.

– А здороваться тебя не учили? – крикнула вахтерша, скрипя стулом, на котором чудом помещалась ее необъятная корма.

– Здра-а-асте! – противным голосом протянула я. – А здесь находится БО «Ты не АДин!»?

– А ноги вытирать тебя не учили? – Старушка никак не успокаивалась, злясь на меня за то, что я оторвала ее от столь познавательного чтения.

«Он взял ее девичьи груди и узлом на спине завязал...» – мечтательно изрекла совесть, напоминая мне про загнутые уголки некоторых листов в некоторых романах в маминой библиотеке, которые я читала, пока никого не было дома.

Я демонстративно подошла к тряпке и с остервенением стала вытирать ноги.

– И снова здрасте-е-е! – злобно выдала я, люто ненавидя все эти никому не нужные формальности. – Не подскажете ли вы, здесь ли находится БО «Ты не АДин!»?

– Да, здесь... Третий этаж, левое крыло, вход со двора через подвал, – отрезала вахтерша, снова уткнувшись в книгу. На полочке рядом со стулом и какой-то зеленью в горшке стояли зачитанные до дыр «Мемуары работницы портового борделя», «Трое на одну» и «Шаловливые ручки императрицы».

– Крайняя – явно про тебя! – заметил Огрызок. – Как вспомню твоё тушение пожара, так вздрогну...

– Ты опять за старое? – возмутилась я злопамятностью крысы. – Как только найдем моего мужа, так сразу компенсируем ремонт. Даже не сомневайся!

– Слушай, я тут подумал немного... – подозрительно ласковым голосом заявил крыс. – Он точно пропал? Он не... хм... сбежал под благовидным предлогом, как сделал бы я, если бы узнал, что ты становишься моей женой?

Мой глаз все еще дергался, а ноги уже несли меня по одинаковым коридорам, пытаюсь найти фирму, с которой мне посчастливилось заключить договор. И я ее нашла! Прямо между офисами БО «ЗагАДка» и БО «ЗвездопАД».

– Здравствуйте! – радостно отворила я дверь. – Я к вам! Я тут недавно договор заключила с вами на желание, так вот, решила в гости к вам заглянуть. Как корпоративчик? Как отметили? И где ты, о бесценный

специалист с отпечатком ноги на заднице?

– Я здесь... – грустно ответил демон, вылезая из-за стопок бумаг.

– Тебя еще не повесили? – спросила я, мельком бросая взгляд на Доску почета «Лучшие сотрудники отдела продаж души». Там в лучших традициях висели мрачные и уставшие лица его более успешных коллег.

– Еще нет, – мрачно заметил очень квалифицированный специалист, придерживая съезжающую стопку бумаги.

– А жаль, ты вполне этого заслуживаешь! Кстати, мне справочка нужна, для трудоустройства! – улыбнулась я самой милой улыбкой. И даже похлопала ресничками.

Через пятнадцать минут я радостно шла изучать местный рынок труда. На стене пестрели объявления, разбитые на две категории: «Работа за идею!» и «Работа за еду!». Если в первой категории рабочий день длится двадцать четыре часа, то во второй можно было найти много различных вариантов.

Адская работа в сплоченном коллективе! Личная и карьерная деградация, негнущийся график, зарплата едой. Вакансии ограничены!

Мечтаете умереть на работе? Вам не нужны выходные и социальный пакет? Тогда эта работа для Вас! Без перерывов, без выходных, походы в туалет строго регламентированы! Ждем Вас!

Серьезная работа для серьезных людей. 24 часа в сутки. Перерывов нет. Суровая дисциплина, дресс-код, злое начальство! Постоянные сверхурочные! Заработная плата не обсуждается!

Внимание! Работа! В связи с ужасной смертью предыдущего работника прямо на рабочем месте нам требуется сотрудник. Требования к соискателю – отсутствие естественных потребностей!

Требуется работник с отсутствующим инстинктом самосохранения на расстрельную должность! Опыт работы приветствуется!

– Ищи что-нибудь попроще... А то у нас времени не будет разыскивать твоего мужа! – пробурчал крыс, щекоча мою спину хвостом.

Идейным работником я никогда не была, а вот за еду я проработала, считай, всю свою сознательную жизнь.

– О! Требуется девушка без образования для работы по специальности! – Я радостно ткнула пальцем в объявление. – Рабочий день

– три часа. Оплата почасовая. Едой. Причем далеко идти не надо. Прямо здесь!

– Ты с такими вещами поосторожнее будь... А вдруг это и впрямь хорошая работа, никак не связанная с древнейшей профессией? – язвительно заметил крыс.

– Слушай. В аду мы вдвоем, а работать почему-то придется только мне? Так что не спорь с кормилицей! – заявила я, чувствуя, как вырастаю в собственных глазах.

– Да как я, альфонс, могу спорить с тобой! – съязвил Огрызок. – О кормилица-поилица! О моя госпожа... Я, смиренный раб, замолкаю, ослепленный твоей щедростью и величием!

Я ободрала объявление и снова зашагала в сторону офисного центра. Бабушка-вахтерша снова была погружена в эротическое чтиво, приговаривая: «Вот срамота-то какая! стыдоба! Что ж ты творишь-то, девонька! Неужто динамить будешь, вертихвостка? Потом в старости вспомнить нечего будет!»

Ха! А тебе, старушка Изергиль, есть что вспомнить, да не с кем поделиться?

Старушка осеклась, увидев меня на пороге. Я снова демонстративно поздоровалась и остервенело вытерла ноги, чуть не порвав старую тряпку.

– Че опять приперлась? – недовольно выкрикнула бабка, словно ее оторвали от чтива на самом интересном месте.

– Трудоустраиваться. Мне нужен... мм... – подглядела в бумажку, – шестой этаж, правое крыло, кабинет номер 66.

– Вход с подвала по лестнице на четвертый этаж, потом спускаешься на третий, идешь в левое крыло и поднимаешься на пятый. Потом идешь в правое крыло и поднимаешься на шестой! – рявкнула вахтерша.

«Ну кто так строит!» – вздохнула совесть, поднимаясь и спускаясь по длинным одинаковым коридорам.

А вот и мое новое место работы – Институт соблазнения. Внутри все было примерно как и в обычном вузе. Студенты яростно переписывали расписание лекций, кто-то писал шпаргалки прямо на подоконнике, кто-то усиленно штудировал «Камасутру».

– Прикинь, он меня на теории завалил! Говорит, мол, покажи позу номер 96. Я отворачиваюсь от экзаменатора, отползаю на свою часть кровати и лежу, дуюсь. Он мне: «Ты обиделась?» – а я возьми да брякни: «Да!» Короче, сразу неуд. Оказывается, нужно было лежать и молчать, пусть, мол, сам догадывается... – рыдала огненно-рыжая красавица на подоконнике. Рядом стояла ее подружка и всеми силами пыталась утешить

бедняжку:

– Ты не переживай, как мне говорили, теория сильно отличается от практики. Одна подружка рассказывала... Она уже работает, причем по специальности, много лет... Этот алгоритм не всегда срабатывает. Один ее клиент, вместо того чтобы допытываться, мол, на что обиделась, просто взял и захрапел... Ты представляешь? Завтра пойдешь на пересдачу!

– Кто это? – обратилась я к Огрызку.

– Суккубы. Демоны, которые очаровывают простых смертных, а когда те влюбляются, то теряют свою душу... – заметил крыс. – Суккубы специализируются на мужчинах, а инкубы – на женщинах.

Я, пытаясь переварить столь ценные сведения о будущей работе, подошла к расписанию. Их было два. Для инкубов и для суккубов. Расписание для суккубов мне понравилось:

Мозговыносология

Сооблазнеджмент

Обидология

Основы ухода за собой

ЭКЗАМЕН

Чуть ниже висело объявление о факультативе: «Эротическое чтение. Ожидание и реальность». Теперь понятно, откуда у старушки с проходной столько «учебников». Расписание для инкубов было не менее интересным:

Классификация женщин

Как правильно заставить женщину замолчать?

Чего хочет женщина?

Комплиментинг и знакомствология

Провожалогия

Поцелуеведение

Постелинг

ЭКЗАМЕН

Пока я стояла и изучала расписание столь необычного учебного заведения, дверь по соседству открылась и оттуда вылетела эффектная шатенка с длинными ногами. Она радостно размахивала зачеткой и дипломом, прыгая от счастья.

– Сдала? – спрашивали у нее наперебой другие девушки, жмущиеся под дверью в ожидании своей очереди.

– Да! Сдала! На тройку! Он мне такой, мол, ты последнее время не такая, а ская... А я стою и чувствую, что колени дрожат. Думаю, вот сволочь, валит меня! И тут меня осенило! Я заявляю ему: «Ты меня не любишь! Я знаю!» И понеслась! Так что тройка! Ура! – запищала от восторга суккуб.

– А почему не пятерка? – раздался чей-то голос.

– Мозг слабо вынесла... – вздохнула полной и роскошной грудью студентка.

Пока я внимательно слушала, неподалеку от меня рядом со стендом приемной комиссии расположились три инкуба.

– Я вот буду документы на кафедру инкубата подавать... – сказал один. – Пойду по стопам отца!

– А мне женщины совсем не нравятся, но мама заставляет, мол, иди учись... Хорошая специальность... И сытый, и обутый, и чистенький, и отутюженный... – вздохнул второй.

– Подожди, они в этом году будут две новые специальности открывать. Как раз для таких, как ты! Говорят, что с каждым годом спрос на них все растет и растет, – заметил первый.

Третий демон за это время молча переписывал список документов для приемной комиссии.

Кабинет № 66 был совсем рядом, и я решила заглянуть туда и уточнить по поводу работы. Стоило мне открыть дверь, как я увидела комиссию, сидящую рядком за столами, и экзаменатора, который предложил мне войти.

Я поняла, что здесь идет экзамен, и меня, скорее всего, перепутали со студенткой, поэтому попыталась как можно аккуратнее закрыть дверь, но не тут-то было. Красивый темноволосый демон в очках, чем-то смахивающий на моего мужа, подошел ко мне и затащил в кабинет. Комиссия, глядя на меня, довольно зашущукалась.

– Вот это я понимаю, девушка готовилась к экзамену! – сказала какая-то постаревшая, но при этом очень ухоженная дама из комиссии. – Молодец! Мы уже собрались кафедру лишать лицензии, как тут такая умничка появилась.

– Да... – промямлил экзаменатор. – Это наша лучшая студентка!

– Сразу в свадебном платье! Это же надо было так придумать-то! Очень эффектно! – закивали члены комиссии. – Ну же... Тяните билет!

Я посмотрела на экзаменатора, который уже понял, что ошибся. Он подошел ко мне и тихо прошептал:

– Я вас умоляю! Иначе нашу кафедру прикроют!

Я кивнула, подошла к столику и вытащила первый попавшийся билет. В нем был один вопрос: «Ваш мужчина собрался уйти к другой женщине! Вы должны удержать его любой ценой!» Слушайте, а везение и вправду работает!

– Вы готовы? – дрожащим голосом спросил экзаменатор. – Или вам нужно время все обдумать?

– Конечно, готова! – голосом отличницы, спортсменки и комсомолки заявила я, предвкушая генеральную репетицию грандиозного семейного скандала.

Комиссия умилительно посмотрела на меня и приготовилась слушать.

– Я все знаю! – безапелляционно заявила я и отвернулась.

– Что именно? – недоуменно спросил экзаменатор.

– Все! – обиженно заявила я. – И про тебя, и про нее! Можешь мне ничего не рассказывать!

– Я давно хотел тебе сказать... – с воодушевлением начал экзаменатор, понимая, что я в теме.

– Я тоже тебе хотела кое-что сказать... Но сейчас это уже не имеет смысла... – с горечью в голосе выдала я. – Конечно, я тут ради тебя стираю, готовлю, убираю за тобой... Конечно, у меня не всегда есть возможность выглядеть как девушка с картинки... Тем более что ранний токсикоз...

– Чего? – спросил экзаменатор, подозрительно глядя на меня.

– Что слышал. Я не хочу, чтобы наш ребенок смотрел на такого отца! Собирай вещи и проваливай отсюда! – Я вошла в роль и меня уже несло. Все, мужик, я тебя сейчас уделаю так, что комиссия ахнет!

Экзаменатор снял очки и протер их о пиджак.

– Так ты ... – сглотнув, спросил он.

– Да. Неужели ты не догадался! И знаешь, мой дорогой, все это к лучшему! Такой муж мне не нужен! А ребенку я найду отца получше! Если ты думаешь, что я позволю видеться с ним, то ты ошибаешься! А когда он подрастет и спросит меня, мол, кто мой папа... – я сглотнула, чувствуя, что от столь трагичной и проникновенной сцены у меня в горле стоит комок, а на глаза невольно наворачиваются слезы, – я скажу ему... папа твой... родной... ушел... Ушел к какой-то тете... Променял нас... тебя променял, сыночек... Мы папе оказались не нужны... Видите ли, та тетя красивее мамы... Сыночек обнимет меня маленькими ручками и скажет: «Я никогда не хочу быть таким, как папа! Я никогда не променяю тебя на какую-то красивую тетю!» А когда ты придешь к нам, он сам подойдет к тебе и скажет, мол, ты – не мой папа... Я не хочу иметь такого папу, как ты... Иди к своей тете и больше не приходи...

Я вошла в раж и даже краем глаза заметила, как рыдала комиссия. Тетя из комиссии, которая восхищалась моей изобретательностью по поводу свадебного платья, рыдала в голос, утирая слезы. Экзаменатор стоял и смотрел на меня так, что мне показалось, будто он сейчас сам разрыдается. Но он тут же взял себя в руки.

– А если вы не беременны? – спросил он строго.

Я тут же схватилась за живот, чуть не уронив крысу на землю, и простонала:

– Мне нельзя нервничать...

Кто-то из комиссии захлопал, но на него тут же шикнули, и хлопки прекратились. Я выпрямилась и гордо сказала:

– Это поправимо... У меня для этого есть еще девять месяцев и знакомый врач, который отпишет любую справку.

– Это пятерка... – сказал экзаменатор. – Твердая, безоговорочная пятерка. Сразу видно глубокое знание предмета... Вы занимались на факультативе?

– Нет, – соврала я, – самостоятельно.

Комиссия одобрительно закивала, обсуждая столь высокий, как им показалось, уровень подготовки.

– Я всегда говорила, – выдохнула тетя, – самостоятельные занятия – самый эффективный способ усвоения предмета! Но у меня есть допвопросик, можно?

– Конечно, – улыбнулась я, чувствуя себя просто превосходно. Не каждый день тебя хвалят за то, как ты умеешь выносить мужчинам мозг!

– Я прошу прощения, но не могли бы вы показать, как будете действовать в ситуации, если ваш мужчина забыл про ваш день рождения и вам нужно осторожно намекнуть ему об этом. Без скандала... – сказала тетя из комиссии. – Я понимаю, что вопрос очень сложный, но вы постарайтесь на него ответить...

– Я пойду, куплю цветы. Роскошный букет и маленькую открытку. Открытку подпишу от имени какого-нибудь знакомого или просто напишу произвольное мужское имя. Поставлю букетик в вазу на видное место, положу открытку в цветы, а когда придет муж, я поцелую его в щечку и скажу: «Какой ты молодец! И ведь помнишь, не забыл! Букет просто чудесный! Когда мне его принесли, я сразу подумала, что это от тебя!» Если он скажет, что букет не от него, то я сделаю загадочное лицо, мол, не может быть! Значит, он все-таки не забыл! Я так рада! И достану открытку. А если начнет утверждать, что это его подарок, я наклонюсь, чтобы понюхать букет, и «случайно» обнаружу открытку, которую тут же зачитаю

вслух, – сообщила я, глядя на лица комиссии. – Будьте уверены, если мужчина окажется нормальным, то мы уже будем ехать выбирать мне очень дорогой подарок!

– Bravo! – воскликнула дама из комиссии. – И главное, что ни в одном учебнике такого нет! Вы просто гордость своей кафедры!

Я даже покраснела.

– Выпишите ей диплом, а мы с удовольствием его ей вручим! – дама из комиссии тут же обратилась к экзаменатору. Тот достал пачку дипломов и тихо поинтересовался моими именем и фамилией. Я тут же их сообщила.

Через две минуты вся комиссия пожимала мне руку, а я держала в руках диплом об окончании Института соблазнения по специальности «Суккубат».

– Нужно обязательно повесить ее портрет на Доску почета кафедры! – сказала дама из комиссии. – Пока здесь учатся такие талантливые студенты, мы гордимся уровнем подготовки будущих специалистов.

Дверь за комиссией закрылась, а экзаменатор сел на стул и выдохнул. Я хотела отдать ему диплом, мол, я тут по поводу работы пришла, а не ради корочки, но он отрицательно замахал руками. Заслужила. Повешу на стеночку над супружеским ложем.

– Что это было? – спросил изумленный Огрызок, щекоча усами мое ухо.

– Жизненный опыт подружек и немного смекалки... – вздохнула я.

Экзаменатор встал и произнес:

– Спасибо вам огромное. Я даже не знаю, как вас благодарить... Может быть, я могу вам чем-то помочь? Не стесняйтесь, говорите...

Ну, мужик, никто тебя за язык не тянул.

– Я по поводу работы, – скромно сказала я, протягивая помятое объявление.

– А! Там уже, кажется, нашли кандидатку... Но ввиду огромной услуги, которую вы оказали нашей кафедре и нашему институту, думаю, что кандидатуру пересмотрят в кратчайшие сроки! – улыбнулся экзаменатор. – Если какие-то проблемы – найдите меня, я вам помогу!

Знаете, когда он улыбается, он еще больше напоминает мне моего пропавшего супруга. Но я точно уверена, что это не он.

– Пройдите в кабинет шестьдесят шесть. Там как раз нужна девушка для проведения экзамена у инкубов, – сказал преподаватель.

– Мм... так это ж вроде кабинет № 66? – удивилась я.

– Опять это хулиганье цифру перевернуло! Это кабинет № 99! – возмутился преподаватель. – Будете выходить, скажите, чтобы следующая

заходила.

Я бочком вышла из кабинета, и на меня тут же налетели студентки, мол, сдала? Мне пришлось показать им диплом с отличием, чтобы они от меня отвязались.

– Еще бы... Заплатила небось... – противным голосом сказала какая-то заучка, штудирующая конспект на подоконнике.

– Да по-любому блатная! – фыркнули девчонки возле расписания, пряча шпаргалки в декольте.

Пройдя по коридору, я увидела кабинет № 66. Я осторожно открыла дверь и увидела лектора, стоящего рядом с огромной кроватью. В аудитории сидели демоны и усиленно строчили.

– Итак, девушку нужно как следует разогреть! – сделал вывод лектор. – Вы должны убедить ее в том, что вы – мужчина ее мечты!

– Паяльник подойдет? – противным голосом «ботаника» спросил какой-то прыщавый очкарик с первой парты. Лектор смерил его взглядом, а потом изрек:

– В твоём случае это последняя надежда!

Кровать, тема лекции и количество мужиков мне явно не понравились. Я уже хотела закрыть дверь, как меня заметили и затащили в аудиторию.

– Вы, я так понимаю, по объявлению? – сказал довольный лектор, потирая ручки.

– Да, но я... – замялась я, снова бросая взгляд на кровать. – Я пойду, наверное... Мне из дома добираться сюда неудобно... Да и график работы меня не устраивает... И условия труда слишком напряженные... До свиданья...

– Нет! Никуда ты не пойдешь! – заорал лектор, хватая меня за руку. – У нас сегодня выпускной экзамен! По традиции на нем будет присутствовать его темнейшество!

– Да, – заметил Огрызок. – Если тебе удастся поговорить с королем ада, то, возможно, он поможет тебе в поисках! К тому же тебя тут не убивать собрались, а соблазнять!

– Да, но я замужем! – возразила я, пытаюсь вырваться из цепких рук демона.

– А что? Кто-то скажет об этом твоему мужу? – хмыкнул крыс. – Найдутся смертники, которые захотят ему об этом сообщить? Я тебя умоляю! Расслабься и получай удовольствие! До постели, я думаю, дело не дойдет, но комплиментов наслушаешься лет на десять вперед!

Если только ради мужа... Я готова! Я отстрадаю!

– Хорошо, я согласна побыть экспонатом или учебным пособием. Вот

только раздеваться не буду! – категорично заявила я неуверенным голосом начинающей модели, которая отказывается сниматься топлес, но при этом понимает, что после этих слов ее карьера может закончиться так же быстро, как и началась.

Аудитория зашуршала и занервничала. Раздались голоса, мол, так нечестно, вы нас валите, уважаемый преподаватель постельных дел. Мы на замужнюю не договаривались!

– А вы что хотели? Чтобы я вам представительницу древнейшей профессии привел? – возмутился доктор снимательных наук, почетный мачо и заслуженный донжуан. – Если кто-то узнает, что вы собираетесь заплатить за экзамен, нашу кафедру лишат лицензии!

– А почему у прошлой группы была старуха Изергиль? – заявил какой-то студент с галерки.

– Потому что у них не было комиссии! – отрезал лектор.

Глава 15

Соблазнение строптивой, или Ты ошиблась, солдатка

В ожидании комиссии время тянулось медленно. Я уже успела заскучать. Огрызок тоже. От нечего делать он залез мне в декольте и вылезать оттуда отказался под предлогом, что там тепло и уютно. Студенты активно шуршали конспектами по принципу «перед смертью не надыхаешься», а преподаватель заполнял ведомость.

– А не могли бы вы показать мастер-класс? – нагло спросил какой-то студент. Все заметно взбодрились.

Преподаватель оторвал взгляд от ведомости, взглянул на нахала поверх очков. На кону был имидж учебного заведения и репутация ловеласа.

– Хорошо! Смотрите и учитесь! – сказал он, вальяжно подходя ко мне. Ну-ну! Давай, мачо, не стесняйся!

– Вы сегодня просто прекрасны! – томным голосом произнес он, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Ты хочешь сказать, что вчера, позавчера и месяц назад я была чудовищем лесным? А сегодня вдруг случилось чудо и я выгляжу чуть лучше, чем обычно? – Я скептически подняла бровь. Студенты занервничали... Преподаватель взглянул на меня так, словно больше никого не существовало на свете.

– Я хочу сказать, что очарован вами... Я чувствую, как мое сердце при виде вас начинает бешено колотиться... Вы не знаете, что это? – с придыханием прошептал донжуан, пытаясь приблизиться ко мне.

– Мм... Наверное, это аритмия... Ты, главное, не запускай ее... Там до инфаркта недалеко... А другие симптомы есть? Одышка, слабость, сухой грудной кашель? – поинтересовалась я с озабоченностью терапевта при первичном осмотре пациента.

– Боюсь, что это не аритмия... Я боюсь, что это – любовь с первого взгляда... – совсем томно прошептал мужчина, снова предпринимая попытку приблизиться ко мне почти вплотную и приобнять.

– Я тоже боюсь, что это не аритмия, а что-то посерьезнее... Мой троюродный брат сестры двоюродного дяди тоже сначала думал, что неравномерный стук сердца – это любовь с первого взгляда... А потом выяснилось, что там вот такой рубец... Еле спасли... – грустно сказала я,

показывая на пальцах для убедительности толщину рубца.

– Ваше остроумие сводит меня с ума... – прошептал казанова, наклоняясь к моему уху.

– Вы давно были у психиатра? Знаете, я могу провести экспресс-тест на шизофрению прямо сейчас. Я вам советую подойти к этому вопросу максимально серьезно! Если шизофрению не лечить, то каждую весну-осень возможно обострение. Если она у вас все-таки обнаружится, то нужно будет встать на учет. Врачи смогут медикаментозно купировать приступ... – с озабоченным видом сообщила я. – А ну-ка, давайте-ка проверим! Что общего у ботинка и пера?

Он крепко задумался. Обычный медицинский прикол, который можно прочитать в соцсети и насладиться криками потенциальных шизофреников, коих оказывается больше девяноста девяти процентов среди комментаторов, поставил соблазнителя в тупик.

– Они оба пачкаются... – как-то робко выдал из себя преподаватель. Вот это он зря!

– Мой первичный диагноз подтвердился. Нормальный, психологически здоровый человек оценивает по первичным признакам. По первичным признакам у пера и ботинка нет ничего общего, а шизофреник оценивает по вторичным и находит сходство. Мне очень жаль... Но я наверняка вас обнадежу, сказав, что если вовремя взяться за комплексное лечение, то, возможно, у вас будет шанс сохранить за собой рабочее место... – сказала я, тяжело вздыхая. – Но главное – не опускайте руки... У вас еще вся жизнь впереди...

В аудитории раздались охи и вздохи. Кто-то громко заорал, что все, кирдык! Плакал их диплом о высшем образовании и дальнейшая работа по специальности! Раздались возгласы возмущения, мол, такими темпами экзамен будет дружно завален всей группой.

Но преподаватель не сдавался. Отойдя от первого шока, он решил предпринять вторую попытку соблазнения строптивой.

– Я восхищен вашей эрудицией! Не каждый день встретишь такую умную и красивую девушку! Я хотел бы, чтобы вы были моим личным доктором! Только вам под силу вылечить меня от любовной горячки! Пропишите мне постельный режим и грелку на все тело! – нежным голосом произнес коварный казанова, пытаясь положить руку мне на филейную часть.

Перед глазами промелькнули Джокер и Харли Квин. История любви психопата и его лечащего врача меня явно не вдохновляла в отличие от многих.

«И тебя вылечат, и тебя тоже вылечат... И меня вылечат!» – Моя совесть обернулась крупногабаритной женой господина Ивана Васильевича Бунши и даже успела снять парик.

– У меня нет лицензии на осуществление медицинской практики! – отрезала я, убирая его руку с моей попы. Фу! Какая мерзость! Я замужняя девушка «облико морале». И вообще, пора валить отсюда. Такая работа меня не устраивает! Еще не хватало, чтобы мой муж об этом узнал. Такой компромат на будущую императрицу сильно порадует его!

– Я покрою твоё тело поцелуями! – с жаром произнес мой соблазнитель, пытаясь положить руку мне на грудь. – Я чувствую, как твоя очаровательная, теплая и волосатая грудь радостно откликается на мои прикосновения!

Его рука нырнула в декольте и тут же вынырнула, словно дайвер, увидевший в метре от себя открытую пасть белой акулы.

– Ай-я-я! – заорал преподаватель. Тряся рукой, он продолжал орать как резаный, а из декольте вылез сонный Огрызок.

– Еще раз! Я тебе говорю, еще раз попытаешься почесать меня там, я тебя не просто укушу! Я тебе полпальца отгрызу! – возмущенно орал крыс, так до конца и не проснувшись.

– У вас там крыса! – с омерзением завопил коварный донжуан, показывая пальцем на розовую усатую морду, торчащую из моего корсета.

– И что с того? – возмутилась я. – Вы не любите животных? Я их страсть как люблю!

– О! Я тоже их просто обожаю! – внезапно спохватился доморощенный казанова. – Я сам очень люблю животных... У меня дома есть рыбки и черепашка! Не хотите ли пойти посмотреть на них? Они будут рады познакомиться с вами...

– У вас пираньи? – умиленным голосом спросила я, вспоминая серых невзрачных плотоядных рыбок в аквариуме одного зоомагазина. Они меня так заинтриговали, что я даже планировала купить пару штук и кормить их остатками колбаски. Я поинтересовалась, не будет ли рыбка кушать колбаску по сто пятьдесят рублей килограмм? На меня посмотрели как на умалишенную. Я с тяжким вздохом в последний раз взглянула на аквариум и ушла с антиблошиным ошейником для Заклепки, который срочно понадобился моей маме. И пусть моя логика протестовала перед фактом покупки противоблошиного ошейника для почти лысого кота, на котором блох можно смело давить тапкой, если таковые все-таки рискнут бегать по пустыне, но мама была неумолима. Вот так я не купила себе пиранью... Грустно, не так ли? Но при таких аховых ценах на мясо я

поняла, что даже ма-а-аленькую пиранью я материально не потяну.

– Ну да... – с улыбкой сказал мой соблазнитель, – пираньи! И они будут очень рады с вами познакомиться!

– А крыс у вас нет? – с надеждой спросила я. – Мышей, тараканов, мокриц, термитов, муравьев?

– Все есть! – теряя терпение, согласился преподаватель.

– Так это вам не ко мне... Вам к дезинсектору надо... Я брезгую всякими ползающими гадами... Вот выведите, тогда подкатывайте! – категорично заявила я, скрестив руки на груди и встав в позу Наполеона.

– А я их уже вывел! Вы можете сами убедиться! Пойдемте-ка ко мне в гости! – радостно закричал, хватая меня за руку и таща в сторону постели, доктор снимательных наук.

– Вы врете! Пять минут назад вы утверждали, что они у вас были, а сейчас утверждаете, что их у вас нет! – Я вырвалась и с упреком взглянула на лжеца. – Если вы начинаете наши отношения с вранья, то нам с вами не по пути! Пошел вон отсюда, лгун и мерзавец! Терпеть не могу врунов и обманщиков!

Если бы авторитет падал с характерным звуком, то мы бы сейчас все вздрогнули от громкого «ба-а-абах!».

– Простите меня, пожалуйста... Я вас умоляю... Я был ослеплен своими чувствами и даже не знал, что говорю... – взмолился преподаватель, бухаясь на колени.

Терпеть не могу, когда мужчина ведет себя как...

«Куда, интересно знать, делся нормальный мужик? И откуда, интересно знать, взялась эта тряпочка?» – меланхоличным голосом спросила у меня совесть, оборачиваясь плюшевым осликом Иа.

Я сделала шаг назад, но он вцепился в мой подол и пополз за мной. Я сделала пару шагов вправо, бедняга полз за мной, не вставая с коленей. Через пару минут подобных маневров я заявила:

– Отлично! Теперь можно на уборщице сэкономить! Пол чистый! – заметила я, вырывая подол своего платья. – А теперь снимай штаны!

Я думала, что эта просьба немного обескуражит соблазнителя, но он рьяно принялся ее выполнять, приговаривая:

– Да, моя госпожа... Накажите вашего раба! – бормотал он, обнажая пушистые ноги и семейные трусы. Семейные трусы вызвали тихое «хи-хи» в группе. Все смотрели и ждали, что же будет дальше. Ну что, господа студенты, забудьте все, чему вас тут учили!

Я вырвала у него из рук штаны и бросила их на пол. Контрольная промывка! А что вы хотели? Я протерла доску, на которой мелом была

нарисована голая женщина во всех анатомических деталях и подробностях. Вытерла заголовок темы: «Эрогенные зоны на теле женщины. Принципы и особенности их размещения». «Ху из он дьютитудей? Ай эм э дьютитудей!» После того как черные штаны частично превратились в белые, я торжественно вручила их обладателю, который переминался с ноги на ногу.

– Все, надевай! Теперь можно принимать комиссию! – радостно проинформировала я. – А то доска грязная, пол не вымыт! Стыдоба! Сейчас сюда придет сам князь тьмы, а у вас тут бардак!

Повисла неловкая, но очень тревожная пауза. Через пару мгновений отчаянный крик с галерки радостно возвестил, что вертел он такой экзамен на детородном пальце и по часовой, и против часовой стрелки. Я мысленно с ним согласилась. Панические настроения нарастали. Преподаватель, который только что отошел от произошедшего, сам понял, что сегодня – не самый удачный день для экзамена, а я – не самая лучшая кандидатура для соблазнения. Он уже хотел послать за старухой Изергиль, а меня, как свидетельницу и виновницу его позора, выставить за дверь, но тут дверь открылась, и на пороге возник... мой... муж в сопровождении целой свиты.

Он одет был в черное, словно пришел не на экзамен, а на похороны. Так оно и было. Если экзамен будет проходить в том же духе, то на учебном заведении можно смело ставить крест. А если он узнает, что тут было буквально пару минут назад, то кому-то с подозрением на шизофрению придется рыть себе ямку. Эдмон Дантес, он же узник замка Иф, сжимая в руках ложку, на которой налипли комья грязи, оближет ее с горя, глядя на то, как ловко и быстро работают грамотно мотивированные профессионалы.

На голове моего дражайшего супруга красовалась злоеца черная корона, которая меня немного смутила. Получается, что пока я тут честью рискую и совесть мучаю, он расширяет границы империи. Ну, хоть бы весточку дал, мол, жив-здоров, цел-невредим, скоро вернусь, и все такое! Или он отправил открытку на фоне ада, но злые почтальоны вскрыли конверт и повесили ее на стену вместо корпоративного календаря?

– Вадим! – возмутилась я, направляясь в сторону мужа с горячим желанием узнать, когда, где и при каких обстоятельствах ему переломали все пальцы и вырвали язык, что он не мог сообщить мне ни в устном, ни в письменном виде, где его черти носят. Другого объяснения у меня не было! – Ну наконец-то я тебя нашла! Пойдем отсюда, хватит играть в «Диабло» и косплеить Люцифера! – заявила я, останавливаясь прямо перед ним.

– Ты кто такая? – спокойным и холодным голосом обратился ко мне

мой благоверный. – И как ты смеешь так со мной разговаривать? Что это за неподобающий и неуважительный тон?

Я обомлела. Ничего себе! Тут прошло всего лишь три-четыре дня, а он уже забыл, как меня зовут! Вот это номер!

– Я – твоя жена! – сказала я, демонстрируя ему обручальное кольцо на безымянном пальце. – Мы с тобой поженились в нашем мире и собирались сыграть свадьбу в этом, но что-то не сложилось с конкурсами. И ты вместо меня в моем облике отправился в Подземелье, дабы всем доказать, что я достойна стать твоей женой! Припоминаешь?

– Ты ошиблась, девушка. Я – не твой муж... – холодно ответил мне его темнейшее, присаживаясь на подготовленное для него кресло. О да! Я знаю этот взгляд. Сейчас легким движением руки его мания величия перерастет в мою манию преследования.

«Ты ошиблась, солдатка. Не Назар я!» – передразнила его совесть. «Свадьба в Малиновке» только что получила свой долгожданный ремейк. Правда, в виде мексиканского сериала, где обязательно присутствует родственник – кладезь полезной и важной информации, который страдает амнезией или валяется в коме. И вот как только он придет в себя, так сразу из шкафа начинают вываливаться все скелеты. Это обычно происходит в предпоследней серии, дабы последнюю серию посвятить свадьбе главных героев. Но в нашем ремейке память и совесть потерял главный герой. А может быть, он просто прикидывается? От последней мысли мне стало очень гадко.

«Что-то с памятью моей стало, все, что было не со мной, помню!» – пропела совесть густым басом.

– Сима, – осторожно прошептал Огрызок, вылезая из моего декольте. – А вы точно собирались пожениться? Просто меня начинают терзать смутные сомнения... И я начинаю жалеть, что связался с вашей семейкой! Если б не было тебя...

Совесть уже открыла рот, чтобы продолжить мысль строчкой из песни Джо Дассена, но тут же получила по голове и прикусила язык.

– Заткнись! – тихо и злобно заявила я, запихивая своего пассажира обратно.

Когда комиссия расселась, я поняла, что выхода у меня нет. Экзаменатор тоже понял, что еще немного, и распрощается с почетной должностью преподавателя. Штаны он уже успел надеть, но вид у них был уже очень непрезентабельный. Ничего, мужик, то ли еще будет! Боюсь, что ты их не отстираешь потом...

– Ит-т-т-так! Государственный экзамен объявляется открытым!

Уважаемые студенты, будьте так любезны поприветствовать его величество короля ада... – пролепетал преподаватель, присаживаясь на стул.

Студенты рьяно стали аплодировать и вскакивать с мест. А мне куда деваться? Неужели придется изображать учебное пособие? Я прямо-таки ощутила духовное родство со скелетом в кабинете биологии. Хотя, может быть, он просто прикидывается? Может быть, он на меня обиделся, увидев в таком месте и в такой компании? Если он меня до сих пор любит, то вряд ли ему будет приятно смотреть, как ко мне пристают какие-то мужики. С одной стороны, хотелось дать деру, а с другой – мужа-то своего я нашла... И что дальше? Если он меня знать не знает и видеть не хочет, то на какой тогда икс я продавала душу? И на какой игрек меня понесло в ад? Пока я решала задачу с двумя неизвестными, ко мне уже подошел первый студент. Он заметно нервничал и даже попытался достать из кармана шпаргалку. Мы начинаем КВН...

– Зд-д-дравствуйте... – пролепетал он, оглядываясь на преподавателя. – А вашей маме зять не нужен?

Вау! Мой любимый вопрос!

– Лучше спроси, куда предыдущего дели? – мрачно буркнула я, глядя на трясущиеся руки студента.

– Куда предыдущего дели? – робко поинтересовался он, теребя бумажку.

– Съели! – в рифму ответила я. – Мясо на рынке нынче дорогое... А маме страсть как пельмешек захотелось!

Бедняга погас, выронив шпаргалку из рук. Разговор явно не клеился, хотя столь мощный вопрос, по мнению студента, должен был меня обескуражить и ввести в многообещающий, пахнущий свадебным тортом и поздравлениями экстаз.

– С вами все в порядке? – участливо спросил меня бедняга, чувствуя, что сейчас я нахожусь в расстроенных чувствах и не в самом лучшем расположении духа.

– Да... – рассеянно ответила я. – Просто руки болят...

– Отчего? – уцепился за мой ответ студент, словно утопающий за соломинку.

– Семьдесят восемь килограммов на мясорубке крутила! – огрызнулась я. Студент понуро посмотрел на комиссию и пошел на свое место. Тут же на импровизированную сцену поднялся следующий доброволец.

– У вас такая красивая грудь... Вы знаете, в наше время такая редкость встретить девушку с натуральными формами! Надеюсь, это не силикон? –

решил рубить с плеча хамоватым тоном следующий кандидат на пятерку и диплом.

– Это силикат! С утра приклеиваю, вечером отклеиваю! Руками не трогай, а то, не дай бог, отвалится! – вздохнула я, глядя в спину удаляющемуся соблазнителью. Некст, плиз!

– Девушка, вы сегодня настолько прекрасны, что я решил посвятить вам стихи! Вы только послушайте! Я вас увидел и влюбился! И в моем сердце есть мольба! Я б тотчас же на вас женился... – красивым голосом прочитал стихи горе-поэт.

– Отвечу в рифму: «Не судьба!» – мрачно закончила я корявые и пафосные стихи.

– Неужто слышу я отказ? – заливался поэт соловьем. – Вы так жестоки и прекрасны!

– Скажу вам, дорогой, напрасно вы тут впадаете в экстаз! – продолжила я экспромтом.

– Не может быть! Я был отвергнут? С разбитым сердцем прочь уйду! В пучину горя я повергнут... – продекламировал поэт, а мне этот театр уже изрядно надоел.

– Послушай-ка! Иди в... – злобно поставила жирную и нецензурную точку в этой корявой поэме о неразделенной любви. Все эти потуги меня не просто бесили, а еще отвлекали от раздумий, что же теперь делать. Мужа вроде бы нашли, но осадок остался...

Следующий кандидат на диплом государственного образца сразу же сделал самое суровое лицо, подошел ко мне уверенным шагом и тут же схватил за кисть руки.

– Ты будешь моим саббуфером! – голосом заправского подонка произнес он.

– Чи-и-и-во? – спросила я, представляя огромный черный ящик акустической системы. – Твой штекер не дорос до моего разъема!

– Тьфу ты! Сабмиссивом! – исправился он, чувствуя, что весь эффект уже испорчен. – Я уже приготовил для тебя поводок!

И вправду, он достал кожаный поводок и ошейник. Абалдеть!

– Сворачивай свой поводок! – отрезала я. – А то сейчас у тебя будет короткое замыкание!

Еще один студент подошел ко мне, достал нож и приставил его к своей руке, мол, если я не соглашусь быть его, то он вскроет себе вены.

– Скажешь, когда будешь резать, чтобы я в сторонку отошла. Не люблю, когда на меня кровью брызгают! Потом ее ничем не отстираешь! – раздраженно ответила я, глядя, как неудавшийся самоубийца опускает нож.

Суицидальный романтик удалился за парту, прихватив свое орудие самоубийства, которым сразу же стал вырезать на столешнице: «Все бабы – твари!»

Больше желающих не было. Я наконец-то могла погрузиться в свои мысли относительно моего безрадостного положения брошенной и забытой жены. Экзаменатор подбадривал студентов выйти и показать свой уровень подготовки, но желающих не было. Все были согласны на пересдачу с кем угодно, когда угодно и как угодно! Но только не со мной.

И тут я краем глаза увидела, как мой муж встал с места и обратился к экзаменатору. Из-за шума возмущенной аудитории я так и не расслышала о чем они говорили, но краем глаза заметила, как он идет ко мне. Мое сердце дрогнуло, и я почувствовала слабость в ногах.

– Теперь моя очередь... – сказал он спокойно.

Это нечестно! Это провокация! Нет! Я отказываюсь! Я сделала шаг назад, чувствуя, что сейчас будет то, что мне в страшном сне не приснится!

Я уже смотрела в его глаза и чувствовала, что такого я не вынесу.

– Все хорошо, – улыбнулся он. – Не волнуйся! Я понимаю, зачем ты сюда пришла и что ты хочешь этим добиться! Ты хочешь заставить меня ревновать, не так ли?

Я сглотнула и настороженно посмотрела на его лицо. Чуйка орала до хрипоты, что где-то здесь есть подвох, а сердце надело наушники и слушало тяжелый рок.

– Нет! – сказала я, пытаюсь понять, вспомнил он меня или просто хорохорится перед студентами.

Мой забывчивый муж молча обнял меня, и я почувствовала, как по щекам текут слезы. Сами, произвольно... Я обняла его и прижалась щекой к его груди. Наконец-то! Теперь все будет хорошо...

– Успокойся... Сейчас мы отправимся в мой дворец, где с тобой будут обращаться как с настоящей королевой... – шептал он мне на ухо. – Ты будешь моей королевой... И никто никогда не разлучит нас с тобой...

Я молча плакала. Неужели он вспомнил меня? Неужели мы вернемся домой и я забуду это приключение, как страшный сон?..

– Смотрите и учитесь! – сказал он надменным и холодным голосом, обращаясь к аудитории. – Но я прошу вас, уважаемый преподаватель, не судить студентов строго. Этой красавице нужны только власть и деньги. Так что, ребята, слушайте мой совет. Неважно, как вы выглядите, неважно, что вы говорите. Если у вас есть власть и деньги – любая женщина будет вашей. Даже не сомневайтесь. Видели, как эта дамочка растаяла в моих объятиях? Делайте выводы. Поставьте всем отлично и выдайте дипломы...

Я отшатнулась от него, не поверив своим ушам. Не может такого быть! Слезы на глазах моментально высохли.

– А вы, моя продажная красавица, примите мою... – начал мой муж и тут же вынужден был замолчать, потому как я его ударила. В лицо. Со всей силы. Понимаете, раньше мне никогда никого не приходилось бить... Тем более в лицо... Но тут я не смогла сдержаться и ударила. Я не знаю, насколько сильным был удар, но рука моя гудела, а на его губе выступила кровь.

Я сглотнула и тут же сделала шаг назад, понимая, что дальнейшее развитие событий предсказать совсем несложно.

– Вот это ты зря... – прошептал Огрызок, выпрыгивая из моего декольте.

– Да как ты посмела! – закричал мой супруг, вытирая пальцем кровь. – Тебя за это ждет долгая и мучительная смерть...

Упс! Где-то уже я это слышала... Я пошарила глазами в поисках пути к спасению, но тут же почувствовала, как мое горло сжимает рука в черной перчатке.

«Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – спросила меня совесть, но я ей не смогла ответить. Мое сознание поплыло...

Глава 16

Мастерами кунг-фу не рождаются, или Мальчик хочет в табло

Мне удалось разлепить глаза и даже пошевелить рукой. Где-то что-то противно капало, действуя на нервы. Первая мысль была, что я недозакрыла кран в ванной, хотя какая тут ванная? Не могла я довести свою квартиру до такого состояния! Темно, сыро и холодно. Неужто родной ЖЭК опять ставит эксперименты на людях в разгар отопительного сезона? Немного придя в себя, я поняла, что, несмотря на схожесть габаритов моей квартирки и этого места, это все-таки не она. У меня дома отдельный санузел, а здесь он представлен старым деревянным ведром.

Ну конечно, я в темнице. Вспоминая события недавнего прошлого, я поняла причину, по которой мое тело покоится на цементном полу. Правая рука гудела так, словно недавно я выиграла чемпионат по боксу, нокаутировав действующего чемпиона мира в супертяжелом весе. Поскольку заветного пояса на мне не было, значит, я либо не смогла его снять с тела поверженного врага, или все-таки по мордасам получил явно не чемпион и снимать с него было явно нечего.

Ничто так не болит, как отбитые костяшки пальцев. Мне повезло. Меня хотя бы не били... Радует. Мои косточки хрустели так, словно я только что умудрилась уснуть и проспять всю дорогу в автобусе дальнего следования с дьявольски неудобными сиденьями. Ну по крайней мере, я еще жива.

Шея болит. Не помню, чтобы меня пытались причислить к декабристам или отправить по стопам Айседоры Дункан. Ах, вспомнила. Муж пытался меня задушить. И явно не в объятиях, что самое обидное. Эх, есть ли в аду телефон доверия для женщин, пострадавших от насилия? Судя по тому, что здесь нет мобильной связи, дозвониться оператору и пожаловаться на жестокое обращение с собственной персоной мне не удастся.

Шмыгнув носом и обхватив колени, я села думать. Раздумья мои сводились к извечным мыслям «Кто виноват?» и «Что делать?». Допустим, это мой благоверный. Если это действительно он, то мой заготовленный список претензий расширяется еще на два пункта. Минимум. Я прокрутила в голове все события, которые произошли за считанные минуты. Он, зуб

мудрости даю. Я узнала его запах. И амулет я отчетливо видела на шее. Значит, дружок, ты доигрался. Теперь осталось выяснить, как ему удалось забыть меня за три дня. Моя подружка Машка из того мира, самый отходчивый человек на свете, убивалась по своему очередному хахалю неделю. Это ее личный рекорд. Обычно она впадает в депрессию на месяц, а то и на два. Значит, тут дело не в обиде. Здесь что-то другое. С чего бы моему супругу не вернуться на собственную свадьбу, инициатором которой он сам и был? Бросить жену, бросить страну, в которую он вложил десять лет своей жизни, чтобы изображать местного Люцифера? Узнать бы, в чем дело... И где Огрызок? Где этот маг крысиной наружности? Неужели трусливо слинял под шумок? Кстати, и где мой бессменный и бессмертный телефон? Между прочим, он пять тысяч рублей стоил! Так, где я его последний раз видела?

Пришлось вывернуть корсет почти наизнанку, чтобы достать любимый телефончик, оставивший отпечаток себя на моем исхудавшем теле. Ну, хоть не скучно будет! В голове промелькнула шальная мысль, а что, если сделать подкоп неубиваемым телефоном? Как граф Монте-Кристо? Зря я над ним смеялась... Мужик ложкой вырыл туннель! Ложкой! Если бы он снял ролик и выложил его на Ютубе, то миллиард просмотров был бы гарантирован! Это гораздо полезнее и занимательнее, чем попытки очередного чувака в адике три полоски показать, как он умеет мастерски прицельно сплевывать сквозь выбитый зуб. Или ролик, где какой-то товарищ дрожащей рукой снимает НЛЮ с балкона собственной квартиры. Кстати, о тарелочках!

Может, моего супруга внезапно похитили инопланетяне, отформатировали ему мозг и выпустили на волю сеять мудрое, доброе, вечное? С таким убийственным потенциалом дату апокалипсиса можно смело переносить на ближайший уик-энд и брать на работе отгул, чтобы насладиться последним выходным в своей жизни, созерцая невиданные масштабы разрушений.

Сейчас меня преследует чувство, что меня поймала контуженная в колено стража из «Скайрима» за кражу помидора, и мне, как и Довакину, несмотря на все мои заслуги, теперь век воли не видать. Кстати, о помидорчике... Покушать бы не мешало, а то я тут на вынужденной диете с нерегулярным питанием усохну с нормального телосложения до болезненного теловычитания.

– Эй! – крикнула я в темноту. – Расписание кормежки в студию!

Может, какой-нибудь охранник услышит?

– Смертникам кормежка не полагается! – услышала я ответ с

задержкой в полминуты.

Нет, ну я так не играю! Я рассчитывала на трехразовое питание за государственный счет и последний звонок! Или, может быть, он считает, что диета полезна женскому организму? Тут народ двадцать четыре часа в сутки работает, по-любому какие-то налоги должны платить! Стоп! Меня тут еще и казнить собрались? Здорово! Задела я, чувствую, за живое. Как обычно... Костяшки пальцев подтвердят.

– Не подскажите, когда, где, как и при каких обстоятельствах пройдет это очень важное в моей короткой, но очень яркой жизни мероприятие? – поинтересовалась я, немного удивляясь суровости наказания. Я надеялась отделаться а-та-та, а тут прямо сразу секир-башка намечается.

– Так, вы тут уже два дня... Завтра – суд, а послезавтра – казнь. Но может быть, и раньше, – будничным голосом, словно зачитывал программу передач на сегодня, заявил невидимый охранник.

Это я нормальненько отоспалась! Теперь бы отъесться не помешало... Ладно, есть у меня один козырь в рукаве. Я мысленно составила трек-лист самых заунывных песен. Запускаем секундомер.

– И-и-и-и а-а-а-й ш-у-у-уд сте-е-е-е-ей... Ай вил он лив и ен... Ё вэй и-и-и-и... – начала петь я, радуясь прекрасной акустике. – Энд ай-и-и-и-и вил олвэйз лав ю... У-у-у-у-е! Вил олвэйз лав ю-ю-ю-ю...

Даже для меня, считай, заслуженной артистки империи, обладательницы самой престижной музыкальной премии (по блату, разумеется), эта песня была сложна и почти неисполнима. Процент попадания в ноты составлял ноль целых хрен десятых, но поскольку мои невидимые слушатели вряд ли были знакомы с оригиналом, то даже мой пронзительный кавер должен вогнать их в музыкальный шок. На очереди были многие хиты современности. Время бежало, а я как раз неплохо распелась.

– Да заткните ее кто-нибудь! Это что – новая пытка? – заорал сиплый голос, пытаюсь перекричать меня. Первый пошел. Сколько у нас натикало? Пять минут? Слабо, слабо, господа заключенные. Сейчас проведем перепись населения темницы вслепую. На следующей песне сдались сразу двое. Тут понятно, люди казни ждут, нервы на пределе...

– Когда ее казнят? – заорал кто-то в темноте.

– Послезавтра! – проинформировала я, допевая «Я свободен» Кипелова. Пока я пела, мне удалось разложить три пасьянса и пройти два тура «Злобных птичек». На очереди были головоломки и «три в ряд». Потом меня осенила гениальная мысль сделать пару фотографий для будущего семейного альбома! Я тут же сделала селфи на фоне отсыревшей

стены со вспышкой. У меня тут фотографий уже набралось – мама не горюй! Может, мужу фотографии наши показать? Авось припомнит, где и при каких обстоятельствах они были сделаны? Хотя сомневаюсь, что при следующей встрече он изъявит желание посмотреть наш семейный альбом.

– Друзья! – успокаивал всех чей-то хриплый голос. – Нам нужно подождать до послезавтра. Послезавтра ее казнят...

– Чё? – переспросил какой-то писклявый голос. – Я просто уши заткнула, чтобы не слышать этого кошмара...

– Казнят ее послезавтра, говорю!!! – выкрикнул хриплый голос. – Глухих повезли!

– А... – раздался глубокомысленный ответ. – Как здорово, что меня казнят через три часа!

– Везучая! – вздохнул сиплый голос.

Сквозь злобные комментарии и отчаянные возгласы вынужденных фанатов моего пения я услышала, как кто-то спускается по ступенькам и звенит ключами.

– Что вы так разорались? – раздался хамоватый и возмущенный голос охранника. Да! Мне тоже интересно! Такое чувство, будто тут в каждой камере сидит заключенный с высшим музыкальным образованием!

– Она поет! – заорал хриплый голос. – Это просто нечто ужасное!

– Не поет, а воет! – подтвердил сиплый голос. Дальше все стали дружно жаловаться на мою скромную персону, а точнее, на матушку-природу, наделившую меня столь незаурядными вокальными данными.

– Я тут требования выдвинула, а мне отказали! – пожаловалась я, допевая, но не вытягивая до конца самую известную песню Витаса. В горле чуть-чуть першило, но сдаваться было еще рано. Шла тридцатая минута моего концерта.

– Понимаете, я молчу, только когда ем. А поскольку мне сообщили, что для смертников еда не полагается, то я решила насытиться если не физической, то духовной пищей, – пояснила я, утыкаясь в свой телефон. – На чем это я остановилась? А! Сорри! Я за ним упаду в пропасть! Я за ним, извини, гордость! Я за ним одним, я к нему одному!

Охранник молча удалился, а минут через десять я снова услышала шаги. Дверь моей камеры, судя по звуку, открылась, и кто-то поставил тарелку на пол. О! Вот это я понимаю – сервис! Итак, что у нас в меню? Судя по запаху что-то вполне съедобное... Тэкс... Хлебушек я нащупала... А это супчик? Отлично! Даже ложечка плавает в супчике? Какие же вы умнички! Ну что ж... Приступим. Кому же в ум придет на голодный желудок составлять план действий? Супчик, правда, далеко не шедевр.

Надо будет спросить рецептик. На случай, если мне удастся выбраться отсюда и вытащить своего забывчивого мужа. Будьте уверены, что первые три, а то и четыре месяца он будет хлебать именно такой супчик, причем на завтрак, обед и ужин. Я найду самую большую кастрюлю, которую только можно достать во всей империи, и, чтобы каждый день не напрягаться, наварю этой юшки с очистками сразу на месяц. И никакие мольбы и грустные эльфийские глаза не разжалобят мою черствую, как этот хлебушек, душу.

– Спасибо! – радостно сообщила я. – Можете забрать тарелочку! А рецептик можете продиктовать? Очень нужно!

– Картофельные очистки, морковные очистки и какое-то мясо! Ах да! Совсем забыл! Ложка старой крупы! – заявил тюремщик, забирая миску и ложку. Ложку он проверил отдельно, а то вдруг я буду ею туннель копать? Нет, дружок, раскопки подождут. Сейчас мне поспать охота...

Я улеглась на пол, мысленно прикинув, что первая мрачная ночь у нас пройдет порознь. Я буду нежиться в кровати, а он будет мучиться на полу. Причем половичок ему не полагается... Стоило мне только устроиться поудобнее, подложив руку под голову, по мне пробежала крыса.

– Огрызок, ты, что ли? – поинтересовалась я у крысы, но та мне не ответила.

Я изловчилась и поймала ее за хвост. Посветив на нее телефоном, я убедилась, что это точно не мой крыс. Ладно, попробуем уснуть. Снилось мне какая-то бредятина. Мой воспаленный мозг несколько раз прокрутил мне мой дебют в местном бойцовском клубе под некогда очень мною любимую песенку «Мальчик хочет в табло». Потом откуда-то из глубин подсознания выплыл фильм «Еще одна из рода Болейн», в котором славный король Генрих Очередной придумал замечательный способ красиво и изящно намекнуть девушке, что отношения закончились, путем отсечения головы. После этого кошмара мне стало сниться, как я варю тюремную баланду в огромной кастрюле. Пробовать содержимое кастрюли мне не хотелось, поэтому ингредиенты я сыпала на глазок. Солила тоже. И вот теперь я задумчиво рассматривала бурлящее на огне варево, на глаз пытаюсь определить степень готовности.

«Горячо сыро не бывает!» – вздохнула совесть, внезапно проснувшись.

Если честно, то даже это блюдо пахнет чуть лучше, чем то, что я обычно готовлю. Но все-таки фу!

«Кунг-фу! – отозвалась совесть и тут же спела: – Мастерами кунг-фу не рождаются... Мастерами кунг-фу становятся!»

Ладно, я уже свой стиль кунг-фу, который называется «Думай, что

говоришь» или «Месть обиженной жены», уже продемонстрировала. Интересно, как это я так умудрилась губу ему разбить? Ах да! Неснимаемым обручальным кольцом с бриллиантом в до фига и больше карат. Сам подарил... Сам виноват! Это чтобы в будущем ко мне претензий не было.

И тут меня что-то прихватило. Вроде бы шутки шутками, но на самом деле все далеко не так весело, как может показаться на первый взгляд. Знаете, чего я боюсь больше всего? Нет, не казни. Боюсь услышать: «Сима, прости... Я не люблю тебя... Мне показалось, что я люблю тебя, но это не так...» Из глубин души поднялся мутный ком обид и тревог, а на глаза выступили слезы. Я стиснула зубы, чтобы не заплакать.

«Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа...» – прочитала наизусть совесть стихотворение Маяковского, которое я с переменным успехом сдавала в девятом классе. Слезы потекли из глаз, но я прикусила палец, чтобы окончательно не разрыдаться.

«И не замечают, как плачет ночами та, что идет по жизни смеясь...» – вздохнула совесть, вызвав у меня горький смешок столь удачным сравнением. Ущипните меня кто-нибудь и скажите, что это дурной сон! Ай! Не укусить, а ущипнуть! Я еще живая, так что не надо тут зубы распускать!

– Огрызок? – встрепелась я, поднимая голову. – Если ты сейчас не отзовешься, то пеняй на себя!

– Я, – раздался знакомый голос, вызвав у меня вздох облегчения.

Ну, наконец-то! Я уже думала, что этот розовый поганец бросил меня тут умирать!

– Я смотрю, ты рада меня видеть! – съязвил крыс, забираясь мне на плечо.

– Я рада, что это не какая-то незнакомая и тифозная крыса – переносчик всевозможных инфекций! Ты же у меня чистенький, блошек самостоятельно ловишь... Где дотягиваешься. А где не дотягиваешься, там они сами дохнут! – ехидно ответила я, вытирая слезы. – Где ключи от камеры? Почему они еще не у меня?

– Ха-ха! Смешная шутка, я просто живот порвал... Итак, времени у нас немного! Слушай меня внимательно и не перебивай! Да, это действительно он. И он на самом деле ничего не помнит, как ты уже догадалась. Но дело не в том, что кто-то из скелетов в Подземелье его слегка пристукнул по голове... – Огрызок сделал паузу, словно ожидая, что, несмотря на требование не перебивать, я сама озвучу догадку.

– Дело в голове? – тоскливо спросила я, понимая, что больной на голову муж – это удовольствие для жены с крепкими нервами, владеющей

навыками самообороны. А мои нервишки уже изрядно расшатаны, да и рукоприкладство я обычно не практикую.

– Бери выше и смотри внимательней! – довольным голосом заявил крыс.

Я на секунду задумалась. Что мне не понравилось сразу? Что меня смутило и вызвало некоторую тревогу? Ну конечно, корона. Черная корона на его голове...

– Ты имеешь в виду корону? Ну, как тебе объяснить, если ты не в курсе... Он и раньше носил корону... Не думаю, что она так сильно сдавила его голову, что вызвала расстройство памяти и обострение мании величия! – заметила я, ожидая услышать версию Огрызка.

– Да, дело в ней. Не буду вдаваться в подробности, скажу вот что. Это не обычная корона. Не ею владеют те или иные правители. Она владеет ими. Стоило ему по глупости или из-за собственных амбиций надеть ее на голову по праву сильнейшего, как корона овладела им. Идеальный король, не имеющий никаких чувств, никаких привязанностей и воспоминаний, которые могли бы как-то влиять на решение вопросов государственной важности, – сообщил довольный Огрызок и тут же добавил: – Ловко ты его приложила. Честно, я даже не ожидал такого поворота.

– И? И что дальше? – нетерпеливо спросила я, наседая на крысу. Где-то в глубине души буря постепенно стихала, но до пения птичек было еще далеко. – Я так понимаю, что стоит содрать с него корону, так он сразу все вспомнит и можно будет спокойненько возвращаться домой и доедать свадебный торт? Заодно можно вернуться в мой мир и захватить «Лоперамид» для одного страдальца, если он еще жив... А может, подождать, когда он ее снимет, и стащить под шумок?

«Пятачок! Неси ружье!» – радостно потерла руки совесть. «Лучше лопату! Ею я точно не промахнусь!» – взбодрилась я, прикидывая, какая нужна длина черенка, чтобы я могла осуществить свой план и успеть отбежать на безопасное расстояние.

– Ага! Держи карман шире! – усмехнулся крыс, радуясь моей доброте. – Если бы все было так просто...

– Он что? В туалет и в душ тоже в короне ходит? – изумилась я, представляя, каково это – мыть голову в короне. По поводу душевных посиделок на керамическом троне я не сомневаюсь. Тут она очень даже уместна. – И спит он тоже в ней? Она ему на череп не давит?

«Это я потому был такой злой, что мне корона на череп давила и я не высипался! А как только ты поможешь мне ее снять, я сразу добреть начну!» – Моя совесть приняла облик моего мужа с перевязанной бинтами

головой. Судя по его виду, я уже помогла ее снять. И, возможно, даже лопатой.

– Тут дело в особом рода связи владельца и магического предмета. Единственный способ ее снять – это оспорить его право на трон! – сообщил Огрызок, ожидая моей реакции. Я сразу представила, как подхожу к нему и заявляю, что тоже хочу ее поносить немного! Ну, позя-зя! Ну, милый, не будь такой жадиной-говядиной! Или закатываю тут революцию с катанием на воротах ада!

– Прости, меч я потеряла, пока мы с тобой искали улицу Уныния, – грустно сообщила я, чувствуя, что никак не тяну на героя, который бросит вызов самому князю тьмы. – Помню, прислонила его к какой-то стеночке и забыла, к какой конкретно! Может быть, турнир по шашкам устроить? Или в картишки сыграть на раздевание? Есть вероятность, что я обую его в «Героях IV», но если он выберет «Warcraft», то я – пас.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, но чувствую, что ты меня не совсем понимаешь... Ладно, – замялся Огрызок. – Есть один вариант. Тебе он, разумеется, не очень понравится, но... Тебе нужно бросить ему вызов и продержаться шесть дней. Корона переходит либо по праву сильнейшего, либо по праву хитрейшего.

– Ха! С моим-то везением! Пара пустяков! – радостно заявила я, недоумевая, почему этот замечательный план мне должен не понравиться? Это куда лучше, чем быть живой мишенью в магическом поединке.

– Да, но у тебя везенья-то на пять дней осталось... Я специально все посчитал. В аду время течет немного иначе. Так что у тебя есть пять дней. Через пять дней к тебе явятся по твою душу... Ладно, все равно другого выхода я не вижу! – обрадовал меня крыс. – Итак, сегодня тебя отведут к нему на суд. Или на последнее свидание, как тебе удобнее. Как у обреченной на смерть, у тебя будет право на исполнение последнего желания. И как ты думаешь, каким оно должно быть? А? Ты должна загадать его еще до тех пор, как бросишь ему вызов? – спросил меня мой розовый друг, надеясь на то, что в последнем шоу «Экстрасенсы» победила все-таки я.

– Понятия не имею... – разочаровала я своего учителя.

– Ты попросишь у него, чтобы он снял с меня его же собственное заклинание! – сказал крыс. Стоп! А вот с этого места поподробнее...

– То есть он тебя превратил в крысу? – с сомнением спросила я. Так вот почему, когда у Огрызка была возможность обратиться к его величеству напрямую, он не стал ее использовать. Он решил действовать через меня обходными путями. У нас что сегодня? Вечер откровений?

– Да. И, находясь в трезвом уме и твердой памяти, зная его, я понимаю, что твой муж меня просто так никогда не расколдует! – поделился наболевшим бессовестный зверек. – Я не буду вдаваться в подробности, как это было. Возможно, лет через триста, когда буду писать мемуары, я посвящу этому пару абзацев. Но факт остается фактом. Он на меня сильно обижен. Мы немного не сошлись во мнениях в одном щекотливом вопросе, касающемся его неумных амбиций. А тот Годвин, с которым тебе удалось познакомиться, – это специально обученная крыса, которую я сам некогда превратил в человека, научив парочке магических трюков. Для того чтобы он изображал меня перед посетителями, которыми мне очень не хочется заниматься. Шляются по мелочам, то зелье от прыщей подавай, то примочку от комариных укусов. Отвлекают от важной научной работы.

– Знаешь, после твоих слов мне почему-то начинает казаться, что амулет тоже нашелся не случайно... – обиделась я, понимая, что меня бессовестно надули. Я понимаю, что можно было бы задуматься над этим раньше, но как-то времени не было.

– Думай что хочешь. Но в твоих интересах расколдовать меня, пользуясь правом последнего желания! – очень довольным голосом произнес крыс, явно предвкушая возможность вернуться в нормальный облик.

Я крепко задумалась. Но думала я недолго, ибо меня немного отвлекли шаги, которые раздались прямо рядом с моей камерой, скрип ключа и голос, торжественно мне возвестивший, что меня ожидает суд.

– Не понимаю, зачем нужен суд, если приговор уже вынесен? – возмутилась я, поднимаясь на ноги, чтобы проследовать за охранником.

– Для галочки, – простодушно ответили мне, надевая на руки кандалы. Интересно, судимость будет значиться в моей трудовой книжке? А то вдруг потом на работу устроиться не смогу!

– А не уточните ли вы, какой вид казни меня ждет? Повешение? Обезглавливание? – поинтересовалась я, чтобы хоть немного морально подготовиться к предстоящему событию.

– У нас для женщин повешение и обезглавливание не практикуются. Для женщин у нас исключительно костер! – проинформировали меня, пока мы шли в сторону зала суда. Ничего! Сейчас я немного промаринуюсь, чувствуя, как пот стекает по моему виску, а потом можно и на шашлыки. Мы с мужем еще ни разу на шашлыки не ездили.

Глава 17

Умерит любые амбиции священный костер инквизиции

На последнее свидание мне очень хотелось попасть, а вот на суд – нет. Но так уж получилось, что эти два события чудесным образом совпали и по месту, и по времени, словно свадьба и поминки в одной очень жадной столовой общественного питания, где работает бессердечный и забывчивый администратор. В итоге крики и вопли рассерженных родственников виновников торжеств были слышны в радиусе двух кварталов от горячей точки. Но тут уже ничего не поделаешь. Бронь уплачена, еда приготовлена, мероприятия уже никак не отменишь.

На черном троне, дизайн которого разрабатывал явно гот-некрофил, украшенном человеческими черепами и косточками, почему-то выкрашенными в черный цвет, в алом плаще с черным подбоем, в готишном сюртуке с воротничком-стоечкой, восседал мой супруг, привычным движением закинув ногу на ногу. Черные штаны и высокие сапоги, как всегда, шли к нему в комплекте. В каком бы образе он ни был, высокие сапоги были неотъемлемой частью его имиджа. Не хватало только рогов и хвоста. Не знаю, как насчет хвоста, но вот с рогами ему явно не повезло. Я оказалась верной женой, поэтому здесь хвастаться было нечем.

Я осторожно достала телефон и, пока тюремщик докладывал о том, что привел особо опасного преступника, а точнее, преступницу на суд, сделала парочку фотографий для семейного альбома. Телефончик мой и в огне не сгорит, поэтому у моего мужа, в случае если все пойдет не по плану, будет возможность освежить память прекрасными фотографиями с пятамегапиксельной камеры. Огрызок сидел у меня на плече, предвкушая тот эпический момент, когда мне вынесут приговор.

– Пусть подойдет сюда! – раздался чуточку раздраженный голос моего мужа. Я успела подумать о том, как он будет рассказывать моей маме, что случайно сжег меня на костре, не признав в нарушительнице общественного спокойствия любовь всей своей жизни.

«Он будет посыпать голову пеплом!» – грустно сказала совесть. «Тогда пусть сразу готовит кулечек из газетки! Я могу научить его правильно его сворачивать!» – мрачно заметила я, вспоминая, как в лихие девяностые моя бабушка приторговывала семечками.

Немелодично звеня кандалами, я подошла к трону. Не знаю, как у других, но в моей семье как-то не принято сжигать на костре даже назойливых и очень наглых родственников, каждые выходные приезжающих к моей маме в гости всем семейством, с детьми и собакой, опустошать холодильник. После такого визита квартире обычно требовалась генеральная уборка, а в особо запущенных случаях – капитальный ремонт. Но до костра дело не доходило. А мы с мужем еще боремся за звание образцовой императорской семьи!

«Встать! Суд идет!» – торжественно объявила совесть. Так я и не садилась!

– Твое лицо мне кажется знакомым! – сказал мой муж, прищурив глаза, словно пытаюсь вспомнить, где же это он видел меня раньше? И вправду – где?

У меня даже успела промелькнуть надежда, что, может быть, пронесет и он самостоятельно вспомнит все? Ага! Надейся, жди и верь! Придется помочь ему. Освежить память.

– Это очень мило, что ты меня узнал! – буркнула я, понимая, что надежда уже скончалась в ужасных муках и источает неприятный запах, намекая на то, что пора бы взять лопату и похоронить ее по-божески. Кстати, о лопате...

– Ах да! Ты та красавица, которая посмела поднять на меня руку! – спокойным голосом произнес мой суженый, а судя по его прикиду, еще и ряженый. – Ты знаешь, что за это полагается смертная казнь?

– Меня уже просветили, – кивнула я, весьма польщенная комплиментом.

Внезапно он протянул руку ко мне и схватил мой амулет, благодаря которому и начался весь этот цирк.

– Ты где его взяла? – спросил он, с некоторым подозрением рассматривая знакомую побрякушку.

– Купила в бывшем ларьке Союзпечати вместе с пособием «Как стать властелином тьмы за один день». Продавщица уверяла меня, что у короля ада точно такой же. Вот я и повелась. Оказалось, что она мне не соврала! Правда, на три рубля обсчитала, но по поводу амулета сказала чистую правду! – саркастически ответила я, стараясь не улыбаться.

– Умничаешь? – холодно улыбнулся мой супруг, выпуская мое украшение из рук. – А зря. Я вот тут думаю, как бы смягчить тебе наказание... Например, заменить костер на пожизненное заключение! И вот если ты сейчас встанешь на колени, и будешь ползать в моих ногах, и постараться убедить меня в том, что это была ошибка, то, возможно, я

смягчусь. Ну же, начинай! И не забудь показать всю глубину своего раскаяния.

А в рот тебе не плюнуть? Рановато нам играть в ролевые игры. Мы еще в обычные игры не играли, а тут уже ролевые подавай.

«Не верь! Не бойся! Не проси!» – спела совесть, чтобы подбодрить меня. Мне тут же стало интересно, не исполняет ли она обязанности моей гордости? Пожизненное заключение? В этой пятизвездочной камере со всеми удобствами? С возможной амнистией лет так через десять в честь великого государственного праздника и хорошего настроения моего мужа? Разбежалась! Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!

– Пол грязный. Пачкаться неохота! – гордо ответила я, понимая, что последует за подобной выходкой. – Я жду не дождусь того момента, когда увижу глубину твоего раскаяния! Цветочками и открыткой «Прости, малыш!» ты уже не отделаешься! Не помогут даже плюшевый мишка с жалобными глазками и коробка шоколадных конфет, перевязанная красивым бантиком. Это я тебя на будущее предупреждаю. И если ты захочешь отделаться какой-нибудь дорогой побрякушкой, то можешь сразу выбросить ее. Советую сразу приобрести наколенники... На всякий случай.

– И кто дал тебе право дерзить мне? – поинтересовался мой супруг, глядя мне прямо в глаза.

– Тетечка с папочкой из загса по месту твоего жительства дала мне полное право появляться перед тобой без макияжа, в маске из огурца, засаленном халате и в бигудях. Также она дала мне право вредничать, капризничать и дерзить. Так что у меня есть все законные основания это делать, – улыбнулась я. – Свидетельство о браке я с собой не захватила, ксерокопию тоже, поэтому придется поверить мне на слово.

– Тогда с тобой все ясно. Знаешь, мне не хочется тебя казнить, несмотря на то что ты сделала, но ты не оставляешь мне выбора! – покачал головой мой супруг. – У тебя есть последнее желание?

Ха! Ну прямо как Санта-Клаус в американских фильмах. Сейчас заберусь к нему на коленочки и буду загадывать. Мм... Мне, пожалуйста, куклу Барби с колясочкой, маленький велосипедик с розовыми педальками, «беретту» с глушителем и годовой запас патронов. С доставкой на дом через камин, разумеется. А если спросит, для чего пистолет, то я отвечу, что я была очень хорошей девочкой, а теперь хочу стать очень плохой. И тут я почувствовала, как на плече ерзает Огрызок, мол, ты не забыла, о чем мы с тобой тут договаривались. Ладно, крыс, не дергайся, я все помню.

– Я... – почему-то в горле першило, видать, из-за сольного концерта. – Я хочу, чтобы ты расколдовал моего друга.

Я тряхнула плечом, и крыс слетел на пол. Шлепнулся он знатно, потому как ругал меня на чем свет стоит, особо не стесняясь в выражениях.

– Вот он, – уточнила я, показывая пальцем на Огрызка. Ну, мало ли, а то вдруг корона мужу так мозг сдавила, что он еще и не догадается с первого раза.

– Странное желание, – вздохнул мой супруг. – Но отказать не могу. Традиция.

Через пару секунд на месте крысы лежал, охая на все лады, один из самых величайших чародеев всех времен и народов. Осмотрев свои руки, проверив наличие хвоста, заглянув в штаны, а то мало ли что, Годфрид Винсент, или, как проще его называть, Годвин, рассмеялся, встал, отряхивая белый костюм. Судя по тому, что он был в костюме, то на прошлую встречу с моим благоверным он собирался, как первоклашка на первый звонок. Поверх его костюма был накинут расстегнутый сюртук с меховой отделкой, а венчали образ красивые сапоги с кучей серебристых застежек. В отличие от меня в грязном свадебном платье, с взъерошенными волосами, этот субъект явно готовился к аудиенции. Портрет не солгал и даже немного приуменьшил обаяние этого негодяя. На вид ему было под сорок. Темные кудрявые волосы, спадающие на плечи, с заметной проседью на висках, придавали ему благородный вид аристократа в седьмом колене, а темные глаза вкупе с обаятельной улыбкой – ореол ловеласа, которому до пенсии осталось совсем немного, но при этом он мечтает оторваться по полной и уйти на покой с грязной совестью.

– Какая прелесть! Наконец-то! Свершилось! Ура! – выдал бывший крыс, а по совместительству великий чародей, обольстительно улыбаясь. – Мадам! Целую вашу ручку... Хотя нет, она грязная. Воздержусь. Но всем сердцем выражаю устную благодарность за помощь в столь сложном и опасном деле.

– Это что еще за клоун? – удивленно спросил мой супруг, по совместительству властелин тьмы, разглядывая получившийся результат.

«Ради счастья, ради нашего, если хочешь ты его, ни о чем меня не спрашивай, не расспрашивай, не выпрашивай, не выведывай ничего!» – пропела совесть грудным голосом с эффектом «ля вибрасьон», присущим всем оперным дивам и заслуженным артисткам СССР, которые озвучивали старые фильмы.

– Тебе лучше об этом не знать. Ни сейчас, ни потом... – мрачно вздохнула я, глядя на то, как наш общий знакомый ощупывает свое лицо и волосы, словно пациент отделения пластической хирургии после неудачной операции по омоложению. Может, ему еще зеркальце принести и в

сторонку отойти?

Как ни странно удовлетворенный результатом колдун повернулся в нашу сторону и смерил нас уничижительным взглядом.

– Ах да, пользуясь случаем, хочу заметить, что мои прогнозы относительно ваших, сударь, амбиций подтвердились, – рассмеялся Годвин неприятным смехом, обращаясь к моему мужу. – Жаль, вы не помните, но был у нас когда-то разговор, который закончился явно не в мою пользу! Тогда, если память мне не изменяет, я утверждал, что ваши амбиции до добра не доведут и от них пострадают те, кто вам дорог. И вуаля! Я теперь являюсь свидетелем безобразной семейной сцены, которая, судя по моим прогнозам, закончится если не разводом, то, по крайней мере, смертью одного из ее участников. Мне очень жаль, но я взял себе за правило не влезать в семейные дела, а наблюдать их со стороны. Вы уже тут сами разбирайтесь, а я посмотрю на результат. Сима, не надо делать такие грустные глаза, я тебя умоляю! Давай расставим все точки над «ё». Я выполнил свою часть договора и помог тебе отыскать потеряшку. Это он? Он! Ты выполнила свою часть договора, попросив его расколдовать меня. В итоге мы квиты. Ладно, я и так тут задержался... Всем пока! А с тобой, Сима, я надеюсь, мы еще увидимся. Не в этом мире, так в том... В лучшем, я хотел сказать! Всего хорошего! Счастливо оставаться! Вы уж тут не ругайтесь сильно! Хотя милые бранятся, только тешатся!

И чародей вальяжной походкой направился в сторону выхода. Ремейку «Звездных войн» в нашем исполнении не удалось бы отбить в прокате даже стоимость чипсов, съеденных режиссером в процессе тяжелых многочасовых съемок. Принцесса Амидала явно имела тройку по физкультуре, потому как не успела вовремя убежать от Энакина, перешедшего на темную сторону, потому что там ему обещали пакет печенья и банку варенья. А добрый учитель и частичный виновник столь отвратительного морального падения своего падавана Оби-Ван Кеноби с удовольствием понаблюдал за столь душещипательной семейной сценой из кустов на безопасном расстоянии. Пообещав себе в будущем пересмотреть методику преподавания, делая упор на духовных качествах ученика, он неспешным шагом удалился в закат. А дальше промелькнули нечитабельные титры и появилась чья-то голова. Эcranка, а что вы хотели?

– Он точно твой друг? – поинтересовался мой муж, глядя, как дверь за Годвином закрывается.

– Плохо говорить об отсутствующих – признак дурного тона... – промямлила я, ожидая чего-то явно другого, – но иногда так хочется...

– Я думал, что он попытается спасти тебе жизнь. По крайней мере, у

меня была такая мысль... Откуда, правда, не знаю, но промелькнула, – рассеянно проговорил мой благоверный, морщась, словно от боли.

Своими соображениями на этот счет я делиться не стала, глядя на закрытую дверь.

– Ладно, – произнес мой благоверный, откинувшись на спинку трона. – Уведите ее. Я лично приду посмотреть на казнь.

«Ага! И маслица подолью в огонь!» – закивала совесть. «Ха! Еще скажи, что спичку поднесет!» – ответила я. Я так поняла, что костер – с мужа, шашлык – с меня. Неплохо отдохнем!

Где-то по мою душу уже заготовили дровишек, возможно, даже полили их жидкостью для розжига... А может быть, там лежит гора хвороста, как в фильме про Жанну д'Арк, и торчит огромный шампур, к которому меня привяжут. Эх! Что-то явно не так я представляла себе поездку на шашлыки всей семьей и с любимым мужем.

«И я птицей феникс воскресну из пепла сожженной любви!» – пропела совесть в надежде подбодрить меня, но я отмахнулась от нее. Ее неуместные остроты почему-то стали меня раздражать в такой ответственный момент.

Меня провели по коридору и вывели прямо на площадь, где собралась толпа любителей понюхать запах жареного. Народу было немеренно. Если бы здесь продавали билеты, то можно было бы провести перепись населения. Чувствую, что в честь моей казни тут выходной объявили. Прямо как на Масленицу. Только блинчиками не пахнет и не слышно ансамбля народной песни и пьянки.

Может быть, пару лет спустя меня реабилитируют и в честь меня назовут улицу или переулок!

«Ага, и причислят к лику святых!» – отозвалась совесть. «Вполне возможно! Если меня сожгли в аду, то куда я попаду?» – задалась очень актуальным вопросом я. «Это науке неизвестно!» – пожала плечами совесть, обещая замолвить за меня словечко, если вдруг я попаду в рай.

Да! Судя по количеству хвороста, меня ожидает ну очень теплый прием. Тут минимум пол-леса вырубил. Куда смотрит Гринпис? А судя по запланированному выбросу ядовитых веществ в атмосферу после моего торжественного сожжения, какая-то отсталая страна явно пожертвовала своей квотой по Киотскому протоколу. Эй! Ну хоть грустную музыку включите, чтобы зрители прониклись трагизмом момента, да и мне умирать было бы нескучно.

Меня разули. Видать, сапожки кому-то приглянулись. А может, мой супруг решил забрать их себе обратно? Я понимаю, что они мне

великоваты, но на носок в самый раз налезали.

Нет, я понимаю «хи-хи» и «ха-ха», но это уже совсем не смешно. Мои руки и ноги привязали к столбу, поставив меня на маленький деревянный помост. Люди, у кого здесь ловит связь, позвоните 01. Под ногами разместилась гора хвороста, а какой-то товарищ в красной балаклаве с прорезями для глаз и рта уже зажег факел. Бедная уборщица. Сколько же тут убирать придется. Может быть, народ согнали, чтобы потом субботник организовать?

– У вас есть право на последнее слово! – сказал пожарный с пылающим факелом, обращаясь, судя по всему, ко мне как к виновнице торжества. Мне что, речь толкнуть? Так... Кого из моих знакомых сожгли на костре? Джордано Бруно! Он со мной незнаком, но я о нем наслышана. «И все-таки она вертится!» – орал он в подобной ситуации. Не пойдет. Такой юмор понятен лишь избранным эрудитам. А что орала Жанна д'Арк? Не помню... Хорошо, а что там говорили герои фильмов, где им приходилось пафосно умирать? «Айл би бэк!» Правда, палец показать мне не удастся. У меня сейчас руки связаны. А без пальца весь эффект сходит на нет. Ладно, шутки в сторону. Это, возможно, последние слова в моей жизни. Я знаю, что я скажу. То, что никогда не говорила. Никому. Даже мужу.

– Есть плохая новость! Желая тебе, чтобы тебя совесть заживо сожрала! – крикнула я туда, где на балконе расположился мой супруг. – И хорошая! Я люблю тебя...

«Махмуд, поджигай!» – с характерным восточным акцентом сказала моя совесть. Я закрыла глаза, а потом снова открыла. Хворост под моими ногами уже начал слегка потрескивать, а огонечек разгораться. Сразу заметно потеплело. Я посмотрела вверх и почувствовала, как мне на лицо упала капля, за ней вторая. Давясь от смеха, я крикнула:

– Кажется, дождь собирается!

Я чувствовала, как туча, которая возникла вопреки прогнозу погоды, проливается прямо на место казни. Если мне память не изменяет, то в аду не бывает дождей. Я смеялась, подставляя лицо каплям непонятно откуда взявшейся воды. Из груды хвороста пошел дымок. Если бы не веревки, то я бы уже загнулась от смеха. Одну каплю я даже умудрилась поймать на язык. Дождь усилился, вызывая некоторое замешательство в зрительных рядах. Сегодня, чувствую, смерть придет не ко мне, а к метеорологам, обещавшим ясную и солнечную погоду там, где отродясь не было солнца, а лишь мутная красноватая дымка вместо неба.

Я увидела, как мой супруг встал с черного кресла и исчез из поля

моего зрения. Неужели побежал за зонтиком?

– Я уже замерзла! Может, отвяжете меня? – поежилась я, пытаюсь сдуть с лица мокрые волосы. По прядям стекали капли. Ну, хоть голову помыла. Без шампуня, правда, но тоже неплохо. Намокшая юбка облепила ноги, а в корсете набралось столько воды, что впору вычерпывать. И тут я увидела моего мужа прямо под кучей хвороста. В его руке горел голубой огонь. Мне это магическое пламя очень знакомо. Неужто дубль два?

– Эй! Мы так не договаривались! – испуганно сказала я, пытаюсь вырваться. – Два раза не казнят!

Голубое пламя уже скакало по хворосту, откровенно игнорируя законы физики. Милый! Тебе вообще медальку за упорство нужно выдать! Вот тебе и «раз, два, три, елочка, гори!». Ножки мои уже согрелись... Я бы даже сказала, начали пригорать. Пламя уже лизнуло мою юбку. Я закусила губу, чтобы не закричать от ужаса. Хотя чего стесняться? Здесь все свои! И тут страшный порыв ветра, который чуть не сдул меня вместе со столбом, потушил огонь. Небо или то, что здесь принято называть небом, потемнело настолько, что Михаил Задорнов точно сказал бы: «Смеркалось». Я почувствовала, как лопнули веревки на моих руках и ногах. Стараясь удержать равновесие на маленькой приступочке, я отчаянно балансировала руками. И в момент почти неизбежного падения на колючие ветки меня кто-то удержал за талию.

– Сима, твой выход! – прошептал голос мне на ухо. – Давай, не стесняйся!

Краем глаза я заметила всю гамму чувств в потемневших от ярости глазах моего благоверного, стоявшего там, внизу. Черная корона просто сочилась тьмой. Выглядел он эффектно и жутковато.

– Надеюсь, все схвачено? – тихо поинтересовалась я, убирая волосы с лица.

– Ты сомневаешься? – ответили мне с легкой усмешкой.

Народу праздник явно понравился. Никогда еще в аду не было так весело! Не знаю, как и при каких обстоятельствах произошел недавний государственный переворот, но думаю, что такого веселья здесь давненько не было!

– Я оспариваю твое право носить корону ада по праву хитрейшего! – выкрикнула я и от себя добавила: – Поймай меня, если сможешь!

Я увидела, как вокруг все полыхнуло синим пламенем. Зрители отшатнулись, но разбежаться не спешили. Еще бы! Неделька у них выдалась что надо! Дождь прекратился, ветер тоже стих. Синее пламя превращалось в черное, разрастаясь в геометрической прогрессии. Я даже глазом

моргнуть не успела, как мы уже стояли на земле. Вокруг нас бушевало черное пламя, застилая все вокруг. Да! За такие спецэффекты надо сразу «Оскар» выдавать.

– Идти сможешь? – поинтересовался Годвин, окружая нас щитом.

– Не уверена. Я тут стою из последних сил, – шмыгнула я носом, чувствуя, что ноги все-таки немного пострадали. Не обугливание, но ожог первой-второй степени точно. Из тьмы проступил зловещий силуэт, который медленно приближался к нам.

Годвин подхватил меня на руки, и я почувствовала, что вокруг нас образовалось что-то похожее на воронку торнадо. Все вокруг завертелось так, словно я немного перебрала с алкоголем.

– Меня сейчас стошнит... – простонала я, закрывая глаза.

– Только, чур, не на меня! – услышала я голос. – Потерпи немного... Сейчас все прекратится... Если я перенесу нас обычным способом, то он нас тут же обнаружит.

И тут же я почувствовала, как воронка постепенно замедляется. Глубоко дыша и сглатывая, я поняла, что все вокруг стихло. Меня положили на землю.

– Да чтоб я еще раз! – возмутился чародей, отворачиваясь от меня. – Да знаете, где вы у меня сидите со своими семейными проблемами? Ради него я бы палец о палец не ударил! Ради тебя я бы еще подумал, но тоже не обольщайся! Я даже не знаю, кто кого больше наказал из вас, сказав в нужный момент «да»! Либо ты его, либо он тебя! Но выяснять мне это не хочется!

– Спасибо... – тихо сказала я, чувствуя, что от переживаний мне хочется напиться и забыться.

– Что? – переспросил Годвин, останавливая поток ругательств, адресованных мне и моему мужу, который наверняка нас уже обыскался.

– Спасибо! – вздохнула я. – Я думала, что ты слинял, как последняя крыса, бросив меня умирать...

– Не дожدهшься! Во-первых, если бы я попытался что-то предпринять прямо во дворце, мы бы оттуда точно не вышли живыми. Поэтому пришлось разыграть эту комедию. Посвящать тебя в ее детали я не планировал, потому как актриса из тебя никудышная. Пришлось сыграть партию именно таким способом. Отдам тебе должное, держалась ты молодцом! Не каждый сохранит присутствие духа в такой ситуации. Ладно, не будем о грустном. Нам еще шесть дней прятаться. Давай поговорим о более грустном. Ты все еще хочешь выйти за него замуж по законам империи? – спросил меня чародей.

– Да! – улыбнулась я. – Другого способа отомстить я просто не вижу! Кстати, если все закончится хорошо, то жди приглашения на свадьбу. Кстати, почему тебя это так интересует?

– Я прикидываю, как бы не оставить его инвалидом, если придется защищаться... – задумчиво произнес Годвин.

– Боюсь, что у него больше шансов обеспечить нам инвалидность... – заметила я, ощупывая покрасневшие ожоги на ногах.

– Ты права, – согласился чародей, улыбаясь. – Если он нас найдет, то мы даже пикнуть не успеем...

Глава 18

«Экскурсоввод» и «Экскурсовывод»

Пока нормальные молодожены выясняют, кто будет в семье главным, травмируя челюсть при попытке укусить максимально большой кусок каравая под вспышки фотоаппарата и умильные ахи и вздохи счастливых родственников, мы с моим любимым сражаемся за корону ада. Лично мне она вообще не нужна. А вот муж в нее вцепился как клещ. Или она в него, это с какой стороны посмотреть. Но правильно советуют некоторые доморощенные целители, пишущие лайфхаки по вытаскиванию одного паразита, лучшее средство – обручальное кольцо и растительное масло.

– Юбку задирай! – скомандовал Годвин, делая шаг в мою сторону.

– А грудь тебе не показать? – возмутилась я, закутывая в мокрое платье обожженные ноги. Пекло неслабо. Пока ноги соприкасались с холодной и мокрой юбкой, было вполне терпимо, но стоило высунуть их за пределы спасительного холодка, сразу ощущался значительный дискомфорт. Ничего, я еще отыграюсь. Хорошо смеется тот, кто высоко поднимает горячий чайник над столом, разливая чай по кружкам.

– Грудь я уже видел. Я даже спал на ней или в ней! – усмехнулся чародей. – Ничего особенного. Сейчас меня интересуют твои ноги. На больных ногах ты далеко не ускачешь! А побегать придется будь здоров.

Годвин присел на корточки рядом со мной, скидывая перчатки на землю.

– А! Ты в этом смысле! Ладно... – Я задрала юбку до колена и зажмурила глаза. – Больно! Ай! Ой! Ох! Ух! Ой-ё-ёй!

– Я даже еще не прикасался к тебе, а ты уже охаешь! Не надо мне тут симулировать! Оставь свой театр для супружеской спальни! – возмутился чародей, осматривая мои конечности. Наш полевой госпиталь раскинулся в какой-то мрачной и безлюдной местности. Справа был обрыв и слышался шум воды, а чуть дальше рос корявый, как на детских рисунках, лес. Судя по тому, что комплектовщик карандашей страдал хроническим дальтонизмом или легкой степенью косоруконости, зеленый карандаш так и не попал в набор, как это ни прискорбно. Листья на деревьях отсутствовали, а сами деревья напоминали древовидных монстров с хеллоуинской открытки.

– Скажешь, когда можно охоть... Могу вступить из-за такта! – простонала я, стараясь не смотреть на последствия горячей супружеской любви.

«Я пришью тебе новые ножки, и ты опять побежишь по дорожке!» – всхлипнула совесть, вспоминая бедного зайчишку в критическом состоянии, попавшего на операционный стол к доктору Айболиту. Правда, вопрос, у кого оторвали «новые ножки», до сих пор не дает мне покоя, и чем старше я становлюсь, тем все сильнее он мучает меня. Есть подозрение, что добрый доктор Айболит подрабатывает по совместительству черным трансплантологом или по ночам выкапывает мертвых зверей ради запчастей для пока еще живых. А потом звери-франкенштейны разгуливают по округе, распевая песенку-рекламу услуг эскулапа-живодера.

«Наверняка у него где-то есть свое кладбище животных!» – авторитетно, со знанием дела заявила совесть. «У каждого врача есть свое маленькое кладбище!» – согласилась я, вспоминая разговоры моей мамы-терапевта о своих коллегах из других отделений. «И у окулиста?» – поинтересовалась совесть в целях повышения эрудиции. «Да! Там на могилах надписи шрифтом Брайля!» – предположила я, надеясь, что совесть от меня отвяжется. Не до нее сейчас, ей-богу!

Через пару секунд боль прошла. Просто исчезла. Кожа на ногах снова стала бледно-розовой, словно никаких ожогов на ней не было.

– Готово... – выдохнул Годвин, надевая перчатки. – Вот это, я понимаю, пламя страсти! В следующий раз, когда вы надумаете ругаться, предупредите меня заранее, чтобы я успел собрать вещи и свалить подальше!

Уря! Теперь я снова могу ходить! Я встала на ноги и почувствовала себя Русалочкой, когда каждый шаг причиняет боль. Подошвой ног я чувствовала каждый камушек и каждую ветку. В мокром платье было зябко, поэтому зубы отбили чечетку, а в носу чуть не прорвало плотину.

«Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?» – спросила меня совесть. «Вот была бы синяя, было бы тепло и весело! – шмыгнула я носом. – А так х-х-холод-д-дно!»

– Я замерзла! – закапризничала я, чувствуя, как насквозь мокрое платье продувает ветер. Откуда ветер в аду, для меня так и осталось загадкой.

– Замерзла? В аду? – рассмеялся чародей. – Поскольку выпивки у нас нет, я предлагаю тебе второй способ согреться... Но сразу предупреждаю, что он, так сказать, коллективный и требует полной самоотдачи!

– Пошляк! – фыркнула я, поглядывая на его камзол с мехом. – А магией никак нельзя?

– Можно и магией. Стоит мне немного переусердствовать, как твой возлюбленный прилетит сюда на крыльях любви быстрее ветра, дабы проверить, чем ты тут занимаешься в компании очаровательного чародея. Но я уверен, что в процессе бега ты очень быстро согреешься... И я, кстати, тоже, поскольку точно попаду под горячую руку! – улыбнулся Годвин, снимая подбитый и отороченный мехом камзол и набрасывая его мне на плечи. А он, оказывается, может быть очень милым и любезным...

– Ты – настоящий друг! – радостно воскликнула я, поглядывая на его сапоги. – А какой у тебя размер?

– Хм... Универсальный... – задумчиво отозвался чародей, поглядывая в сторону леса. – Но если ты про сапоги, то облизнешься!

– А если тебя убьют, можно, я сниму сапоги с твоего трупа? Тебе-то они уже не пригодятся, – нежно спросила я, понимая, что ходить босиком хоть и полезно для здоровья, но вовсе не так приятно, как кажется на первый взгляд. В йоги и в прочие мазохисты я записываться не планировала, поэтому во мне проснулся геймер-мародер. «Грабить корованы» – мое любимое занятие в играх. А снимать вещи с трупов, как показала игровая практика, самый прибыльный бизнес. Можно даже не шарить в сундуках ради пары монет и дешевенького зелья, а молча и методично сокращать поголовье неписей с последующим обыском с пристрастием. Я, словно челнок, груженный по самое «инвентарь переполнен!», тащу все, что найду, знакомому скупщику, который предпочитает не задавать лишних вопросов и не требовать сертификаты изготовителей на весь мой «трупный» ассортимент.

Годвин аж вздрогнул, услышав мою вполне невинную, на мой взгляд, просьбу. Не ожидала, честное слово, что мои слова так смутят далекого от доброты волшебника.

– А ты не боишься, что не твой размерчик? – скептически поднял бровь чародей, понимая прекрасно, какая судьба ждет империю, если император – амбициозный садист, а его супруга – беспринципный мародер.

– Но ты же сказал, что универсальный! – съехидничала я. – И вообще, ты обещал научить меня магии! Я же должна как-то защищаться! И по моему, сейчас самое время показать мне какое-нибудь убойное заклинание!

– Ну, разумеется! Прямо сейчас начнем занятия и тут же проверим, насколько хорошо ты усвоила урок! – отозвался Годвин. – Только шансов на пересдачу у тебя уже не будет. Он ведь за тобой охотится? За тобой. А я, если что, в сторонке постою! Чтобы меня, как ты сказала однажды,

кровушкой не забрызгало!

– Послушай, а нельзя сделать так, чтобы мы знали о его местонахождении? Ну, например, заколдовать какую-нибудь вещь, чтобы она сигнализировала нам о приближении неприятностей? – предложила я, вспоминая линейку эльфийского оружия из «Властелина колец», которая светилась при приближении орков. Конечно, идея была хороша, однако реализация немного пострадала. Представьте, что вы в кромешной темноте прячетесь от орков, а тут в самый нужный, ответственный момент ваш меч начинает светиться прямо в ножнах. Так что неизвестно еще, на кого трудились неизвестные разработчики этих удивительных артефактов.

– Идея неплохая, однако труднореализуемая в нынешних условиях. Для того, чтобы заставить предмет чувствовать приближение конкретного человека, нужно заполучить частичку этого человека, – хмыкнул Годвин, настороженно посматривая по сторонам. – Если хочешь, то я могу сделать такой детектор, например, из этого амулета, что болтается у тебя на шее, если ты сбегашь к любимому и вырвешь у него парочку волосков. Место произрастания оных не принципиально. Можешь пырнуть его кинжалом и собрать кровь в скляночку, если он не будет вертеться. Также можешь подождать, когда его прошибет насморк или кашель, и осторожно вытащить из его кармана слипшийся платочек и принести его мне. Или ты, как романтические барышни, хранишь прядь его волос в кулоне?

Кстати, о волосах. Где-то у меня лежал завернутый в бумажку волос, снятый с его подушки в качестве вещественного доказательства. Черный жесткий волос его любовницы. Больше со мной чужого генетического материала не было. Стоп! А вдруг это не ее волос? Он – брюнет, она – брюнетка... А вдруг это его волос? Чем черт не шутит?

Я полезла рукой себе в мокрый корсет и стала искать раскисшую бумажку с прилипшим к ней волосом. Я точно помню, что переключивалась ее из камзола в платье, когда переодевалась.

Держа двумя пальцами волос, я протянула его Годвину. Тут поди разберись, у кого из голубков наступил период линьки! Так или иначе, у меня будет очень полезная вещичка, которая пригодится мне или в этом мире, или в том.

– А ты запасливая! – вздохнул чародей, беря волос двумя пальцами. Если он сейчас его порвет и скажет «Трах-тибедох-тибедох», то я его убью. Колдун взял мой амулет в руку, и тот ослепительно вспыхнул. – Готово! – сказал он. – Вот только проверять мне его очень не хочется. Давай, поднимайся. Пора двигаться. И так уже третий раз колдую на одном и том же месте.

И мы побрели в сторону леса. Точнее, Годвин пошел, а я поплелась за ним, ойкая от боли при каждом шаге.

– Годвин, а Годвин! – кокетливо сказала я, извлекая колючку из ноги. – Возьми меня на ручки! Между прочим, я тебя таскала на себе почти все время, а ты мной только командовал!

– Я весил от силы сто граммов с хвостом и мехом. А ты вешишь больше пятидесяти! – возмутился чародей, заглядывая в ужасающего вида дупло дерева. Оно походило на разинутую пасть.

– Я могу на шею сесть! – радостно сообщила я. – И на голову залезть!

– О! В этом я не сомневаюсь! – Чародей потрепал меня по голове. – Хочешь, фокус покажу?

– Ага! – обрадовалась я возможной передышке.

Он взял сучок и засунул в дупло, которое тут же с треском захлопнулось, сломав палочку на две части. Ндя... Венерина мухоловка подавилась мухой и закашлялась, с восторгом глядя на «старшего брата», не ограничивающего свой рацион исключительно протеинами.

«Поливать супом нельзя поливать водой!» – не смогла промолчать совесть, напоминая мне, чем я поливала мамины цветы в ее отсутствие. Руководствуясь подобным принципом, можно смело утверждать, что доверь она мне их на все лето, она бы получила дендрарий, которому палец в рот не клади!

– А где мы, если не секрет? – спросила я, углубляясь в лес, на что Годвин пожал плечами. Все вокруг становилось зловещим и безрадостным и каким-то черным. Полянка, на которую мы вышли, тоже выглядела как потенциальное место съемок фильма ужасов. По спине побежали мурашки, а в животе что-то стало беспокойно.

– Ну что, дорогой «экскурсовод», завел ты нас в чащу, а теперь, пожалуйста, превратись в «экскурсовывода» и выведи нас! – не выдержала я сгущающейся тьмы. В туалет хотелось дико, поэтому я переминалась с ноги на ногу. Было как-то неловко делать свои дела в присутствии мужчины, но и отходить куда-то в чащу тоже было удовольствием из категории сомнительных. Мочевой пузырь криком кричал, что больше не выдержит, а совесть назидательным голосом освежала мне в памяти правила этикета голосом Мэри Поппинс:

«Леди, да будет тебе это известно, никогда не демонстрируют желание сходить в туалет в присутствии джентльмена! И даже не намекают!»

Да как тут не намекать, если очень хочется?

– Мне тут отойти в кустики надо... – простила я, смущаясь. «Мэри Поппинс, до свидания!» – огрызнулась я на слова совести, намекая, что на

титул «леди Совершенство» я давненько не претендую.

– Да пожалуйста! Я что, держу тебя? Я тебя здесь подожду... – вкрадчивым голосом сказал чародей.

Я пошла в чащу, ломая сухие сучья. Подозрительно оглядываясь, я пыталась найти уютное местечко, где можно замереть на минуточку. Только я нашла приличное местечко и присела, живые деревья заволновались и уставились на меня. Пришлось встать и попытаться уйти с глаз долой. Но попробуй тут уйди куда-нибудь, особенно если на тебя бесцеремонно пялятся деревья!

Среди деревьев раздалось осуждающее: «Фу! Позор!»

– Сима! Ты там надолго? – послышался издали голос Годвина. – Деревья уже волнуются.

– Собачек на них нет! – всхлипнула я, пытаюсь придумать, куда бы спрятаться. – Они все время на меня пялятся! Я так не могу!

– А ты глазки закрой и не обращай внимания! Собачки, например, вообще не стесняются, – сладким голосом предложил чародей.

Последовав его совету, одернув все еще мокрую после дождика юбку, ломая сучья, я пошла обратно. И тут я почувствовала, что меня кто-то схватил за подол платья. Мне удалось вырваться и прибавить шагу. Оглядываясь назад, я поняла, что иду куда-то не в ту сторону. Тьма сгущалась. Деревья расшумелись так, словно у них тут коллективный просмотр футбольного матча, а игрок любимой команды, выйдя один на один с вратарем, попав в ситуацию, когда забить может даже школьник, лихо промазал мимо ворот.

Или я стала цепляться за ветки, или ветки стали цепляться за меня, но идти становилось все труднее и труднее. И тут я вспомнила про свой огонечек. Пришлось сконцентрироваться, чтобы увидеть, как на кончике указательного пальца заплясало синее пламя. Пламя немного насторожило деревья. Чувствуя себя Прометеем, я рванула что есть мочи наугад. Не хватало еще заблудиться! Я бежала что есть мочи и тут же наткнулась на что-то мягкое. В темноте было сложно разобрать, с чем именно я не смогла разминуться, но разбираться не хотелось.

Пронзительно взвизгнув, я стала пытаться отбиться от неведомого чудовища, тыча наугад указательным пальцем.

– Какая теплая встреча! Я понимаю, что одноглазые мужчины выглядят очень романтично, но я бы хотел сохранить оба глаза, если ты не против, – возмутился Годвин, туша мой палец дуновением. – Ничто так не радует мой правый глаз, как левый.

У меня прямо от сердца отлегло. А я уже думала, что плотоядные

деревья сегодня сильно разнообразят свой рацион.

– Мне здесь совсем не нравится! Давай пойдем обратно! – предложила я, чувствуя, что с каждой минутой на полянке становилось все страшнее и страшнее.

– Обратно – это куда? Я пробовал вычислить путь магией, но бесполезно... – уточнил маг, показывая мне на абсолютно одинаково стоящие деревья. – Так что, если что, будем ждать, когда нас найдет твой дорогой и любимый супруг... Он нас хоть из-под земли достанет и обратно туда закопает.

– Не дрейфь! Кто к нам с мандатом придет, тот по мандату и получит! – шмыгнула носом я, радуясь, что в детстве у меня была книжечка про туристов, а в телефоне есть пособие по ориентированию на местности. Ведь как чувствовала... Помнится, я скачала его, когда мне сказали, что на этих выходных мы дружно едем на шашлыки в лес. Всю дорогу я хвасталась своей предусмотрительностью, а когда мы приехали в то, что, по мнению моих друзей, можно было назвать лесом, я искренне недоумевала, как у людей язык повернулся три сосенки и два кустика лесом обозвать? Но книжка так и осталась в телефоне, и вот сейчас настал ее звездный час!

Итак, с чего начнем? «Вам необходимо точно определить стороны света!» Ну это и ежу понятно, только я не знаю, зачем оно мне? «Достаньте карту!» Пролистываем. Карты у нас нет. «Положите компас на ладонь и постарайтесь определить, где север, а где юг!» Бесценная информация. Особенно если бы у меня был компас. «Если у Вас нет с собой компаса... – отлично! Прямо как для меня писали, – ориентируйтесь по солнцу, а в ночное время суток по звездам!» Я подняла голову и поняла, что солнца, звезд и прочих светил, на которые можно ориентироваться в аду, днем с огнем не сыщешь. Из непролистанного остался раздел «Природные признаки». Глава первая «Ориентирование по муравейнику». Не знаю, есть ли в радиусе километра хоть одна колония этих маленьких трудолюбивых насекомых, но поблизости ее не было. «Ягоды поспевают быстрее с южной стороны!» Очень важная, но крайне бесполезная информация. «На южной стороне трава зеленее!» Хм... В чужом огороде трава зеленее, а у нас здесь ни травы, ни ягод, ни кустов – ничего нет. Зато есть... Деревья! А если здесь есть деревья, значит, должен быть и мох. «Мох растет в основном с северной стороны!» Я подошла к дереву, включила фонарик на телефоне и стала искать мох.

– Интересно, что ты там ищешь? – спросил Годвин, подходя поближе.

– Мох! Мох у дерева растет с северной стороны! А с южной стороны у

них больше веток! – с уверенностью заправского следопыта и мастера ориентирования на местности ответила я.

Обойдя дерево со всех сторон, я так и не увидела ни мха, ни лишайника, ни плесени. Следующее дерево постигла та же участь. Чувствуя себя детсадовской группой, которая водит хороводы вокруг елочки, я уткнулась в книжку, пролистывая пальцем целые главы. Ни смола, ни ветки, ни корни – ничего не могло хоть как-то сориентировать нас на местности. Я выключила телефон. Если бы папа Карло обнаружил этот лес, то вполне мог бы сколотить целую армию говорящих человечков, прямо как Урфин Джюс, и завоевал бы весь мир. Куда там Карабасу-Барабасу с его кукольным театром, состоящим из унылых кукол со стокгольмским синдромом.

Комментарий Годвина ограничился закатыванием глаз. Чтобы хоть как-то согреться, я снова зажгла огонечек на кончике пальца. Дерево, которое уже протянуло свои грабли в мою сторону, тут же их убрало.

– Смерть... – проскрипело дерево. – Вас здесь ждет смерть...

Другие деревья подхватили этот лозунг, и через минуту весь лес шумел, пророча нам неминуемую гибель.

«Берегите лес от пожара!» – голосом школьной учительницы природоведения прочитала мне нотацию совесть. Хм... Это натолкнуло меня на дьявольски коварный план. Я сделала шаг в сторону дерева, выставив вперед палец с огнем.

Я подошла почти вплотную и приблизила огонь к дереву.

– Итак, уважаемое дуб – дерево хвойное, не могли бы вы помочь нам найти дорогу отсюда или хотя бы показать место, где можно переночевать? – улыбнулась я, поднося огонек почти вплотную к дереву.

Дерево прикинулось бревном. Я поднесла огонечек вплотную и подожгла первую попавшуюся ветку. Ветка прогорела и тут же потухла. Дерево молчало, как партизан на допросе.

– Я буду поджигать ветку за веткой, пока ты мне не ответишь... – зловещим голосом произнесла я.

«Бьется в тесной печурке огонь... На поленьях смола, как слеза... – пропела совесть гундосым голосом с характерным шипением старой пластинки. – И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза...»

Кстати, о глазах. Это ты, милая, отлично придумала. Потом только не говори, что мол, ты тут ни при чем. Я поднесла огонек прямо к пустой глазнице дерева и нежно сказала:

– Я вижу огонь в твоих глазах... Не хочешь ли ответить на мой вопрос?

С душераздирающим скрипом огромная ветка показала мне направление.

– Там... – просипело дерево.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я за столь ценные сведения. – Я тебя тут помечу, чтобы, если вдруг ты ошиблось адресом, вернуться и заняться выжиганием. Всегда мечтала заняться выжиганием. В школе паяльник мне не доверили, поэтому пришлось обводить рисунок черным фломастером.

– Нет, простите, там... – Ветка со скрипом показала совсем другое направление.

«Срубил он нашу елочку под самый корешок!» – всхлипнула совесть.

– А вот теперь прими мое горячее спасибо! – заявила я, отрывая от юбки кусок ткани и завязывая его на ветке. Все, теперь ты – дерево желаний. Крепись, скоро тебя обмотают лоскутками и платками по самый корень. В таком деле главное – начать!

Пока я практиковалась в пытках, мой спутник молча, с интересом наблюдал за всем происходящим, но по окончании допроса все-таки не сдержался.

– Bravo! Bravo, моя дорогая! Вот так, научив тебя на свою голову простейшему заклинанию, я приблизил неминуемый конец света. Ладно, пойдем... Проверим полученную оперативную информацию! – похлопал Годвин. – Тебе диплом сразу выдавать или по возвращении?

– Нет, постой, я еще не закончила! – вошла в раж я и тут же обратилась к деревьям: – Итак, если кто-то из вас, мои дорогие, скрипнет относительно нашего места нахождения или прошуршит кому-либо, где мы находимся, я сожгу вас всех дотла. Это всем понятно? – суровым голосом спросила я, услышав скрипы со всех сторон.

«Спички детям не игрушка!» – вздохнула совесть. Теперь я понимаю, что значит выражение «Держать в страхе весь лес».

И мы двинулись в указанную деревом сторону. Оно на прощание помахало нам белым платочком, но, судя по злобному шелесту и скрипу, было очень радо, что отделалось от нас малой кровью.

А вы говорите, что по дереву ориентироваться нельзя? Надо будет написать путеводитель по аду с практическими рекомендациями и лайфхаками. Да я миллионы лопатой грести буду! Книга сразу попадет в топ самых продаваемых книг в империи. Я прямо вижу рекламную кампанию: «Кто не без греха, пусть первый купит эту книгу!» А тех, кто будет ее критиковать, отправлять на экскурсию по месту будущей прописки. Эх, мечты-мечты...

Глава 19

У черта на куличках и семь кругов ада

Среди деревьев мы увидели домик с табличкой: «Продается. Торг уместен!» Судя по столь удачному месторасположению, «заказ с доставкой на дом» – это страшный сон любого курьера и логистической компании. На доме было написано: «Ул. Чертовы Кулички, 1». Если бы я была риелтором и составляла объявление о продаже, то, наверное, оно звучало бы как-то так: «Продам уютный маленький домик, которому требуется хороший хозяин с руками из нужного места, в экологически чистом районе, проблем с соседями нет, рядом лес».

«Главное – обои не отклеивать, а то стена развалится!» – заметила совесть, глядя на эту недвижимость. «И дверью сильно не хлопать! – согласилась я. – А то сложится – и поминай как звали!»

– Заглянем? – предложила я, чувствуя, что пережитый стресс надо чем-то закусить. – Напросимся в гости?

«Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!» – спела совесть писклявым и задорным голосом Пятачка, заранее одоббив такое решение.

– Как хочешь, но я бы не рисковал! – буркнул чародей. – Мало ли, а вдруг здесь живет какой-нибудь законопослушный гражданин, который тут же настучит на нас?

– Тогда мы настучим ему по голове! Кстати, можно прикинуться покупателями. Может, хоть чаем напоят! Горячим! А потом мы скажем, что, мол, хотим точно такой, но только с перламутровой крышей, и уйдем с обиженными лицами, мол, зря время потеряли! Как, собственно, и большинство зевак, парящих мозг продавцам, – радостно сказала я, стучась в деревянную дверь. Пока я в нее стучала, с крыши, как снежная лавина, с характерным шорохом стала сходить черепица.

– Кто там? – спросил сонный голос за дверью.

– Покупатели! Нам тут адресок дали, чтобы мы посмотрели домик! – непринужденно ответила я, чувствуя, что еще один стук – и крыша рухнет. – Молодая семья хочет купить дом в вашем районе. А поскольку это единственный дом в этом районе, то ...

– Дом уже не продается! – перебил меня домовладелец, появляясь на пороге. На вид ему было лет сорок. Недельная щетина, синяки под глазами и сипловатый тембр голоса придавали ему вид почетного мастера спирта

по фигурным рюмкам. Когда-то белая майка-алкоголичка была частично заправлена в синие, пузырчатые на коленях штаны, которые, в свою очередь, переходили в дырявые носки, уютно торчавшие гармошкой из стоптанных тапок. Вся эта красота придавала хозяину очень respectable вид. Запах явно не одеколону, но тоже чего-то спиртосодержащего, намекал, что где-то неподалеку открылся филиал ликеро-водочного завода с залом для дегустации.

Повисла неловкая пауза, которая внезапно прервалась возгласом хозяина, уставившегося на меня так, словно я – лох-несское чудовище, которое с раскрытой, усеянной крупными зубами пастью подгребает к резиновой лодке одинокого рыбака.

– Сгинь! Пошла вон отсюда! – завопил бедолага, пытаясь запустить в меня стаканом. – Ты меня и здесь нашла! Тебе мало? Смерти моей хочешь? Проваливай отсюда! Слышишь! Все из-за тебя! Это все из-за тебя!

Нет, ну ковровую дорожку и каравай, я понимаю, не заслужила, но чтобы стаканом в меня бросаться? Это уже слишком!

– Тебе, я вижу, здесь рады! – ласково заметил колдун, потрепав меня по голове. – Прелесть моя, а теперь расскажи, где и при каких обстоятельствах ты умудрилась нагадить в душу этому бедняге, что ему пришлось ее так сильно дезинфицировать?

– Может быть, он перепутал меня с белочкой? – пожалала плечами я, глядя на столь запущенный случай алкоголизма и прячась за Годвином от летящего стакана. До волшебника стакан, как ни прискорбно, не долетел, а безвольно повис в воздухе, чтобы в одночасье упасть вниз. Это привело хозяина в еще больший ужас.

– Беги, мужик! – заорал хозяин, вцепившись в Годвина. – Беги! Спасайся! Я постараюсь ее задержать! Но ты беги быстрее! У меня не так много сил осталось, чтобы сдерживать это исчадье ада!

Я посмотрела на Годвина, потом на бедолагу, который из последних сил уговаривал волшебника спастись бегством, вцепившись в его рубашку, и никак не могла припомнить, когда и чем именно произвела на бедного алкоголика столь неизгладимое впечатление.

– Если она сейчас достанет меч, то все, считай, кранты! – плакал мужик, привалившись лбом к груди чародея. – Но главное, чтобы она не успела воспользоваться магией! Чудовище! Настоящее чудовище! Монстр! Тварь из бездны! Будь проклят тот день, когда я ее впервые увидел!

– Иногда я тоже ловлю себя на подобной мысли, – вздохнул Годвин, погладив беднягу по голове, с притворным осуждением глядя на меня.

Хм... О моем волшебном огоньке размером с пламя зажигалки уже

наслышаны? Ничего себе! Может быть, это кто-то из погибших при пожаре в Оффшорвуде? А я так надеялась, что жертв не будет! Совесть, которая до сих пор была относительно чиста, сразу же востребовалась, узнав, что, возможно, на ней лежит парочка трупов.

Тем временем белая горячка прогрессировала и дошла до той стадии, когда надо бежать за галоперидолом и колоть его в первое попавшееся под руку место и примерять рубашку с очень длинными рукавами.

– А что это у него в штанах шевелится? – поинтересовалась я у Годвина, понимая, что если что-то и должно шевелиться в мужских штанах, то спереди, а не сзади.

– По-моему, это хвост, – ответил мне чародей. – Просто он дырку в штанах не делал, а заправил его.

– Верни мне мою корону! – зарыдал хвостатый хозяин, сжав разбитые в кровь кулаки. – Или хотя бы поставь подпись в трудовой книжке, чтобы я мог получать достойную пенсию! Мне же жить на что-то надо! Имей же совесть!

– Имею совесть регулярно! – огрызнулась я на необоснованные обвинения со стороны этого типа.

«Это смотря кто кого! Да за такие слова я тебе спать спокойно не дам!» – обиделась совесть, которая считала меня бесплатным приложением к себе, любимой.

Чародей, который внимательно следил за этой трагикомедией, рассмеялся.

– Это мы удачно заглянули! – улыбнулся Годвин, затаскивая бедолагу в дом. – Пойдем, страдалец, сейчас мы тебе все объясним.

Икая, всхлипывая, расплескивая содержимое стакана и все еще промахиваясь мимо рта, хозяин пытался выслушать нашу историю. Историю рассказывал Годвин, потому как стоило мне открыть рот, как у бедняги сразу начинался очередной приступ «любви и обожания», больше похожий по симптоматике на эпилепсию и бешенство одновременно.

На столе лежали закуски, на полу валялись пустые бутылки, а украшал весь натюрморт мой портрет в полный рост, нарисованный очень даже профессионально, из которого торчали дровишки, ножи и все колюще-режущее, что можно было найти под рукой. Даже старый ржавый топор нашел свое место в районе моей шеи.

– Так что это была не Сима... Это был ее муж... – подытожил свой рассказ Годвин, краем глаза изучая эту инсталляцию.

«Что хотел сказать гений этим шедевром постмодернизма?» – воскликнула совесть голосом гида. Как хорошо, что она у меня тефлоновая

и отходчивая. Не знаю, что бы я делала, если бы она все принимала на свой счет.

«Искусство требует жертв!» – ответила я, чувствуя себя настоящей жертвой искусства. Не очень приятно, знаете ли, когда в твой портрет метают дротики!

– Познакомься, Сима, – лениво сказал Годвин. – Это бывший владелец короны, которую вы со своим дражайшим супругом никак не можете поделить! Я не знаю, как насчет брака, но развод в вашем исполнении, если дело до него дойдет, вместе с дележом имущества обещает стать феерическим зрелищем, если вы так будете делить каждую наволочку.

Пока бедный пострадавший от произвола нашей новообразованной ячейки общества сидел и переосмысливал все сказанное моим спутником, поглядывая то на меня, то на портрет, потом снова на меня и снова на портрет, отмечая разительное сходство, я стащила бутерброд и самозабвенно хомячила его.

– Может, руки ей свяжем? – тихо спросил экс-король, обращаясь к Годвину. – Непокойно мне на душе... А то мало ли, а вдруг у них вся семейка того...

– Согласен! Но торопиться пока не будем! – улыбнулся Годвин, наливая хозяину и себе. Я уже хрустела огурцом, закусывая за троих.

– Как же фше это проижофло? – поинтересовалась я с набитым ртом, глядя на то, как вздрагивает экс-правитель при звуке моего голоса.

– Был приемный день, ничто не предвещало беды. Смотрю, в зал вошла хрупкая блондинка в свадебном платье с мечом в руках. «И кто здесь главный?» – наивно интересуется она. Я хотел было выставить ее за дверь, но моя стража полегла в неравной схватке с этим чудовищем! Вытерев кровь с меча подолом юбки, красавица нехорошо улыбнулась и выдала: «У меня сегодня свадьба, и мне нужен красивый свадебный подарок для самого дорогого человека!» Я попытался объяснить, что здесь дворец, а не сувенирная лавка, но девушка отрицательно покачала головой, мол, обычная безделушка ее не устраивает. А вот корона, что красуется у меня на голове, – очень даже миленькая. И не мог бы я быть так любезен снять ее и завернуть в подарочную упаковку с красной ленточкой? Я просто обалдел от такой наглости! Какая-то девка пытается права качать в моем дворце! Да знает ли она, с кем разговаривает! Я очень рассердился и решил испепелить ее на месте, но не тут-то было. Красавица, которая отзывалась о себе в мужском роде, с гаденькой улыбочкой поставила щит. А потом заявила, что теперь эта корона ей нужна из принципа и если я не отдам ее по-хорошему, то будет по-плохому. В крайнем случае девушка обещала

снять ее с моего трупа. Я сначала рассмеялся, а потом понял, что означает в ее понимании «по-плохому». Не настолько плохо, как могло бы быть, но корону она сняла с полубесчувственного тела. Красавица взяла трофей, подошла к зеркалу, чтобы примерить ее, мол, мило ли она будет смотреться на ее невесте... Я был в недоумении, но расспрашивать ее о подробностях личной жизни мне очень не хотелось... И после того как корона очутилась на ее голове, вместо красавицы передо мной стоял мрачный тип. Мне тут же изменил рассудок, а следом за ним и память, когда я увидел голубой огонек в его руке. Вот и вся грустная и короткая история.

– Это так романтично! – вздохнула я, представляя себя очень дорогой женщиной, раз мой любимый решил мне подарить столь бесценный подарок. Мне, разумеется, эта корона и на фиг не нужна, но дорог не подарок, дорого внимание! Согласитесь, такие подарки очень поднимают самооценку. Но вот только, вместо того чтобы торжественно вручить ее мне в коробочке с ленточкой, он заграбастал ее себе! Моя подарочная фантазия всегда хромала на обе перебитые ноги, поэтому в моих планах было подарить ему в честь ближайшего праздника классику жанра, вошедшую в топ мужских подарков. Гель для бритья и две пары носков. Есть, конечно, вариации на тему «Трусы и гель для душа», «Бритва и полотенце» или даже «Антиперспирант и рубашка», но это же не последний праздник? Надо же что-то дарить и на другие?

Ничего! Мы отыграемся! Нужно придумать, что бы ему такое подарить, чтобы потом забрать подарочек себе! Резиночку для волос? Отличная мысль. Покажу ее в руках, а потом заберу себе! На полноценную месть не тянет.

– И вот я побрел куда глаза глядят. Поверженный и опустошенный. Вспомнил, что бабушка оставила мне эту халабуду в наследство, и решил обосноваться здесь. По дороге на последние деньги купил еду и пойло... С запасом... – вздохнул экс-король.

Ну конечно, тут до ближайшего магазина три дня пешком ходом. Пока дойдешь, не то что кушать перехочется, а протрезвеешь моментально.

– Что-то я не так себе вас представляла... Я думала, что вы рогатый, с хвостом и козлиными ногами... Ну, как на картинках, – заметила я, вспоминая ужасные средневековые гравюры.

– А! Вы об этом... Ну, рога исчезли после того, как с женой развелся. Хвост есть, да только дырку в штанах лень прорезать. Зачем портить последние штаны? А то мне один товарищ задает вопрос, мол, когда ты сидишь, ты хвост на стул кладешь или под себя заправляешь? Знаете, тысячу лет сидел, не задумывался. А тут на тебе! Сижу, мучаюсь. Или так,

или эдак? И так попробовал – неудобно. И эдак – тоже неудобно. В итоге неделю мучился, пока не плюнул на все это дело и не казнил любопытного. Хорошие были времена. А насчет козлиных ног, то это были связанные бабушкой рейтузы с начесом. Все переживала старушка, что я мерзну на троне, вот и связала их. Так и сказала: береги бубенчики. Заботливая она у меня... – с мечтательной улыбкой поделился своими воспоминаниями экс-король ада.

– Она умерла? – тихо поинтересовалась я, вспоминая слова о наследстве.

– Да нет же! Переехала на круги ада. Говорит, что там спокойнее и воздух чище! – поделился подробностями жизни чертовой бабушки благодарный внук. – Это она еще не в курсе, что я теперь никто. Если узнает, то ее разрыв сердца хватит!

И тут меня осенила гениальная идея! Как одной просьбой можно убить сразу двух зайцев.

– Понимаете, я хочу вытащить своего мужа отсюда, отобрав у него корону. Вызов ему я уже бросила, а теперь думаю, где бы схорониться. Мне лично эта корона не нужна. Но могу ее вернуть за вознаграждение. Есть у меня к вам две просьбы личного характера. Первая. Если я верну корону вам, то вы расторгнете мой контракт о продаже души. Вторая. Чтобы я смогла ее заполучить, вы должны помочь нам спрятаться! – предложила я, уставившись на бедолагу, который в одночасье по вине нашей славной семейки потерял не только любимую работу, но и дом.

– Конечно! – закивал тот, кого впору назвать потерпевшим.

– Возьми с него расписку... – прошептал мне на ухо Годвин, продолжая улыбаться. – А то мало ли, забудет еще. Наденет корону, и все! Кому должен, всем прощаю!

Отличная мысль! Я потребовала написать расписку в двух экземплярах. Бумаги в доме не было, ну кроме как моего портрета, нарисованного в полный рост. Оторвав от него два куска бумаги, достав старое скрипучее перо, проколов себе руку, хозяин стал писать собственной кровью. Я краем глаза следила за тем, что он там царапает.

Обещаю выполнить все условия. Дата и подпись. Л...

«В каждой строчке только точки после буквы «Л»... Ты поймешь, конечно, все, что я сказать хотел, сказать хотел. Но не сумел!» – воспроизвела совесть любимую песню моей мамы из дискотеки 70-х, которая лучше всего отображала суть данной писанины.

Он радостно протянул мне первый экземпляр, но я покачала головой. Ну кто так учил его писать расписки? Он что, договоры никогда не заполнял? Все эти мысли я тут же озвучила.

– Нет, не заполнял! Мне документы на подпись приносили, и я расписывался! – возмутился бывший владыка ада. – Делопроизводством у нас занималась канцелярия.

– Хорошо, пишите под диктовку! Расписка! Написали? – Я почувствовала, что не зря в свое время заменяла секретаря за «большое спасибо, ты так выручила!». – Я, владыка ада, в лице... Пишите, как вас там зовут, действующий на основании... На основании чего вы осуществляете свою деятельность?

– Мм... Устава... По-моему... Но я точно не уверен... – промямлил бедняга, наполняя перо кровью.

– Пишите: Устава. С большой буквы! Да не пишите фразу «с большой буквы»! Слово «Устав» пишется с большой буквы! Давайте будем переписывать! – Я оторвала еще кусок бумаги. – Начнем сначала.

Через двадцать минут я поняла, либо экс-король скончается от потери крови, либо выучит форму расписки наизусть. Я ходила по комнате, разглядывая потолок, прикидывая, как бы поизящнее сформулировать свою мысль деловым языком.

– Пишем, не отвлекаемся! – строгим голосом учительницы, диктующей всеобщий диктант, заявила я. – На чем мы остановились? Ах да. Обязуюсь в случае получения короны от Тимчик Серафимы Александровны расторгнуть договор о продаже души Тимчик С. А. и оказать посильное содействие в получении короны. Скобка открывается. Предоставление убежища, указания места, где можно спрятаться, и т. д. Скобка закрывается. Гражданкой Тимчик С. А. Все! Число. Подпись.

Я взяла первый экземпляр в руки, пробежала глазами, удовлетворенно угукнула.

– А теперь второй экземпляр! – радостно сказала я, чтобы жизнь адом не казалась.

– У меня уже малокровие и анемия... Я чувствую, как холодеют мои пальцы... – простонал бедняга.

– Ничего, ничего. Еще один рывок, и все! – подбодрила я.

Переписав с горем пополам расписку, спрятав в кармане второй экземпляр, экс-король потянулся за бутербродом, но он опоздал. Последний я доела минуты три назад.

– А вот теперь я надеюсь, что вы нам расскажете, где и как можно спрятаться! – потеряла руки я, выхватывая из тарелки последнюю оливку.

Все. Теперь я точно повзрослела. Раньше я их на дух не переваривала, а теперь поняла, что просто обожаю!

– Вы находитесь на восьмом, административном круге ада. Здесь нет грешников. Точнее, есть, но только матерые госслужащие. Только они согласны работать без зарплаты и выходных, – пояснил бедняга, заворачивая палец в салфетку. – Остальные грешники сидят на других кругах ада, которых, как известно, семь. Вот там есть где развернуться. Кстати, вы не знали, но, пройдя все круги ада, корону можно получить, не выжидая шести дней. Но мало кто проходит. Каждый из кругов символизирует определенный смертный грех. Так что там будет совсем не просто! Но там существует вероятность, что вас не найдут.

Семь кругов ада? Не знаю, как у вас, но у меня есть четкое представление о семи кругах ада, далекое от описания Данте. Первый круг ада – это расплачиваться в первом автобусе, вышедшем на маршрут, пятитысячной купюрой, слушая, как водитель собирает мелочь на сдачу. Второй круг ада – это отмывать тарелку с присохшей гречкой или картофельным пюре в холодной воде или отскребать подгоревшую сковородку. Третий круг ада, с которым я столкнулась в своей жизни, – это ждать, когда обновится операционная система, если срочно нужен компьютер, в ужасе представляя последствия очередного обновления. Вдобавок к этому низкая скорость Интернета, когда файл размером тридцать килобайт загружается полтора часа, а отправить его надо было десять минут назад. Про четвертый круг ада скажу просто. Заевшая молния на сапоге. Не просто заедающая, а вставшая намертво на половине пути, когда ты опаздываешь на работу. Причем застрявшая так удачно, что снять сапог невозможно, точно так же, как и застегнуть его полностью. И ты, словно цирковой клоун, прыгаешь по прихожей в надежде, что молнию удастся довести хотя бы до одной кондиции, но никакие загибы подкладки, ни смазка молнии, ни танцы с бубном не помогают. Покрасневшими и горящими от боли пальцами ты тянешь ее хоть куда-нибудь, но она упорно засела на одном месте, и все. Пятый круг ада, который мне пришлось пройти, – это танцы под закрытой дверью, с четким осознанием того, что ты живешь один, а ключи остались на тумбочке в прихожей. Шестой круг ада – это двадцать пропущенных звонков от мамы, а при наборе ее номера прослушивание записи «абонент – не абонент». Седьмым кругом ада по праву считаются мучительные мысли о невыключенных утюге и газовой плите, на которую с утра поставила чайник в надежде взбодриться чашечкой кофе. Весь рабочий день, вместо того чтобы думать о работе, за которую тебе платят деньги, ты представляешь, как, вернувшись домой,

обнаруживаешь пепелище, чумазых соседей по многоэтажке, которые жмутся друг к другу, как погорельцы, посылая проклятия той скотине, которая стала причиной пожара.

Я уже не говорю про маршрутку в час пик, забытый кошелек, пропажа которого обнаружилась прямо на кассе супермаркета, после того как ты отстоял многометровую очередь. Примерно та же ситуация, но только в такси по прибытии на место, застрявшая карточка в банкомате, фраза продавца «у меня сдачи нет!» и многое другое. Так что зависть, похоть, гнев, уныние, обжорство, лень и гордыня мне кажутся вещами почти обыденными.

– Хорошо, мы согласны! – ответила я, понимая, что другого выхода нет. – Только надеюсь, что там нет котлов, сковородок и прочей кухонной утвари, которую разогревают на костре и в которой пытаются грешников?

– Вы по буклету судите? – спросил бывший король ада. – Черт, так и знал, что неправильно поймут. Надо было второй вариант брать, а я, дурак, согласился на первый – с котлами и вилами. Дизайнер мне, такой, рассказывает, что хорошая реклама должна шокировать, удивлять, заставлять задуматься. Мол, выбирайте вариант с вилами и чертями, не ошибетесь. В итоге растиражировали и отправили к вам. И вместо того чтобы грешить почаще, все резко стали праведниками. Тем более конкурирующая фирма свою акцию организовала, мол, грехи сколько влезет, главное – вовремя покаяться. Надо было выбирать тот, где были джакузи, блэк-джек и девицы легкого поведения. Но поздно уже. Бренд уже стал известен. Кстати, увидите мою бабушку, передавайте ей привет. Если спросит, как у меня дела, скажите, что все отлично. Не вздумайте проболтаться!

– О'кей! – согласилась я, сворачивая расписку и засовывая ее в корсет. Странно, но мой амулет почему-то сильно потеплел. Это явно не к добру.

– Годвин, а что, если амулет чуточку нагрелся? – поинтересовалась я, сжимая его в руке.

– Это значит, что валить отсюда надо, пока не поздно! – спешно сказал волшебник. – Давай, открывай нам греховный путь! Если что, ты нас не видел!

Глава 20

Партия из зада

Не знаю, как у вас, но в критической ситуации у многих сразу добавляется плюс сто к хитрости и плюс сто к ловкости. Насчет ловкости могу поспорить, а вот насчет хитрости... Инстинкт самосохранения вкупе с моей бессовестной совестью предложили гениальную идею – провести честные выборы. И мы, как настоящая партия, теперь активно работаем над агитматериалом.

После третьей попытки нарисовать что-то приличное я сдалась. Положив свою работу рядом с агитационным плакатом моего мужа, я целиком и полностью осознала, что случайностей не бывает и листовка целиком и полностью оправдывает название партии и мои худшие ожидания. Художник из меня был никакой. Последний раз я рисовала стенгазету в университете, за что меня чуть не отчислили. Скомкав полученный результат и бросив его к предыдущим комочкам прямо на пол, я снова, высунув язык от усердия, стала прикидывать, как бы достучаться до избирателей, причем так, чтобы наверняка! Вразумительной программы у нас не было. Пришлось довольствоваться общими лозунгами. Короче, не партия, а полное... Гражданское Общество Возрождения Независимой Общественности.

Итак, я задумалась, как бы позиционировать себя перед простыми избирателями. Я так понимаю, что мой муж активно взялся окучивать верхушку и админресурс, поэтому нам придется делать ставку на обычных грешников.

«Хватит терпеть произвол! Ад – для грешников!» – написала я, чувствуя, что сама бы на такое не повелась даже за пачку масла, пакетик гречки и календарик на следующий год.

Годвин тем временем наворачивал круги вокруг стола, пребывая в глубокой задумчивости. Судя по его сосредоточенному выражению лица, политические перемены в аду за счет нашей ударной силы были из разряда научной фантастики. Бывший король ада уже пришел в себя и предложил идею отправиться на круги ада, чтобы провести разъяснительную работу среди их обитателей, но перед этим попросил вернуть ему тапки. Идею с агитацией я поддержала двумя руками, а вот мои ноги категорически отказались возвращать обувь предыдущему владельцу.

– А ведь он прав! – констатировал очевидный факт Годвин. – Мы должны точно знать, что хотят избиратели! А для того, чтобы узнать их требования, нужно встретиться с ними.

– Да, но сначала нужно закончить с листовками и расклеить их, чтобы избиратели были в курсе нашего курса! – возразила я, с тоской глядя на кляксу, которую случайно посадила на листок бумаги. Это был последний листок, который я с сожалением бросила в общую мусорную кучу. – Годвин, а можно еще бумажку принести? Заодно глянь, что там Вадим пишет! – умоляющим голосом попросила я.

Через пять минут Годвин появился с полными руками пестрых буклетов. У меня возникло такое чувство, что он только что прошел по центральной площади моего города с протянутой рукой. «Окна, двери, лоджии», «Такси», «Квартиры в новострое», «Новая забегаловка с купоном на бесплатную кружку пива», «Консалтинговые услуги» и многое другое. Только однажды я приставала ко всем распространителям с горячим желанием заполучить всевозможную макулатуру, когда поняла, что забыла дома бумагу для разведения костра, а где-то в машине меня ждала компания, жаждущая побыстрее вкусить шашлыки на природе.

Разложив чужую агитацию, я стала внимательно изучать ее, как великий стратег над картой размещения вражеских войск.

«Мне нужны свободные души! Я устрою вам жизнь!» – гласила первая ужасающая надпись на фоне полыхающего пламени. Ага, чтобы жизнь адом не казалась! Да нет, ну на фиг! Я на такое бы не повелась!

«Рабский труд в почете!» – гласил второй листочек, демонстрируя огромную очередь в одну-единственную кассу. Вот уже и трудовое население стало политическим аргументом. Похвально!

«От каждого – по потребностям, каждому – по заслугам!» – гласила страшная надпись на черном фоне, вселяя непоколебимый оптимизм в сердца избирателей. Такое ощущение, что Страшный суд уже наступил, а я так и не заняла очередь на покаяние!

«Выбирайте достойных!» – очень лаконично и мило выглядел буклет с портретом моего любимого, как бы намекающий, что в поисках достойных далеко ходить не надо. Осталось подрисовать стрелочку, чтобы и ежу было понятно, за кого голосовать. Да, скромность – это худшее качество для кандидатов в правители ада.

Был еще один буклетик, который заставил меня очень сильно покраснеть. «Отдай мне свою душу!» Там был изображен мой благоверный в такой красивой позе, с розой в руках, что мне невольно захотелось самой проголосовать за конкурента всей душой и всем телом. Я зажгла огонь на

кончике пальца и подожгла эту дьявольски обольстительную открытку в надежде, что она подарит мне немного тепла и не будет сбивать с толку!

Следующая открытка повергла мою расшатанную психику в состояние ступора. В окружении красивых обнаженных девушек-суккубов гордо стоял мой супруг в расстегнутой рубашке. Пикантные части тел девушек заслоняла надпись: «Все красивые девушки голосуют за меня!» Милый, молись, чтобы это был просто коллаж! Эту открытку я спрятала в качестве неопровержимого вещественного доказательства для будущего разбора полетов. Я не злопамятная. Просто память у меня хорошая и совесть ответственная. Как говорила одна моя знакомая, если муж изменил тебе, пусть даже виртуально, то отплати ему той же монетой. Я взглянула на бомжеватого экс-короля, которому только играть в фильме «Выживший», а потом перевела взгляд на Годвина. А чародей в принципе выглядит очень презентабельно... Для своих лет... Это будет, скорее, фотография для семейного альбома в стиле «Папины почки». Черные круги под глазами чародея сразу намекнули бы на некоторую степень хронической усталости или алкоголизма.

«Даже при плохом раскладе юридически ты останешься первой леди ада!» – подбодрила меня совесть. «Посмертно!» – вздохнула я.

– А что, голосование проходит душами? Я думала, там просто галочку нужно поставить! – возмущилась я столь нечестным, с моей точки зрения, ходом.

– Ну да, чьи души принадлежат аду, те и имеют право голоса! – заявил экс-король, с интересом изучая буклеты партии ЛСД. – Давайте и мы чей-нибудь портрет разместим на листочке! Будет выглядеть солидно! Я даже нарисовать могу! Народ должен знать героев в лицо!

Желающих стать лицом партии с таким названием не оказалось. Вполне предсказуемо. Нет, такими темпами мы далеко не уедем!

Понимая, что из Гражданского Общества Возрождения Независимой Общественности конфетка ну никак не получится, я с усердием стала рисовать «хоть что-нибудь», вдохновившись примерами главного конкурента. Окончательно озверев, я ткнула прямо в лицо Годвину готовым результатом. Чародей взял бумажку в руки и прочитал вслух:

Власти незачем стараться,
Плохо будет все равно!
Чтоб не разочароваться,
Голосуйте за «Г.О.В.Н.О.»!

Чародей рассмеялся и сказал, что из всего, что он видел в моем исполнении, это более-менее прилично выглядит. За стихи – пять. За каллиграфию – два! Хорошо бы это написать красивым шрифтом и разукрасить.

Мы дружно посмотрели на бывшего короля, который сделал вид, что не замечает наших пристальных взглядов.

– Ну? – нетерпеливо сказала я, подпихивая к нему листочек и чернильницу. – Партия сказала: «Надо!»

– А может, магией? – с надеждой спросил страдалец, осторожно отодвигая от себя набор для чистописания.

– А это не запрещено? – поинтересовался Годвин. – Наш конкурент магией не пользуется! Хотя мог бы...

Ответа на этот вопрос я не знала, но раз выборы честные, то и делать все придется по-честному! Мало ли, дисквалифицируют за фальсификацию и признают выборы несостоявшимися.

– А может, ты где-нибудь найдешь карандаши или краски? – поинтересовалась я, заглядывая чародею в глаза. Экс-король тоже взбодрился и тоже заглянул в глаза Годвину в ожидании приговора.

– Денег у нас нет, воровать я не собираюсь! – отрезал чародей, скрестив руки на груди в позе Наполеона. – У нас что? Партия жуликов и воров?

– Но бумагу и чернила ты где-то взял, не так ли? – хитро улыбнулась я.

– Я взял ее в общественной приемной АДминистрации, напротив стенда с заявлениями, – отозвался Годвин.

После недолгих уговоров, плавно переросших в угрозы, наш художник сел переписывать мое стихотворение, склонившись над бумажкой, как Нестор-летописец.

Пока мы с Годвином прикидывали тираж нашего боевого листка, наш писарь поинтересовался, в какой цвет красить буквы.

– А какие есть? – машинально спросила я, задумавшись о наших дальнейших шагах.

– Красный и коричневый! Правда, красный заканчивается, но коричневого точно хватит! – в голосе страдальца от живописи послышались неуверенные нотки надежды.

– Красным! – поспешно и хором ответили мы с Годвином, глядя на почти готовый результат.

Обошлось малой кровью, поскольку вместо заливки была использована штриховка. Пора тиражировать, а после небольшого отдыха заняться расклейкой.

Через час перед нами лежала стопка моей первой и единственной агитации. Половину стопки мы решили расклеить в столице, а другую приберечь для кругов ада.

– Ой, а давайте откроем общественную приемную! – предложила я. – Пусть сюда приходят избиратели, жалуются на жизнь, а мы тут посочувствуем, покиваем, согласимся с несправедливостью. Обязательно скажем, что все наладится, если проголосуем за нас!

Быстро написав на листке: «Общественная приемная партии Г.О.В.Н.О.», сбегав на улицу, я прикрепил ее на гвоздик. Чуть подумав, чтобы не беспокоили во внеурочное время, я сняла листик и дописала время работы. А вдруг и правда народ потянется? Поскольку экс-король ада не принимал участия в предвыборной агитации, я назначила его руководителем приемной. Пусть хоть какую-то пользу приносит!

Поспав пару часиков, сладко потянувшись и зевнув, предвкушая завоевание столицы ада, перекусив оставшимися запасами еды, мы с Годвином отправились расклеивать нашу агитацию по всем столбам. Когда первая бумажка при помощи магии прилипла к стене, к нам подошел очень вежливый демон, поинтересовавшись, на каком основании мы портим внешний облик города. Я подняла глаза вверх, увидев огромный плакат своего благоверного три на четыре метра, и показала пальцем на него.

– А на каком основании он имеет право портить фасад здания? – поинтересовалась я язвительным голосом, понимая всю несправедливость выдвинутых нам претензий.

– Он имеет разрешение. Я не против политической агитации как таковой. Предъявите ваше разрешение и клейте на здоровье! – вежливо ответил демон, отдирая наш листик. – Разрешение выдает нынешний владыка ада на основании справки, полученной в АДминистрации.

Вот засада! Кто-то мне говорил, что борьба будет максимально честной! Или под словом «честная борьба» подразумеваются обычные выборы? Сунувшись в АДминистрацию, я увидела закрытые двери с надписью: «Прием окончен! Выдача разрешений для расклейки агитаций временно приостановлена в связи с нехваткой бланков!» На инфостойке мне удалось добиться вразумительного ответа, что, мол, агитационный материал, который размещается в столице, должен быть отпечатан в официальной типографии, согласован в шестидесяти кабинетах, а потом лично владыкой ада. И только тогда нам выдадут разрешение на расклейку агитации в специально отведенных для этого местах и регламентируют количество экземпляров. Я сразу представила, как висит на заборе, колышется ветром в темном переулке-тупике наш одинокий боевой листок.

Срок выдачи разрешений – шесть дней с момента подачи заявления.

Сглотнув, понимая всю тщетность ночевки в очереди на согласование и томительного ожидания подвоза свежего бланка, я вышла на улицу. Мои мозги лихорадочно работали в поисках выхода из тупиковой бюрократической ситуации. Ладно! Сейчас я буду пакостить, раз вы такие тугие. Добро пожаловать в проект «Разгром!». Ничего кроме репутации моего благоверного громить я не собиралась, но само название проекта меня вдохновляло на решительные действия.

«На войне как на войне!» – решительно сказала совесть, одобряя ход моих гадливых мыслей, на которые натолкнула меня любимая газета «Вечерняя империя».

– Годвин, – сладенько протянула я, потирая ручки, – судя по всему, мы не имеем права заниматься здесь агитацией за нашу партию. Но никто не мешает нам подпортить репутацию чужой... В отместку! А можно сделать так, чтобы, изменив один плакат, мы смогли поменять весь тираж? Есть такое заклинание?

– А как же честные выборы? – спросил чародей.

– Где ты их видишь? – вздохнула я. – Заметь, не мы первые начали!

Я содрала со стены первый попавшийся плакат, где было написано: «Выбери достойного». Что-то мне подсказывало сильно не перебарщивать с правками, а то это сразу привлечет внимание. А пока наши коррективы не будут бросаться в глаза, у жителей ада будет возможность насладиться моей маленькой мстью за бюрократические преграды, учиненные на нашем пути к сердцам избирателей.

– Как насчет «выбери отстойного»? Звучит многообещающе! Главное, что сразу никто не заметит! – сказала я, протягивая чародею плакат. Годвин улыбнулся, провел пальцем по слогану. Еще один такой же плакат, висящий на стене в трех метрах от содранного мною (вот что значит ненавязчивая реклама!), приобрел совсем иной смысл. Бросившись на шею к Годвину и чмокнув его в щеку, я рванула за свежим экземпляром.

Легким движением руки плакат с грустным лицом моего благоверного «Мне нужны свободные души!» методом убирания одной буквы «д» сразу перестал быть предвыборным и превратился в крик одинокой души. Если пару мгновений назад он имел в виду голосование с полной самоотдачей, то сейчас это выглядит так, словно ему некому излить свою душу или навешать на выпирающие части головы несколько килограммов вареных мучных изделий высшего сорта из твердых сортов пшеницы.

Огромный плакат «Внемлите моему голосу!» заставил меня растеряться от возможных перспектив работы над ошибками. Или придать

ему парикмахерский подтекст, или гастрономический. Я, как образцовая супруга, решила выбрать второй вариант, любуясь на суровое и мужественное лицо моего супруга с призывом внять его голоду и накормить его. Тут сразу и гадость, и польза. От голода после такого призыва Вадим не умрет – это точно! Прямо вижу, как избиратели с баночками и судочками тянутся к моему мужу с надеждой, что он наконец-то наестся досыта!

Листовка с душещипательным «Вы все вздохнете спокойно на рабочем месте!» тут же стала намекать о летальных последствиях. Сдохнуть на рабочем месте – мечта каждого демона-трудоголика!

Какой-то креативщик, явно попавший в ад за дело и принимавший активное участие в разработке агитационного материала по госзаказу, подарил мне пару минут восторга своим душещипательным: «Вы потеряли надежду? Я верну ее вам!» Теперь к очереди со съедобными передачами для кандидата в обязательном порядке присоединится очередь нудистов. Прямо бюро находок!

«И тогда в бюро находок не забудьте заглянуть!» – пропела совесть, чтобы подбодрить меня.

Может, он и мой носок вернет? Особые приметы – розовый, с дырочкой в районе большого пальца, судя по степени износа – правый, судя по степени застиранности – любимый. Потерялся три года назад... Исчез бесследно прямо из нижнего ящика шкафа... Откликнись, твой брат-близнец по тебе скучает!

Очень грозный плакат с очень мощным призывом «Предел для слабаков!» тоже претерпел некоторые изменения. После перемены местами двух букв в первом слове сразу стало понятно, чем пахнет в аду для тварей дрожащих, какие настроения витают в воздухе и кто автор этого запаха.

Лозунг, отпечатанный крупными буквами на черном плакате «Хватит думать о прошлом! Забудьте про страх!», после маленьких корректив тут же стал приговором для импотентов, которым уже и задумываться о прошлом не стоит.

Плакат «Мы стабильно смотрим в будущее!» после нехитрых манипуляций усомнился в умственных способностях избирателей и кандидата, но направление взгляда так и не изменилось. Так что в будущее можно смотреть по-разному, но далеко не каждому дано смотреть туда пристально, с текущей слюной. Прости, любимый, ты сам напророчил!

Огромный баннер, занимающий половину здания, с портретом Вадима в плаще и в позе супермена явно был порождением больной фантазии креативщиков, которые уже не знали, в каком амплуа преподнести

кандидата. Впечатляла надпись огромными буквами: «Пусть выберут лучшего!» Соблазн был велик. Проклятый Т 9 подсказывал вариант жестокой и беспощадной для мужского самолюбия замены с неким эротическим призывом, но я, взглянув в глаза любимому мужу, стиснув зубы, поняла, что у меня рука не поднимается так издеваться над любимым.

Зато плакат по соседству «Я думаю о вас сутки напролет!», тоже шедевр неизвестного рекламщика, тут же лишился буквы «т» в стратегически важном месте, охарактеризовав избирателей далеко не с лучшей стороны.

То, что в аду оказалось столько рекламщиков, меня явно не удивляло. Иногда, глядя на рекламу в родном городе, мне прямо хочется крикнуть: «Покайтесь!»

– Сима, давай закругляться. Народ с непривычки начинает вникать в свежие правки! – осторожно заметил чародей, глядя на толпу озадаченных демонов, внимательно изучавших обновленные плакаты.

– Ну еще один! Я уже придумала! «Ад – это я!» Поставь, пожалуйста, букву «г» перед словом «ад», – нежно улыбнулась я, глядя в любимые глаза главгаду. Но просто так уходить я не собиралась. Последний листочек все еще ждал своего звездного часа в моей вспотевшей от волнения ладошке. Именно он и должен был поставить жирный крест на политической карьере моего супруга.

– И контрольный! – сказала я, протягивая Годвину последний листик, где «ЛСД – партия из ада!». – Букву «з» в начале последнего слова!

– Но это уже будет похоже на нашу программу! – улыбнулся чародей.

– Да по фигу! Добавляй! Раз пошла такая пьянка... – кивнула я, любуясь результатом.

Тем временем к ближайшей стене подошел демон с ведром клея, кисточкой и пачкой бумаги. От души намазав стену клеем, он стал приклеивать свежую полиграфию. Закончив свое грязное дело, он взял ведро и отправился облагораживать новую стенку.

– Сима, я не хочу тебя расстраивать, но там твой портрет! – сказал Годвин.

Я бросилась к еще мокрым листовкам и увидела себя. В бигудях, в халате, с поварешкой и кастрюлей, словно я собралась готовить на роту солдат. Мое лицо выглядело измученным и серым. Небритые мужские ноги, торчащие из-под халата, намекали на то, что у меня не все в порядке с гормональным фоном и следует показаться эндокринологу. Надпись сразила меня наповал: «Место женщины возле плиты!»

«Возле могильной плиты!» – уточнила совесть, понимая, что такие

заявления вкупе с небритыми ногами кое-кому просто так с рук не сойдут!

– Может, будем просто стоять и раздавать листовки всем проходящим? – предложила я, закипая от злости. Нужно что-то делать! Нельзя же просто так стоять и смотреть!

Схватив пачку листовок, я встала посреди дороги и стала совать нашу писанину в руки каждому проходящему.

– Кхе-кхе! – услышала я за своей спиной. – Я не имею ничего против предвыборной агитации, но, чтобы раздавать листовки, нужно получить специальное разрешение! Вам нужно обратиться в Администрацию и получить разрешение... Результат рассмотрения будет через шесть дней!

Да чтоб вас всех!

С глубокой душевной травмой мы удалились обратно в наш штаб, так и не приклеив ни одной своей листовки ни к одной подходящей поверхности. Оставалась надежда на круги ада, где нам предстояло окучить местное население.

Прием шел полным ходом, но посетителей не было. За неимением таковых экс-король принимал так, что у меня закралась мысль сдать бутылки и купить набор цветных карандашей. Хотя какие цветные карандаши? Кончились честные выборы! Теперь можно развернуться на полную катушку!

Пока нас не было, в глухую чащу впервые за всю историю принесли почту. Я не знаю, за какие грехи несчастный почтальон посмертно заслужил столь суровое наказание в виде незабываемого турне по нашим живописным местам, но, судя по всему, вскрытием конвертов, швырянием посылок с дорогим сервизом в общую кучу дело не обошлось. Я бы на месте экс-правителя ада даже не удивлялась, если бы за начисленной пенсией, если бы таковая ему полагалась по выслуге лет, ему пришлось топтать в столицу.

Танцевать я не стала, распечатывая письмо, потому что его содержание заставило меня присесть на стульчик. «Завтра в 13 часов 13 минут состоятся предвыборные дебаты. Явка строго обязательна!» О! Мы еще схлестнемся в словесном поединке! Надеюсь, что кляп мне совать не будут, чтобы обеспечить максимально честный результат дебатов?

– Я бы на вашем месте времени зря не терял! – сказал оклемавшийся от кровопотери экс-король и спонсор, а точнее, донор нашей предвыборной программы по совместительству. – Вам нужно попасть на круги ада! Правда, я не знаю, пропустят вас или нет. Туда пропускают только демонов.

– Ха! Так у меня есть диплом суккуба с отличием! – Я полезла рукой в корсет и достала заветную бумажку.

– Ну, тогда вопросов нет! – развел руками страдалец от политики, наливая себе стакан, заранее отмечая нашу победу. Да он оптимист! С такими успехами можно сразу скидываться на мои поминки.

– Слушай, у нас приемный день до 18:00! – сказала я, показывая на старые часы, висящие на стене. – А сейчас уже почти десять вечера! Заканчивай принимать!

– У него сегодня сверхурочные! – ядовито заметил чародей. – Трудоголик...

– Давай, Годвин, я готова выступить перед местным населением! – решительно сказала я, сгребая листовки со стола. – Не будем терять время!

– Может, ты, перед тем как пойдешь в народ, отрепетируешь речь? Ну, это чтобы для меня она не была приятной неожиданностью, а моя отвисшая челюсть и растерянный вид не портили общее впечатление. К тому же у меня сердце слабое... – осторожно заметил волшебник. – Я не знаю, что обычно обещают кандидаты, но есть у меня очень нехорошее предчувствие...

– Что обещают? Тепло в каждый дом при тарифах, от которых хочется повеситься. Низкие тарифы по сравнению с будущим годом. Горячую воду в отдаленные районы, куда не доходит даже холодная вода, ремонт дорог... – пожала плечами я. – Ну можно сказать, что котлы будут с подогревом и функцией гидромассажа, что тарифы на дрова будут снижены, вилы не такими острыми, а черти не такими злыми?

– Какие вилы? Какие черти? – покачал головой экс-король. – Там все цивилизованно!

Глава 21

И смех и грех

Перед тем как перейти к самой важной части нашей предвыборной кампании, я поняла, что нам чего-то не хватает! Например, отличительного знака или символики. Чтобы нас узнавали! Чтобы видели издалека!

– Мы должны заняться брендингом! – решительно сказала я, шоркая тапками по полу, как лыжник. Но сегодня я не просто лыжник, а биатлонистка! Я должна прицельно попасть в сердце каждого избирателя, чтобы победить на выборах.

– Брендингом мы занимаемся уже почти сутки! – мрачно и устало заметил Годвин, расчесывая волосы пятерней.

– Ты меня не понял! Нам нужна отличительная черта, которая бы ассоциировалась с нами и с нашей партией! – возразила я, поражаясь недалекости моей команды. – Что-то, что имеет к нам непосредственное отношение! Что-то, что можно оставить избирателям, которые готовы оказать нам свою поддержку! Люди, между прочим, души нам раскрывают, так и мы должны в них что-то оставить!

«Пришел, нагадил и ушел!» – предложила совесть, явно несовместимая с предвыборной агитацией.

Чародей сглотнул, а экс-король опустошил стакан, с размаху ставя его на стол.

– Не обязательно буквально! Образно! Ну вот смотрите, нас трое! Три богатыря! Три мудреца! Три толстяка! Три мушкетера! Три пальца на руке трудовика! Три колеса у велосипеда! – с воодушевлением начала перечислять я, чтобы поднять боевой дух товарищей.

– Ты на что намекаешь? Сообразить на троих? – прищурив глаза, спросил экс-король ада, доставая третий стакан.

– Тоже вариант, но уже не актуальный! Мы – трое против всех! Трое против несправедливости! Это же так символично! Три шпаги, три сердца... О! Идея! Как насчет «три пера»? Мы должны заразить избирателей своей агитацией!

– За триппер избиратели скажут нам отдельное спасибо! – почесал штаны наш третий номер.

Так мои сопартийцы забраковали гениальную идею. Но ничего! Прорвемся!

Захватив с собой бумагу и чернильницу на всякий случай (а вдруг придется что-то записывать?), мы перенеслись к воротам, ведущим на семь кругов ада. Если честно, то вертела я на карандашике без резиночки такое турне, но если другого шанса нет, то тут уже никак не выкрутишься. Судя по виду этого отвратительного, огромного двусторчатого монумента с барельефами, от которых в жилах стынет кровь, Зураб Церетели просто мастер ювелирных миниатюр. Прямо на воротах висел мой портрет с категорической надписью: «Вход запрещен!» Опа! Конкурент уже предусмотрел и наши гастроли!

– Годвин, я тебя прошу в последний раз, а? – улыбнулась я, глядя на чародея.

– Магия здесь не действует! – покачал головой Годвин. – Я выкрутился. Теперь твоя очередь!

Ну, раз магия не работает, то придется положиться на смекалку. Взяв перо в руку, обмакнув его как следует в чернильницу, я нарисовала себе усы Буденного и повязку на глазу а-ля пират. Для пущего отличия я пририсовала огромные уши и бородавку на носу. Уродовать свой портрет было крайне неприятно, но ради благого дела чем не пожертвуешь?

Постучавшись в ворота, я увидела, как где-то на уровне моих глаз отодвинулась плитка, обнажив окошко наподобие кассы.

– Че надо? – не совсем вежливо поинтересовался низкий мужской голос.

– Шоколада! – нахально ответила я. – Вот, грешника привела. Открывай ворота!

– Ты кто вообще такая? – подозрительно спросили у меня. Волосатая рука, больше похожая на лапу примата, вылезла в окошко и потянулась за ориентировкой, висящей на воротах.

– Суккуб! – гордо ответила, протягивая свой диплом. В руки давать не стала, но к дырочке приложила.

– А рядом кто? – поинтересовался голос, внимательно изучив мои документы.

– А это дипломный проект, – я показала пальцем на Годвина.

– А че так поздно? – не отставал от меня привратник. – Ваши все уже сдались!

– Я – заочница! – соврала я, поглядывая краем глаза на чародея.

– Из тюрьмы ждала, что ли? – поинтересовался привратник, судя по шелесту бумаги, изучая сходство между мной и моим портретом в стиле «школота мстит классику за двойку прямо в учебнике».

«Зачем Володька сбрил усы?» – нетрезвым голосом поинтересовалась

совесть, вспоминая мои коррективы. «Надоело, что крошки в них остаются!» – ответила я, ожидая результатов визуальной экспертизы. «Бабушка-бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» – спросила совесть голосом маленькой девочки. «Женщины любят ушами! – ответила я. – Я очень любвеобильная женщина!» «А глаз на войне потеряла?» – спросила совесть голосом бравого вояки. «Нет, в замочную скважину любила подглядывать!» – отозвалась я, чувствуя, что изнываю от желания узнать, пропустят меня или нет. Сколько можно?

– Староват твой дипломный проект! – раздался голос привратника, а волосатая ручища снова прибила мой изуродованный портрет на место.

– Зато опытный! – огрызнулась я. – Пусть троечники спермотоксикозных подростков сдают. У меня опытный мужчина в самом расцвете сил! Высший пилотаж! Мне пятерка за диплом гарантирована! Да я на нем диссертацию защищать собираюсь! И не одну! Поэтому не задерживайте! Мне еще отчет о практике сдавать!

– А че в свадебном платье? – поинтересовался голос.

– Да я, как все нормальные женщины, прямо после свадьбы в ад потащила! А в тапках я потому, что гости оказались жадными и похитили не одну туфлю, а сразу обе! – возмутилась я таким количеством абсолютно ненужных вопросов. – А ведь клялся, что за мной хоть в ад, хоть в рай. Клялся?

Я пихнула Годвина локтем.

– Да, любовь моя. Хоть в ад, хоть в рай, – бесцветным голосом повторил чародей, изображая одурманенную жертву любви.

– А че платье грязное? – спросил привратник. Ему что? Поболтать не с кем? Какого черта прицепился? Все ему объясни да расскажи!

– Так драка на свадьбе была! Я поучаствовала! Это моя первая свадьба, поэтому я подошла к ней с максимальной ответственностью! Так в методичке написано! – теряя терпение, воскликнула я и тут же добавила: – Глава сто восьмая. Пункт двадцать шесть! Свадьба без драки – деньги на ветер. Именно драка на свадьбе укрепляет будущие семейные узы, подготавливает к будущим трудностям семейной жизни и позволяет перезнакомиться со всеми родственниками в неформальной обстановке. Именно драка на свадьбе является хорошей возможностью для суккуба затащить мужа в ад раньше времени. Но на нее не стоит полагаться. Лучше делать ставку на нетрезвого водителя, фотографирование над обрывом, паленый алкоголь и просроченные продукты.

Досочинить я не успела. Даже этой информации хватило, чтобы привратник оценил мои знания предмета и мысленно поставил мне

отлично.

– Ладно, проходи! – рядом с окошком появилась дверь. Ну, слава богу! Пронесло! – Стой! А бумага тебе зачем? – подозрительно спросил привратник.

– Так это же отчет! Сначала этого сдам, а потом отчет, – огрызнулась я, быстро проталкивая Годвина в сторону двери. – Спасибо, дяденька!

– Я не дяденька! – в щелке появился накрашенный глаз. – Я тетенька! Выучи на будущее. Меня зовут Изольда Вениаминовна Цербер!

– Очень приятно, буду знать! – улыбнулась я, проходя в дверь.

Самое странное, что за дверью Изольды Вениаминовны Цербер не оказалось. Интересно тут все устроено! Я сразу представила, как привратница сидит в маленькой будке, а кормят ее блинами, пиццей и лавашом, потому что ничего другого в смотровую щель не пролезет. Если вообще кормят.

– Куда направимся? – поинтересовался волшебник, разглядывая семь дверей с ужасающими надписями. – Какой грех первый на душу берем?

– Мне все равно! – пожала плечами я. – Давай в первую попавшуюся дверь!

– Что-то меня смущает то, как ты легко об этом рассуждаешь! – заметил чародей, рассматривая двери.

– Да ладно тебе, – отмахнулась я. – Ты никогда не жил в моем мире и не вставал в семь утра на работу! Сначала лень оторвать голову от подушки, потом зависть, что кому-то сегодня не надо на работу, чуть позже – гнев, мол, какого фига я вообще должна тащиться куда-то ни свет ни заря? Опустошаешь все запасы съестного, как в последний раз, думая о том, что хорошо было бы, если б утро начиналось с объятий любимого... Ну очень долгих объятий... А потом берешь себя в руки и понимаешь, что у тебя есть работа, а у кого-то ее нет. И сразу начинаешь гордиться собой, мол, да, я такая! Но на работу все равно не хочется. В результате побеждает жадность, и к 9:00 ты уже на рабочем месте. Так что ничто из этого мне не чуждо!

Мы подошли к ближайшей двери, где было написано на латыни: «Avaritia». Жадность – это не порок, а большое свинство! Есть у меня подозрения, почему юристы и медики превентивно учат латынь в университетах. На всякий случай.

– Пойдем посмотрим, как у нас тут устроились скупердяи, жмоты, скопидоны и жадины! – заявила я, толкая дверь. Было у меня такое ощущение, что там меня ждут знакомые лица моих начальников, директоров, парочки родственников и даже нескольких несостоявшихся

ухажеров, пришедших на очередное свидание с понишкой и перебитой гвоздикой в целлофановом кульке и зажавших пятьдесят рублей на кофе.

Ни котлов, ни чертей с вилами, ни адских языков пламени мы не увидели, что нас весьма и весьма разочаровало. Зато прямо посередине города лежала целая гора сокровищ!

«Арабская но-о-очь! Волшебный Восто-о-ок!» – восхищенно пропела совесть, пока я ощущала себя Аладдином в пещере чудес. Для полноты ощущений не хватало ковра-вертолета, алчной мартышки и джинна. Или джин-тоника. И вот после бутылочки джина начнутся настоящие чудеса! И чуйка подсказывает, что исключительно в моем исполнении!

И пусть тот, кто сказал, что на тот свет ничего не унесешь, первый бросит в меня камень! Я сразу прикинула, что если позаимствовать немного денег, то хватит на предвыборную кампанию! Мозг лихорадочно соображал, во что бы отсыпать себе золотишка и как бы поизящнее его вынести, чтобы не вызвать подозрений. А еще у меня появилось непреодолимое желание съехать на попе с самой вершины этой горы. Больно, но пафосно. Я дернула Годвина за рукав. Чародей и сам был не прочь поправить свое материальное положение, набив карманы золотом. На халяву и уксус сладкий, и хлорка – творог, и гудрон – жвачка.

Слева от нас была карта города, прибитая к какой-то дощечке. Площадь Алчности, переулок Бережливости, улица Скопидонства, проспект Крохоборов. Чуть ниже висел плакат «Посторонним вдох воспрещен!».

Но на поверку гора оказалась муляжом. Пока мы стояли и пытались осознать, что не все то золото, что блестит, из домов вышли люди с мешочками в руках.

– Время уплаты налогов, коммуналки, сборов, страховки, пеней, штрафов! Отдаем все, что заработали! – объявил демон, идущий по улице с матюгальником.

Обливаясь горячими слезами, всхлипывая на плечах друг друга целыми семьями, жители молча дрожащими руками отдавали мешочки демону. Тот пересчитывал содержимое, и добыча растворялась в воздухе. Остановившись у одного дома, забрав мешочек, демон, пересчитывая содержимое оного, замер на месте от изумления. В мешочке не хватало денег. Все взглянули на побледневшего грешника, который тут же упал на колени и начал извиняться, мол, неправильно посчитал, ошибся, с кем не бывает.

– Увы, – сказал демон, жестом вытряхивая из кармана бедолаги монетку. – За то, что ты совершил, нет тебе прощения! Отныне ты

работаешь кассиром! Бесплатно! Еще одна такая попытка утаить зарплату от налогообложения, и будешь работать чеканщиком денег! Пожизненно!

– Нет! Прошу вас! Я не вынесу! – упал на колени скупердяй, а потом его лицо просветлело. – А может, бухгалтером? Я тут совсем недавно... Я даже готов работать инкассатором!

– Нет, – холодно сказал демон. – Кассир, и точка! Итак, грешники, время уплаты налогов, коммуналки, сборов, страховки, пеней, штрафов! Для тех, кто решил повторить судьбу этого скупердяя, еще раз повторяю: несите все деньги, которые вы сегодня заработали! Подержали в руках, и хватит!

Дождавшись, когда демон пройдет и соберет все честно заработанное, мы с Годвином решили заняться раздачей листовок. Что тут началось!

– Дайте мне еще! Еще! – орали люди, оттесняя нас к бутафорской глыбе золота.

– Да я как от сердца отрываю! – заорала я, прижимая к груди свою пачку дефицитных листовок.

Такими темпами у нас отберут все, что есть! Еще и руки оторвут! А нам еще шесть кругов-округов агитировать! Народ набежал отовсюду. Мне показалось, что здесь собрался целый город!

– Лезь наверх! – заорал Годвин, подсаживая меня на искусственную гору золота. Карабкаясь, как по альпинистской стенке, подтягиваясь на руках, я сумела достичь вершины. Все! Можно вбивать флажок! Эверест покорен. Теперь я – царь горы! Годвин, бросив мне свои листовки, которые я чудом успела поймать, залез ко мне. Селфи на память! Улыбочку! Чи-и-и-з! Классная фотка на фоне горы золота, измученного лица чародея, который повис на руках на вершине, и озверевшей от халявы толпы! Просто нашествие зомби! Готовый постер к фильму про апокалипсис!

– Друзья мои! Скупердяи, жлобы, жадины, скопидоны, сребролюбцы и жмоты! – выкрикнула я, вспоминая словарь синонимов, чтобы никого не забыть.

Все вышеперечисленные подняли головы вверх.

– Я представляю Гражданское Общество Возрождения Независимой Общественности. Меня зовут Сима! Я такая же грешница, как и вы! И ничто грешное мне не чуждо! Но мой главный порок – это жадность! – гордо заявила я, чувствуя, что начало положено.

– А чем докажешь? – недоверчиво спросил меня кто-то из толпы. – Сколько раз ты завариваешь чайный пакетик?

Вопрос провокационный! Ну что ж, дорогие избиратели, держитесь!

– До победного! А когда веревочка отрывается – пришиваю новую! А

если не мыть кружку, то один раз чай можно пить абсолютно бесплатно и без пакетика! И он будет коричневый! А вообще я могу одним чайным пакетиком поить гостей чаем пять раз, если бросить его в заварочный чайник! Однажды в мой дом постучалось горе! Пришли гости! А мне жаль новый пакетик доставать. Так вот, я разлила им кипятка по кружкам и сказала, что это – особый сорт чая. Белый чай! И пьют его без сахара! И пили, и обсуждали, мол, какой замечательный чай! Еще интересовались, где я купила такой! – гордо сказала я, глядя на реакцию слушателей. Они одобрительно зашушукались, что, несомненно, было хорошим знаком. Некоторые стали горестно вздыхать, мол, как это они до такого не додумались!

– Я настолько жадная, – торжественно произнесла я, чтобы произвести впечатление, – что прошу друзей не подписывать мне открытки, чтобы я могла их передарить!

– Ты даришь открытки? – возмутилась какая-то женщина в первом ряду.

Я поняла, что нужно выкручиваться.

– Если поругаться не удалось! Обычно перед праздниками я стараюсь разругаться со всеми, чтобы не дарить подарки. А после праздников помириться как ни в чем не бывало! – сказала я, пытаюсь достучаться до жадных сердец избирателей.

– О! – раздался одобрительный гул.

– А свадебное платье откуда? Покупала? – занервничало женское население. – Это же так до-о-орого!

– Свадьба была у нас скромная! Посидели, попили, поели! Правда, гости постоянно орали «Горько!». Еще бы не орать! Я за три месяца до свадьбы начала просроченную кулинарию в гипермаркете по уценке покупать! Запаслась, так сказать! А платье мне подруга дала. Так и сказала: «Как снимешь, так вернешь!» Я его... – у меня голос дрогнул, – восемь лет не снимала! Чтобы не возвращать!

Раздались аплодисменты, перерастающие в овации.

– Я дружу только с теми, кто родился в мае и июне! – улыбнулась я. – Чтобы экономить на букетах. Именно весной подарок имениннику можно надрать в соседнем палисаднике! На похоронах моей пятиюродной сестры я плакала громче всех за пятьдесят рублей!

– Скидывалась? – заскрипели зубами скупердяи.

– Заняла она у меня до получки! Как от сердца я ей оторвала! – всхлипнула я. – Не успела спрятать. И соврать не получилось! Она меня прямо в магазине с деньгами в руках поймала, когда я их в кошелек

складывала! Я вообще в магазин хожу со своим пакетом! Да я тюбики с зубной пастой выдавливаю до тех пор, пока краска с них не слезет, а потом высасываю последнюю каплю и сплевываю ее на щетку! Не пропадать же добру! – воскликнула я, глядя на реакцию избирателей.

– А диплом есть? – спросил кто-то из особо настырных и дотошных, которых волновало образование кандидата.

– Да, с двойкой по математике! – ответила я. – Когда мы решали задачи на деление и отнимание, я сидела и рыдала весь урок. А на экзамене как раз такая задача и попалась!

Избиратели были в восторге. Мне захотелось подразнить их как следует:

– А знаете, что я подарила мужу на прошлый день рождения? На юбилей? Стельки!

Избиратели напряглись. Я выждала паузу, а потом с лукавой и счастливой улыбкой добавила:

– А через два дня нашла их у него в шкафу и забрала себе! Не последний же праздник у мужа! Он у меня любит сюрпризы! – довольно шмыгнув носом, развлекалась я, вспоминая все патологические примеры жадности, о которых мне хоть раз доводилось слышать. – А вот совсем недавно, перед тем как попасть сюда, я уронила монетку в общественный туалет!

– И? – заволновались избиратели.

– Сначала расстроилась, а потом вспомнила, что деньги не пахнут! – гордо сообщила я, чувствуя себя настоящей жадиной.

– А дети у вас есть? – спросили меня. Вопрос провокационный!

– Нет! Нам денег на них жалко! Это же такие траты! Одеть, обусть, накормить! Я даже суп недосаливаю, чтобы соль экономить! И недовариваю! Да я никогда обгоревшие спички не выбрасываю! Одной обгоревшей спичкой можно перенести огонь с одной конфорки на другую еще три раза! – ответила я.

– А как же вы так без детей-то? Покупаете или рискуете? – недоверчиво спросила какая-то дама.

– Ни то ни другое. Один раз купили, а теперь стираем, сушим на веревочке, а потом снова используем! – обалдела я от своей находчивости.

Годвин, стоящий рядом, закашлялся и чуть не упал. Краем уха я услышала: «Держись, мужик!» – явно адресованное моему законному политическому оппоненту.

– А продукты покупаете? – поинтересовалась у меня какая-то практичная мадам.

– Берем самые дешевые! А если надо что-то, то идем к соседям и просим! Они у нас в рай собирались, поэтому дают! Нам с соседями повезло! – отозвалась я, чувствуя себя не только жадиной, но и патологической врунней. – Вот прямо перед тем, как попасть сюда, я сходила на свадьбу своих друзей! Я подарила им дешевый горшочек с трещиной и лопнувший шарик! Они, конечно, поблагодарили. А что? Я же как от сердца оторвала! Две недели искала по всему дому, чтобы им такое подарить! Не знаю, как для новобрачных, но для меня свадьба окупилась! Я мало того что объелась, так еще и половину блюд с собой домой унесла! Чуть руки не оборвала! Пешком тащила! Денег жалко было за проезд!

– А как ты сюда попала? – спросил какой-то мужичок, пряча под одежду мои предвыборные листовки.

– Да! – поддержали его избиратели. – За монеткой под колеса бросилась?

Ничего себе! До такого варианта я бы не додумалась!

– Или выпила просроченные лекарства? – поинтересовалась какая-то старуха.

– От голода умерла? – спросил какой-то скелет, обтянутый кожей.

Тоже вариант, но мне нужно было что-то эпическое! Или классическое! Но в то же время впечатляющее до глубины жадной души! Такое, чтобы я стала в их глазах национальным героем покруче дядюшки Скруджа!

«Да чтоб тебя жаба задавила!» – в сердцах воскликнула совесть, пытаюсь припомнить хотя бы часть того, что я тут рассказываю. Судя по ее недовольству, она все приняла за чистую монету и поняла, что у нее проблемы с памятью, раз она упустила такое! Обидно было то, что совесть не удивилась, аргументируя свое спокойствие тем, что от меня можно ожидать чего угодно!

– Меня жаба задавила! – тихо сказала я. – Большая такая, железная. Мне ее подарили на день рождения. Шла я мимо своих сокровищ. Они у меня вдоль коридора лежали. До потолка доставали. Поскользнулась, зацепила какую-то доску, та, в свою очередь, – стеклянные бутылки, картонки, пачку старых газет, которые я всю жизнь собирала. А потом сверху этой кучи на меня жаба падает. Все! И вот, попав сюда, я поняла, что жадность – это единственный грех, который на самом деле правит миром! Именно поэтому я решила баллотироваться на титул королевы ада! Мы – сила! Нас называют жадными, но мы не жадные. Мы экономные! Нельзя допустить, чтобы к власти пришел какой-то транжира! Мы не допустим! Это наш долг! Мы, жадины, должны править адом! Все нас презирают,

считают нас говном! Мы и есть говно! Но пусть каждый знает, на что мы способны! Г.О.В.Н.О. должно говорить громко! Пусть наш голос услышат! Голосуйте за Г.О.В.Н.О.! Голосуйте за Симу! Вместе мы сила! – воскликнула я, подняв сжатый кулак вверх для убедительности!

Народу идея понравилась, судя по горячим обсуждениям! Я съехала, как и мечтала, на попе с горы. Точнее, я хотела съехать на тапках, как лыжник, но волею законов физики пришлось съезжать на центре тяжести.

Пора продолжать наши гастроли, тем более что, окрыленная успехом, я поняла секрет успешной агитации.

– Страшный ты человек, Сима, – вздохнул Годвин, помогая мне подняться. – Я тут подумываю в другую партию вступить, к твоему конкуренту! По сравнению с тобой он вообще святой!

– Друзья! – крикнула я грешникам напоследок, чтобы закрепить успех. – Голосуйте за меня, потому что другой кандидат еще хуже! Отдайте душу за меня, и жадность будет править адом!

– Переживать будем, голосовать – нет. Души жалко! – ответили мне избиратели.

Глава 22

Ослик ИО и контрольная закуска

Первая неудача сразу выбила меня из колеи. Это ж надо! Я тут перед ними распиналась, душу наизнанку выворачивала, а их жаба душил отдать души!

Мы вошли в дверь, на которой было написано: «Acedia», что в переводе означает «уныние» или «лень». Именно эта дверь больше всего соответствовала моему положительному настрою. Хотелось положить на все и уйти в закат с бутылкой виски. За дверью кипела работа, подбадриваемая лозунгами «Копаем от забора до обеда!», «Круглое неси, квадратное кати!», «Бери больше, кидай дальше, а пока летит – отдыхай!», «Лучший отдых – смена работы!» Очень мотивирует, особенно когда говорят: «На том свете отдохнешь!» Адский труд на плантациях, укладка асфальта под проливным дождем, какие-то копательные работы – это еще далеко не полный перечень того, что нам предстояло увидеть. Мы с чародеем появились именно в тот момент, когда раздался звуковой сигнал из огромного рупора: «Отдыхаем!» Это мы зашли удачно! Сейчас самое время присесть на уши трудовому народу! «Землю – крестьянам, заводы – рабочим, власть – Гражданскому Обществу Возрождения Независимой Общественности! Даешь, товарищи, адскую революцию! Ура! Грешники всех кругов, объединяйтесь!»

«Неправильно ты, дядя Федор, избирателей окучиваешь! Крестьянам и рабочим нужно деньги обещать! Так вкуснее будет!» – заявила совесть так, словно досталась мне по наследству от какого-то политика.

Из рупора донеслось: «Лучший отдых – смена работы!» Трудовые ресурсы стали мигрировать между рабочими местами, взявшись за работу со свежими силами, но с прежним страданием на лицах.

«Лучший отдых – смена власти! – заметила совесть, смирившись с тем, что я жадина. – Считай на свадебном путешествии сэкономили и друг от друга отдохнули!»

Трудовой народ снова интенсивно копал, носил, грузил, укладывал, сажал.

«Ни минуты покоя! Ни минуты покоя!» – пропела совесть. Она, как настоящая совесть, может бесконечно спокойно и умиротворенно смотреть на четыре вещи. На то, как горит огонь, как течет вода, как кто-то работает

и как отсчитывают мне зарплату.

Над горизонтом высились трубы какого-то огромного завода или фабрики, куда мы решили проследовать незамедлительно.

Прямо на проходной перед вертушкой нас встретил крайне недружелюбный охранник.

– Гони пропуск! – потребовал он, протягивая руку в решетчатое окошечко.

«Проверки на вас нет!» – возмутилась совесть, люто ненавидя пропускные системы и хамство, которое является неотъемлемой частью этого аттракциона. Ах, пропуск! Я достала стопку наших листков, перевернула один из них, обмакнула перо в чернильницу и стала писать, положив свою стопку на бортик вертушки.

– Охранник в невежливой форме потребовал пропуск, – вслух проговорила я. – Коллега, я занесла это в протокол проверки.

Годвин с подозрением посмотрел на меня, а потом решил утвердительно кивнуть. На всякий случай.

– Где ваша должностная инструкция? – потребовала я, протягивая руку охраннику. – Ваш экземплярчик, пожалуйста. Какие функции выполняете, какую ответственность несете, как должны разговаривать с посетителями?

– Мм... – замялся охранник. Глаза его забегали в поисках чего-то похожего на инструкцию, но ничего даже отдаленно ее напоминающего в поле зрения обнаружено не было.

– Понятно. Трудовой коллектив с должностными инструкциями не ознакомлен! Правила техники безопасности на рабочем месте где? – не отставала я, чувствуя себя настоящим проверяющим.

Охранник сглотнул. От гонора не осталось и следа.

– А должны висеть здесь! – сказала я металлическим голосом, тыча пальцем в первую попавшуюся стену. – Где противопожарный стенд? Где средства для тушения пожаров, я спрашиваю?

Бедняга покраснел, надеясь сойти за огнетушитель, но у него не вышло.

– Коллега, – обратилась я к Годвину, занося это все в протокол. – Я чувствую, что у нас бумаги не хватит на все нарушения!

– А почему вы в таком виде? – спросил охранник, вскакивая с места.

– Нам дали приказ провести проверку на производстве под видом грешников! – как бы невзначай буркнула я с недовольным видом. – Не мешайте заполнять протокол! А лучше найдите директора всего этого безобразия!

Охранник бросился бегом, оставив свой пост без присмотра. Годвин

удивленно посмотрел на меня, потом потянул вперед, мол, чего стоим, когда есть возможность попасть внутрь незамеченными, раз охранник куда-то смылся.

– Нет, – улыбнулась я. – Сейчас нам мало того что экскурсию проведут, так еще и накормят, напоят и развлекут как следует!

Минут через двадцать появился запыхавшийся демон, на ходу надевая мятый пиджак и поправляя завязанный узлом галстук. С его лба градом катил пот, словно он только что победил в марафонском забеге.

– Директора сейчас нет! Он на совещании, на восьмом кругу! Срочно вызвали по поводу предвыборной кампании! Я – и.о.! – заблеял демон, приосанившись. – Пройдемте...

Охранник тут же сел на свое место и стал имитировать бурную деятельность.

– Уважаемый ИО, почему охранник покидает свой пост, оставляя на нем посетителей? Если бы мы были посторонними людьми, то давно бы уже проникли на территорию вверенного вам объекта и натворили черт знает что! – возмутилась я такой халатности. – Заносим в протокол.

Годвин с умным видом кивнул.

Мы прошли мимо кабинета с надписью: «Бухгалтерия», откуда раздавалось чавканье. Немного замедлив шаг, я остановилась рядом с ним, приводя в ужас бедного ослика ИО. За дверью слышались голоса: «Ешь давай! Я уже третий отчет доедаю! А ты все первый осилить не можешь!» – «Передайте водичку. У меня оборотная ведомость поперек горла встала!»

– Нам поручили проверить все, включая бухгалтерию, – сказала я, схватившись за ручку. ИО схватился за сердце.

– У них там обеденный перерыв! – воскликнул он, спешно пытаясь увести нас подальше. Вот так всегда! На самом интересном месте!

Мы проследовали в кабинет к ИО, который тут же стал шарить по столу в поисках стаканов и чего-нибудь съестного.

– Вы, наверное, устали? – суетился он, доставая початую бутылку.

– Мы не пьем. Мы при исполнении! – категорически ответила я, глядя на пустой стол. – Вижу, что к проверке вы оказались не готовы.

– Да, это так внезапно! – охнул ИО, отпивая из горла. – Я понимаю, что все мы не без греха... Да, нарушений много... Но мы с ними боремся! Каждый день боремся! И будем бороться! Только я вас прошу... Не докладывайте о них... Я вас умоляю... Меня же с должности снимут!

– Вы оптимист, – холодно улыбнулась я.

Ослик ИО сглотнул, садясь в кресло. Нужно было что-то придумать дальше, но мозг отказывался соображать. Что обычно делает пожарная

инспекция? Проверяет с секундомером, за сколько минут все эвакуируются. Не буду же я стоять с секундомером, засекая скорость распространения учебного огня, а потом считать количество условно выживших? И тут меня посетила гениальная и очень опасная идея.

– Итак, вам приходил приказ № 666/13 о том, чтобы провести профилактические работы во избежание вражеской агитации? – спросила я, наседая на беднягу.

– К-к-конечно! Я лично расписывался в получении! – соврал ослик ИО, утирая пот со лба.

– И какие меры вы приняли во избежание вражеской агитации? – спросила я, приготовив перо.

– Все вышеперечисленные и нижеизложенные! – отрапортовал ИО.

Я показала рукой на молчаливого чародея. Годвин молча посмотрел на ослика, который сразу понял, что дело пахнет жареным.

– Это глава комитета по борьбе с незаконным распространением политической информации в устной, письменной и воздушно-капельной форме! – представила я своего спутника. – Сейчас мы узнаем, насколько вы выполнили приказ! Где тут у вас громкая связь? Сейчас проверим, как реагируют ваши подчиненные на вражескую агитацию.

Через две минуты мы стояли в радиорубке. Ослик ИО проверил микрофон, сообщив примерно следующее:

– Уважаемые трудящиеся! Слушайте внимательно то, что говорит эта женщина! Это очень важная информация! Вы должны не просто принять ее к сведению, а еще и выполнить и доложить! Понятно?

Я прокашлялась и сообщила:

– Уважаемые трудящиеся! Меня зовут Сима, и я представляю Гражданское Общество Возрождения Независимой Общественности! Коротко – Г.О.В.Н.О. Долой власть тирана! Даешь честные выборы! Голосуйте за меня! Голосуйте за Г.О.В.Н.О.! Даешь дерьмократию!

Все! А что вы хотели?

– А теперь, уважаемый ИО, – обратилась я, доставая одну листовку, – мы с моим коллегой должны провести опрос среди трудящихся, оценить их мнение о вражеской партии по стобальной шкале! А вот вам важная информация! Враг не дремлет. Он уже выпустил листовки. Одну такую нам передали в качестве образца! Растиражируйте их и раздайте всем! Пусть все знают врага в лицо! Если появится кто-то с такой листовкой, срочно сообщите его величеству! Вы все поняли?

– А протокол? – поинтересовался ослик, вызывая секретаря и отдавая ей приказ сделать огромное количество копий и раздать каждому

трудящемуся под роспись.

– Поскольку у вас это первая проверка... – задумчиво протянула я, как бы надрывая исписанный листочек. – Да и вы производите впечатление очень ответственного руководителя...

Листочек надорвался сильнее.

– И готовы устранить нарушения сразу после устного замечания, – листочек порвался почти до половины, – мы готовы дать вам еще один шанс под нашу ответственность!

Я порвала листик. Годвин кивнул, ослик выдохнул.

Мы спокойно вышли с территории завода. При виде нас охранник тут же вскочил, услужливо открывая дверь. Тем временем какие-то офисные дамы сновали среди рабочих, выдавая листовки под роспись. Словом, работа шла полным ходом.

– Жаль бухгалтерию... – вздохнула я, бросив последний взгляд на гостеприимный завод. – Зря отчеты съели... Надеюсь, что не подавились...

– Ты страшный человек, Сима... – рассмеялся Годвин, обнимая меня за плечи.

Поскольку я проголодалась, то предложила сунуться в дверь с надписью: «Gula», что означает «чревоугодие».

Открыв дверь, мы попали прямо на огромную площадь, где отовсюду тянулись соблазнительные запахи. Справа и слева шли кафе и рестораны с вычурными названиями, а над площадью висел огромный экран, где шла кулинарная передача.

«...После того как мы натерли курочку специями, можно закладывать ее в духовку. Не забудьте добавить картошечки! А пока мы с вами приготовим соус...»

Во рту сразу натекло ведро слюней. Желудок заурчал, глядя, какой красивой и аппетитной получается курочка после сорока минут, проведенных в солярии. Изысканный соус, который так нежно струился по ее золотистой спинке, запеченная картошечка, которая была присыпана зеленью, вызывали у моего пустого желудка мучительные приступы самопереваривания.

– Книжки о вкусной и здоровой пище! Не хотите ли приобрести? Посмотрите, какая полиграфия, какие картинки! – кричал какой-то толстый грешник надрывным и грустным голосом.

«...А теперь мы взобьем воздушное суфле. Для этого нам понадобится сахарная пудра, яйца... А теперь по традиции наши гости попробуют это замечательное блюдо».

И тут же два демона стали с удовольствием разделять курицу,

жевать ее так, что даже я не выдержала и отвернулась.

– Годвин, – спросила, проглатывая слюнки, – в чем подвох?

– А черт его знает! – пожал плечами чародей, с наслаждением вдыхая ароматы.

– Не знаю, как ты, но я не прочь перекусить! – радостно сказала я, потянув волшебника в сторону какого-то ресторана.

Войдя внутрь, мы удивились роскошной обстановке. Все картины, висящие на стенах, явно говорили о том, что пришло время кушать. Удивительные натюрморты, где каждая виноградинка прямо лучилась светом, а каждое яблочко кокетливо бликовало спелым бочком, просто поражали голодное воображение. Прямо перед нами была стеклянная витрина с различными яствами, от которых мой желудок сделал кульбит и потребовал все и сразу. Некоторые из блюд я раньше видела только на картинке, а теперь истекаю слюной, глядя на эти шедевры кулинарного искусства. Почему-то витрина с блюдами была мокрой, а под ногами хлюпала огромная лужа. Неужели холодильник потек? Непохоже.

И треснул лиф напололам.

Я, словно вор,

Сижусь на кухне...

У меня ночной дождор! —

пропела совесть, намекая мне о последствиях внеурочного голода. И тут в зале заиграла музыка. Сначала я подумала, что это песня «Velle», но, прислушавшись к словам, поняла, что смысл у нее изменился целиком и полностью от любовно-эротического до пикантно-гастрономического.

Борщ! Красный борщ сметаной я разбавлю.

Хлеб! Я кусочек хлеба в рот отправлю!

А на второе две котлеты и пюре,

Потом печенье, два пирожных и желе!

Там оливье еще осталось «со вчера»!

Да и колбаске в рот отправиться пора!

Еще полтортика, салатик из маслин,

Потом банан и очень сочный апельсин...

Я сплю и вижу в холодильнике балык!

О, сколько счастья мне приносит этот миг!

После такой песни мой желудок заорал: «Хватит! Достаточно! Я уже не могу!» Интересно, где-нибудь здесь есть надпись «В случае крайнего голода – выдернуть шнур, выдавить стекло»? Пройдя немного дальше, мы увидели толпу людей, которые стояли, молча пожирая глазами всю эту красоту. Одна дамочка необъятных габаритов стояла на коленях, облизывая стекло. Я схватила стул и уже собиралась разбить им витрину, но меня остановил какой-то толстяк со слюнявчиком.

– Я бы на вашем месте даже не пытался! – сказал он. – Вы же не хотите работать кондитером?

– Пойдем, – простонала какая-то толстуха, беря его под руку, – пойдем, фастфуд посмотрим...

– Мы его уже сегодня раз семь смотрели! – вздохнул толстяк. – Давай лучше домашнюю кухню посмотрим! Мы туда давно не заходили!

Теперь понятно, в чем тут подвох. Годвин тоже сглотнул, понимая, что все эти кулинарные изыски нам не светят.

Мы вышли на центральную площадь, прошли мимо музея «Кухни народов мира», дойдя до огромного экрана, где уже готовили рагу из индейки. Лицо повара выражало такое страдание, когда он демонстрировал готовое блюдо, что хотелось убить его на месте, чтобы прекратить его муки.

Все толстяки и толстушки стояли и словно под гипнозом смотрели на этот кулинарный театр, изредка переговариваясь относительно суровости наказания для ведущего.

Все мои попытки обратить на себя внимание с целью предвыборной агитации закончились положительно. На меня просто положили, и все. Предвыборные обещания в рот не положишь и на хлеб не намажешь!

«Але! Это телевидение?» – голосом фрекен Бок спросила совесть. Кстати, идея просто отличная! Почему бы не накосячить так, чтобы меня заставили вести кулинарную передачу? Вот тебе готовая трибуна, а вот голодные избиратели, которые будут внимать каждому моему слову! Осталось только узнать, что можно такое сделать, чтобы меня отправили прямиком в студию!

– А за что это его так? – спросила я у ближайшей толстухи, которая стояла и смотрела, открыв рот, на готовые слоечки с вишней, которые радостно уплетали два демона, обсуждая тонкий вкус приготовленного блюда и изысканный аромат. Прямо передача «Контрольная закуска».

– За то, что разбил витрину и даже успел лизнуть форель! – вздохнула дама.

– Годвин, – улыбнулась я, – ты кушать хочешь? Фирма платит! Пошли,

ограбим ресторан! Ты какую кухню предпочитаешь?

– Чистую! – ответил Годвин так, словно он был моим мужем-чистоплюем. – А вообще я от любой бы не отказался!

– Вот и отлично! Только есть придется очень быстро! О! Заглянем в «Быстро», – потянула я волшебника в ближайший музей-ресторан. Взяв стул, прицелившись как следует, я с мерзкой улыбкой разбила витрину. Схватив ближайший гамбургер, запихнув его в рот почти целиком, я начала активно работать челюстями. Годвин медленно, с расстановкой начал жевать хот-дог.

«Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. И лучшим средством от любви для нас всегда была еда!» – глубокомысленно произнесла совесть.

– Стоять на месте! Не двигаться! – заорал кто-то позади нас. Я уже доела гамбургер, сыто икая. Годвин только успел откусить от хот-дога.

Мы посмотрели на тех, кто пришел за нами. Демон был одет в спортивный костюм, а демонесса – в белый медицинский халат. Прямо Скалли и Малдер, а точнее физрук и медсестра.

– Вы нарушили диету! За это вам полагается наказание! – сказал демон, для убедительности свистя в свисток.

– Вы знаете, сколько в гамбургере калорий? – возмутилась демонесса. – А холестерина?

А также белков, жиров, углеводов... Я вытерла грязные руки о скатерть на столе и тут же с глухим воем повалилась на пол, мол, только не кулинарную передачу вести! Я умоляю! Только не это! Годвин не успел доесть хот-дог, и демон выхватил у него еду прямо из рук. Бедный чародей никогда не учился в школе и не научился доедать булочку за пару секунд до звонка.

– Кулинарная передача! – вынес свой вердикт демон-физрук.

– Точно! – кивнула демонесса-медсестра.

Довольно цыкая зубом, я отправилась нести заслуженное наказание. Нас привели в студию, где не было ничего, кроме длинного стола.

– Помните, попытки съесть, откусить, облизать караются пожизненным фитнесом! – предупредил меня демон-физрук.

– А попытки облизать пальцы – профилактической клизмой! – сурово произнесла демонесса-медсестра.

Нам с Годвиным выдали два красивых фартука, которые мы тут же помогли друг другу завязать. Если рассуждать логически, то я пострадала за дело, а чародей – за компанию. Он даже поесть толком не успел! Поэтому вести кулинарное шоу буду я, а волшебник – ассистировать.

– А продукты где брать? – поинтересовалась я, разглядывая стол. – Я тут по сусекам скрести не собираюсь!

– Когда вы произносите название продукта, он появляется на столе! – ответила медсестра.

Прямо скатерть-самобранка!

– А руки мыть? – возмутилась я. – Не буду же я готовить грязными руками? А где косынка?

Кстати, а вас тоже мучил вопрос, почему большинство кулинаров-шоуменов готовят еду без косынки или поварского колпака, трусая своими прическами прямо в кастрюлю? И почему не показывают, как дегустаторы вытаскивают волосы из еды и развешивают их по краям тарелки?

– А зачем? Вам все равно никто не позволит съесть то, что вы готовите! – удивился демон-физрук.

Ну, слава богу! А то я уже волновалась, что мне это придется кушать! Утешили! Успокоили! Ну что ж, приступим! Мотор, начали.

– Здравствуйте, – улыбнулась я. – Меня зовут Сима, и сегодня мы будем готовить политическое блюдо под названием «Голосуй за меня!».

Годвин достал из-под стола самую большую кастрюлю с инвентарным номером и водрузил ее на стол. Алюминиевая, старая, с огромной крышкой, похожей на щит, она явно была стырена из какого-то общепита.

– О, какие муки... – произнесла я, и передо мной появился мешочек с мукой. – Какие страшные муки терзают ваши души здесь, в аду!

Оп! Еще один мешок муки! Зря он появился, что ли? И его, родимого, определим в кастрюлю! Я щедро, на глазок высыпала содержимое мешков в кастрюлю, подняв белое облако.

– Но вся соль... – в моей руке появилась пачка соли, которую я тут же опрокинула в кастрюльку, – в том, что мы безропотно терпим все эти муки.

Кажется, с солью я переборщила. Оп! И снова мука! И снова в кастрюлю!

– Я понимаю, что жизнь – не сахар и не мед! – Пакет сахара и целая бутылка меда отправились напрямиком в муку. – Но мы должны сделать правильный выбор! Никто не принесет вам варенье на блюдечке с голубой каемочкой.

Я ждала, когда с блюдечка стечет варенье прямо поверх сахара и меда.

– Но у нас – крепкие яйца! – выдала я, разбивая десяток яиц прямо в кастрюлю. – И никто не сможет нам помешать.

В моей руке появилась ложка, которой я стала перемешивать огромный слипшийся коричневый ком, поразительно-подозрительно напоминающий нечто очень созвучное с названием нашей партии.

– Я понимаю, что наш конкурент вешает лапшу на уши! – Целый пакет сухой лапши отправился к варенью. Выглядит моя стряпня очень неаппетитно. Мои соблазнавания тому, кто будет ее дегустировать. – Я предлагаю плюнуть на все! – Демоны за кадром развели руками, и я с радостью плюнула в кастрюлю. – Не нужно смотреть на все с кислой миной, словно вы только что хлебнули уксуса! Нужно действовать! Как бы ни умащивал вас мой конкурент, какую бы патоку ни лил, не ведитесь! Слишком жирно ему отдавать корону! Сами знаете, что рыба начинает гнить с головы! Мы должны быть крепкими, как орешки! Чтобы о нас можно было сломать зубы! Я не собираюсь лить воду и сыпать соль на рану! Да и вы не ждите, когда яблоко на голову упадет! Я обещаю вам молочные реки и кисельные берега! Я обещаю, что все будет в шоколаде!

Все вышеперечисленное переключало в огромное алюминиевое чудовище, включая банку жира неизвестного происхождения, от запаха которого у меня в зобу дыханье сперло. Годвин заглянул в кастрюлю, и ему тоже поплохело. Из огромного коричневого кома выглядывали нечищенные рыбные головы сомнительной свежести. Позеленевший чародей отвернулся со страдальческим видом, зажав рот рукой. Теперь я знаю, почему ведьмы, которых рисуют над котлом, имеют зеленоватую кожу и ужасное выражение лица!

– Сима, меня сейчас стошнит... – прошептал он, натужно сглатывая. – У меня желудок слабый... Какое счастье, что я не успел поесть!

– Кашу маслом не испортишь! – ответила я, засыпая кастрюлю перловкой и выливая подсолнечное масло.

– Вот теперь точно... – простонал Годвин, стараясь не вникать в особенности карательной кулинарии, отвернувшись в сторону и надувая щеки, как хомяк.

– Могу рецептик подогнать! – улыбнулась я, стараясь не смотреть в кастрюлю. На пару секунд мне захотелось разучиться дышать.

– Если вы проголосуете за моего конкурента, вам достанется по самые помидоры! Я – та, кто вам нужен! Я пришла, чтобы бросить ложку дегтя в правительственную бочку меда! Меня зовут Сима, и я еще дам жару!

Огромный столб огня полыхнул откуда-то из-под кастрюли, заставив меня отшатнуться назад. Кастрюля мгновенно нагрелась, а варево закипело, распространяя ужасный, тошнотворный аромат. Годвин побледнел, сражаясь с приступами, раздувая щеки. Демоны тоже выглядели немного смущенно и чуточку обескураженно. Они явно никогда не жили в общепитии и не готовили на общей кухне!

Я попросила Годвина помочь вытряхнуть мой кулинарный изыск на

большую тарелку. По-моему он даже немного подгорел, что добавило пикантности. Кастрюлю проще было выбросить, чем отмыть.

– Мы должны быть решительными и резать наверняка! – в моей руке появился нож. Он оказался бессилён и затупился. Я его бросила в кастрюлю.

– Хватит смотреть на распил власти! – в моей протянутой руке появилась пила. С душераздирающими звуками пила вгрызлась в подгоревшую корочку.

– Голосуйте, – решила я закруглиться со своими кулинарными экспериментами, похожими на экскременты, – за Г.О.В.Н.О.!

Я подняла блюдо на руках, чтобы все видели, за что нужно голосовать.

Годвин отодвинулся подальше. А я обернулась к демонам, которые, судя по их лицам, были сами не прочь посидеть на диете.

– Кушать подано! Не смотрите так! Все полезно, что в рот полезло! Горячо – сыро не бывает! – заявила я, глядя, как демоны, пересиливая себя, пытаются поднести обгоревший кусочек ко рту.

– Иди отсюда! – простонала демонесса, запихивая мое творение себе в рот и пытаясь при этом изобразить улыбку.

– А как же второе и компот? Я тут целый комплексный обед собиралась приготовить! – обиделась я.

«Кабы я была царицей, – говорит одна девица, – то на весь крещеный мир приготовила б я пир», – сказала совесть, с ужасом глядя на подгоревшую корочку с обугленной рыбной головой. «Во-первых, если все пройдет как по маслу, я буду не царицей, а императрицей! А вот насчет пира ты это здорово придумала!» – гордо ответила я.

Мы спокойно вышли на улицу. Прямо под экраном стояли толстячки-хомячки, наблюдая за смертельным номером в исполнении двух страдальцев, которые пытаются найти тонкие оттенки вкуса в моем кулинарном чуде. Еще бы! Это их работа! Судя по их разговорам, блюдо – просто пальчики оближешь, а вот судя по лицам, дрянь редкостная.

– Земной поклон замечательному повару, – произнесла демонесса, наклоняясь под стол, где Годвин оставил пустую кастрюлю.

– Да, такой вкуснятины, – демон скривился, пережевывая рыбную голову, – я давно не ел. Я тоже... преклоняюсь перед мастерством!

– Как думаешь, за нас проголосуют? – спросила я у чародея.

– Посмотрим, – сказал Годвин, отворачиваясь от экрана. – Я вот тут думаю. Насколько сильно он тебя любит, что решил на тебе жениться!

– Вот и я думаю, что это настоящая любовь! А за настоящую любовь стоит бороться! – гордо сказала я.

Глава 23

Г.О.В.Н.О. на вентилятор

Правильно говорят, что завтрак нужно съесть самому, обед разделить с другом, а ужин отдать врагу. Дегустировать самой ту стряпню, которой давились бедные демоны, урча майонезиком, я не собиралась ни в каком виде и ни под каким соусом. Даже на пару с другом, а вот отдать врагу – пожалуйста! Значит, это был ужин, несмотря на столь позднее время. Я взглянула на часы, достав телефон из корсета. Времени должно было хватить еще на четыре круга, которые мы должны обойти в преддверии дебатов. Почему-то вдруг стало очень интересно, как это корона не видит явных нарушений в предвыборной гонке? Неужели Вадим ее тряпочкой завязывает? Сразу представила моего мужа в чалме а-ля султан из сказки «Тысячу одной за ночь».

«Тысяча и одна ночь!» – возмутилась совесть явному искажению фактов. «Тысяча и один раз за ночь!» – улыбнулась я, оставив совесть в недоумении.

– Годвин, – я робко потянула чародея за рукав, – я, кажись, фартук сперла... Ну как сперла? Отдать забыла! Думаешь, они сильно расстроятся?

На мне был фирменный фартук, который я впопыхах забыла снять.

– Сима, брать чужое нехорошо! – строгим голосом произнес мой спутник, а потом добавил: – Но свое отдавать еще хуже!

– Давай считать, что я его выиграла на кулинарном шоу! – радостно предложила я, надеясь, что совесть меня не слышит.

«Что? Ты украла фартук? – возмутилась совесть. – Надеюсь, что никто не заметил! Если заметил, то придется убрать свидетелей! Ни с чем не соглашайся, все отрицай, ничего не подписывай!»

Я выдохнула с облегчением. Совесть в курсе? Совесть в доле!

Дверь с женским именем «Іга» сразу мне не понравилась, но выбирать особо не хотелось, поэтому я решительно толкнула ее, затаскивая чародея внутрь. Интересно, какое наказание ждет особо раздражительных и гневливых особей человеческого рода? Что бы я себе ни представляла, реальность оказалась настолько ужасной, что мне тут же захотелось пропустить этот круг.

«Нам важен каждый голос!» – заволновалась моя совесть, не давая мне уйти. Конечно, на голосовании она меня живьем съест, если вспомнит, что

я пропустила один круг.

Мы стояли в центре огромного кольца-пробки. Справа, слева, отовсюду раздавались душераздирающий скрип тормозов, рев глушителя, шум мотора. По внутреннему ободку кольца были размещены переполненные остановки, а по кольцу ехал огромный, похожий на особо жадную гусеницу, укусившую себя за хвост, автобус-гармошка. Ехал – это преувеличение. Скорее двигался в час по чайной ложке. Мой глаз автоматически начал дергаться.

– Это что за хтоническое чудовище? – спросил волшебник, с ужасом глядя на автобус.

– Это исчадье ада моего мира! Способ доставки тела из точки «а!» в точку «бе!», – пояснила я далекому от технического прогресса моего мира чародею. – Причем точка «а!» означает, что твой автобус наконец-то подъехал и не придется идти пешком и мерзнуть на остановке. А точка «бе!» наступает тогда, когда ты уже полтора часа стоишь в кромешном непроветриваемом аду, нюхая смесь парфюмов, пота и множество других очень разнообразных запахов, от которых хочется попросить пакетик. Но еще более кошмарный вариант – это когда ты сидишь, а водитель играет в игру «газ-тормоз». Возникает такое чувство, что желудок в момент резкого торможения с ужасным хлопом вылетает на стекло, а потом снова втягивается внутрь. Сосед рядом орет на весь автобус, разговаривая по телефону, играет любимая музыка водителя, а очень толстая тетя отказывается пройти по салону, чтобы выпустить хоть кого-то на следующей остановке. К концу поездки ты забываешь, куда и зачем едешь! В такие моменты пару лет отсидки за убийство уже не кажутся тебе столь суровым наказанием.

– Думаешь, я что-то понял из всего, что ты сказала? – спросил Годвин, задумчиво глядя на автобус.

– Я и не надеялась, что ты поймешь! Я просто успокоила совесть, предупредив тебя заранее! Учти, многие не выдерживают! Этот аттракцион не для слабонервных! – ответила я, запихивая предвыборные листовки в карман фартука. – А сейчас нам придется разделиться! Я пойду осуществлять свою детскую мечту быть кондуктором, а ты пойдешь за мной следом, изображая контроль на линии!

Оказывается, нет худа без добра! Фартук, который я случайно прихватила, теперь превратится в неотъемлемый аксессуар кондуктора! Нет, все-таки везение – это замечательная вещь! Мне будет ее не хватать!

Я схватила первую попавшуюся листовку, свернула ее до размеров бейджика, написала печатными буквами «Контролер», нарисовала подобие

печати и вручила чародею.

– И что мне с этим делать? – поинтересовался бедняга.

– Проверять билеты и прочие проездные удостоверения! – сказала я. – У тебя булавка есть?

– Была где-то... Сейчас посмотрю... – Волшебник пошарил по карманам, проверил воротник. – Нашел! Держи!

Я приколола «бейджик» к лацкану его камзола.

– Береги ее как зеницу ока! В случае крайней необходимости воспользуйся ею. Она может спасти тебе жизнь! – серьезно заявила я, поправляя фартук. – План прост. Заходишь и повторяешь одну и ту же фразу: «Предъявите билеты!»

– Теперь я вооружен и очень опасен! – съехидничал Годвин, снисходительно глядя на меня. Ха! Он мне еще спасибо скажет.

Мы встали на переполненной остановке с очень серьезным видом. Когда автобус поравнялся с нами передней дверью и оттуда вывалилась толпа помятого и злобного народа, я пихнула Годвина вперед, пролезая внутрь. Чародея зажало между бабушкой с необъятной тачкой и хлюпающим пакетом и огромных размеров барышней в розовом сарафане. Бедняга влип! Причем влип в потную, частично оголенную спину очень упитанной красавицы, исполняющей традиционные обязанности «салонной пробки на входе и выходе».

«Меня засосала опасная трясина... Кондуктор, нажми на тормоза!» – пропела совесть пропитым голосом, сочувствуя бедняге и побуждая меня спасти несчастного от столь страшной и нелепой смерти. «А вдруг ему приятно?» – ответила я, вспоминая его расплющенное лицо с глазами, полными ужаса.

Дамочка решила проверить, кто или что прилипло к ее спине. Нащупав голову чародея, она взвизгнула и разразилась руганью на весь автобус:

– Мерзавец! Ты что себе позволяешь! Маньяк! Извращенец!

– Успокойся, я просто пытаюсь пройти! – попытался протиснуться чародей.

– А что ты мне тыкаешь? – озверела дама.

– Женщина! Это не я, а мое колено! – злобно ответил вспотевший колдун.

– Я, между прочим, девушкой с утра была! – обиженно заорал «розовый сарафан».

– Поверьте, мое колено тут ни при чем! – возмутился Годвин. – И вообще, отвернитесь от меня. Вы лук ели!

«Выживет!» – заметила совесть, а я, набрав воздуха в грудь, крикнула:

– Билеты! На линии работает контроль! Готовим проездные удостоверения! Копии, ксерокопии проездных документов не принимаются! Билеты! Кто берет билеты в кассе, тот идет пешком по трассе!

Настал мой звездный час. Ко мне рефлексивно потянулись руки с мелочью. Я радостно стала складывать ее в карман, выдавая свою предвыборную листовку.

– Кто билеты не берет, тот пешком домой идет! – орала я. – Передаем за проезд!

Ловко орудуя локтями, протискиваясь сквозь живую массу пассажиров, я «обилечивала», как говорят мои коллеги-кондукторы, с риском для жизни и здоровья.

– Девушка! Не толкайтесь! – орал какой-то крупногабаритный мужик, подпирая головой потолок. – Иначе я вам сам локтем заеду!

– Я – кондуктор! – нагло заорала я в ответку. – Мне можно! Работа у меня такая! Делать массажи локтями! Могу сделать эротический массаж коленкой!

– Откройте люки! – истошно орал женский голос. – Задохнемся же!

Мужик поднатужился и открыл люк.

– Вы что! – раздался старушечий голос. – А ну быстро закройте люк, меня сейчас просквозит!

– Да рот закрой, старая карга! – возмутился какой-то молодой пацан, открывая окно.

– Доживешь до моих лет, будешь обзывать! – орала старуха. – Лучше место мне уступи!

– Да я уже не дожил! – огрызнулся парень.

– Да, молодой человек, уступите место старушке! – возмутились какие-то стоящие тетки с огромными сумками в руках. Самое интересное, что на плечо закинуть сумки дамы не удосужились, а телепали их над головами сидящих.

– Билеты! – орала я, пытаюсь перекрыть нарастающие крики толпы. – Контроль на линии! Сохраняйте билеты до конца поездки!

Мой фартук становился все тяжелее и тяжелее от мелочи, но листовок должно было хватить на всех. Теперь я напоминала свинью-копилку.

– Передаем за проезд! На линии работает контроль.

– Не лапайте меня! – пробасила какая-то полная и очень потная дама, пытаюсь выпихнуть меня через «запасный выход», то есть через окно. Я поднырнула под ее локтем, продвигаясь дальше по салону.

– Вы не выходите? – спросил какой-то полуголый щуплик,

схватившись за поручень, как стриптизер в ночном клубе.

– Выходят замуж. Но я не вижу ни кольца, ни шампанского... – огрызнулась я, пытаюсь просочиться сквозь людскую массу.

– Ну куда ты прешь! – возмутилась тетка, перегораживая огромной челночной сумкой весь проход. – Осторожнее можно?

– Ай-я-яй! – злорадно и мстительно сказала я. – А за крупногабаритный багаж придется доплачивать!

– Это же ручная кладь! – возмутилась тетка, глядя на свою неподъемную сумку.

Ага, а я робот из жидкого металла!

– Ну тогда бери его в руку и держи на весу! – сообщила я, глядя, как дамочка краснеет и надувается.

Позади меня народ начал обсуждать мой стишок и, как обычно, ударился в политику. По привычке ругали правящую партию, возлагали надежды на новую, ругали новую, вспоминая достижения старой.

Краем уха во всеобщем гуле я уловила: «Предъявите билеты!» Годвин отлип от тети и тоже вступил в игру. Надеюсь, булавка ему не пригодилась.

Может быть, вам кажется, что сделать пять шагов – это проще простого, но попробуйте сделать эти несчастные пять шагов в переполненном транспорте.

Автобус остановился, и прямо в открытую перед моим носом дверь зашел бомж. Колоритный такой, облезлый и вонючий. На ногах он стоять не мог, поэтому качался, даже ухватившись за поручень. Моментально вокруг него образовалась зона отчуждения сродни Чернобыльской. От бомжа несло перегаром, и его заметно укачивало. Я постаралась максимально ускориться, чтобы не столкнуться с ним нос к носу.

– Щас спую! – просипел бомж, протягивая черную от грязи руку в сторону пассажиров, прося подаяние. – У Курского вокзала... стою я молодой... Подайте, Христа ради... – завыл он, вызывая попоболь у всех присутствующих.

Проскочив мимо бомжа, я столкнулась нос к носу с каким-то мужичком, который держал в руках табличку: «Памагити бальному рибенку на апирацию!» Он ткнул мне табличкой прямо в лицо, словно я тут единственный меценат и спонсор.

– А где ребенок? Что болит? – спросила я, пытаюсь от него отвязаться. Но он упорно совал мне фотографию какого-то мальчугана с вотермарком одного известного сайта стоковых изображений.

– Все болит! – заорал мужик, пытаюсь бить на жалость, не давая мне проходу.

Я миновала и этого товарища, продвигаясь вперед, собирая мелочь и выдавая билеты. Автобус приближался к концу, точно так же как и мои силы. Мелочь просыпалась под ноги, но я даже не наклонялась, чтобы ее собрать. Где-то на передней площадке возникла потасовка, в которой, как я надеюсь, Годвин участия не принимал.

И вот она, задняя площадка. Обилетив всех, я выдохнула, повиснув на поручне, дожидаясь чародея. Остановка. Я уже думала сойти, но Годвина все не было. Зато вошла какая-то старуха, одетая, между прочим, очень даже прилично и благообразно.

Но стоило ей открыть рот, как донеслись такие слова, от которых я молча сглотнула.

– Воры! Везде воры! Потаскухи! – орала бабка, брызжа слюной. Все стали орать на бабку, чтобы вела себя потише. Но бабушка не унималась и добавила пару децибелов громкости к своему изобличающему монологу, под аккомпанемент скрипящих, как гвоздь по стеклу, тормозов. Тапки мои были потеряны где-то в середине салона и возвращаться за ними не хотелось.

Снова остановка. Я решила, что не переживу всего этого ужаса, и сползла по ступенькам вниз. Я чуть не бросилась целовать землю. Такой счастливой я себя давненько не чувствовала. Толпа, которая вышла вместе со мной, почти иссякла. И тут я увидела, как, шатаясь, с полубезумным взглядом, потрепанный, как потерпевший кораблекрушение, выползает Годвин.

Я подхватила беднягу под руку и потащила в сторону. Немного отдышавшись, Годвин схватился за лицо. Правая сторона у него горела так, словно он только что получил по физиономии.

– Это кто тебя так? – удивленно спросила я.

– Парнишка с рюкзаком... – простонал чародей. – Я ему, мол, предъявите билет. А он как развернется вместе с рюкзаком да как мне по лицу даст этим проклятым баулом... А еще тетка какая-то на каблуках! Три раза, сволочь, мне по ноге прошлась... Нет, Сима, теперь я видел все...

Мимо нас промелькнула кабина, где сидела куча водителей, оравших благим матом: «Ты куда, козлина, прешь! Правила учи!»

– Да ладно тебе. Я так каждый день с работы ездила. Прикольно, когда у тебя в руках пакет с яйцами, на плече ноутбук и новые колготки. Так вот, я добилась такого мастерства, что ни зацепки, ни дырочки! Учиться надо!

– Как называется эта штукавина? – поинтересовался чародей, соображая что-то в уме.

– Автобус в час пик! – улыбнулась я.

– Отлично... Замечательно... Ладно, пора двигаться дальше, – потряс головой Годвин. – Так там еще тетка была... От нее кашей воняло... Перловкой... И кошками... Точнее котами...

– Все, успокаивайся... – ласково сказала я, похлопав беднягу по спине.

Дверь, которую мы выбрали следующей, называлась «Invidia», что в переводе означает «зависть». Приятное созвучие с известной торговой маркой видеокарт, которые в процессе своей работы на новой операционной системе делают так, что начинаешь завидовать тем, у кого нет ни новой операционки, ни пресловутой видеокарты, придало мне сил и злости.

Открыв дверь, мы немного обалдели. Унылая деревушка, напоминающая ну очень отдаленную от цивилизации глубинку, где единственный бог плодородия – вертолет, а единственный магазин – сельпо, где продается все, от картошки до гробов. Все домики были одинаковые, все покосившиеся заборчики были одинаковые и даже корявые засохшие деревья напоминали мне о волшебной функции «копи-паст». Мои пальцы автоматически стали шарить в воздухе в поисках заветной комбинации клавиш.

Из дома напротив вышла женщина в грязных обносках, которые некогда были домашним халатом. Злобно зыркнув в сторону соседского дома, плюнув в сторону соседского забора, она поежилась и закашлялась, подавившись слюной.

– Понастроили хоромы! Ишь, деньги девать некуда! И колонны, и мраморные ступеньки, и статуи, и даже швейцар стоит у входа! – проворчала она, зеленея.

Я протерла глаза, чтобы понять, где у соседской хибарки колонны и мраморные ступени? Швейцара я тоже не увидела. Рублевкой здесь не пахло, это точно! Если здесь Рублевка, тогда мы с Годвином – рублевские бомжи. Только, чур, я – не Сифон!

Тем временем дама, давясь и зеленея от зависти, подошла к маленькому почтовому ящику и достала оттуда пачку журналов. Один журнал она открыла сразу, охая, ахая и вздыхая. Судя по промелькнувшему названию, это был «Форбс».

– Живут же люди! – запричитала она, перелистывая роскошные интерьеры дворцов, яхт и отелей. Тут из дома вышел ее не менее колоритный супруг, схватив журнал с какими-то красотками на обложке, бросив тоскливый взгляд на страшную, как моя долгожданная встреча с любимым, жену, и вернулся обратно в дом, громко хлопнув дверью. Из дома раздалось: «...На передаче «Кто хочет стать миллионером» вы же

тоже хотите выиграть миллион? А сегодня вашему соседу удастся это сделать!»

– Да выключи, наконец! – заорала противным голосом жена.

– Не могу! Он не выключается! – раздался голос мужа из открытого окна.

– Ну тогда переключи! – заверещала супруга страшным голосом, пытаясь заткнуть уши.

«И вот он, победитель! Вы удивитесь, но победил ваш сосед! Никому еще не удавалось сорвать джекпот, поэтому впервые за всю историю мы вручаем этот приз в размере...»

– Я же просила, переключи! – заорала женщина, швыряя журналы на землю.

«Самой красивой женщиной года была названа жена вашего соседа! Только полюбуйте, как смотрится на ней изумительное кольцо ручной работы, сделанное известным ювелиром. Напомню, что платье, подаренное ей любящим супругом, расшито драгоценными камнями уникальной огранки. Стоимость этого подарка...»

Мы не стали останавливаться и пошли по улице дальше. Я ради интереса вытащила из первого попавшегося ящика журналы. Первый журнал назывался «Сын маминной подруги». На обложке был изображен успешный, подтянутый, красивый молодой человек на фоне дворца и роскошного авто. Прямо на обложке, как и в любом приличном журнале, были размещены самые важные заголовки: «Сын маминной подруги женился на девушке из *очень* богатой семьи!», «Сын маминной подруги открыл успешный бизнес!», «Сын маминной подруги поменял уже двадцатую машину!», «Сын маминной подруги на отдыхе!». Журнал для женщин назывался «Дочь маминной подруги». Роскошная красотка с идеальной фигурой, с мужем, который был очень похож на героя предыдущего журнала. Судя по заголовкам, она вышла замуж за миллионера, родила ему троих здоровых детей, каждый день получает кофе в постель и бриллиантовые украшения в подарок от любящего олигарха, отдыхает на самых роскошных курортах, муж подарил ей дворец и шикарное авто. Все вышеперечисленное меня не проняло. Я столько раз слушала рассказы про успешных «детей маминных подруг», что у меня уже сформировался стойкий иммунитет к «Ой, сегодня я встретила одну мою знакомую! Представляешь, ее дочка, твоя ровесница, вышла замуж. Причем так удачно! Он – топ-менеджер крупной транснациональной корпорации. Она мне фото показывала на телефоне, где они отдыхали за границей!». Тьфу! И тут в мою голову залетела шальная мысль. А почему бы не

пригласить маму на свадьбу? Я понимаю, что ей придется многое объяснять, но я думаю, что она все поймет. А то как-то действительно некрасиво получается. Свадьба есть, а мама на ней не присутствует. Про отца я молчу. Он ушел в закат, когда мне стукнуло десять, и ни разу с тех пор не появлялся на горизонте моей жизни. Ну как ушел? Ушел, прихватив из квартиры все совместно нажитое вместе с мамой имущество, включая холодильник и мои игрушки. Первую ночь после папиного ухода я запомнила на всю оставшуюся жизнь. Мы с мамой спали на принесенном сердобольными соседями матрасе, прямо на полу. Мама тогда была счастлива, что унитаз и раковину ему спилить не удалось! Так что приглашения на свадьбу он не дождется. Ладно, размечталась. Времени не так уж и много осталось.

– Слышишь, а может быть, нам немного поспамить? – задумчиво спросила я, представляя себя почтальоном Печкиным, который принес заметку про замечательную партию с очень неаппетитным названием. – Подбросим людям Г.О.В.Н.О.?

– Чего? – переспросил чародей.

– Положить наши предвыборные листовки в почтовые ящики! – пояснила я, запихивая журналы обратно в ящик вместе с нашей листовкой.

Из дома вышел какой-то мужик, оглянувшись вокруг и так и не обратив на нас внимания, взял камень и кинул его в соседский огород.

– Так тебе и надо! Тоже мне, богатенький! Ну и что, что у тебя роскошная машина? И дворец в три этажа! И жена – модель! И волосы есть! Шоб ты сдох! – сплюнул он себе на ботинок. Взяв свежую пачку поводов для зависти, он пролистал их, выронив наш листок. Задумчиво почесав плешивую голову, он, просмотрев его, скомкал и выбросил. Ответ был очевиден.

– Годвин, у меня есть идея... Только тебе она не понравится! – Я посчитала своим долгом предупредить чародея заранее.

– Сима, я не сомневаюсь... точнее, уже не сомневаюсь в твоей изобретательности. Я просто начинаю ее бояться! – заметил Годвин, оглядываясь по сторонам.

– Ха! Схема – железная! Главное, действенная. И ни в одном уголовном кодексе она не засветилась! Но действовать нужно нагло и решительно! Итак, я – известная порченаводительница, темная колдунья Серафима. Наведу порчу на соседей. Порчу им жизнь. Но порча сработает только при условии голосования за мою кандидатуру! Как тебе такой вариант? – поинтересовалась я.

– И снова обман? – заметил чародей, потрепав меня по голове.

– А как иначе? – удивилась я. – Побеждает хитрейший! А мне эта победа очень нужна!

– Не шибко ты похожа на провидицу... – покачал головой Годвин. – Это раз! Второе, где возьмем реквизит? Просто будем ходить по улицам и орать, как блаженные?

– Может, украдем? Или позаимствуем на время? – радостно сообщила я. – Хотя нет, можно сделать все намного проще!

– И смысл во всем этом представлении? – поинтересовался чародей.

– Люди готовы поверить во все, что угодно, особенно если это является оправданием всех неудач! – многообещающе улыбнулась я, доставая чернильницу и беря в руки одну листовку.

Это невероятно! Недавно я встретила великую провидицу Даздраперму. Она спросила, что меня тяготит, и я ответила: «Почему у моих соседей все лучше, чем у меня? Почему у меня нет ничего, а у моих соседей есть все? Почему они такие удачливые?» И тогда мудрая провидица сказала: «Я открою тебе секрет! Есть способ сделать так, чтобы все было наоборот!» Я усомнилась: «Неужели это поможет?» И тогда она ответила мне с улыбкой: «Конечно!» Она дала мне бумажку и велела переписать ее двадцать раз. Когда я закончила, провидица сказала, чтобы я очень осторожно засунула ее в ящик к двадцати удачливым людям, и тогда удача отвернется от них и перейдет ко мне, а их жизнь превратится в говно! «А что будет, если я не сделаю этого?» – спросила я. На что провидица ответила: «Тогда ты потеряешь даже то, что у тебя есть, а твои соседи станут еще успешней и еще богаче!»

Это письмо уже обошло полмира и все, кто его получал и правильно выполнял все рекомендации, теперь богатые, успешные и удачливые. Некогда его получили все богачи из журнала «Форбс». Долгое время они хранили свой секрет, не раскрывая его никому, но это письмо удалось похитить и переписать!

Перепиши это письмо двадцать раз и жди знака свыше!

Дальше я не додумала. Никак не могла придумать взаимосвязь между всеобщим эфемерным счастьем и названием своей партии.

– Сима, а покороче можно? – спросил офигевший волшебник, читая мои каракули через плечо. – Они же до скончания века будут это переписывать! Я уже не говорю о том, что это форменный бред.

«Письма... Письма лично на почту ношу, словно я роман с продолженьем пишу...» – пропела совесть. «Знаю, не получит их мой

адресат! Адрес нужно четче писать!» – допела я. «Где-то письмо мое. Где? Где? Где? Где? Где-то на почте в Караганде!» – спела совесть. «Жа-а-аль, ждут его в Вологде!»

– Покороче, говоришь? – спросила я, поднимая бровь. Ха! А чародей прав. Нужно что-то короткое, обязательно упомянув название партии!

Хочешь подкинуть успешным соседям говна? Перепиши эту записку десять раз и подкинь ее десяти соседям! И тогда их жизнь превратится в ГОВНО! Если ты уничтожишь этот листок, то твоя жизнь превратится в ГОВНО! В течение шести дней случится чудо. Выбери Г. О.В.Н.О., и твои соседи захлебнутся в нем!

Шедевр! Четко, понятно, лаконично, а главное, что политически верно! Я перечитала письмо и сунула в первый попавшийся почтовый ящик.

«Лети с приветом, вернись с ответом!» – сказала совесть, глядя, как оно исчезает среди журналов.

– Годвин, у нас места в первом ряду! – радостно сказала я, отходя подальше. – Посмотрим, сработает или нет. Если не сработает, то придется прикидываться провидицей!

– Давай поспорим! Я говорю, что нет! Не сработает! – радостно сказал чародей, протягивая мне руку.

– А мне кажется, что да! Помни, ты споришь с пока что самым удачливым человеком на свете! – Я пожала протянутую руку. – На что спорим? – поинтересовалась я, немного волнуясь.

– На желание! – ответил чародей.

– Сам предложил. Потом не жалуйся! – улыбнулась я, гипнотизируя взглядом почтовый ящик.

Прошло пять минут. Из дома появилась какая-то затравленная женщина, подошла к почтовому ящику, достала журналы и увидела мое письмо «несчастья». Сначала она хотела его выбросить, а потом прочитала. Бросив взгляд на соседские огороды, она побежала в дом.

– Я же говорил, что не сработает! Люди не настолько тупы, чтобы... – начал Годвин, но тут же на пороге появилась дама со стопкой бумаги. Воровато оглядываясь, она стала распихивать бумажки по чужим ящикам, злорадно потирая руки. И так все десять раз.

– Беру свои слова обратно. А вдруг это просто случайность? – заметил уязвленный волшебник.

Когда мы покидали эту юдоль черной зависти, почтовые ящики

ломились от нашего предвыборного спама, а чародей, причитая: «Нет, ну это полный бред! Да как так можно?» – проспорил мне желание, которое я еще не придумала!

Выйдя к семи дверям, я уже не чувствовала себя витязем на распутье. Время начинало поджимать, а мы еще два округа избирателей не окучили.

Глава 24

Адъос либидо, или Ютруп!

Дверь под названием «Superbia», что означает «гордыня и тщеславие», распахнулась перед нами, стоило лишь прикоснуться к заветной створке.

«Добро пожаловать в Ютруп!» – гласила надпись, парящая в воздухе. Мы очутились в огромном зрительном зале, который был битком набит народом.

На сцене стояла женщина с кошкой, которой она тыкала в сторону зрительного зала. Над головой женщины висело сердечко, а рядом с ним была циферка 5.

– А вот мой кот в профиль! А вот я надеваю на него платочек и дергаю за хвост! Посмотрите на прикольный узор на его морде... Наверное, он мутант! А еще он умеет петь! Я дергаю его за хвост, и он поет!

Циферка превратилась в единицу, что очень сильно расстроило живодерку.

До этого я была уверена, что вся живность автоматически попадает в рай. Не знаю, чем именно провинился этот кот, раз попал сюда вместе со своей домомучительницей, но, видать, накосячил бедняга серьезно!

В гробовой тишине раздался раздраженный голос:

– Говно! Боян!

И расстроенная дама с кошастиком слезла со сцены. Вместо нее на сцене очутился какой-то мужик с тарелкой. Он гордо продемонстрировал содержимое тарелки залу.

– Картошечка! Жареная! Сам приготовил! Могу поделиться рецептом! – заорал мужик с циферкой 10 над головой. Зал молча посмотрел на него, и снова раздалось:

– Говно! Боян!

Циферка над головой не изменилась.

– Я могу надеть тарелку на голову! Вот прямо сейчас возьму и опрокину ее на себя! – заорал мужик, заметно нервничая. Зал прореагировал на угрозы гробовой тишиной.

Кто-то убрал свой лайк, и их осталось девять.

Расстроенный мужик, доедая картошку на ходу, стал слезать со сцены, споткнулся, уронил тарелку, разбил ее вдребезги. В зале раздалась одобрительные смешки. Лайк вернули.

На сцене тем временем появился следующий чудака с молотком в руке.

– Я сейчас попробую выбить себе зубы молотком, а потом... – произнес чудака с более чем сотней лайков над головой, доставая из кармана тюбик клея, – попробую приклеить их на место!

Мужик посмотрел на зал, который одобрительно зашептался, потом перевел взгляд на молоток и ударил самого себя по лицу.

– Ай-я-ой-ы-ы-ы-ы! – заорал он под радостные аплодисменты довольной публики. Количество лайков стало расти в геометрической прогрессии. Дрожащими руками он стал собирать осколки зубов на полу. Но то ли он перестарался, то ли редко ходил к стоматологу, но теперь не то что тюбик клея, тут даже заядлый любитель пазлов не справится с поставленной задачей. Зал разочарованно вздохнул. И теперь над головой страдальца было всего лишь пятьдесят шесть лайков.

Облившись клеем, пытаясь приладить хотя бы часть зубов на место, бедняга вынужден был покинуть сцену, бросив на прощание:

– Я пошленелуюшь и еще поплобую. Ждите швежего выпушка. Подпишывайтешь на мой канал.

Передо мной появилось табло, где я могла поставить лайк, но я проигнорировала его.

В этот момент я пожалела, что в аптеках не продается лекарство «Ядебил», способное хоть как-то снять симптомы одноименной болезни. Или хотя бы не допускать рецидивов. Следом поднялась роскошная блондинка, смахивающая на куклу Барби. Она просто постояла и погримасничала, но, увы, оваций не сорвала. Расстроенная своей неудачей, она схватила бритву и сообщила, что только ради зрителей готова сбрить себе брови и волосы, а потом нарисовать их заново при помощи банки строительной эмали по ржавчине и мелка от тараканов «Машенька»! Количество лайков над ее головой уменьшилось на пять, что сильно обеспокоило красавицу.

– Боян! – заорал голос из зала, провожая блондинку тишиной.

– Я могу показать рецепт пилинга в домашних условиях серной кислотой... – смутилась девушка, понимая, что номер провалился, а количество подписчиков начинает неумолимо снижаться.

На сцену поднялась еще одна блондинка с очень внушительным бюстом. Она взяла в руки скакалку и начала радостно прыгать. Я проследила взгляд чародея и поняла, что свою часть аудитории она все-таки покорила. Правда, хлопки были одиночные и какие-то вялые. Да, ничто не ново в этом мире! Зато десять лайков она получила, причем особо не напрягаясь.

Прямо откуда-то сверху на сцену упал какой-то пацанчик, конвульсивно дергаясь в предсмертных судорогах.

Зал одобрительно захохотал, закивал и разразился аплодисментами. Пацанчик передумал помирать и полез за кулисы. Почти весь зал подписался на неудавшегося самоубийцу в надежде, что в следующий раз ему повезет меньше.

На сцене появился мужик с набором инструментов. Он тащил за собой старый пылесос. На начало номера у него было всего-то тридцать лайков.

– Сейчас я покажу вам, как сделать атомную бомбу из старого пылесоса, пластикового стаканчика, резинки и проволоки. Но помимо всего перечисленного нам понадобится уран или плутоний, отвертка и старые электронные часы. Из часов мы сможем сделать красивый таймер. Думаю, что у каждого в доме найдется все необходимое для создания атомной бомбы.

Ага, у меня под подушкой коробочка с урановой рудой. Храню на случай, если сломается пылесос, или на случай, если захочу снять блог о том, как я красиво умираю от лучевой болезни.

– Мне часто задают один и тот же вопрос... – Мужик стал ловко разбирать пылесос.

«У меня только один вопрос. Где он раздобыл урановую руду?» – офигела моя совесть, глядя на местного Кулибина. Не помню, чтобы ее можно было купить в хозяйственном магазине.

– Проволоку какого сечения брать? Подойдет ли обычная медная в гофре? Я отвечаю: подойдет. Мы ею подвяжем шланг, чтобы он не мешал нам... – продолжил мужик, надевая резиновые медицинские перчатки. Они спасут его от излучения! Сто процентов!

– Фу! – возмутился кто-то из зала! – Скучота! Учи матчасть!

Хм... Да, и правда... Скучно, долго и совсем неинтересно.

– На сегодня я закругляюсь. Завтра я расскажу, как делать водородную бомбу при помощи перекиси водорода! До новых встреч! – Мужик поволок свой полуразобранный пылесос за шланг, погрузив в него все ингредиенты. Кто-то снял свой лайк, но что значит один лайк по сравнению с ядерным взрывом? Дешево отделался горе-изобретатель.

Какая-то девочка лет двенадцати с полным набором косметики поднялась на сцену и писклявым голоском торжественно объявила, что сейчас научит всех правильно краситься!

– Боян! Пошла вон! – заорал зал, и девочка расстроено побрела прочь. Единственный лайк над ее головой так и остался в гордом одиночестве. Очевидно, что лайкать саму себя еще никто не запрещал!

– Годвин, – подергала я чародея за рукав, отгоняя рукой навязчивую табличку «Хотите ли вы подписаться и лайкнуть этого человека?». – Мы умеем делать что-то дебильное? Совсем дебильное?

– Дебильней того, что я только что видел? – спросил мой спутник, не отрывая глаз от сцены, где какой-то пацан пытался поджечь сам себя. – Сомневаюсь...

– Я, например, умею отвратительно петь. Но чувствую, что публика здесь искушенная. Моим завыванием никого не впечатлишь! – расстроилась я, глядя, как на сцену поднялась девушка с гитарой и стала петь настолько отвратительно, что там, где я училась, она преподавала.

Судя по всему, здесь собрались все номинанты на премию Дарвина! Любители делать селфи на фоне обрывов и на крышах многоэтажек, на рельсах, под стук колес неумолимо надвигающегося поезда, доморощенные врачи и косметологи, открывшие доселе неизвестный науке волшебный эффект оздоровления и омоложения у бытовой химии, желающие доказать всему миру, как просто можно почесать спину бензопилой, и прочие люди, отдавшие жизнь во имя просмотров и лайков.

Кстати, о селфи... У меня же есть неубиваемый телефон! Почему бы не похвастаться? Я достала своего Дункана Маклауда в пластиковом корпусе и целенаправленно двинулась в сторону сцены. Там как раз под жиденькие аплодисменты пытался выковырять себе глаз зубочисткой какой-то затейник. Корчась от боли, мучаясь от кровопотери, страдая от отсутствия желающих подписаться на него, бедняга закончил самоистязание и отправился в зрительный зал.

Я вышла и сразу же заявила, что хочу показать фокус, как сделать свой телефон бессмертным.

– Сначала я продемонстрирую вам его возможности! – радостно сказала я, швыряя его со всей силы на пол. Подняв его, я показала, что он целый и невредимый. В зале раздался шепот. Судя по всему, такого испытания оказалось недостаточно, чтобы убедить искушенную публику. Ладно! Я притащила самый большой молоток, который только смогла найти за кулисами. Положив телефон на пол, я размахнулась, молясь, чтобы не попасть себе по ноге, опустила его прямо на бликующий в ярком свете софитов экран. Народ встал, чтобы убедиться, что я метко попала в цель. Молоток загудел вместе с моими руками. Телефон не пострадал.

Я бросила молоток на пол и попросила любого из зала убедиться в чистоте эксперимента.

Поднялся уже одноглазый парнишка, зажимая вытекший глаз рукой.

– Тебе хорошо видно? – поинтересовалась я с легким сомнением,

поднимая молоток в воздух. Опустив его прямо на экран, я невольно зажмурилась и услышала ужасающие крики боли.

Открыв глаза, я увидела, что деревяшка все еще зажата в моей руке, а вот железяка отлетела в сторону одноглазого и попала ему прямо в ногу. Теперь он валялся и орал, наслаждаясь аплодисментами.

– Еще! – заорала публика, приходя в неопиcуемый восторг от такого развития событий.

– Подписывайтесь на мой канал, голосуйте за Г.О.В.Н.О. на предстоящих выборах, и один из вас получит этот неубиваемый телефон в подарок! – радостно заявила я, сходя со сцены.

«Да ты что! С ума сош...» – начала совесть, но я мысленно засунула ей в рот кляп. Она помычала и притихла.

Я подняла глаза вверх и увидела, как количество лайков над моей головой растет со скоростью звука. Парнишке тоже перепали лайки, чему он был несказанно рад. Корчась от боли, он поблагодарил меня за то, что у него прибавилось подписчиков, сообщил, что лично подписался на меня, и помахал мне окровавленной рукой. Я улыбнулась и пошла прочь со сцены.

– Ты собираешься подарить им вот эту штуку? – удивился чародей, глядя на растущее количество поклонников моего экспромта и любителей халявы по совместительству.

– Нет! – ответила я. – Ничего я не собираюсь никому дарить!

– А как же твое обещание? – спросил Годвин, не переставая удивляться моей честности.

– Знаешь, в Интернете в каждой группе, почти на каждом канале разыгрываются очень дорогие телефоны, но я не знаю ни одного человека, который выиграл бы старенькую нокию-орехокол. Но почему-то все уверены, что награда находит своего победителя! В этом-то и заключается фокус.

– Как-то некрасиво получается! – заявил Годвин, недоумевая, как у меня язык повернулся дать обещание, которое я не собираюсь выполнять!

– Годвин, а Годвин, – сказала я, останавливаясь, – ты лайк мне ставил?

– У меня появилось такое окошечко, мол, поставить лайк и подписаться. Я выбрал «да», – растерянно сказал чародей, но тут же добавил: – Это не значит, что мне понравилось. Просто из уважения и ради того, чтобы выбраться отсюда.

– Держи! – сказала я, протягивая ему свой телефон. – Ты выиграл, поздравляю! Видишь, я сказала правду! Я никого не обманула.

Годвин принял из моих рук телефон, повертел его, не зная, что с ним делать.

– А теперь, помнишь, что ты мне проспорил желание? Верни телефон обратно! – улыбнулась я, принимая из рук чародея мой любимый смартфончик. – Видишь, формально я выполнила свое обещание! Ты успокоился?

Чародей рассмеялся, потрепав меня по голове. Совесть, которой я успела засунуть кляп в рот, наконец-то смогла его прожевать и уже хотела высказаться, но, оценив мой жест, успокоилась. И, по-моему, даже меня зауважала. Какая-то у меня неправильная совесть, которая делает неправильные выводы.

Оставалась еще одна дверь с надписью: «Luxuria», что в переводе на великий и могучий означает «блуд». Толкнув дверь, мы с чародеем очутились в самом романтическом месте в мире. В лунном свете мы увидели вывеску: «Мотель “Одна ночь”». Обнаженная красотка в двусмысленной позе зазывала пальцем посетить эту обитель плотских утех.

– А вот мы и в гнезде разврата! – радостно потер ручки чародей, словно собрался наверстать вынужденное воздержание за годы пребывания в крысином облике.

Мы вошли в просторный холл, освещенный красноватым светом. Где-то вдалеке играла медленная ненавязчивая музыка, горели свечи и пахло какими-то экзотическими благовониями. Прямо перед нами стояла кровать в форме сердца, намекающая на то, чего в СССР не было и быть не могло.

– Знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего на свете? – спросила я, впиваясь глазами в мягкую кровать. Соблазнительные подушечки в форме сердечек, разбросанные по всему периметру шелковые простыни и стеганое двуспальное одеяло намекали мне о незабываемом блаженстве, которое меня ждет, если я всей поверхностью тела соприкоснусь с поверхностью кровати.

Годвин сглотнул, а потом подошел и обнял меня.

– Мне тоже этого очень хочется... Ты себе не представляешь как! – сказал чародей нежным голосом, убирая прядь волос с моего лица.

– Но я борюсь со своим желанием... – продолжила я, тоскливо глядя на это прекрасное ложе. – Потому что знаю, что стоит мне поддаться искушению, как все, что я делала до этого, будет напрасно...

– И это верно! – с тяжелым вздохом согласился Годвин, тоже глядя на роскошную кровать. – Но может быть, стоит попробовать... Тем более что обстановка, мягко говоря, очень располагает... Тем более что я уже лет пять не делал этого на кровати...

– Чего не делал на кровати? – очнулась я, подозрительно глядя на чародея. – Я просто выспаться хочу! Просто выспаться! Завернуться в

одеяло и выспаться! А ты что подумал?

– Я тоже хочу выспаться! – возмутился Годвин. – Я смотрю на кровать и понимаю, что я уже несколько лет не спал на кровати!

Повисла неловкая пауза, и мы рассмеялись.

– Здравствуйте, – обратилась к нам девушка из-за стойки, дождавшись конца нашей трогательной сцены. Прямо над стойкой возвышалась статуя Аполлона. Не просто статуя, а именно та, у которой на сторублевой купюре разглядели достоинство расширением пиксель на пиксель, за что потребовали запретить ее как аморальную и растлевающую подрастающее поколение. Пока добрые дяди и тети бегали за лупой и микроскопом, тщательно изучая номинал купюры и обсуждая размеры и качество печати «органа преткновения», высокоморальные дети, требующие защиты от растления, спокойно забивали в поисковики заветные слова и кликали на кнопку «Мне уже есть 18 лет!».

«Юный Иоганн Себастьян Бах каждый день тренировался играть на своем маленьком органе!» – вздохнула совесть, вспоминая мое сочинение на тему «Любимый композитор», которое повергло учительницу музыки в незабываемый экстаз. Экстаз был так силен, что она так и не рискнула прочитать это вслух перед всем классом и молча потеряла мою тетрадь. Я сразу рассудила, что когда Иоганн Себастьян был совсем юным, ему не нужен был большой орган. Он вполне мог тренироваться играть на маленьком! Зато тетрадь нашлась прямо на родительском собрании, где произвела фурор среди родителей. Зачитывая полюбившиеся моменты из категории «Свадьба Фига», «Волшебнутаая флейта» и «Танец Ондатры», учительница передумала отдавать тетрадку моей маме и оставила ее себе. На память. Так я вошла в историю школы. Потом я закрепила свой успех невнимательным переписыванием упражнения по русскому языку: «Собака и кошка мирно кушали своего друга-лесника. Выходит, что все звери могут жить дружно!» Доброта лесника благодаря пропущенному предлогу вышла ему боком. Посмертно. Зато звери подружились! Это же так мило!

– Чем могу вам помочь? – любезно напомнила о себе девушка, поправляя аккуратный галстучек.

– Простите, что вы только что сказали? – вяло переспросила я, чувствуя, что непосредственная близость к кровати негативно сказывается на моей работоспособности. Моя внутренняя батарейка показывала критически низкий уровень заряда бодрости и оптимизма, особенно когда речь шла о предстоящих предвыборных дебатах.

– Чем я могу вам помочь? – вежливо повторила девушка. – У нас к номеру прилагаются дополнительные услуги: явление мужа в самый

неподходящий момент со скандалом, явление жены в самый неподходящий момент...

– А у вас есть готовое резюме?.. – прокашлялась я, тоскливо глядя на администратора. – Если сюда явится мой муж, то вам оно очень пригодится. Либо для поиска новой работы, либо для некролога.

– Все вы так говорите! – обиделась девушка. – Я устала маникюрной пилочкой рога мужьям подпиливать, чтобы они в дверь могли пройти! Заполняйте анкеты!

Перед нами появилось два бланка. И одна перьевая ручка. А за ручку, я так понимаю, нужно побороться? Ладно! Я достала свое перо и чернильницу и села заполнять свою анкету. Такое чувство, что я случайно зарегистрировалась на сайте службы знакомств. Нужно было указать все параметры «идеального партнера», включая пол. О как! Толерантность! Эм или Жо? Пусть будет Эм. Я поставила галочки от фонаря, ибо провести оставшиеся дни с «идеалом» я не собиралась. Последний пункт меня немного напряг. Хобби вашего идеала. Я пробежала глазами все варианты от «шахмат» до «собиранья марок». Крепко задумавшись, я случайно посадила кляксу напротив графы «Политический обозреватель». Ну и черт с ним. Будь что будет!

Вручив анкету девушке, я почувствовала легкое покалывание по всему телу. Через пару мгновений раздался глухой щелчок, и я очутилась в роскошном гостиничном номере со всеми удобствами. На диване валялся «мужчина из анкеты» в семейных трусах. Мужчиной из заполненной анкеты оказался какой-то лысый задохлик, издали смахивающий на профессора Х, у которого глупые волосы безвозвратно и преждевременно покинули умную голову, обеспечив экономию на шампуне и расческе. Осталось ненавязчиво обеспечить ему первую группу инвалидности и можно собирать команду людей со сверхспособностями люди «Ха». Великий диванный патриот, политический наркоман, новостной маньяк уткнулся в телевизор, напрочь игнорируя меня. Я подергала дверь. Дверь была заперта. Окон, как ни странно, я не обнаружила. Бежать было некуда. Засада!

Тем временем диктор бодреньким голосом с экрана что-то задорно вещал, перелистывая бумажку за бумажкой. На заднем плане горели языки пламени и заголовок «Адские новости».

– По последним сводкам предварительного опроса, партия ЛСД вырывается вперед, обгоняя Г.О.В.Н.О. на 90 %. «Я не буду голосовать за партию с таким названием! – фальшиво возмутилась какая-то красавица. – Коричневый цвет сегодня не в моде!» Как видите, народ воспринял новую

партию достаточно агрессивно. Буквально сорок минут назад пикетчики, которые требовали не допускать эту партию к выборам, сожгли под стенами дворца чучело ее основательницы, некой Симы.

Я молча подвинула ногу «мужчины явно не моей мечты» и присела на диванчик рядом, по привычке обгрызая ноготь на большом пальце правой руки. Я всегда так делаю, когда нервишки шалют.

– Отстань, милая! Не видишь, я новости смотрю! – пробурчал «муж на час», неправильно истолковав мой жест. – Как можно думать об интиме, когда в мире такое творится!

И вправду, как? Это же нонсенс! «Муж на час» пошевелил ногами, на которых красовались дырявые носки.

– А как же супружеский долг? – с недоумением спросила я, понимая, в чем тут заключается подвох. – Супружеский долг, товарищ, это дело чести! Понимаешь, если ты не будешь выполнять супружеский долг, могут прийти супружеские коллекторы! И выбить с тебя супружеский долг в грубой и очень извращенной форме!

– Тсс... Сейчас про вторую партию говорить будут! – напрягся мужчина 100 % не моей мечты, прильнув к экрану.

– Тем временем мы все готовимся к предвыборным дебатам, которые назначены на сегодня. Как утверждает ныне правящий король, у него на оппонента есть целая папка компромата. Ну что ж... Поживем – увидим! А теперь к другим новостям. Нам удалось раздобыть часть информации про одного из участников предвыборной гонки. Лидер партии Г.О.В.Н.О., некая Сима, была ранее судима за нанесение тяжких телесных повреждений и оскорбления чести и достоинства. Чтобы избежать наказания в виде сожжения на костре, она и ее сообщники организовали дерзкий побег!

Тяжкие телесные? Вы что? Издеваетесь? У меня глаза на лоб полезли. Вадим побои в милицию пошел снимать? Когда я с ним разговаривала после этого, никаких тяжких телесных я не заметила. Максимум – легкие душевные.

– Также ее обвиняют в поджоге заповедника! Часть леса удалось спасти, в пострадавший от огня сектор были высланы добровольцы для тушения. Напоминаем, что этот прекрасный, девственный уголок дикой природы был создан с целью охраны реликтовых деревьев. Масштаб разрушений оценить невозможно, но можно с уверенностью сказать, что на восстановление понадобится лет триста... Также мы проводим расследование относительно законности постройки дома, где базируется штаб-квартира политической партии Г.О.В.Н.О. на территории заповедной зоны. Мы пытаемся выяснить, кто, когда и где выдавал разрешение на

коттеджную застройку заповедника.

Стоп! Лес я не поджигала! Не надо ля-ля! Ой! По-моему, я сказала это вслух. Мужик внезапно перевел на меня взгляд и подавился слюной. Он посмотрел на портрет на экране, где меня представили в образе кровожадного чудовища в свадебном платье, а потом на меня. Потом снова на портрет, а потом снова на меня. Раздался характерный треск, сопровождающий разрыв шаблона.

«Вот до чего техника дошла! Вашу маму и там, и тут передают!» – заметила совесть, видя явное замешательство со стороны лысого.

«Это не техника дошла. Это я уже до ручки дошла с этой предвыборной кампанией! Скоро на людей бросаться начну!» – ответила я, разглядывая тощего мачо, смахивающего на мамино кота породы сфинкс. Интересно, как там поживает мамин кошатушек? Помнится, мама поинтересовалась, чем занимается малолетний племянник в спальне и почему он так подозрительно шумит и скрипит кроватью. «Лысого гоняет!» – ответила я, сделав мамин день рождения.

Тем временем диктор с лицом, выражающим неподдельный ужас от прочитанного, вещал с телеэкрана о моих последних похождениях.

– Буквально пару дней назад она взяла в заложники и зверски пытала одного мужчину, привязав его к стулу, очевидно, с целью ограбления. Пострадавший заявил, что у него пропали тапки, представляющие для него особую ценность. Группа захвата освободила беднягу, но преступнице удалось скрыться. Напоминаем, что до момента оглашения результатов выборов она пользуется юридической неприкосновенностью, поэтому будьте бдительны! Преступница вооружена и очень опасна! Постарайтесь не вступать с ней в контакт! – закончил диктор, утирая пот со лба.

– Интересно, он имел в виду какой контакт? Деловой или половой? – с улыбкой уточнила я у «мужа на час». – И так, чего у нас там еще нет в послужном списке? Заказного убийства по неосторожности? А что, никого нет... Тут хоть заорись! На помощь никто не примчится...

– А может, натурой возьмете? – спросил лысый, пятясь от меня подальше. – Мне нельзя, я при исполнении, это строжайше запрещено, но только ради вас...

Он сделал несколько движений тазом в надежде, что меня прельстят выпуклые ребра и впалая куриная грудка. Ходячее, но очень горячее пособие по анатомии с надеждой заглянуло мне в глаза, конвульсивно подергалось, изображая пылкую страсть.

– Я гордая и одинокая мужененавистница! – соврала я, приближаясь к бедняге. – И когда мне хочется любви и ласки, я вместо кота глажу свою

волосатую ногу!

Тем временем диктор решил вернуться к свежим политическим новостям, оторвав меня от греха подальше.

– И мы вернемся к теме предстоящих выборов! Кандидат от партии ЛСД сообщил, что готов выступить на дебатах, но в случае неявки его оппонента кандидат Сима будет дисквалифицирована и выборы будут признаны несостоявшимися!

– Слышишь, мужик, – сказала я, – давай для начала устроим стриптиз наоборот. Я включаю музыку, а ты начинаешь быстро одеваться! Мне понадобится твоя помощь. Готов поработать промоутером листовок? Я заплачу!

– Если я сделаю то, что ты мне скажешь, я не пострадаю? – с надеждой спросил «муж», натягивая штаны задом наперед.

– Не гарантирую... – мрачно вздохнула я, поворачиваясь к телевизору.

Глава 25

И хочется, и колется!

– Помогите! Спасите! – орал задохлик. Его хилая грудка раздувалась так, что у меня возник соблазн, как у школьника, идущего с палкой вдоль штакетника, пересчитать ему ребра. План был прост. Поскольку выхода из комнаты не было, оставалась возможность уведомить администрацию о ЧП самым древним и проверенным способом – истошным криком и мольбами о помощи. Я решила побережь голосовые связки – мне еще на дебатах горло драть, поэтому честь поймать опасную преступницу выпала жалкому подобию Хитмена.

– Мужик, – мрачно обратилась я к нему, – неправильно ты «помогите» кричишь. Нужно больше воздуха в грудь набирать. Так громче выйдет!

– Па-а-ама-а-а-агите! – заорал что есть мочи лысый, покраснев от натуги. – Спа-а-асите!

Я прислушалась. Чип и Дейл явно заняты соблазнением Гаечки, спасатели Малибу – фотосессией на фоне груди Памелы Андерсон, Бэтмен давно забил на проблему Готэма и тратит деньги в свое удовольствие, лежа в джакузи и попивая смузи вместе с Женщиной-кошкой, а Мстители, удачно пережив эру Альтрона, не рассматривают меня как вселенское зло, покусившееся на Тессеракт, о чем я лично сильно сожалею. Остальным героям нет дела до спасения бедолаги, поэтому я решила изменить тактику.

– Нужно кричать, что тебя насилуют! Так быстрее прибегут! – заметила я, зевая.

– Это еще почему? – поинтересовалось подобие эльфа-домовика, набирая воздуха в грудь, словно ныряльщик. Не хватало еще плавательной шапочки и прищепки на носу.

– Ты себя в зеркале видел? – Я подняла бровь. – У многих возникнет желание посмотреть, кто же такое «мачо» насиловать собрался. Или я крикну? Выбирай! Тогда прощай карьера «импотента»!

– Несмотря на то что у меня импотенция, я, между прочим, женат. Мне пятерых детей кормить надо! – возразил мужик, присаживаясь на диван и тяжело дыша.

«Четыре сыночка и лапочка-дочка!» – умилилась совесть, стараясь не вспоминать медицинский справочник, особенно раздел на букву «и».

– Ты как к птичкам относишься? – поинтересовалась я из праздного

любопытства.

– Хорошо! – ответил лысый мачо, не понимая, в чем подвох.

– Оно и видно! То-то зачастили птички в вашу семью. Сначала голуби, а потом аисты! – съязвила я, теряя терпение. – Ори давай! Авось рабочее место сохранишь! А может, и награду дадут за поимку особо опасной преступницы. К ордену приставят, медаль вручат, памятник во весь рост в золоте отольют. Посмертно... И лучшей птицей для тебя будет пингвин.

– Это еще почему? – поинтересовалось хлипкое подобие эльфа-домовика.

– Постоишь, увидишь! – многообещающе улыбнулась я. – Давай ори что есть мочи. У меня время поджидает. Мне еще на дебаты успеть надо. Ты ведь проголосуешь за меня?

– Это угроза? – сглотнул усохший Хитмен, с надеждой глядя на дверь.

– Это предложение, от которого тебе лучше не отказываться! – зевнула я, чувствуя, что, если никто сюда не примчится на выручку этого ценного кадра, я забуду на все большим гвоздем и лягу спать.

– Насилуют! – взвизгнул мужик, косясь на опасную преступницу, то есть на меня. И тишина...

Время шло, новости уже надоели, а результата не было.

– Может быть, есть какое-то кодовое слово? – поинтересовалась я, вспоминая шпионские боевики и книжки про игрища садомазохистов.

– Да чего ты ко мне пристала! Я вообще первый раз работаю! – психанул лысый, а потом смутился. – Меня раньше не заказывали... Ой! У меня тут под подушкой бумажечка с инструкцией лежит! Надо посмотреть!

Достав шпаргалку из-под подушки, я пробежала глазами «скрипты». «Дорогая, у меня сегодня нет настроения!», «Милая, ты не помнишь, что говорила мне три месяца одну неделю и два дня назад? А потом ты еще удивляешься, что у нас нет близости!», «Зайка, я очень устал. Давай в другой раз?», «Как можно думать о близости, когда: а) в мире такое творится; б) когда на работе проблемы; в) когда проблемы с машиной; г) ты ведешь себя подобным образом; д) когда ты меня постоянно пилишь!»

– Держи, – мрачно сказала я, подавая мятую бумажку заложнику обстоятельств.

– Может, посидим немного? – внезапно спросил меня лысый, просмотрев листочек. – Поговорим по душам!

– С чего бы это? – Я с подозрением взглянула на заложника.

– Ты такая очаровательная, милая, добрая, симпатичная, красивая... – начал он задушевым голосом, приближаясь ко мне.

– Эй! Ты чего? – возмутилась я. – У тебя что, любовная горячка или

почасовая оплата?

– Почасовая оплата... – сознался лысый, понимая, что его раскусили. Я вытряхнула ему содержимое фартука, торжественно сгребая мелочь в кучку. Глаза страдальца забегали: – Это мне?

– Да, тебе! – ответила я, чувствуя себя матерью Терезой. Вы бы видели! Пересчитывая мелочь, лысый светился от счастья.

«Мне имя Вельзевул, хозяин стратосферы, я – нереальный кул! Мой респект без меры! Капитал!» – пропела совесть, глядя на счастливого обладателя копилки.

– Дорогая, ты сегодня выглядишь великолепно! Я просто горю желанием! Иди сюда! – заорал свежеепеченный олигарх. Дверь тут же отворилась, и на пороге появились мрачные типы, похожие на вышибал из ночного клуба. Они поволокли меня под руки по коридору. Надо же, как деньги освежают память!

В комнату, куда меня притащили, за столом, застеленным дешевой клеенкой, сидела дряхлая старушка и вязала. Вся комната была забита хламом под завязку. Баночки, скляночки, мешочки, кулечки, свертки – все это разместилось на провисающих полках многочисленных шкафов, угрожающе норовя упасть на голову. Пахло какой-то кислятиной и сыростью.

Отложив спицы и связанный кусок серозно-болотного цвета, бабка исподлобья взглянула на меня.

– Так это ты обидела мою кровиночку? – скрипящим голосом спросила она, недовольно глядя на меня.

– Простите, я не совсем понимаю, какую кровиночку вы имеете в виду. Я обидела очень многих, но лица, имена, клички, погоняла не запоминала! Мне совесть запрещает! – ответила я, разглядывая колоритную бабушку. На ней был пестрый платочек, старый халат на разноцветных пуговицах и резиновые калоши.

– Моего внука! Мало того, что связала его, так еще и тапки его похитила! Я это по телевизору слышала! – заорала бабка.

– Да не похищала я его! Он добровольно согласился помочь! Ему корона нужна! Я собираюсь отдать ее после победы! Мы с ним договорились! Вот расписка! – заорала я, чтобы переорать бабку, вытаскивая расписку. Время уже поджимало!

– А, ну раз так, – смилостивилась бабка, читая договор, – то ладно... А тебе, девица-красавица, какой интерес? Небось захомутать его захотела? Он же у меня жених видный!

– Я замужем! – ответила я. – Опережая вопрос, вот он! Мой законный.

Я ткнула пальцем на экран, где как раз показывали очередной пиар – шедевр моего суженого, где он стоял на фоне заката, широко расставив ноги а-ля Колосс Родосский. «Одной ногой мы стоим в темном прошлом, другой ногой шагаем в светлое будущее», – гласила красная надпись внизу плаката.

Совесть смолчать не смогла: «А между ними болтается унылое настоящее!» «Один глаз смотрит в прошлое, другой – в будущее, а третий еще не открылся, потому что мало медитировали!» – Мое воображение разыгралось не на шутку. «Когда один глаз смотрит в прошлое, а другой – в будущее, это косоглазие!» – отозвалась совесть, злорадно импровизируя. «Одну ногу я побрею станком, одно яйцо почищу зубной пастой, одну половину лица намажу кремом, на одну половинку футболки нанесу новый пятновыводитель!» А потом буду часами теревить получившийся результат.

– Ладно, рассказывай, – оторвала меня от моих размышлений бабка. И я все рассказала.

– А вы почему здесь? – удивилась я, меньше всего ожидая встретить старушку на этом круге.

– Тихо, спокойно, работа непыльная. Да и не могу я просто так сидеть на пенсии! Вот и нашла себе теплое местечко, – проскрипела старушенция. – У меня вообще столько планов! Планирую рядом еще одну гостиницу построить, а то эта уже переполнена.

Я выглянула в окно и увидела разложенный хворост, готовый костер и кучу стройматериалов.

– Строить будем. Расширяться, – мечтательно произнесла бабка. – Просила выписать мне пару лентяев для строительства, а мне бумагу в ответ прислали, мол, не положено. Теперь жду «Дом-2». Их уже столько раз сюда посылали, но все никак. Мы каждый вечер будем собираться у костра, и каждый будет отчитываться, сколько построил за сегодня. Поверь мне, у них времени не будет даже в туалет сходить, а не то что прелюбодействовать! Так что на них, родимых, вся надежда. Авось, пока там сидят, опыта строительного наберутся. Ты вообще в строительстве как? Соображаешь?

– Работала на строительной фирме. Правда, единственное, что я умею, – строить глазки! Директор у нас строил персонал и наполеоновские планы. Бухгалтер у нас строила из себя королеву. Вот и все строительство, – ответила я, понимая, что если прослышу шибко грамотной, то, возможно, буду таскать кирпичи вместе с участниками скандального шоу.

Через пять минут привели Годвина, который рассерженно орал, что

«головная боль не является причиной для отказа», но, увидев бабушку, тут же умолк.

Бабушка тем временем начала сосредоточенно доставать какие-то баночки и свертки. На старенькой тумбочке натужно работал черно-белый телевизор, укрытый кружевной салфеткой:

– До дебатов осталось два часа! А мы передаем последние новости этого часа! Двое демонов-сотрудников в срочном порядке госпитализированы в результате сильнейшего пищевого отравления! Их состояние удалось стабилизировать. Одного из них уже перевели из реанимации. Сейчас их жизни ничего не угрожает. Точно так же ничего не угрожает жизни бухгалтерии завода «Намнелень», поступивших с жалобами на острую кишечную непроходимость вследствие поедания черной бухгалтерии. Эксперты извлекают бумаги и пытаются по кусочкам восстановить данные. Массовое помешательство привело к острому бумажному кризису в кооперативе «Зависть». Люди готовы убить друг друга за кусок бумаги! Это все новости к этому часу. А мы с нетерпением ждем предвыборных дебатов!

– Молодой человек, чего стоите? Видите, бабушке на стульчик лезть тяжело? – обратилась она к чародею. – Достаньте с верхней полочки зелененький сверток. Он лежит за баночками, в верхнем правом углу. Я понимаю, что не видите. Вы рукой пошарьте... Вот! Тяните его сюда! Да осторожнее! Банки все перебьете! Да не этот! Вы что, не видите, что он зеленый с тесемочкой, а я сказала просто зеленый! Вот! Аккуратненько кладите его на стол.

После целой серии акробатических упражнений, включающих в себя балансировку на шаткой табуретке, подъем тяжестей и прыжок вниз, Годвин положил сверток на стол. Бабушка ловко развязала его и раскрыла. В нем лежали подковы. Она пересчитала их и снова завернула.

– Положите на место! – приказала бабушка, удовлетворенно промычав.

– А в чем смысл был? – спросил чародей, запихивая сверток на место.

– На душе беспокойно! А сама лезть боюсь! Дай, думаю, проверю. Все ли на месте! Это же внуку на удачу заматывала! А удача от него возьми да и отвернись! – вздохнула старушка, глядя, как чародей пытается снова засунуть сверток на прежнее место. Рядом с ним на гвоздике висел веник, который Годвин случайно зацепил рукой, пока запихивал мешок обратно.

– Веник не трогай! Чем он тебе мешал! Он там висит, чтобы врагов выметать! – возмутилась чертова бабушка, удовлетворенно глядя на то, как чародей поправляет веник. Но стоило ему начать слезать, как он зацепился за какой-то гвоздь с подковой.

– А ну, быстро поправил подковку! Переверни ее обратно! Да я видела, что ты ее рукой задел! Иначе счастья вовек не видать! – предупредила старушенция, погрозив пальчиком чародею. – А вы, красавица, чего стоите? Видите, что бабушке наклоняться тяжело? Полезайте-ка под стол, там стоят шесть баночек. Доставайте крайнюю справа!

Это ж надо попробовать дорыться до этих баночек! Вот тебе и твистер. Фу! Кажись, я рукой во что-то вляпалась! Бяка!

– Ты там аккуратнее! Я там навоз разложила для привлечения богатства! Чем больше навоза, тем больше достаток, – комментировала бабушка, глядя, как я вслепую пытаюсь нащупать искомую банку. – Смотри, соль не рассыпь! Иначе ссора будет!

Вытерев руки о какой-то кулек, я потянула на себя искомую банку с надписью «Малина», в которой лежали вязаные носки. Старая заплатка на огромном мешке не выдержала, стоило мне слегка задеть ее рукой, нитки лопнули, и все его содержимое просыпалось прямо на пол.

– А теперь бери веник и подметай соль, которую рассыпала! Да на себя же не мети! Это к слезам! От себя! От себя! – комментировала бабушка. – А теперь повесь веник туда, где он висел! Ну как он висел? Молодой человек, покажите девушке, как висел веник! Вот!

Дальше все в том же духе. Я вспоминала все народные приметы, чувствуя себя сапером на минном поле. Не дай бог сесть не по народному «феньшую», как на меня обрушатся целая череда несчастий и тонна бабкиной ненависти! Гора всякого барахла росла на столе в геометрической прогрессии.

– Правой рукой вынимай! Правой! – советовала бабушка чародею, достававшему из баула какой-то волосатый свитер. – Иначе всю жизнь неправым будешь!

Годвин уже успел заработать себе тридцать три несчастья, разбив старое зеркальце, которое случайно вывалилось из какой-то торбы. Меня же ждала еще более страшная участь. Я никогда не выйду замуж, ибо уселась на углу стола. Но испачканные в навозе руки утешали меня богатством, которое само мне в руки приплывет!

Внезапно телевизор зашипел, и грянул гром. Я даже интуитивно дернулась. Но как выяснилось, это был не гром. Это было начало предвыборного ролика. Громкость ролика зашкаливала. Телевизор орал так, что у меня зазвенело в ушах:

– Я планирую расширить ад. Я создам новые круги! Для коррупционеров, лжецов, предателей, террористов, сектантов, сетевиков и коммивояжеров! Это даст нам новые рабочие места!

– Я не могу понять, а лжецы тут при чем? Мало ли для чего человеку пришлось солгать? Бывает же такое – ложь во благо! – возмутилась я, глядя на мужественный профиль супруга.

– Значит, против предателей, террористов, сетевиков и коммивояжеров ты ничего не имеешь? – с улыбкой спросил Годвин.

– Целиком и полностью, – вздохнула я, понимая, что на дебатах мне придется несладко. Диктор на экране тем временем поправил галстук:

– А мы переходим к свежему выпуску новостей. После частичного восстановления данных, полученных из желудков бухгалтерии, был уволен по собственному желанию директор «Намнелень». Его место занял охранник. Напоминаю, это не первое увольнение в «Намнелень». Буквально пару часов назад был арестован заместитель директора по подозрению в...

Рассказать, что случилось с бедным ИО, диктор так и не успел. Снова грянул гром, и на экране появился мой супруг.

– Мы должны идти в ногу со временем! Нам нужен туризм! Мы должны построить всю необходимую туристическую инфраструктуру! Я планирую прикрыть филиалы ада на земле, чтобы не портить его имидж в глазах людей. Черти с вилами – это прошлый век. Нам нужно нечто новое! Мы создадим целую программу развития туризма!

– Поганочки маринованные, мухоморы перченые, четыре свитера, десять пар носков, кальсоны... – бубнила старушенция, вспоминая, что еще хотела передать любимому внуку. Сверху на гору барахла, которое нам с Годвином предстоит тащить на себе, она положила колючую, как кактус, варежку на резиночке. Одну.

– А где вторая? – машинально спросила я, чтобы потом крайней не оказаться. Мол, не уберегли... Не донесли... По пути потеряли...

– А у него что? Два петушка? – удивилась бабушка. – Сидит на холодном небось... А потом удивляюсь, чего внуков-то нет! Молодой человек, держите! И вам такую же дарю!

Бабушка достала еще одну варежку и торжественно вручила Годвину. Покрасневший чародей искренне поблагодарил, пытаясь вернуть столь ценный подарок обратно, но бабушка настояла.

– Померяй, – приказала старушка суровым голосом. – А то вдруг велика окажется, так я ушью!

– Ндя! – радостно хихикнула я. – Не стесняйся! Здесь все свои!

Чародей взглянул на меня испепеляющим взглядом, а потом с восторгом заявил, что он и так видит, что это его размер, и, с трудом согнув ее пополам, положил в карман. Бабушка полезла в какой-то сверток и

достала длинный, как змея, полосатый, как жезл гаишника, вязаный чехол.

– Для хвоста! – пояснила нам заботливая старушка. – Ой! А тебе, девонька, я что-то ничего не подарила! Как-то некрасиво получается!

– Спасибо, спасибо, мне ничего не надо! – замахала руками я, улыбаясь. – К тому же мы торопимся!

– Нет, так нельзя. Примета такая! – Старушка резво вскочила и вытащила из какого-то мешка короткий вязаный несуразный свитер цвета детской неожиданности с длинными, как у смирительной рубашки, рукавами.

– А ну живо померяй! – потребовала старушка. Я пыталась возразить, но она заставила меня натянуть его поверх платья. Когда я пыталась пролезть головой в дырку, предназначенную для этих целей, нитки затрещали.

– Голова не пролазит! – жалобно сказала я, путаясь в недрах колючего чудовища. Мало того, что путаясь, так еще и безбожно потея.

– На этот свет пролезла, а сейчас не пролазит? – возмутилась бабка, помогая мне натягивать этот кошмар. После рывка голова и впрямь пролезла. Уши, которым досталось больше всего урона, были красными и горели, шею сдавливал тугий воротник, а на груди красовалось какое-то коричневое пятно, имеющее четкие ассоциации с логотипом нашей партии.

Потея и мучаясь оттого, что свитер безбожно колет, я поблагодарила бабушку за столь щедрый подарок с чужого плеча. Меня отвели к зеркалу, чтобы я в полной мере насладились обновкой.

«Пропала Мальвина! Невеста моя! Она убе-и-и-ижала в чужие края!» – жалобно пропела совесть, глядя на рукава, свисающие до колен.

– А что ж он так колется? – прохныкала я, пытаюсь одернуть свитер, который был подозрительно коротковат на груди.

– Да как влитой сидит! – восхищалась невесть чем старушенция. – Со спины тоже просто чудесно! Колется – значит, греет!

Мы посидели на дорожку, вышли за порог, а потом я вспомнила, что забыла сказать, чтобы бабушка провела разъяснительную работу среди местного населения. Бросив баулы и сумки, которые поручили нести мне, оставив Годвина, груженного, как ослика, в растерянности, я метнулась к двери кабинета и снова постучала.

– Вот, – выдохнула я, протягивая пачку наших листовок. – Агитируйте за партию Г.О.В.Н.О.! Нам важен каждый голос!

– Через порог не передают! – недовольным голосом проскрипела бабка, втаскивая меня в комнату. – Да и возвращаться плохая примета! А ну быстро в зеркало посмотришь!

Я метнулась к зеркалу, махнула рукой своему отражению и тут же получила еще одну сумку с маринованными поганками в двух трехлитровых бутылках. Вдогонку, так сказать!

– Ест он, поди, всякую дрянь! А тут натуральное! С огорода! – поверх сумки легла еще котомка с пирожками. – С лягушачьей икрой справа, с тиной болотной слева. Не пирожки, а сказка. Сами в рот просятся.

Вернувшись к Годвину, прихватив сумки, мы медленно пошли в сторону выхода. Там я решила передохнуть, чувствуя, что меня что-то колет сзади. Я пыталась подлезть рукой, но горлышко было настолько узким, что рука не пролезала. Мне пришлось терпеть это до самого дома. Как только мы вышли из последнего круга ада, сразу открыли административную дверь и, несмотря на лай вахтерши с милой фамилией Цербер, дотащили наше барахло до магической зоны, как заправские мародеры. Годвин обнял меня, и мы вместе с сумками перенеслись в хижину.

– О! Гостинчики от бабушки! – потер ладошки наш хвостатый друг, который, судя по целой батарее пустых бутылок, продолжал прием. – Поганочки! Мухоморчики! Чайный Чудненко гриб! Оу! А че варезка одна? Вы вторую потеряли? Ай-я-яй! Бабушка так старалась, а вы... Ну честное слово!

– Это не то, что ты думаешь... Это... – Я покраснела от смущения.

– Да знаю я прекрасно, что это! Где второй? Она мне два чехольчика обещала! – возмутился внук, прижимая к груди варезку.

– Вот второй... Она мне его подарить решила... – Годвин с радостью отдал свою варезку. – Но я носить не буду! Понимаешь, и хочется, и колется!

– Там чехол для хвоста еще лежит! – заметила я, глядя на время. У меня еще было тридцать минут, чтобы привести себя в порядок. Пока наш хвостатый однопартиец жевал пирожок с лягушачьей икрой, запивая чайным грибом, я пыталась понять, что там кололо мне всю дорогу. Кстати, свитер – это очень хорошая идея, потому как здесь что-то похолодало.

– Годвин, будь другом, посмотри, что там такое? – попросила я, убирая волосы с нового свитера. – Там колется что-то!

– Там булавка и записка! – произнес чародей, шурша бумажкой. – Только я тебе ее не покажу, потому что...

– А ну дай сюда! – заорала я, пытаюсь вырвать записку из рук колдуна. Он поднял руку вверх, причем так, что я допрыгнуть не могла, как ни пробовала.

– Милая, я не говорил тебе, как чудесно смотрится на тебе этот

свитер? Он так подходит к цвету твоего лица... Ты, главное, его не снимай! Так на дебаты и иди! – Годвин, сдерживая смех, развернул бумажку и торжественно прочитал: – «Бабушка! Штаны опять порвались между ног! Зашей их, пожалуйста, и постирай! Надеюсь, что отстираются! Спасибо!»

Глава 26

Какая боль, какая боль! Аргентина – Ямайка...

Дебаты проходили в огромном амфитеатре, что напомнило кадры из фильма о гладиаторских боях. Мне хотелось сразу поставить всех в известность, что из колюще-режущего мне можно доверять только венник и то под неусыпным надзором, но никому до моих садистских предпочтений не было дела. Все были заняты очень важной работой. Пока вокруг моего мужа суетилась целая команда «поправляльщиков», «текстодержателей», «водопринесителей» и прочего персонала, мы с Годвином стояли, как бедные родственники, в сторонке. Потом нас пригласили в гримерку, где и оставили наедине с огромным зеркалом, мол, куда со свиным рылом в калашный ряд. До начала дебатов оставалось полчаса. Амулет был горячим, как закипевший чайник, поэтому пришлось его снять и отдать чародею во избежание ожогов третьей степени.

– Годвин, – простонала я, глядя на себя в зеркало, – а может, ты сделаешь что-нибудь с моей внешностью? Ну нельзя же в таком виде к избирателям выходить! Нужно что-то такое, чтобы люди прониклись ко мне уважением! Чтобы они видели во мне будущую королеву ада, которой для полного счастья не хватает только короны!

– Не вопрос! – ухмыльнулся чародей. – Закрой глаза.

Я послушно их закрыла.

– Все, открывай! – сказал Годвин, отходя в сторонку. Это он для чего? Чтобы красоту неземную не затмевать или чтобы я его ненароком не убила на радостях от полученного результата?

Мое платье стало черным, словно я только что вернулась с похорон.

«Черная вдова мечтает познакомиться с обеспеченным мужчиной...» – вздохнула совесть. Высокий до неприличия разрез на юбке намекал, что я готова отправить на тот свет еще парочку мужей и конкретно сейчас подыскиваю состоятельных кандидатов. Лицо приобрело аристократическую бледность, а волосы были уложены в прическу в стиле Мардж Симпсон. Жаль, но моя башня по сравнению с ее башней смотрелась как-то неубедительно, хотя прикольно.

Подкрепляли мой измученный готический образ алые губы, которые я плотоядно облизала. Выглядела я так, словно через пять минут начнутся

съемки фильма «Графиня Дракула», в котором мне предстоит играть главную сосательную роль, а на каждый кадр приходилось минимум по одному трупу.

– Дорогие мои избиратели! Чпок! – сладенько произнесла я, сделав чмокающий жест губами, словно я размазываю губную помаду. – Я – ваша королева! Чпок! Нет, Годвин. Это слишком! Давай что-нибудь попроще! Я себя в зеркале бояться начинаю. Эротично, готично, но не практично!

«Семейка Аддамс! Ту-ду-ду-ду! Хлоп! Хлоп!» – прокомментировала резкую смену моего имиджа совесть.

– Я тебе что? Салон красоты? – возмутился чародей, возвращая мне прежний замызганный вид. – Ну все! Тебе пора. Давай, дуй как есть! Бей на жалость! Хотя нет... Погоди... Будь осторожна... Я знаю его намного дольше, чем ты, и хочу тебя предупредить. Вадим пойдет на все, чтобы добиться своей цели!

– Напугал кота сосиской! – хмыкнула я, расчесывая волосы пятерней. – И кактус обнаженными ягодицами!

Я уверенным шагом вышла из гримерки и встала за трибуну, собираясь с размаху ударить по репутации оппонента, выдавив всю жалость из электората! Вадим встал за свою трибуну, положив перед собой огромную стопку листов. Ему даже поставили водичку, на случай, если у него пересохнет в горле. Меня же решили обречь на мучительную смерть от обезвоживания. Ничего, вы еще услышите крик умирающего в пустыне...

Прямо передо мной, на каменной столешнице виднелся продавленный отпечаток руки.левой, как ни странно. А над нашими головами зависла в воздухе огромная сфера, которая напоминала мне дискотечный шарик из битого стекла. Сомневаюсь, что после дебатов будет дискотека... «Американ бой, американ джой!» – я уже готова была на все, даже, как батарейка «Энерджайзер», дать жару на танцполе. Главное, чтобы не включали медляки, а то я точно усну. Боже, как я завидую медведю! Вот бы сейчас откинуться в зимнюю спячку, чтобы весной, когда все проблемы миновали, вылезти на белый свет, почесывая тощий отлежанный бочок лысой иссосанной лапой, выплюнуть комок шерсти и отправиться со страшной силой пополнять жировые запасы в ближайшую деревню.

«Злые и страшные мишки-гризли, – детским голосом прочтала совесть, – лапы во сне не сосали, а грызли! Если весной будут целыми лапы, значит, медведю не быть больше папой!»

Но я уже почувствовала себя в шкуре убитого медведя и решила сразу, что деревню нужно выбирать ту, где есть Интернет! Там больше всего ютуберов. А из всех ютуберов выбирать тех, у кого диагональ

телефона поменьше, а то потом больно будет...

«А зазевавшимся ютубером с тридцатью тысячами подписчиков у речки какает медведь!» – улыбнулась совесть, с любовью цитируя мою любимую картинку.

– Уважаемые кандидаты, положите руку на алтарь правды! – раздался замогильный голос из сферы, приводя меня в чувство. Я опасливо положила руку поверх отпечатка и увидела, как на ней сомкнулся браслет. Это чтобы кандидаты не сбежали? Или чтобы не устроили потасовку? Нет, может быть, рукой я не дотянусь до оппонента, но насчет ноги я бы не стала утверждать преждевременно.

– Отныне вам придется говорить правду, и ничего кроме правды. Как только кто-либо из вас солжет, он будет испытывать страшную боль. Итак, начнем!

«Я тут в связи с дебатами заявление на отпуск написала...» – тихо произнесла совесть, пряча глаза.

«На отпуск моих грехов? – поинтересовалась я. – Молодец! Похвально! Выпишу премию в виде какого-нибудь доброго дела! Считай, что я уже сняла условного котенка с условного дерева!»

Вадим прокашлялся и поприветствовал всех присутствующих под бурные аплодисменты. Говорил он спокойно и надменно, словно уже заглянул в будущее и увидел результаты выборов, а сюда пришел лишь для того, чтобы поплясать на моих костях.

– Уважаемые избиратели. Я не знаю, для чего мы проводим дебаты. Свою программу я давно озвучил, но если есть необходимость, я сделаю это еще раз. Но позже. А сейчас я хочу обратиться к вам, уважаемые избиратели! Неужели мы будем всерьез воспринимать партию с таким противным названием, как Г.О.В.Н.О.? Неужели партия с таким названием может быть реальной политической силой?

Я была готова к чему-то подобному, поэтому тут же перебила его:

– Мы хотя бы честны с избирателем! Мы не вешаем ему лапшу на уши про светлое будущее, не даем предвыборных обещаний, которые не собираемся выполнять! – Меня тут же ударил разряд тока. Я офигела от неожиданности. Главное, что даже пискнуть не успела. Сердце колотилось, по спине тек холодный липкий пот, в висках стучало, а ноги стали ватными. Стоп! Я даже еще соврать не пыталась! «Совесть? Ау!» – позвала я. Совесть развела руками и пожала плечами, мол, я в отпуске, но ты продолжай в том же духе, а я посмотрю, чем дело кончится.

– О! Мы еще не начали, а вы уже солгали. Как это мило! Да вы вообще не даете никаких обещаний! У вас есть предвыборная программа? Или хотя

бы что-то отдаленно ее напоминающее? – улыбнулся мой муж, зная, что никакой предвыборной программы у нас нет и в помине. – Или у вас даже денег на бумагу не хватило? Вы только посмотрите на лидера партии. Жалкое зрелище. Если человек не может элементарно следить за собой, то каким образом он собирается следить за всем государством?

– Мы бережем природу и не тратим бумагу попусту! Вы знаете, насколько важно в нынешней экологической ситуации беречь каждый побег, каждую поросль, каждую веточку и каждый сучок! – произнесла я, чувствуя новый удар током. Второй раз был почти терпимым. Правда, на глазах выступили слезы.

Зато моя совесть рыдала, вспоминая клип Майкла Джексона, где он на пустыре изображал вратаря сельской дворовой команды, решившей поиграть в мячик при штормовом предупреждении. Когда я видела корешок книги в маминой библиотеке «Унесенные ветром», у меня была четкая ассоциация с этим клипом. Каково же было мое разочарование, когда я узнала, что в книге речь шла о любви одной меркантильной стервы и очаровательного негодяя. Sad but true!

– Неужели сегодня не будет ни одного честного ответа от той, по чьей вине погибло несколько гектаров реликтового леса? Нашего природного заповедника и культурного достояния? – горько усмехнулся мой муж, показывая на меня свободной рукой. Трибуны заорали «Фу!», явно адресованное мне. Дался им этот сухостой!

Я присмотрелась. Моего благоверного, который только что соврал и глазом не моргнул, током не шандарахнуло. Странно. Я посмотрела наверх и увидела странное табло, где счет лжи был 2:0 в нашу пользу.

– Лес мы не поджигали, – улыбнулась я, продолжая интонацией намекать зрителям на возможного виновника пожара в заповеднике. – Интересно, кто же это мог быть? Кто это сделал? Чей голубой огонек уничтожил столь ценные породы древесины? Кто у нас не умеет пользоваться огнетушителем? Кому не то что спички, а даже журнал «Огонек» нельзя доверять? Кому ласкает слух детский утренник криками «Елочка, гори!»? Или ты хочешь сказать, что пришел в лес с гитарой и решил посидеть у костра в шапочке-петушке, напевая песенку в три аккорда, а тут вдруг, откуда ни возьмись, начался лесной пожар?

Мощный разряд тока прошел по всему моему телу. Ничего себе! Я ведь сказала чистую правду!

«Ну, хоть не уснешь! – улыбнулась совесть, будучи законченной оптимисткой. – Один удар током заменяет кружку кофе!»

«А один удар промеж глаз – все аргументы!» – ответила я, удивляясь,

что она еще здесь.

– Bravo! И снова ложь! Неужели я сегодня не услышу ни одного честного ответа? Отличное оправдание за побег от правосудия! Интересно, как ты будешь оправдываться, когда я скажу во всеуслышание о том, что ты ворвалась в чужой дом, связала человека, пытала его, обокрала и, самое ужасное, записала в свою партию, опорочив его тем самым на всю жизнь? Неужели этого не было? Отвечай!

Зрители стали громко аплодировать! Я подняла глаза вверх и увидела, что в каждом секторе стоит человек с табличками, отвечающий за реакцию зала.

– Я связала его для того, чтобы некто (не будем показывать пальцем) его не убил. В партию я его записала ради его же блага, а тапки взяла напрокат, – ответила я, решив добавить: – Ради общего партийного дела. Так что считайте, что он расстался с ними добровольно!

Меня опять ударило током. Но удар показался не таким болезненным, как раньше. Обнадёживает.

«Если вас трамвай задавит, вы немножко вскрикнете! Раз задавит, два задавит, а потом привыкнете!» – обрадовала меня совесть. Это она, сволочь, подбивала меня в детстве засунуть пальцы в розетку! «Эй! Ты в отпуск собиралась!» – возмутилась я. «Собиралась! Но не могу же я пропустить такое зрелище? Чем я тебя еще буду упрекать в тот момент, когда ты будешь ворочаться на кровати, пытаясь уснуть?» – ответила совесть, доставая потрепанный блокнот и ручку.

– И снова ложь! Как тебе не стыдно! А теперь давайте все дружно спросим ее, куда она дела деньги, которые, прикинувшись должностным лицом при исполнении, обманом заполучила от населения? – наседали мой супруг, прожигая во мне лишнюю дырку пристальным взглядом.

– Во-первых, я просто прошла по салону, раздавая свою предвыборную агитацию. Я не требовала за нее деньги! – возмутилась я, вспоминая свой первый и последний опыт работы кондуктором. Ух! Опять двадцать пять! Взбодрилась так взбодрилась!

– Но вы называли это билетом... – коварно улыбнулся муж в надежде вывести меня либо из себя, либо на чистую воду.

– Да, это билет в новую жизнь! Я не вижу в этом ничего плохого! Люди сами давали мне мелочь! – твердо сказала я, чувствуя приятные мурашки, бегущие по спине после удара током. Зря я боялась электрофореза, когда у меня обнаружили одинокий аденоид.

– Она лжет. Посмотрите, как она побледнела! Но отдадим должное ее выдержке! Не каждый может выдержать такую боль! – Улыбка на лице

Вадима померкла. – И куда ты дела эту огромную сумму денег, позволь спросить?

– Я потратила на благотворительность. Я оказала безвозмездную единоразовую материальную помощь одному многодетному отцу-импотенту! Он в ней очень нуждался! Мы не смогли пройти мимо людского горя... – кротко ответила я, чувствуя себя директором благотворительного фонда, который под эгидой «спасем хоть кого-нибудь» решает, кого спасать, а кого бросить на произвол судьбы из-за недостатка финансирования. – А вот лично вы благотворительностью в рамках предвыборной кампании занимались?

Еще разряд! Я чувствовала себя чудовищем Франкенштейна, которого безуспешно пытается оживить доктор, давший ему свою фамилию.

«Согласен ли ты, доктор, дать фамилию этой твари? – Согласен. – Согласно ли ты, чудовище, слепленное, как в песне Алены Апиной, из того, что было, взять фамилию своего создателя? – Ы-ы-ы-ы!» – совесть моментально перевоплотилась в тетечку из загса, умилительно глядящую на брачующихся.

– Благотворительность нужна для слабых. Слабым не место в аду! – гордо произнес мой супруг, и зрители стали аплодировать стоя.

– Это как это «не место»? Те, кто сумел поддаться грехам и потакал своим слабостям, заслуживают путевку в ад без очереди! Именно слабые духом попадают сюда! – решила пойти я в контрнаступление, пока не всплыла еще парочка «фактов», способных поставить крест на моей политической карьере. – И у меня есть вопрос к моему оппоненту! А как насчет честных выборов? Почему для того, чтобы получить разрешение на расклейку агитации, нужно пройти семь кругов бюрократического ада и ждать решения шесть дней?

Меня ударило током раза три. Я сразу поняла, что электрошокер забарахлил неспроста. Особенно после удивленного взгляда моего мужа, который недоумевал, как я еще держусь на ногах. Милый, любимый, единственный... Да что ты знаешь о боли, если ни разу не пользовался депилятором? Или не делал эпиляцию воском хотя бы ног, не говоря уже о других частях тела!

– Это абсолютно честная процедура. Есть закон «О честных выборах», который регламентирует расклейку предвыборной агитации. В законе четко все прописано. Если вы его не читали, то это ваши проблемы! – ответил мой муж, глядя на меня с некоторой долей сомнения. Точнее, не совсем на меня, а на мою тумбочку.

«Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не

понят, если понят, то не так!» – вставила свои пять копеек совесть, намекая на мои умственные способности и конструктивный подход к делу.

– А тот факт, что на кругах ада расклеен мой портрет с надписью: «Не пускать ни в коем случае!» – это тоже регламентировано законом «О честных выборах»? – съехидничала я, получив новый разряд бодрости. Все! Теперь я спокойно могу идти работать электриком!

«Недолго мучился электрик на оголенных проводах! Его обугленную тушку нашли собачники в кустах!» – совесть превратилась в Николу Теслу, потирающего руки при виде шаровой молнии.

– Нет. Вы являетесь опасной преступницей, приговоренной к сожжению на костре! Пока действует закон «О честных выборах», вы пользуетесь неприкосновенностью. Но при этом я хочу обезопасить жителей ада от ваших неправомερных действий. Так что это вынужденная мера предосторожности, не имеющая к выборам никакого отношения! – ответил мой муж. И ему хоть бы хны!

– Да, я об этом прекрасно помню. Сначала вы оскорбили мою честь и достоинство, а после вполне заслуженного наказания, которое последовало за этим, решили упечь меня в тюрьму, чтобы впоследствии сжечь на костре! – ответила я, чувствуя приятную бодрящую волну по всему телу. Ничего, ничего... Между нами еще пробежит искра...

«Как электрический ток... Из позвонка в позвонок... – пропела совесть печальным голосом Дианы Гурской. – Меня коснется твоя рука...» Это мы оставим на десерт. А сейчас неплохо было бы показать избирателям его истинное лицо. А для этого нужно вывести оппонента из душевного равновесия. Раньше у меня это неплохо получалось.

– Посмотрите на моего оппонента! Жалкие политические лозунги, которые уже порядком надоели! Обвинения, которые больше похожи на бред! Я даже не спрашиваю, из какого пальца они высосаны, хотя предполагаю! Я тоже могу прикрыться кучей бумажек и рассказывать часами о том, что нужно голосовать за меня, ударяя себя кулачком в грудь! Давайте похлопаем ему за то, что к приемщикам макулатуры после выборов не зарастет народная тропа! – громко сказала я, поглядывая на трибуну. Проплаченные статисты с табличками занервничали и стали искать подходящую, но что-то не срослось в их единодушном мнении. Поэтому половина трибуны орала «Фу!», а другая хлопала, не жалея ладоней.

– Значит, вы... – начал Вадим, но я тут же гадко улыбнулась, прикладывая палец к губам.

– Ш-ш-ш-ш! Послушайте, я вас не перебивала. Неужели вы не

знакомы с правилами элементарной вежливости? – ответила я голосом воспитателя детского сада, отчитывающего главного ссыкуна группы за лужу в коридоре. – Одной ногой мы стоим в прошлом, другой шагаем в будущее, при этом пытаюсь сесть одной попой сразу на два стула! Смотрите, как бы настоящее вам не прищемило! Вы ничего не знаете ни о моей партии, ни о моей программе, но при этом уже сделали выводы!

– Я в сортах говна не разбираюсь! – улыбнулся мой муж, но получилось у него как-то напряженно.

– Как можно доверять власть тому, кто не разбирается в элементарном? – продолжила я, чувствуя, что ток с каждым разом все меньше и меньше причиняет мне дискомфорт.

– В нашем деле все решает опыт управленческой деятельности. У меня он есть. А есть ли он у вас? – ядовито произнес мой муж. – Я задаю вопрос напрямую и хочу услышать ответ.

Я посмотрела на свою руку, которую намертво держал магический браслет, посмотрела на избирателей. Вопрос был каверзный, но вполне ожидаемый. Хотя мне уже терять нечего!

– А зачем он мне нужен? – пожалала плечами я. – Вы же прекрасно знаете, что ковчег строил дилетант, а «Титаник» – профессионалы!

Из одного сектора трибуны раздались крики, мол, столкновение с айсбергом – это форс-мажор и во всем виноват капитан, а не они. Не они же в зоне плохой видимости и айсбергов поддали дровишек с криками «Полный вперед!» и решили поиграть в атомный ледокол? А то, что шлюпок не хватило и переборок, – это вина проектировщика! Поскольку ни капитан, ни проектировщик не стали оправдываться, я поняла, что либо они очень скромные люди, либо их здесь нет. Увидеть здесь старика Ноя я и не рассчитывала!

«Ну конечно, ад – для грешников! А Ной – святой!» – совесть превратилась в бравого капитана Очевидность. «Для грешников, говоришь...» – задумчиво ответила я, и тут же меня осенило. Я быстро обдумала все и чуть не засмеялась вслух от своей догадки.

– Мне кажется, что этот цирк пора прекращать! Мы не услышали от моего оппонента ни одного правдивого слова! Взгляните на табло и убедитесь сами! – нервно и отрывисто произнес мой муж, пристально глядя мне в глаза.

Скрывая гаденькую улыбочку, я обвела взглядом всех присутствующих и произнесла:

– Да... Вы правы. Табло не врет. Я – лгунья, обманщица. Но это не единственные мои грехи! На каждом круге ада я чувствовала себя как дома!

– Отлично! Чистосердечное признание будет учтено при вынесении приговора! – обрадовался мой муж и политический оппонент по совместительству.

– А он, – я показала свободной рукой на Вадима, – он – абсолютно честный человек. С высокими моральными принципами и обостренным чувством справедливости! И теперь мне только одно непонятно. Что он здесь делает? Ад – для грешников! Для лгунов, завистников, прелюбодеев... Для тех, кто не заслуживает лучшей участи! А для честных и справедливых давно уготовано место в раю! Так какого черта он здесь делает? Неужели он засра... простите... засланец?

Сколько бы проплаченные статисты ни трясли табличками, зал молчал. И тут я почувствовала, как браслет на моей руке ослаб, словно по волшебству. Я осторожно приподняла руку. Циферки на табло не изменились.

– Не слушайте ее! Она лжет! – сказал Вадим, заметно нервничая.

– Нет! На этот раз я говорю правду! – улыбнулась я, показывая рукой на табло. – Создание новых кругов ада? Вы что? Хотите улучшить жизнь грешников? Тысячелетиями ад был неизменным, а тут пришел Великий Реформатор! Да пусть все остается так, как было! Зачем стараться? Пусть в раю стараются! Горячие путевки в ад? Туризм в аду? А смысл? Грешники и так сюда попадут, хотят они этого или нет!

– Ты просто исчадь ада... – прошипел мой муж, с ненавистью глядя на меня.

Я послала ему воздушный поцелуй:

– Спасибо за комплимент! А вы, мой уважаемый оппонент, ошиблись дверью. Вам в рай надо. Здесь должен править худший из худших! Король лжи и обмана! И на эту должность претендую я! Всем спасибо, все свободны! Дебаты окончены! Мне не о чем больше говорить с этим святым человеком!

– Дебаты окончены, – произнесла сфера, которая все это время парила над нами. – Победителем дебатов я провозглашаю С...

И тут, оборвав свою речь на полуслове, она взорвалась в воздухе, разлетевшись тысячью мелких осколков. Вадим исчез, а я едва успела закрыть глаза. Но боли не почувствовала. Опять повезло. Между мной и осколками в воздухе висел прозрачный щит. Годвин, снимая с себя заклинание невидимости, схватил меня за руку, и мы очутились в нашем предвыборном штабе.

– Ты все время стоял рядом? – спросила я, глядя на чародея.

– Ну да. Или ты хотела, чтобы ток бил тебя в полную силу? –

улыбнулся Годвин, потрепав меня по голове. – Ты молодец. Отлично повернула все в свою пользу. Теперь дело за избирателями. Будем ждать результатов. Сима... Сима... Эй! Ты меня слышишь?

Я мало чего слышала. Я спала на ходу, как мама-лошадь на детском рисунке, и мне уже было все равно.

Глава 27

Борьба бобра с ослом

Меня трясли за плечо. Я с трудом разлепила один глаз. Второй открывать было лень. Я лежала на чужой кровати, завернутая в одеяло, и чувствовала себя медведем в берлоге, которого будят среди зимы, чтобы через пару минут поставить рекорд скорости по бегу с препятствиями.

«Ложкой снег мешая, ночь идет большая, что же ты, глупышка, не спишь?» – спела совесть, превращаясь в маму Умки. Правда, морда у нее была не совсем белая, скорее, розоватая, а рядом лежал недоеденный, но уже дубовый и частично обглоданный тюлень. Завтрак в постель!

– Тебе письмо! – потряс меня Годвин, размахивая перед моими глазами мятым конвертом со следами крови. Я проморгалась, спросонья перебирая в уме знакомых любителей эпистолярного жанра.

– А капли крови – это роспись в получении? – поинтересовалась я, открывая второй глаз и сладко потягиваясь.

– Я вышел подышать свежим воздухом. Погода стояла отличная, а мне как раз захотелось пройтись... – начал чародей, но я, зевая, перебила его:

– Короче!

– Из дупла торчит окровавленная рука, а в ней зажато письмо... Не дошел до нас буквально сто метров... – обиженно закончил Годвин, решив прочитать письмо вслух. – «Уведомление для лидера партии «Говно»!»

– А говно с большой буквы? – поинтересовалась я, понимая, что придирается к подобным мелочам в моем положении явно бессмысленно.

– С большой! – кивнул чародей.

– Значит, уважают! – вздохнула я, приготовившись слушать.

– «Просим явиться по адресу: улица Отчаяния, дом 13 для съемки ролика для дальнейшей трансляции в рамках предвыборной программы!» – закончил Годвин и тут же извлек буклет моего мужа, который почему-то лежал в моем письме. На обложке был изображен мой супруг, причиняющий добро и наносящий радость, окруженный испуганными грешниками, которые шарахаются от него. А на обратной стороне была изображена я. В белом платье, с белыми крыльями, сверкающим нимбом над головой, в окружении цветов. Почему-то в руке я сжимала арфу, а в моих глазах читалась кротость ягненка. Как бы то ни было, но получилась я великолепно. Загадочной улыбкой Джоконды я намекала, что «щас спою».

С грустью я ощутила духовное родство с павлином, пожалев, что безвестный художник не смог передать всю красоту моего пения посредством живописи.

«Картина Мунка «Крик» передает всю гамму чувств, которую испытает тот, кто хоть раз услышал твоё пение!» – зевнула совесть, неплохо выпавшись.

Ха-ха! А я уже собиралась вымыть пол специалистом по пиару, состоящим на службе сил зла, а тут такой шедевр! Еще немного, и меня здесь канонизируют в рамках предвыборной агитации. Из конверта вывалилась еще одна бумажка. Я развернула ее и прочитала, чувствуя, что газете «Вечерняя империя» еще многому предстоит учиться. Это был боевой листок, выпущенный нереально огромным тиражом, дабы скомпрометировать меня в глазах избирателей. Очевидно, канцелярия и наборщики текста уже изрядно устали, поэтому количество «очепяток» превышало все допустимые нормы!

Назывался он... Сейчас-сейчас... Фух... «У одного из кандидатов рыльце в паху!» Я сглотнула. Я понимаю, что у кого-то есть зубы в труднодоступных местах, куда никак не может достать обычная зубная щетка, но столь явной мутации я у себя не наблюдала. Обидно было бы, если речь шла о моем «рыльце» и не о моем «пахе», или даже наоборот, но, собравшись с силами, я решила прочитать все до конца.

Уважаемые избиватели!

А ведь была у меня надежда, что все обойдется без рукоприкладства! Я понимаю, что выборы добром не кончатся, но все же...

Я лично знаком с одним из кандидатов, поэтому не могу молчать! Я должен донести до вас всю правду, чтобы не допустить страшной ошибки! Я знаю Симу уже давно. Она – святая простата!

У кого что болит, тот про то и говорит... Я пробежала листовку глазами, зацепившись за предложение:

Поскольку она святая, то требую колонизировать ее!

Проклятый Г 9. Есть ли жизнь на Симе? Нет ли жизни на Симе? Будет! Почему не «канализировать»? В свете последних событий и названия партии это было бы вполне уместно! Ха-ха! Вы пошутили, я посмеялась. Я скомкала листок и бросила его на пол. Завернувшись в одеяло, я твердо

решила проспать до выборов...

– Сима! Подъем! – возмутился чародей, стаскивая меня с кровати вместе с одеялом. – Я бы не стал валяться в кровати в твоём положении!

– А что такое? – злобно спросила я. – Я уделала Вадима на дебатах, поэтому могу почивать на лаврах под одеялом в ожидании, когда за меня все проголосуют!

– А ты знаешь, что они теперь транслируют дебаты каждый день, и ты в них просто киваешь? Что бы тебе ни говорили, ты просто киваешь! – Годвин встряхнул меня. – Киваешь и со всем соглашаешься!

– И на что я согласилась? – поинтересовалась я, понимая, что это полный бред.

– Со всем! И с тем, что ты святая, и с тем, что ты агент рая, и с тем, что ты... – начал перечислять Годвин, загибая пальцы.

– По фигу! – сказала я, обнимая подушку. – Никакой ролик не поможет. Наша целевая аудитория не смотрит никакие ролики.

– Но если ты проиграешь, он убьет тебя! – возмутился чародей, не понимая, почему я спокойна, как удав.

– Ты договор читал? В день выборов моя душа будет принадлежать аду. И ничего он мне сделать не сможет! Максимум – отправит на круги, а там я уже была. Ничего там страшного и сверхъестественного нет. Так что не поднимай панику! Ты вернешься домой и будешь вспоминать меня, разгребая остатки башни в надежде, что что-то уцелело... – ответила я, понимая, что такой исход меня не устраивает, но, в случае чего, придется смириться.

– Как знаешь! – обиделся Годвин и оставил меня наедине с подушкой. А зря... Снился мне страшный сон. Снился мне подсчет голосов. Я проигрывала с таким отрывом, который ставил под сомнение всю целесообразность выборов. Озверев от такой несправедливости, я бросалась на всех в надежде, что мне удастся вытрясти из них душу, и усиленно занималась агитацией.

Я проснулась, чувствуя себя немного отдохнувшей и чуточку посвежевшей, несмотря на столь гнетущий осадок после дурацкого сна. В доме стояли тишина и темнота. Окна были заколочены досками, что сразу возводило его в ранг декораций для дешевых ужастиков из категории «Группа подростков решила отдохнуть на природе...» или «Машина заглохла на обочине...». Я потянулась и свесила ноги. Ноги почему-то были грязные, словно калоши у работницы свинофермы. Я вздрогнула от неожиданности, когда почувствовала, что босая нога окунулась в холодную воду. Свесившись с кровати, я увидела тапки, кастрюльки и прочую

кухонную утварь, до краев наполненную... Господи, хоть бы это была вода! Я не помню, чтобы столько пила на ночь...

Годвин и экс-правитель мирно спали прямо на полу в очерченном меловом круге. Помнится, точно такой же круг рисовал Хома Брут, чтобы спастись от панночки. Я подошла к кругу, уткнувшись в невидимую стену. Пройдя вдоль невидимой стены, я поняла, что это какая-то магическая защита. Обойдя ее со всех сторон, я разочарованно вздохнула.

«Тук-тук! Я в домике!» – сказала совесть, недоумевая, что сподвигло моих соратников оградиться от меня. «Шишки-пышки! Я на передышке!» – ответила я, вспоминая детскую игру в ладки. «Приведите Вия!» – заорала совесть замогильным голосом, вращая глазами.

И тут экс-правитель открыл глаза и испуганно дернул чародея за рукав.

– Изыйди! Изыйди! – заорал наш третий сопартиец, разве что не осеняя себя крестным знамением.

– Тише! Она уже не спит! – ответил Годвин, убирая защиту.

– Это что еще за новости? – возмутилась я, негодуя от того, что мои сопартийцы решили отгородиться от меня.

Годвин встал и приобнял меня, а потом усадил на кровать, чтобы поведать грустную историю. Как только они уснули, чья-то холодная рука сжала горло нашего хвостатого друга. Он перепугался не на шутку, но потом понял, что это всего лишь я. Оказывается, когда все улеглись спать, я решила встать. Твердым шагом я направилась в сторону спящего экс-правителя, схватила его внезапно за горло и стала требовать, чтобы он отдал мне свою душу. Все списали на усталость и уложили меня в кровать. Через полчаса я снова встала и с примерно тем же требованием направилась к уснувшему Годвину. Я проспала несколько дней, периодически вставая и требуя души у тех, до кого могла дотянуться. Иногда я становилась в центре комнаты с закрытыми глазами и начинала предвыборную агитацию. Самое интересное, что агитация всегда начиналась со слов: «Говно должно быть с кулаками! Говно суровым быть должно! Чтобы летела шерсть клоками у тех, кто вляпался в говно!» Иногда я подкрадывалась к спящим и орала: «Вы все говно! Говно должно говорить громко!» Однажды я открыла дверь и вышла в лес. Через двадцать минут меня сумели найти. Прямо на полянке, с зажженным пальцем стояла я, агитируя деревья проголосовать за меня под угрозой тотального геноцида. Когда у кого-то из деревьев возникали вопросы по программе партии, я начинала расписывать им принципы работы деревообрабатывающего станка в подробностях, смакуя детали. Одно из деревьев заплакало – нервишки не выдержали. И тогда я, мурлыча: «Я в

сосновом бору пил березовый сок...» – потребовала, чтобы мне принесли нож и бутылку, мол, сейчас отведаем березового сока с мякотью... Меня уложили спать. В следующий раз я умудрилась вылезти в окно. Я гуляла по лесу и пела. Именно благодаря моему пению меня и смогли обнаружить. «Я спросил у Ясеня, как спасти любимого? Ясень не ответил мне, качая головой. Я спросил у Тополя...» Пока я не перебрала все известные мне породы деревьев, включая баобаб, задавая им один и тот же вопрос, успокоить меня не удавалось. В итоге я умудрилась поругаться с деревом, которое нарекла Тополем, из-за того, что он молчал как партизан, вместо того чтобы дать дельный совет в сложной жизненной ситуации.

– Какой сегодня день? – спросила я, вспоминая, были ли у меня до этого приступы лунатизма.

– День выборов, – мрачно сказал Годвин. – Голосование начнется через два часа.

Спящая красавица по сравнению со мной страдала бессонницей.

– Через два часа мы должны быть там, где проходили дебаты! – отозвался Годвин. – Кушать хочешь?

– Хочу! – радостно ответила я, потирая руки.

– Остались черствые пирожки с лягушачьей икрой и полбанки маринованных поганок! – ответил чародей, показывая на стол.

– Ой! Я и забыла, что я на диете! – спохватилась я, понимая, что ни то ни другое в меня не полезет.

– Странно, а когда у тебя был приступ лунатизма, ты с криком: «Мм! Грибочки!» – съела одну банку, закусывая пирожком, – заметил Годвин, улыбаясь и причмокивая, словно повар, расхваливающий свое блюдо.

– Вот зачем ты мне это сказал только что? – возмутилась я, чувствуя, как желудок начинает вяло оправдываться, мол, на безрыбье и уха из рыбы фугу пойдет, как дети в школу. Не говоря уже о маринованных поганках...

Через два часа мы уже были в амфитеатре. Я стояла за трибуной, заметно нервничая. Годвин решил не бросать меня в столь ответственный момент, поэтому держал за руку. Наш третий номер спрятался за наши спины в надежде, что Вадим его не узнает. Бабушкин внучок тоже нервничал, но, судя по запаху перегара, он боролся с нервами, поливая спиртосодержащим бальзамом израненную душу. Спиртосодержащий бальзам он отхлебывал из фляги, довольно крякая и занюхивая рукавом. Счет 0:0 через пару минут после начала голосования превратился в счет 90:0 в пользу Вадима, который стоял и довольно смотрел на результаты своей предвыборной гонки. Внутри меня что-то оборвалось, ноги подкосились, я почувствовала головокружение отнюдь не от успеха, когда

на табло со стороны Вадима появилась четырехзначная сумма, а мой результат все еще оставался двузначным.

– Сима, – прошептал мне на ухо Годвин, обнимая меня, – все будет хорошо. Что бы ни случилось, я тебя здесь не оставлю... Если все пойдет не так, как мы задумали, то я попробую открыть проход в наш мир, и мы с тобой вернемся. Слышишь?.. Мы вернемся вместе... Потом попробуем еще что-нибудь придумать... А если придут по твою душу, то они сто раз пожалеют, что решили связаться с нами... Так что не падай духом.

«Не падайте духом, поручик Голицын! Корнет Оболенский, налейте вина! – пропела совесть, прислушиваясь к плеску содержимого фляги. – Короче, я тут в отпуск собиралась. Так что давай, пока! Удачи!»

Годвин был прав. Где-то в середине голосования счет стал постепенно выравниваться, что меня сильно обнадежило.

– Вот видишь, – прошептал Годвин, целуя меня в макушку. – Не все так плохо, девочка моя... Не все так плохо. Скоро мы заберем Вадима и вернемся в наш мир.

– А если дело не в короне? – испуганно спросила я, бросив взгляд на мужа.

– Пусть он молится, чтобы дело было в короне... – ответил чародей, не сводя глаз с табло.

До конца голосования оставалось тридцать секунд. Двадцать девять... Двадцать восемь... Мы сравнялись в результатах. И тут на двадцать второй секунде у Вадима появился еще один голос. Я видела улыбку, которая озарила его лицо. Девятнадцать... Счет не менялся.

– Годвин... – простонала я, понимая, что проигрыш с отрывом в один голос возводит меня в ранг не просто неудачниц, а лузеров с большой буквы. Про меня напишут в учебниках и возведут в ранг эталона неудачников в Палате мер и весов. А потом я буду посмертно номинирована на премию Дарвина, возглавляя этот почетный список, спонсируемый человеческой глупостью и естественным отбором.

И тут Годвин отпустил меня, поворачиваясь к нашему третьему номеру.

– Ты голосовал? – спросил чародей, глядя на нашего сопартийца.

– А смысл? – промямлил он, прикладываясь к фляге. – Я не собираюсь голосовать за партию с названием Г.О.В.Н.О.! Циферки-циферки... Ерунда все это! Мы и так проиграем! Ик!

– А ничего, что ты в ней состоишь, на минутку? – зловеще произнес Годвин. – И если ты сейчас же не отдашь голос за нашу партию, я напомню тебе, что именно я учил нынешнего короля ада. И тогда, чтобы представить

себе масштаб трагедии, которая внезапно постигнет тебя, умножь свои страхи на два! А все надежды умножь на ноль, счетовод хренов!

Внезапно на табло счет сравнялся. Времени оставалось мало. Один голос, один несчастный голос решал все! И тут меня осенило.

– Признаю, что моя душа принадлежит аду, поэтому я голосую за Симу из партии Г.О.В.Н.О. – Три секунды, две... И тут в последний момент мой голос был учтен.

Я застыла, открыв рот и глядя на цифры.

– Сима! Тебе удалось! Ты победила! – тряс меня чародей. Я стояла и смотрела на цифры, чувствуя, что сейчас мне меньше всего хочется петь самый известный хит группы «Queen», поливая себя шампанским. Я признала тот факт, что моя душа принадлежит аду, чтобы отдать голос за себя. В условиях договора это прописано, поэтому назад дороги для меня быть не может!

Корона, которая до этого момента покоилась на голове Вадима, взлетела в воздух, зависнув, словно НЛЮ над таежным поселком.

И тут же приземлилась мне на голову. Последнее, что я видела, так это как Вадим падает на землю, а Годвин бросается к нему на помощь. Воцарилась темнота, словно мне завязали глаза. Тьма начала понемногу рассеиваться, а мир вокруг потерял все краски. Какой-то старый фильм замелькал перед моими глазами. Маленькая девочка сидит на кухне, забравшись с ногами на стул, и плачет. Какой-то мужчина роется в холодильнике в поисках еды. Девочка поднимает на него заплаканные глаза и говорит:

– Ты ничего туда не складывал! Это мамины продукты! Их купила мама! На свои деньги!

Мужчина подходит к девочке и неприятным голосом говорит:

– Слышишь ты, соплячка! Кто ты такая, чтобы мне указывать, что мне делать? Это мой дом! Слышала! Я здесь хозяин!

От мужчины пахнет перегаром, и он явно зол. Он достал хозяйственную сумку и начал вытаскивать из холодильника все, что там было. С полной сумкой, шатаясь, он двинулся к двери, где его уже ждали какие-то мужчины, из кармана одного из них торчала бутылка.

– Пошли! Пока твоя мегера не приперлась! – раздалось на лестничной клетке.

– Не пуцу! Папа! Папа! – Девочка бросилась вслед за мужчиной, хватаясь за сумку.

Один из алкашей достает из кармана конфету и протягивает ее девочке. На его руке синяя татуировка «В.А.С.Я».

– Отпустишь папу погулять с дядями? – елеиным голосом произносит он, улыбаясь золотыми зубами. – Папа недолго погуляет... Папа быстро вернется и принесет тебе вот такой кулек сладостей!

Девочка подходит к нему, словно хочет взять конфетку, не выпуская из рук сумку с продуктами, а потом бьет по руке алкаша. Дешевый леденец ударяется о перила и падает вниз, в лестничный пролет.

– Такая же борзая, как мамка! А ну ты, малая, марш домой! А не то я тебя ремнем отстегаю, как тогда! Тебе мало было? Мало? Я тебе еще всыплю! – Отец толкнул ее. Девочка заплакала, но сдаваться не собиралась.

– Правильно! – одобрил второй алкаш. – Детей нужно воспитывать ремнем! Нечего соплячке указывать взрослым! Ишь, моду взяла!

– Ты – самая большая ошибка моей жизни! Пошла вон! Беги, жалуйся мамке, как ты всегда делаешь! – заорал отец, больно толкая девочку в квартиру. Девочка упала, но тут же вскочила на ноги. Дверь уже закрылась. Девочка плачет. Дверь открывается, и на пороге появляется уставшая женщина.

– Опять умелся? – с омерзением спрашивает женщина. – Ну и вонища тут! Бухал?

Открыв холодильник, чтобы разогреть еду, она садится на стул и начинает плакать, глядя на пустые полки. Девочка подходит к ней и протягивает кулек с раскрошенным печеньем.

– Вот, мама... Я успела спрятать... – произносит ребенок. – Знаешь, мама... Я... ненавижу его... Я не хочу такого папу! Не хочу! Когда я вырасту, то никогда не выйду замуж! Никогда!

И после острой боли, которая, словно нож, резала мое сердце, я почувствовала спокойствие.

Кино прекратилось. Появилась холодная и расчетливая уверенность в том, что, что бы я ни делала, я все делаю правильно. Я смотрела на абсолютно чужих мне людей. Один из них, молодой мужчина с черными волосами, бросился ко мне. Но тут же замер в нерешительности. Мужчина постарше, с проседью на висках, оттащил его от меня. Где-то сзади меня раздался голос:

– Я так и знал... Отдать корону кому-то невозможно! И зачем я на это согласился? Вот я дурак!

Я повернулась и взглянула на незнакомого мне мужчину, от которого пахло перегаром. В моей руке загорелся черный огонь ненависти. Я – справедливость. Я – закон. Я...

– Ой! А что вы тут делаете? – спросил голос внутри меня. Я закрыла глаза и увидела, как в тумане стоит светлый силуэт с чемоданом в руках. –

Я тут забыла попросить гордость, чтобы она меня подменила... А у вас тут такое творится! Стоило оставить тебя на минуту, а ты уже собираешься меня испачкать убийством?

– Ты кто? – спросил темный силуэт, появляясь рядом со светлым.

– Конь в пальто! – огрызнулся светлый, превращаясь в эксгибициониста с головой коня. – Иго-го себе! Ты что, обзавелась новой совестью? Ты мне изменила? Да как ты посмела, Сима! Мы с тобой столько лет вместе, а ты...

– Что ты здесь делаешь? – с нажимом спросил темный силуэт.

– Я вообще-то тут живу! – огрызнулся светлый силуэт, превращаясь в жену, вернувшуюся не вовремя и заставшую мужа в постели с любовницей. – А вот что ты тут делаешь? А ну давай, марш отсюда! Слышала поговорку? Третий лишний! В твоём случае третий – это ты. Воспринимай это как руководство к действию! Нам и без тебя хорошо было!

– Да как ты смеешь мне указывать! – Темный силуэт стал расти и увеличиваться в размерах.

– Ой-е-ей! У меня поджилки затряслись! – с издевкой сказал светлый силуэт. – Послушай, милая. У нас тут не общежитие! И не шведская семья! Так что выметайся!

Светлый силуэт превратился в толстую бабу с деревянной шваброй и ведром. Расставив широко ноги, она достала из ведра мокрую тряпку, нацепила ее на швабру и со смачным хлопом бросила на пол.

– Ходюют тут всякие, гадють! А потом убирай после них! Ишь ты, разоралась тут! – ворчала баба, угрожая шваброй. – Тоже мне, хозяйка! Как срать здесь, так все горазды, а как убирать – никого нет! Эй, Сима! А ты чего стоишь как вкопанная? Давай, снимай корону! Ишь ты, принцесса выискалась! Королева!

Какую корону? О чем она? И кто такая Сима?

– Снять меня невозможно! – зашипела тьма, обволакивая все вокруг.

– Невозможно? Невозможно выиграть песенный конкурс с нашими вокальными данными и выйти замуж за принца с нашим характером! Однако, как показала практика...

– Сима! Сима! – звенел голос в ушах.

– А что это за девочка и где она живет? – спела баба, превращаясь в какого-то мужчину с гитарой. – А вдруг она не курит? (А она не курит, я за этим слежу!) А вдруг она не пьет? (Ну это иногда бывает, но без фанатизма!) Ну а мы такой компанией возьмем да и припремся к Симе! Сима? А кто такая Сима? (Не припоминаешь?) Ужасно одевается и часто

юморит, и лечит паранойю, ОРЗ и простатит! (Точнее, хорошо диагностирует!) А мы с такими рожами возьмем да и припрямся к Симе!

Сима... Сима... Туман перед глазами стал расплываться. Перед глазами появился светловолосый мужчина с огромными голубыми глазами и заостренными ушами. Он тряс меня, крича: «Сима!» Его пытался оттащить от меня тот самый красивый немолодой мужчина в помятом камзоле, повторяя: «Не пытайся! Она тебя не помнит!»

– А с нами Годвин, он классный маг! Хотя однажды попался, как дурак! Но в целом он хороший и в беде нас не бросал ни разу! А это эльф Андоримэль, он неплохой парень, несмотря на то что эльф...

Сима! Меня зовут Сима! Си-ма! Се-ра-фи-ма! Мои виски сдавил обруч. Я упала на колени, пытаюсь понять, отчего мне так больно. Голоса умолкли. И снова стало темно. У меня есть имя! Имя! Меня зовут Си...

– Будешь еще сопротивляться? – прозвенел во тьме голос. – Отличная попытка. Ты меня позабавила! Мы с тобой теперь едины! Я – это ты, ты – это я...

– И никого не надо нам! Все, что сейчас есть у меня, я лишь тебе одной отдам! – раздался голос. Где-то вдалеке забрезжил свет, словно я бреду по туннелю и мне навстречу мчится поезд. Или это выход? Свет в конце туннеля? Темнота вокруг пугала меня. Я встала и пошла к свету. Черное топкое болото хлюпало под ногами, не пуская меня. И тут свет померк!

– Ладно, – раздался грустный голос. – Я признаю, что ты победила! Мне с тобой не справиться! Можно я попрощаюсь?

– Давай, только недолго! Нас ждут государственные дела! – гордо ответила тьма.

Маленький светлячок прилетел ко мне и сел, осветив все вокруг. Передо мной появилось огромное зеркало в резной оправе. В нем отражалась какая-то светловолосая девушка в грязном платье, с огромной черной короной на голове, от которой растекалась тьма.

– О! Моя сладенькая, тебе так идет! Так идет! – всхлипнуло какое-то зеленое чудовище неопределенного пола и неопределенной расы.

– Джио! – внезапно осенило меня. Как тут такого забудешь!

– Ты выглядишь просто конфеткой! – Джио смахнул слезу с накладной ресницы. – Это лучшее творение Че Занаха! Я всегда знал, что ты тоже полюбишь его шедевры! У нас с тобой одинаковый вкус! Мы так похожи!

Меня передернуло от омерзения. Я попыталась снять с себя платье.

– Ну, дорогая, не стесняйся признаться в слабости к этому мэтру! Он же великий модельер! Эта корона просто великолепна! Изысканна и

очаровательна.

– Мне она не нравится! – возмутилась я, глядя на себя в зеркало.

– Как? Она превосходна! Ни в коем случае не снимай ее! – сказал орк, отражаясь в зеркале. Его широкая бульдожья пасть разъехалась в улыбке.

– Я никогда не надену шедевры Че Занаха! – крикнула я, протягивая руки к короне. Рывок, и я почувствовала, как мои пальцы похолодели. Вокруг все замелькало. Последнее, что я увидела, это улыбающееся лицо Джио, исчезающее в огромной воронке.

– Сима! – раздался голос. Чьи-то холодные пальцы убрали волосы с моего лица. Я почувствовала, как чьи-то теплые губы прижались к моему лбу. – Если она умерла, то я утоплю это место в крови... Я им покажу, что такое настоящий ад! То, что они видели раньше, – это были цветочки... Сима... Сима...

– Вадим! – раздался насмешливый голос. – Я тебя когда-то предупреждал, что твои амбиции и твоя гордыня могут привести к гибели дорогого тебе человека.

– Замолчи, старик! Я чувствую ее пульс. Она жива... Сима... Сима... У нее были ожоги? Откуда? Кто посмел? Я спрашиваю! Кто посмел? – Я почувствовала, как кто-то сжимает мое запястье.

– Тебе лучше не знать... Думаю, что она сама тебе все расскажет, когда придет в себя, если захочет! Давайте перенесемся в безопасное место и там поговорим... – предложил Годвин. – Этого тоже захватим с собой.

Я почувствовала, что меня поднимают над землей. Одна рука моя болталась в воздухе, а другая сжимала что-то острое. Я никак не могла разжать пальцы. Мне хотелось очнуться, но я не могла. Я просто слышала все, что происходит вокруг, но не могла шевельнуть даже пальцем.

– Ну и убожество! – возмутился Вадим, опуская меня на кровать. – Это что за избушка на курьих ножках?

– Предвыборный штаб партии Г.О.В.Н.О.! – заявил Годвин. – А точнее – его приемная!

– Судя по запаху, тут прием не прекращался... – возмутился мой муж. – О! А пирожочки с чем?

– Нет... – простонала я из последних сил. – Не надо... Не ешь их...

– Сима! – произнес голос мужа, и раздался звук падающего на пол камня. Сто процентов – это упал пирожок.

– Сима! Неужели ты их готовила? – спросил Вадим, приподнимая меня.

– Нет... Не я... Но есть не рекомендую... – выдохнула я, пошевелив пальцами.

Через пять минут я почти пришла в себя. Правда, чувствовала дикую слабость и головокружение. Пока я пыталась собраться с силами, в дверь постучали. Причем постучали так настойчиво, что мне стало на секундочку страшно.

– Кто там? – спросил Годвин.

– Коллекторы! – хмурым голосом ответили за дверью. Я вздрогнула от ужаса.

– Я выйду и поговорю с коллекторами... – сладеньким голосом сказал Годвин, сдвигая засов.

– И какого черта они приперлись? – спросил Вадим, будучи немного не в курсе наших походов и приключений.

– Ах! Я забыл тебе сказать! Сима заложила свою душу, чтобы попасть сюда и спасти тебя! – улыбнулся чародей. – Так что можно сказать, что пришли они по ее душу... Только получают они ее исключительно через мой труп...

Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь. На пороге стояли пятеро огромных и хмурых демонов. Один из них поигрывал цепью, а другой сжимал в руках мой ангельский портрет с предвыборной листовки.

– Где она? – хрипло спросил демон, сплевывая себе на ботинок.

– Здесь... – сказал мой муж, зажигая в руке голубой огонек. – Только у вас, ребята, большие неприятности... Что-то мне подсказывает, что живыми отсюда вы вряд ли уйдете...

Они посмотрели сначала на Вадима, потом на портрет, потом на обратную сторону листовки, сделали шаг назад.

– В следующий раз мы придем с подкреплением! – пообещал главарь. – Кстати, приставов не видели? Мы должны были встретиться здесь, возле избышки.

Одно из деревьев сыто отрыгнуло ботинком.

– Нет, не видели! – ответил Годвин, глядя, как вслед за ботинком вылетает пожеванная папка.

Коллекторы исчезли. Я приподнялась и увидела, что сжимаю в руках черную корону. Наш третий номер валялся в полубессознательном состоянии на полу, прижимая флягу к груди.

Я встала, пошатываясь, подошла к нему и уже собиралась натянуть ему на голову корону, но Годвин остановил меня.

– Подожди. Ты точно уверена? Мы сможем тебя защитить от посягательств на твою душу! Я бы не рисковал... Мало ли что этот удумает?

– Я не хочу всю жизнь прятаться! Тем более что я ему пообещала! –

возмутилась я, доставая расписку. Корона легла на голову экс-правителя, и он открыл глаза. Я тут же ткнула ему в лицо бумажкой, мол, выполняй обещание.

В мгновение ока бумага рассыпалась в моих руках черным пеплом. Я сделала шаг назад. Экс-правитель преобразился. Теперь перед нами стоял грозный и печальный демон, свысока глядя на нас, простых смертных.

– Кто ты такая, чтобы мне приказывать? – холодным голосом спросил он. – На колени! Живо!

– Началось! – закатил глаза Годвин. – Сима-Сима! Я же тебя предупреждал!

Глава 28

Вспомнить все...

В домике воцарилась гробовая тишина. Я стала осторожно отступать, понимая, правда, с опозданием, что старших надо слушаться. И тут дверь открылась, и на пороге появилась бабушка с двумя сумками.

– И-и-и! Как чувствовала! – всплеснула она руками, схватив за ухо своего внука. – Ты чего хулиганишь? А?

– Ну ба... Ну не надо! – возмутился его адское величество, морщась от боли. – Ну больно же... Ну ухо потом красное будет! И не надо позорить меня при посторонних людях! Я пошутить хотел! Это была шутка! Я все прекрасно помню! И тапки помню, и предвыборную кампанию помню! Как тут не помнить, сколько кровушки она мне стоила!

– А ну быстро извинился перед девочкой за такую шутку! Я кому говорю! Она, между прочим, для тебя старалась! – скрипучим, как телега, голосом заявила бабушка, отпуская ухо. – Я тут, значит, как узнала, сразу с гостинцами прилетела, победу праздновать, а ты вон что удумал!

– Прости, Сима, я переборщил! – тихо сказал владыка ада. – Душу я верну, обещаю. Шутка и впрямь была неудачная. Я как-то не подумал...

– Ну да... – неприятным голосом ответил Вадим, погасив пламя. – Я бы сказал, что опасно неудачная... Да с такими шутками тебе с «Аншлагом» на теплоходе плавать!

Потирая красное ухо, он хлопнул в ладоши, и прямо перед нами появился знакомый мне высококвалифицированный специалист с отпечатком ноги на попе. Он сильно продвинулся по карьерной лестнице, судя по тому, что отпечаток удвоился. По его пиджаку стекала чья-то слюна, что явно свидетельствовало об успехах на профессиональном поприще и глубоком уважении в коллективе.

– Узнаешь? – спросил король ада, указывая на меня. – Тащи договор сюда! Расторгать будем!

– Но... мм... Он у директора... – замялся демон среднего звена, оглядываясь на нас. Мой широкий круг знакомств его явно не радовал. Отпечатком ноги он уже предчувствовал проблемы, поэтому сразу же спихнул все на своего начальника.

Щелкнув пальцами, король ада, вызвал директора фирмы. Пузатый демон, пряча глаза и обливаясь потом, тут же вспомнил, что договор был

передан приставам. Через пять минут в домике стало реально тесно. Здесь были и приставы со всем своим руководством, и коллекторские фирмы в полном составе, которые переуступили друг другу право взыскивать долг в виде моей душонки. Появилось даже два юриста, один адвокат дьявола и куча мелких служащих из АДминистрации.

– Где договор? Я спрашиваю, где договор? – возмутился владыка ада, глядя на притихших бюрократов.

– А может, он уже в архиве? – спросил какой-то пристав, утирая пот платочком.

– Это вы меня спрашиваете? – как-то совсем недружелюбно поинтересовался король ада. – Это не вы у меня, это я у вас спрашивать должен!

Тут же прямо перед нами появились служащие архива, усиленно вспоминая, поступал им этот договор или нет.

– Это капец какой-то... – всхлипнула я, представляя, что он попал куда-то в АДминистрацию. – В вашей бюрократии черт ногу сломит!

– Сплюнь! – отозвался владыка ада, положив мне руку на плечо. – Сима, не переживай... Я найду этот договор. Ты не проголодалась? Там на столе еще полбанки маринованных поганок осталось...

Вадим взглянул на него очень нехорошим взглядом, но промолчал. Я видела по его лицу, скольких усилий стоило ему сдержаться, поэтому решила отойти от короля ада и от греха подальше, иначе слава Елены Троянской померкнет в лучах возможных лично-политических осложнений, возникших по моей вине.

– Я вспомнил! – радостно воскликнул какой-то чиновник. – У нас документы аудиторская фирма изымала для проверки! Может быть, он у них?

Через мгновение здесь стояла аудиторская фирма в полном составе, включая уборщицу. Они в упор не помнят, чтобы среди документов был мой договор. Разборки продолжались. Владыка ада предложил нам прогуляться, потому как сейчас сюда приземлится целый отдел по работе с должниками и яблоку негде будет упасть. Протиснувшись через всю толпу, мы вышли на свежий воздух.

– Ух ты! – обрадовался Вадим, увидев хеллоуинский лес. – Я такое впервые в жизни вижу!

– А он тебя запомнил... Навсегда... – мрачно поправила его я. Годвин хмыкнул. Лес хоть и был старым, но склерозом не страдал. При виде моего мужа деревья очень сильно занервничали. Их страх усилился, когда рядом с ним замаячила я.

– Пощадите! – проскрипело ближайшее дерево. – Мы же вам ничего плохого не сделали... Ну в самом деле!

– Они умеют разговаривать? – обрадовался Вадим. – Вот бы такой саженец на дачу!

Пока мы обсуждали вопрос размножения таких деревьев, мол, саженцами или черенками, Годвин отошел подальше, чтобы не мешать нам.

– Сима, я так понимаю, что я немножко перед тобой виноват... – произнес мой муж, поглядывая на прогуливающегося неподалеку Годвина.

– Самую малость... – ответила я, изучая свои босые ноги. – Ты меня чуть на костре не сжег... Точнее, сжег бы, если бы не Годвин... Пару раз чуть не задушил... И задушил бы, если бы не Годвин... И если бы не Годвин, то ты бы уже тут «горячие путевки в ад» продавал. Туристическую отрасль поднимал, так сказать... И расширением ада занимался бы...

– Что-то мне не очень нравится твое «если бы не Годвин»... – сузил глаза мой муж, поглядывая на спину чародея. – И как, изволь спросить, вы с ним познакомились?

– Помнишь Огрызка? – спросила я. – Но не того, кому я операцию по смене пола делала, а того, которого в качестве представителя крысиного посольства крысиный король определил к нам во дворец. Это он... Я потом узнала, что ты его заколдовал... История длинная, но именно благодаря ему я здесь. И именно благодаря ему я еще живая. И вот сейчас я смотрю на тебя и думаю...

– Позволь спросить, о чем ты думаешь, глядя на меня? – неприятным голосом поинтересовался мой законный супруг. – Начало фразы мне уже не понравилось, но ты продолжай...

– Сможешь ли ты спуститься с высоты своего самомнения и гордыни, чтобы признаться в том, что был не прав как по отношению к своему учителю, так и по отношению ко мне? Годвину тоже досталось прилично, когда он пытался встать между нами, чтобы ты ненароком меня не убил... Хватит ли у тебя смелости признать свои ошибки? Я говорю это на полном серьезе. Без шуток. От твоего ответа зависит многое... – тихо произнесла я.

– Не говори загадками! Что значит «многое»? – спросил мой муж, не сводя глаз со своего учителя. – Ты хочешь сказать, что он в буквальном смысле встал между нами? Ты это имеешь в виду?

– Если ты так думаешь, то мне очень жаль... Значит, ты обо мне слишком плохого мнения... – сказала я, вырывая руку из его руки. – Ладно, я понимаю, что зря затеяла этот разговор, что достучаться до тебя сложнее, чем до короны... С ней договориться было намного проще... Итак, я предлагаю тебе вот что. Ты отказываешь от империи, от короны, и мы

возвращаемся домой. Ты будешь просто моим мужем! Без титулов, без регалий и прочей ерунды. Поиграли, и хватит! Ты согласен на такое? Либо я, либо империя. Выбирай.

– Столько сил, столько времени... Столько труда, в конце концов... Это нечестно – ставить вопрос именно так! – задумчиво произнес мой муж, потирая переносицу. – Я потратил на ее создание несколько лет своей жизни...

«А этого кота я впервые вижу!» – оклемалась моя совесть, предупреждая, чем закончился этот разговор для кота Матроскина. Я в отличие от котэ на машинке шить не умею и вышивать тоже... Так что в бытовом плане полосатик меня уделал! И даже это его не спасло от вынужденного выселения.

Вадим посмотрел на меня и пошел прочь. Значит, так? Ну ладно! Он сделал несколько шагов от меня и замер. Если он рассчитывает, что я брошусь за ним, как Скарлетт за Рэттом, то он глубоко ошибается. Муж стоял ко мне спиной, а я чувствовала себя еще хуже, чем на дебатах. Либо сейчас его унесет ветром, как Мэри Поппинс, либо...

– Нет. Я так не могу! – произнес Вадим, а потом повернулся, подошел и обнял меня. – Я подумал и решил. Если ты так хочешь, то к черту! К черту эту корону! К черту эту империю, будь она неладна! Мы вернемся в наш мир вместе и будем жить, как обычная семья! Будем каждый день ходить на работу, ездить в гипермаркет за покупками, подрываться в шесть утра под будильник и ждать выходных.

– Ты точно согласен? – спросила я с сомнением. – Ты готов вот так просто положить корону на полочку и жить, как все нормальные люди?

– Да, согласен... – грустно ответил Вадим. Судя по выражению его лица, решение далось ему очень непросто.

Я выждала паузу, давая ему возможность передумать. Мало ли?

– Вот и отлично! Правда, тут есть одна загвоздка... Я не хочу, чтобы ты бросал империю... – осторожно начала я, давая понять, что не все так просто.

– Черт, а я уже мысленно смирился, – вздохнул мой муж. – Если ты не хочешь этого, то к чему такие ультиматумы?

– Просто мне нужно было знать, – отозвалась я задумчиво, – не продешевила ли я, продавая душу...

Кстати, о купле-продаже души. Из дома доносились крики, и разговор явно шел на повышенных тонах.

– Я вас там не сильно отвлекаю от столь трогательной сцены? – раздался голос чародея. – А что мне будет, если я найду твой договор?

– Мм... А что ты хочешь? – опасливо поинтересовалась я.

– Хочу, чтобы вы помирились, а кое-кто спустился с небес на землю и извинился за то, что обрек меня бегать по канализации и воевать с блохами. Как-то так, – улыбнулся Годвин. – А ты, Сима, не бери пример со своего мужа! Если я и буду дальше учить тебя магии, то помни, что превращать своего учителя во всякую живность в магической среде не принято!

– Стоп! – перебил его Вадим. – А теперь вопрос. Ты учишь Симу магии? И как далеко зашли ваши занятия?

– О! Мы делаем успехи! Сима умеет зажигать огонек на кончике пальца... – выдохнул Годвин. – Сима, не стесняйся! Покажи мужу, чему ты научилась!

Я сосредоточилась и показала маленький огонечек на конце пальца. Деревья зашумели.

– Фух! Я уже подумал, что ты научил ее повелевать стихиями! – засмеялся мой любимый с явным облегчением. – Слава богу, это всего лишь маленький огонек... Ты меня так не пугай...

– Посмотрим, как ты повторишь это на пепелище моей башни... Сима, держи... Приставов сожрали, а папочкой подавились! – улыбнулся Годвин, протягивая мне мятую папку. В ней лежал мой договор с круглым отпечатком чьей-то кружки на первой странице. На нем была куча резолюций, подписей, печатей, но это был он! Ура! Нашелся!

Через пару мгновений я уже протискивалась к владыке ада, чтобы отдать ему документ.

– Нашелся! – орала я, чувствуя, что даже у бюрократической сказки бывает счастливый конец.

– Ну слава... – Владыка ада осекся. – Отлично. Разрываю договор. Твоя душа остается при тебе.

Все присутствующие мигом испарились по рабочим местам, а я наконец-то вздохнула полной грудью.

– Эх ты! Такую девушку упустил! Невестами разбрасывается! – вздохнула бабка. – А я-то думаю, почему правнуков у меня нет?

– Это из-за короны... – отмахнулся король ада от надоевшего за сотни лет разговора.

– Ты ошибаешься... – шепнул ему Годвин. – Все дело не в короне, а в варежке... Информация достоверная...

– Мы, наверное, пойдём! – тихо сказала я, вымученно улыбаясь. – Нам домой пора... А вы тут не скучайте! Кстати, приглашаем вас на нашу свадьбу!

Владыка ада взял нашу предвыборную листовку, уколол себе палец и

стал что-то рисовать на обороте. После того как закончил, он протянул листок нам.

– Мой личный круг вызова, – пояснил он, протягивая мне бумажку. – Не забывайте! Если какие-то проблемы, то рисуйте, встретимся! Душу закладывать не надо... Рисуйте в любое время!

– А что, корона на тебя не действует? – поинтересовалась я, вспоминая недавний опыт неудачной коронации.

– Ты никогда не была знакома с моей бывшей женой! Корона по сравнению с ней – просто ангел! – горько усмехнулся король ада, протягивая руку моему мужу.

Вадим пристально посмотрел на него и после недолгих колебаний все-таки пожал ее.

– Знаешь, – улыбнулся король ада, – а ведь ты был прав... Тут безделушкой не отделаешься! Впредь задумайся перед тем, как выбирать ей подарок. Корона ей все-таки не понравилась... Я бы на твоём месте спросил, чего бы она хотела, а уже потом дарил. Так будет проще... И спокойнее. По крайней мере, мне...

– Кстати, Сима, что бы ты хотела, получить в подарок в честь свадьбы? Не стесняйся... Проси что угодно... В честь свадьбы и за то, что ты для меня сделала, я готов подарить тебе все, что захочешь! – сказал Вадим, беря меня за руку.

Я посмотрела в глаза моего мужа... В носу противно защипало, а на глаза навернулись слезы.

– Лучший мой подарочек – это ты! – произнесла я, смущаясь. Эх! Легко я его простила...

– Нет, ну я-то само собой. Но что бы ты хотела лично для себя? – настаивал Вадим, не отпуская меня.

– Сима! – с улыбкой возмутился король ада. – Мне самому любопытно! Нам всем любопытно! Если твой муж не сможет выполнить, я попробую это сделать! Не стесняйся!

– Мы все попробуем это сделать! – улыбнулся Годвин. – Только корону ада не проси. Она тебе не идет!

Я смутилась... А потом тихо-тихо произнесла:

– Есть у меня мечта всей жизни... Я бы хотела... Вы будете смеяться... Ладно, проехали...

– Мы не автобус, чтобы «проехали»! – возмутился супруг.

Годвин вздрогнул при воспоминании об автобусе. Я смутилась окончательно:

– Неубиваемые наушники... Беленькие... И чтобы не запутывались в

кармане... Вакуумные...

* * *

Обратный путь занял считанные мгновения. Мы очутились в холле, неподалеку от огромной баррикады. Красивая мебель была свалена в кучу, перекрывая массивные двери. Окна были загорожены столешницами, шторы содраны и брошены на пол. На обоях виднелись следы огня.

– Только не говори, что ты решила сделать ремонт... И судя по тому, что я вижу, своими руками... – начал Вадим, глядя на масштабы разрушений. Подковырнув обгоревшие обои, взглянув на меня, а потом на Годвина, вторую догадку мой муж озвучить побоялся.

– Ваше величество! – раздался голос за нашей спиной. Мы обернулись, чтобы узнать, кто подкрался к нам незаметно. А незаметно к нам подкрался не толстенький полярный лис, а солист хора Эльфийской филармонии. В руках у него был меч, а на щеке красовалась живописная царапина. – У нас тут аншлаг. Зрители собрались под дворцом. Поначалу всем была охота попасть на наш концерт, но после нашего первого выступления они в раздумьях. Наверное, цена за билеты кусается...

– А кто у нас тут такой ценитель музыки? – поинтересовался Вадим.

– Гаэль. Он всегда мечтал попасть на наш концерт. Он у нас самый преданный фанат, но я уже поставил ему свой автограф. И родственников своих пригласил, и знакомых, и друзей... Он даже убедил короля гномов, чтобы тот тоже сходил на концерт. Договорились встретиться у дворца. Встретились. Но наш репертуар пришелся им явно не по вкусу. Они хотели услышать симфонию «Свято место пусто не бывает» в фа-мажоре, но мы вместо нее сыграли «Кишка тонка» в ля-миноре, – улыбнулся эльф, протирая меч. – Мы столько автографов раздали, что чувствуем себя настоящими знаменитостями. Жаль, что наш руководитель не с нами. Но мы – профессионалы своего дела, поэтому поем и играем даже без чуткого руководства.

Вадим улыбнулся и сказал:

– От имени империи я выражаю вам свою искреннюю благодарность! Я перед вами в долгу. Обещаю вернуть его в ближайшее время!

А потом в мгновение ока превратился в Андоримэля.

– Отличная работа! Другого я не ожидал! Я попрошу у императора, чтобы он выписал вам премию!

– Не вопрос! Отметим премию на всю премию! – Солист хора

рассмеялся и повел нас в зал. – Только не надо потом назначать репетицию в шесть утра! Будьте милосердны!

– Жертвы искусства с нашей стороны есть? – поинтересовался мой муж. Я и не знала, что хор в курсе тайны.

– Есть... – грустно ответил солист, – Джио...

Нет! Неужели Джио убили! Не может быть!

– Он потерял левое ухо! Оно отклеилось, и его затоптали. Ухо затоптали. Оно уже не подлежит реставрации... Только вы ему не говорите про ухо и не намекайте, а то он опять попытается покончить жизнь самоубийством... – сказал эльф, открывая перед нами дверь.

Прямо перед нами на полу, обняв колени, сидел несчастный орк. Парик его съехал набок, а костюм выглядел так, словно его пропустили через мясорубку, а потом за ним гнались и все-таки догнали голодные бультерьеры.

– Джио! – воскликнула я, с ужасом глядя на рваный камзол желтого цвета. – С тобой все в порядке? Тебе сильно досталось? Они тебя пытали?

– Далось вам это слово «пытали»! Никто меня не пытал! Этот костюм – последний писк моды! Я его недавно заказал у Че Занаха, – обиделся орк, отворачиваясь. А потом как повернется, как вскочит на ноги и заорет: – Друг мой! – вопил Джио, бросаясь к моему мужу. – Я так за тебя переживал, так беспокоился... Куда ты пропал? Я весь извелся! Сима! Ты тоже здесь! С тобой все в порядке?!

– Джио, все хорошо... Успокойся, я тебя умоляю! – обнял его Андоримэль, разглядывая всех присутствующих.

– Джио у нас молодец! – похвалил гламурного орка солист. – Он у нас поймал и обезвредил шпиона! Бедняга пролез во дворец, но тут же увидел Джио в процессе накладывания макияжа и самообезвредился падением в обморок. Зато когда он пришел в себя, то сразу стал источником ценной информации.

– Это все из-за меня! Все из-за меня! – плакал Джио, размазывая слезы вместе с тушью. – Я ужасный организатор! Его величество меня убьет! Я все испортил! Я хотел добавить некоторую изюминку... И тут пришел Гаэль и попросил меня дать ему слово. Он сказал, что невесте нужно будет пройти ма-а-аленькое испытание перед тем, как она скажет «да»... Я думал, что это будет прыганье в мешке, ловля и целование лягушек, обмазывание медом и танец в перьях, но он меня обманул...

– Ад – это не такая уж плохая альтернатива. Я бы даже сказала, что это меньшее зло... – заметила я, представляя себе полет неумной фантазии тамады.

– А где оркестр? – поинтересовался Вадим.

– Они дают концерт в саду. Надо сказать, что сейчас у них антракт... – улыбнулся солист. – Пойдемте, я провожу вас к остальным.

В кабинете за огромным столом сидел учитель музыки, а по совместительству Призрак оперного балета, с которым однажды свела меня судьба на одной из репетиций. Он сидел над планом дворца и что-то усиленно чертил. Подняв голову, он с гордостью заявил, что его полосу препятствий не пройдет даже он сам. В кресле сидела... брюнетка, при виде которой мое настроение сразу же испортилось. Запах «Красной Москвы» моментально наваял мне воспоминания об измене...

– Роза Исааковна! С вами все в порядке? – спросил мой муж, принимая свой истинный облик.

– Вадим, я так перенервничала... Так перенервничала... Думала, что сердце таки не выдержит... Сначала Симочка пропала, а потом ты запропастился... А тут такое началось... Да я с того момента, как в восемьдесят девятом мужа похоронила, так не плакала! – ответила Роза Исааковна, утирая слезы платочком.

– Сима, познакомься. Это мой бухгалтер, Роза Исааковна. Опыт работы – сорок лет. Бесценный специалист! – улыбнулся мой муж, обнимая бесценного специалиста.

Я подозрительно взглянула на бухгалтера, а потом вопросительно посмотрела на мужа. Мои знания арифметики, конечно, прихрамывали, но не настолько. На вид ей было двадцать пять. Неужели у нас, как в американских фильмах лучший специалист по ядерной физике, великий ученый с мировым именем и десятилетним опытом работы – девушка лет двадцати с четвертым размером груди?

– Розе Исааковне семьдесят пять. А то, что ты видишь, – это ее желание. Где я еще найду специалиста по бухгалтерии, которому не нужен компьютер и 1-С? Только Роза Исааковна умеет сводить дебет с кредитом на бумаге, так что такого ценного специалиста нужно еще поискать! – улыбнулся Вадим, понимая причину моего испепеляющего взгляда. – Я хотел вас познакомить сразу, но Роза Исааковна очень переживает из-за своей внешности. Она подумала, что ты будешь ревновать, поэтому попросила меня сделать это как-нибудь поаккуратнее. Роза Исааковна из Одессы. Семьи у нее нет, с любимой работы отправили на пенсию девять лет назад. Нырнула она на городском пляже, а вынырнула здесь, как, собственно и все. Так что она тоже попаданец, как и мы с тобой...

– «Красная Москва»? – спросила я, приносиваясь.

– Да, деточка... «Красная Москва»... Мой любимый запах. Мне мой

муж всегда их дарил... – Роза Исааковна снова расплакалась. Мне стало стыдно.

На улице что-то гроыхнуло, и с потолка посыпалась штукатурка.

– Не переживайте, – сказал Вадим, криво улыбаясь. – Сейчас все закончится.

Снова гроыхнуло. До нас донесся крик: «Сдавайтесь! И мы пощадим вас!» Штурм Зимнего дворца в нашем случае закончился катанием на огромных воротах. Дальше нападающих просто не пустили.

– Прикажите всем отступать! Пусть отступают во дворец! – сказал Вадим, направляясь в тронный зал. Годвин схватил меня за руку, чтобы я не бросилась вслед за мужем, но я покачала головой, мол, пойду, и точка.

Через пять минут мы все собрались в тронном зале. Мой муж сел на трон, закинув ногу на ногу, и скомандовал хористам:

– Откройте двери. Сейчас у нас будет заключительная часть нашего концерта. Только боюсь, что она не очень понравится зрителям и им придется сдать билеты.

Как только дверь открылась, в зал ввалился авангард вместе с главными зачинщиками. Завидев нас, «билеты» со звоном упали на землю. Король гномов сделал морду кирпичом, стараясь всем видом показать, что он случайно ошибся дверью. Зато, судя по выражению лица эльфийского короля, роды прошли успешно. Ежик родился здоровым.

– Мы возместим убытки... И всеотремонтируем... За свой счет, разумеется... – сказал эльфийский король, пытаясь сохранить остатки достоинства.

– И своими руками... – улыбнулся Вадим. – А то я как раз ремонт планировал, но все руки не доходили...

– А мы за это угостим вас тортиком! – улыбнулась я.

Все посмотрели на меня с недоумением.

– За свежесть не ручаемся, но мало не покажется! – подытожила я, наслаждаясь нашим с эльфом маленьким секретом. – Я как раз хотела научиться готовить торты... Так что вам выпадет честь первыми продегустировать мой кулинарный шедевр!

Годвина аж передернуло, но остальные с удивлением смотрели на бледнеющего эльфа. Его лицо свидетельствовало о том, что вслед за старшим братиком на свет появился еще один ежик. И тоже здоровый. Минимум три пятьсот...

Эпилог

Как здорово, когда все плохое остается позади. Хочется верить, что нас ждет много радостных и светлых дней. Белое платье эльфийской работы смотрелось на мне просто волшебно. Пожалуй, это самое лучшее свадебное платье из тех, что я когда-либо надевала. Моя мама, которую мы позвали на свадьбу, рыдала в кресле, до сих пор не веря либо в то, что нашелся такой отважный человек, который берет меня замуж, либо в то, что этот мир действительно существует. Помню, как Вадим объяснял ей, что нужно залезть в душ, пока я тихонько вытаскивала из кармана ее халата мобильник, чтобы она не вызвала санитаров. Верить на слово мама отказывалась категорически, а теперь клянется, что по возвращении перечитает «Гарри Поттера». В сто первый раз. Заклепка, без которого мама ни шагу ступить не может, вальяжно расхаживал по моей комнате и пронзительно орал, поскольку ему здесь не нравилось. Ему мало что в этой жизни нравилось, поэтому никто не обращал на его крики внимания.

Я лично составила список приглашенных, проверив его сто раз, чтобы никого не упустить и ни про кого не забыть. Сафира уже успела похвастаться платьем с чужого плеча, и, признаться честно, выглядело оно куда лучше, чем последняя коллекция Че Занаха, куда вошли вязаные носки. Все бы было ничего, если бы русалка не прихватила с собой дохлого кота, которого она носила под мышкой так, как гламурные кисы на богемной тусовке носят маленьких собачек.

– Это последний писк моды! – пояснила мне Сафира. – Мужчинам нравятся женщины, которые любят животных! Тем более, это лишний повод познакомиться!

Мне сложно было представить мужчине, которому понравилась бы обладательница дохлого кота не первой свежести, выловленного у берегов нашей необъятной империи, но я корректно промолчала, стараясь не вспоминать, кто именно привнес эту культурную инновацию в это жадное до новинок общество.

Где-то наверху усиленно стучал молоток и работала пила.

– В лесу раздавался топор дровосека... – заметила мама, прислушиваясь к ремонтным работам.

– Гномосека... – поправила ее я, вспоминая про исправительные работы. Мою комнату уже успели отреставрировать, но в гостевых комнатах ремонт шел полным ходом. Ничего, так им и надо. А если

останется торт и гости не захотят его доедать, то выбрасывать его я явно не собираюсь.

– Вот эти очаровательные господа – эльфы? – поинтересовалась мама, разглядывая в окно хор и оркестр.

– Ну да... – сказала я, – самые настоящие.

– А я думала, что эльфы – это такие домовички... Ну как в Гарри Поттере! – вздохнула мама, и веря, и не веря во все происходящее.

– У нас уже есть один эльф-домовичок... – Я прислушалась к стуку. – Но носки он пока не заслужил...

Появился слуга, сообщая, что мне пора на выход. Мама, обливаясь слезами, отправилась провожать меня к алтарю, любуясь на великолепные фрески, чудом уцелевшие после погрома. В руках я сжимала белый букет, который собиралась прицельно кинуть в толпу незамужних девушек. Как бы то ни было, но целиться буду в Сафиру.

В парке играл оркестр. Оркестранты выглядели неважно. На некоторых лицах еще до конца не зажили шрамы, но это не мешало им дарить всем присутствующим замечательное настроение.

Эльфийский хор стоял неподалеку, споря, кто больше оставил автографов на последнем концерте. В итоге все чуть не закончилось потасовкой. Вспомнив, что банкет не за их счет, а за счет заведения, они успокоились и помирились, передумывая выгонять некоего Уримэля за то, что он закусывает больше всех, хотя на подарок скинулся в последнюю очередь...

С нарядно украшенных белыми цветами деревьев бесконечно красиво опадали белые лепестки, устилая все вокруг. Под деревом стоял разодетый как петух Джио, просматривая список уцелевших после наших с Вадимом правок конкурсов.

– Ну чем им конкурс «Кто быстрее всех проползет под столом на четвереньках с огурцом во рту и с оленьими рогами на голове» не понравился? Нормальный конкурс! А конкурс «Драка на шпажках жениха с невестой» чем не угодил? Ладно, тут можно придаться, но конкурс «Вырви глаз соседу» – это перебор! Я бы его ни за что не вычеркнул! Такая идея! – возмутился орк, со стоном перелистывая исчерканную моим почерком страницу.

На ногах у Джио были фирменные теплые полосатые носки малинового цвета, в которые заправлялись элегантные, по мнению орка, оранжевые штаны в клеточку. Зеленый пиджак, сшитый явно в состоянии прихода и купленный в состоянии аффекта, больше смахивал на безрукавку с торчащими нитками на том месте, где должны были крепиться рукава,

венчал незабываемый образ из последней модной коллекции дизайнера, которому я не отрываю руки только из-за уважения к Джио.

И тут я почувствовала чью-то руку на своем плече. Я обернулась и увидела Годвина, который стоял передо мной в серебристом костюме.

– Я же говорил, что все закончится хорошо... – улыбнулся чародей, обнимая меня.

Я почувствовала себя явно не в своей тарелке. С одной стороны, я была безмерно благодарна чародею, а с другой – мне почему-то как-то неловко перед ним.

«Дружбы между мужчиной и женщиной не существует!» – напомнила мне совесть. И я уже в этом однажды убедилась. Но я не хочу убеждаться в этом еще раз...

– Годфрид Винсент, – отрекомендовался моей маме Годвин, отвечивая старомодный поклон. Не помню, чтобы он мне так кланялся.

– Марина... Марина Николаевна... – смутилась моя мама, глядя, как чародей взял ее руку и галантно поцеловал. – Вы тут поговорите... А я ... Не буду вам мешать...

– Ну что вы! – обольстительно улыбнулся Годвин. – Разве может такая очаровательная женщина, как вы, помешать нашей дружеской беседе?

Моя мама извинилась и смущенно покинула нас, решив познакомиться с хористами.

– Я так понимаю, что эта очаровательная дама – твоя мама? – спросил чародей, с улыбкой провожая ее взглядом.

Судя по разговорам, которые доносились до меня, хористы активно консультировались у моей мамы относительно лечения некоторых заболеваний и первой помощи при симптомах, после упоминания которых не мешало бы вымыть руки с мылом три раза и продезинфицировать их в спиртовом растворе, а все вокруг засыпать хлоркой.

– Даже не думай... – вздохнула я. – Ты не в ее вкусе! Она у меня врач. Она тебя насквозь видит! Если ты ее и интересуешь, то только как набор органов, как, собственно, и все мужчины!

– Врач? – удивленно спросил Годвин, не сводя глаз с ее голубого платья.

– Ну, она лечит людей... – пояснила я, не понимая, чем вызван столь явный интерес к моей маме.

– Целительница! Просто великолепно! – улыбнулся Годвин. – Думаю, что мы найдем с ней общий язык...

Тут меня кто-то подергал за подол платья. Я присмотрелась и увидела крысиного короля. Хоть я и спускала приглашение на свадьбу в

канализацию, но сомневалась, что оно дойдет до адресата, но, судя по всему, дошло.

– Уважаемая невеста уважаемого императора! – произнесла средняя голова. Единственная, которая не страдала «фефектами фечи». – Не могли бы вы рассказать о судьбе той крысы, которую мы определили в качестве посла к вам во дворец?

– Про Огрызка? – спросила я, бросая взгляд на Годвина. Чародей прикинулся валенком, и я решила сделать Огрызка героем в глазах соотечественников. Посмертно.

– Он был очень мужественной крысой! Он сражался, как целая армия! – трагическим голосом сообщила я. – Он оказал неоценимую помощь империи и погиб, как герой, защищая честь императорской короны! От лица императора я выражаю вам глубокую признательность за Огрызка! Он пожертвовал своей жизнью, чтобы защитить меня! И я лично его никогда не забуду...

У меня по щеке покатилась скупая слеза, которую я демонстративно смахнула. Надо сказать, что в этот момент я оплакивала своего хомячка.

Крысиный король смотрел на меня сразу шестью глазами, в которых стояли слезы.

– Я лично распоряжусь, чтобы ему установили памятник! – произнес король, пока его министры молчали. – Мы будем воспитывать молодежь на примере Огрызка!

– И уфрефим орден фраброго Огрыфка! Выффую гофударфтвенную награду! – торжественно поклялся военачальник, вытирая слезинку, катившуюся с его усов.

– Награду можно, памятник не стоит. Он не хотел, чтобы в его честь поставили памятник! Это была его последняя воля! – вмешался Годвин, делая скорбное лицо.

– О! Господин тоже знаком с Огрызком? – поинтересовался польщенный крысиный король.

– Разумеется! Иногда у меня такое чувство, что я знаю его, как себя! – с улыбкой произнес Годвин. – Моя скорбь по нему безмерна! Это невозполнимая утрата!

Когда крысиный король откланялся, клянясь в вечной верности короне, и пошел пугать гостей, я удивилась, почему чародей отказался от памятника в свою честь.

– Зря ты отказался от памятника! – подколола я колдуна. – Мало кому ставят памятники при жизни!

– Если бы ты видела Аллею Крысиной Славы, где павшие герои

увековечены из подручных материалов, ты бы тоже отказалась... Хватит с меня партии, в которую пришлось вляпаться... – заметил Годвин.

Крысиный король неожиданно вернулся, чтобы сообщить, что приглашает нас с мужем на открытие наших памятников в полный рост, в знак уважения к империи! Работу над памятником уже заканчивают. Могли бы и раньше закончить, но из-за нехватки строительных материалов в связи с тем, что трубы уже не текут, как раньше, работы по возведению были приостановлены. Он даже предложил нам перерезать ленточку на церемонии открытия. Отказ не принимается!

В воздухе запахло Гражданским Обществом Возрождения Независимой Общественности. От грустных мыслей о предстоящем визите в канализацию меня отвлекла Сафира.

– Чешуя себе, вы тут церемонию устроили! – восхитилась русалка, поглаживая снулого котюфея и бросая кокетливый взгляд на Годвина. – Я тут на уроки музыки записалась! Вокалом заниматься буду!

Чародей отошел в сторону, якобы для того, чтобы не мешать нам с Сафирой. Я бы тоже отошла, если бы могла, ведь запах кота вызывал у меня горячее желание похоронить его как следует.

– Неужели? Ты же изумительно поешь! – удивилась я, глядя в глаза русалке. – Зачем тебе уроки? Признавайся!

– Сима! Не вздумай проболтаться, что я петь умею! Я сказала, что пою чуть лучше, чем ты! – Сафира захлопала ресницами, показывая мне на сжимающего бокал Призрака, стоящего возле стола с закусками. – А еще он обещал показать своих черепашек... А я страсть как черепашек люблю... Кстати, ему котик очень понравился. Он сказал, что у котика такой домашний и родной запах, что его даже на слезу прошибло от ностальгии.

Раздались торжественные фанфары, возвещающие начало императорской свадьбы. Мама тут же забыла о клятве Гиппократова и частной медицинской практике и подошла ко мне. Она уже собралась вести меня к алтарю, где меня ждал мой супруг, как вдруг раздался голос:

– Стойте! Остановитесь!

Я сжала букет что есть силы, жалея, что не положила туда молоток на случай, если кому-то из гостей вспомнится еще какой-нибудь древний обычай. Седой старикашка в мантии звездочета пробирался сквозь толпу удивленных гостей, размахивая каким-то пожелтевшим свитком. Я вспомнила этого товарища. На прошлой церемонии он мечтал растащить меня на ингредиенты для вызова демона, а вот что он задумал на этот раз, меня явно настораживало.

– Извините, что прерываю церемонию, но... Мне очень жаль, что так

получается, но, увы, вынужден сообщить неприятное известие. Давеча, перебирая древние манускрипты, я нашел один документ, подписанный двести лет тому назад Верховным чародеем. В нем сказано, что брак между Чародеем Первого круга, коим является его величество император, возможен исключительно с представительницей семей Чародеев Первого круга или Чародейкой не ниже Третьего круга! Другие невесты даже не рассматриваются! В случае, если Чародей Первого круга ослушается этого приказа, его брак признается незаконным! Уважаемая невеста, что вы можете сказать по этому поводу? Есть ли у вас в генеалогическом древе волшебники? Пусть даже не связанные с вами прямыми кровными узами?

А сказать мне было нечего. Семью не выбирают. Ну нет у меня в роду Гендальфа! И Гарри Поттером там тоже не пахнет! Я вздохнула, пытаюсь взять себя в руки. Моя мама побледнела и присела на стул, понимая всю очевидность ответа. Вадим вырвал из рук звездочета документ, перечитал его и молча взглянул на мага. Лучше бы я еще раз прошла полосу препятствий, даже с заездом в ад. Там меня всегда ждет банка маринованных поганок и вязаный свитер, если что...

Раздался звук падающей на каменные плиты деревяшки. Сафира от удивления уронила кота.

– Чешуя себе, новости! – прошептала она в гробовой тишине, поднимая свою давно уже не живность. Ко мне тут же подскочил журналист газеты «Вечерняя империя» и решил, пользуясь случаем, взять интервью. Пока что он писал в блокноте: «Были ли волшебники в гинекологическом древе невесты?»

Я взглянула ему через плечо, чувствуя, что читать следующий выпуск газеты буду только после лошадиной дозы успокоительного.

«Кина не будет. Электричество кончилось!» – подтвердила мои опасения совесть.

Тишина затянулась. Нужно было бы что-то сказать, а у меня язык не поворачивался соврать. А вдруг потребуют доказательства? Где я их нарисую?

– Отлично, – раздался знакомый голос. Я увидела, как Годвин, улыбаясь обольстительной улыбкой, подошел к звездочету. – Я вижу, что документ подлинный. Я лично помню, как его подписывали...

Мое сердце оборвалось. Значит, Годвин знал об этом документе. Знал и молчал.

«Дружба между мужчиной и женщиной...» – начала совесть, но я попросила ее умолкнуть и не сыпать соль на рану. Поэтому чародей был так спокоен. Нет! Это невозможно! Это какой-то страшный сон! Ущипните

меня, и я проснусь!

– Но у меня к вам, уважаемый, есть один-единственный вопрос... – улыбнулся Годвин, наклоняясь к звездочету. – На каком основании вы прерываете свадьбу моей дочери?

В этот момент я поняла, что зря смеялась над индийскими фильмами, где даже слон на заднем плане приходится родственником главному герою.

– А вы, простите, кто? – поинтересовался звездочет, разглядывая Годвина.

«Не узнаю вас в гриме?» – прищурилась совесть, пытаясь поднять мне настроение.

– Я – кто? Там, где ты учился, я преподавал! – рассмеялся чародей. Небо затянуло черными свинцовыми тучами. Одинокие вспышки молний осветили испуганные лица всех присутствующих.

Звездочет опасливо взглянул на небо.

– Мое имя – Годфрид Винсент! – с достоинством произнес Годвин. – Но многие из вас помнят меня как Годвина. А тот Годвин, которого вы все знаете, это фальшивка. Мой слуга, который подменяет меня, когда мне некогда возиться с простыми смертными. И вот теперь, когда я явился на свадьбу к своей единственной дочери, с которой мы похожи как две капли воды, вы смеете усомниться в ее происхождении? Да это неуважение прежде всего ко мне как к отцу! Тут невооруженным взглядом видно портретное сходство!

– Годфрид Винсент... – прошептал звездочет, с ужасом глядя на чародея. – Неужели тот самый... А я думал, что...

Вадим закашлялся, не сводя глаз с этой сцены. Такого ужаса в его глазах я не видела никогда, даже во время моего выступления на сцене «Империовидения».

– Да, и я являюсь Чародеем Первого круга. А это, – Годвин показал рукой на меня, – моя дочь! Вопросы есть? Вопросов нет! Так что возьмите эту бумажку, уважаемый, и приберегите ее для особого случая, когда вас занесет в хвойный лес по нужде! Простите, дамы, за мой эльфийский.

Тучи моментально рассеялись. Тишина, стоящая в зале, прерывалась рыданиями моей мамы, которая до сих пор не могла поверить, что все обошлось.

– Продолжайте церемонию! – улыбнулся Годвин, беря меня за руку и подводя к алтарю. Он вручил мою руку мужу и тихо сказал: – С тебя должок, дорогой зятек... Теперь-то, после того, как я заявил об этом во всеуслышание, ты от меня просто так не отделаешься!

Джио тут же зашуршал бумажками в поисках нужной, но, как назло,

он ее либо выронил от изумления, либо сунул не в тот карман.

– Джио, – прошептала я нетерпеливо, – быстрее... Сейчас еще кто-нибудь что-нибудь вспомнит... Я тебя умоляю!

– Джио, поторопись... – заметил Вадим, глядя на вспотевшего от волнения орка, перебирающего листочки. – Если ты не поторопишься, а у меня объявится еще парочка родственников, я заставлю тебя надеть деловой костюм и застегнуть рубашку на все пуговицы!

Угроза подействовала, но листочек не нашелся, поэтому Джио торжественно произнес:

– В присутствии всех собравшихся объявляю вас мужем и женой! Давайте засвидетельствуем этот брак аплодисментами! Молодые, обменяйтесь кольцами! Ура!

«Добрый вечер. Буду краток!» – вздохнула я, мысленно радуясь, что на этот раз все обошлось.

Все подняли бокалы и стали хлопать, выкрикивая поздравления.

– Хм... А почему это согласия у меня никто не спрашивал? – поинтересовалась я, готовая сказать «да» тихим и смущенным голосом. – Я даже перед зеркалом это «да» репетировала...

– А черт с ним, с твоим «да»! Я и так знаю, что ты согласна! – Мой муж наклонился ко мне и поцеловал.

– Раз, два, три... – хором стали считать все присутствующие.

– Сима, – прошептал Вадим, – я действительно люблю тебя. Такой, какая ты есть. Вредной, капризной, любой. Я люблю тебя. И мне плевать на всех. Плевать, что о нас подумают.

– Десять... Одиннадцать... – считали все присутствующие.

– А что они отсчитывают? – поинтересовалась я. – Отмеряют секунды нашего брака? Сколько, типа, протянем и не поубиваем друг друга?

– Они думают, что мы целуемся... – заметил муж. – Я поставил иллюзию. Мне просто интересно, когда им надоест?

– Сорок восемь... Сорок девять... – вяло считала толпа. Да, мы скоро побьем рекорд пятилетнего Васи и качелей в сорокоградусный мороз.

– Скажи честно, ты счастлива? – спросил меня Вадим, убирая локон с моего лица.

– Ну... Если быть откровенной... – начала я. – Да. Я счастлива... Честное слово!

– Девяносто один... Девяносто два... – мычала толпа, явно офигевая от иллюзии.

– И я счастлив. Честное слово... Не думал, что когда-нибудь встречу ту, которая за меня продаст душу дьяволу и спустится в ад. Ты мне потом

все расскажешь, ладно? Мне самому интересно, что я там успел натворить... – обнял меня мой муж. – Но только не сегодня...

– Сто! – взмолилась толпа. И мы вняли ее мольбам.

Посидев за столом минут тридцать, мы заскучали от поздравлений и решили прогуляться по парку. А ведь правы те, кто говорит о том, что самая скучная роль на свадьбе выпадает жениху и невесте. Пить и целоваться. Потом снова пить и снова целоваться. Пока наша иллюзия исправно пила и целовалась, мы медленно шли по аллее, болтая о всякой чепухе.

Мы почти дошли до фонтана, но тут же Вадим прижал палец к моему рту и глазами показал на пару, которая мило беседовала, сидя на парапете. Мы спрятались за деревом и прислушались.

– Вы знаете... Я всегда уважал целителей... Но после того, как вы сказали, что каждый день ездите на работу на автобусе, я признаю, что вы самая мужественная женщина из всех, кого я знаю... Такое не каждый выдержит...

– Ой, что вы... Я до сих пор не могу прийти в себя после того, как тот старичок достал бумажку. Я думала, что у меня сердце разорвется...

– Не переживайте... Я бы не допустил такого... Кстати, у меня сердце пошаливает... Когда вы рядом, то оно начинает стучать так бешено...

– Это... это... аритмия...

– Это самая приятная... аритмия, которая была у меня в жизни! Так-с... Нас тут кто-то подслушивает, прикрываясь иллюзией в надежде, что я их не увижу! Выходите, не стесняйтесь! – громко произнес Годвин, обращаясь явно к нам.

Нам пришлось выйти из своего убежища и с видом кающихся грешников подойти к фонтану.

– Сима! Я так счастлива за тебя! А твой друг Годвин – просто чудесный человек! Правда, он болен... – сказала мама, с сочувствием глядя на чародея. Не помню, чтобы он жаловался на здоровье...

«Я – самый больной в мире человек!» – заметила совесть голосом толстячка с пропеллером.

«Свершилось чудо! Друг спас жизнь другу!» – вздохнула я, глядя на коварную улыбку мага.

– Да... Я очень болен... Мне нужен постоянный уход... У меня... Как вы сказали? – тихим шепотом умирающего спросил Годвин, глядя на мою маму.

– Стенокардия и, возможно, гастрит... Насчет ревматизма я не уверена, но... – запнулась мама, а потом смущенно произнесла: – Ну что

мы здесь сидим? Пойдемте к гостям!

По дороге мы встретили короля ада, все-таки прибывшего на нашу свадьбу, несмотря на плотный график. Он поздравил нас от своего имени, от имени короны и бабушки, которая приехать не смогла, ибо у нее сейчас стройка, и вручил две путевки в ад. Там как раз заканчивают новый отель, не дождавшись «Дома-2», так что номер-люкс на кругах ада ждет нас. Свадебное путешествие в ад. Нормально!

«Каждый год в годовщину свадьбы мы с мужем отправляемся в ад!» – изрекла совесть, намекая на то, что ад – это не самое романтическое место для молодоженов.

– Я тут нашел среди бумаг ваши планы по развитию ада и, честное слово, увидел в них много чего интересного, – обратился король ада к моему мужу. – Насчет новых кругов я подумаю, а вот туризм – это звучит очень заманчиво. Думаю, этот вопрос мы обязательно обсудим... Бабушка вам там подарки связала. Варезку и свитер, так что посмотрите... Если не подойдет, ушьет...

Все гости с нетерпением ждали момента, когда я брошу свой букет в толпу незамужних девушек. Сафира даже попросила Призрака поддержать ее кота, чтобы удобнее было ловить. Разминаясь, словно спортсменка перед забегом, русалка твердо намеревалась выйти замуж следующей.

Я взяла букет, размахнулась и подбросила его в воздух, затаив дыхание. Вопреки всем законам физики букет завис над головами ловцов, тянущих к нему свои руки. Явно издеваясь над всеми присутствующими, он сделал круг, словно самолет, заходящий на посадку, а потом упал на колени моей покрасневшей до кончиков ушей маме.